

ВОЙНА И МИР В РАННЕЙ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

У истоков войны и мира
Война и мир в земледельческих обществах
Война и мир: кочевые скотоводы

Война и мир в ранней истории человечества. М., 1994. Т. 1-2.
ПЕРШИЦ А. И., СЕМЕНОВ Ю. И., ШНИРЕЛЬМАН В. А.

■ Содержание

■ В. А. Шнирельман У истоков войны и
мира

■ Ю. И. Семенов Война и мир в
земледельческих обществах

■ А. И. Першиц Война и мир: кочевые
скотоводы

ВОЙНА И МИР В РАННЕЙ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В двух томах ТОМ I

Москва, 1994

Оригинал-макет подготовлен: *М.Л. Зубаревой*
Художественное оформление: *Е. В. Орловой*

Утверждено к печати
Институтом этнологии и антропологии
Российской Академии Наук

Подписано в печать 06.12. 94 Формат 60x84 /₁₆ Объем: 10,2 пл. 11,2 уч. издл.
Тираж 250 экз. Цена договорная Заказ № 21

Участок оперативной полиграфии
Института этнологии и антропологии
117334 Москва, Ленинский проспект, 32А

ISBN 5-201-00948-4

© Институт этнологии и антропологии РАН, 1994 ©
Першиц А. И., 1994 © Семенов Ю.Л., 1994 ©
Шнирельман В. А., 1994

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Война как предмет исследования	5
--------------------------------------	---

Часть первая

В. А. Шнирельман

У истоков войны и мира	9
------------------------------	---

Раздел первый

Историография и источниковедение проблемы	11
---	----

I Война и мир в свете современной науки: обзор теорий .....

1. Психологические подходы	11
2. Этологические подходы	15
3. Культурологические подходы	20
4. Неозволюционистские подходы	25
5. Функционалистские подходы	28

II. Источниковедческие проблемы изучения первобытных войн .....

1. Археологические источники	34
2. Иконографические источники	38
3. Палеоантропологические источники	39
4. Этнографические и этноисторические источники	41
5. Фольклорные источники	44
6. Лингвистические источники	46

III. Определение понятия война: подходы и решения .

1. Организационно-структурный критерий	48
2. Причинно-целевой критерий	51
3. Военно-технический критерий	53

Раздел второй

У истоков войны и мира	58
------------------------------	----

I. Агонистическое поведение у животных.....	58
II. Вооруженные конфликты у бродячих охотников и собирателей.....	72
III. Вооруженные конфликты у оседлых и полuosедлых охотников, рыболовов и собирателей.....	102
IV. Охота за головами как особый вид вооруженной борьбы.....	130
V. Развитие военного дела у ранних земледельцев и скотоводов.....	146
Литература.....	162
Список сокращений.....	175

ВОЙНА КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Переживаемое нами время – один из поворотных пунктов в истории человечества. XX век – это эпоха ускоренного экономического развития, внедрения качественно новых технологий, становления международной экономической и культурной интеграции, резкого расширения рамок человеческой деятельности, выработки и массового распространения неизвестных ранее мировоззренческих моделей, включающих глобальное мышление и способствующих попыткам сознательного целенаправленного влияния на ход мировых процессов. В то же время и, по-видимому, вследствие этого это – век социальных потрясений, мировых войн, невиданных беззаконий, разгула национализма и шовинизма.

В нашу эпоху перед человечеством особенно остро встала дилемма – либо погибнуть в огне братоубийственных войн, либо преодолеть взаимные претензии и противоречия, выработав качественно новую культуру общения и решения конфликтов в рамках гражданского общества. Однако выработка этих новых подходов требует обсуждения ряда принципиальных теоретических вопросов, от решения которых зависит сама стратегия построения новой системы международных и межэтнических взаимоотношений. Один из таких

вопросов связан с пониманием сущности войны, ее механизмов и истоков. Откуда проистекает воинственность? Является ли она безусловным биологическим свойством человека, заложена ли она в генетическом коде, полученном людьми от их далеких обезьяноподобных предков? Или же она неизбежно возникает у любых живых существ, включая и человека, в ходе адаптивной поведенческой селекции в условиях соперничества за жизненно важные ресурсы? А, может быть, война – это чисто человеческое изобретение, диктуемое определенными социально-экономическими условиями? Но тогда каковы эти условия, присущи ли они человечеству как таковому или обусловлены определенными историческими типами социальной и экономической структуры? Совершенно ясно, что тот или иной подход к смягчению или решению кровопролитных конфликтов прямо зависит от ответа на поставленные вопросы. Так, если воинственность имманентно присуща человеку, то, как предполагают некоторые исследователи, снижения или искоренения ее губительных последствий можно добиться путем ее переключения на какой-либо нейтральный объект. Если же она коренится в определенных социальных и экономических условиях, то с ней невозможно бороться, не изменив эти условия. Все это заставляет обратиться к историческим истокам человеческого общества или даже к этологии животных, без чего решение поставленных выше вопросов представляется невыполнимым. Не случайно возникшая на западе в течение последних десятилетий научная дисциплина «Антропология войны» разрабатывается не только и даже не столько военными историками, а социальными и культурными антропологами, зоологами, этологами, физиологами, психологами, палеоантропологами, археологами. При этом до самого последнего времени в центре внимания этих специалистов были именно истоки войны и воинственности (Divale, 1973; Ferguson, 1988). Многие идеи о месте войны в человеческом обществе и его истории, дожившие до настоящего времени, восходят своими корнями к концепциям английского философа XVII в. Т. Гоббса и французского просветителя XVIII в. ЖЖ Руссо. По Т. Гоббсу, на заре человеческой истории при отсутствии каких бы то ни было властных структур в человеческих взаимоотношениях

[6]

господствовали анархия и процветал индивидуализм, следствием чего была тотальная «война всех против всех». Ж.-Ж. Руссо, напротив, представлял первобытную жизнь «Золотым веком», и именно ему человечество обязано концепцией о «благородном дикаре», который был впоследствии развращен губительным влиянием цивилизации, помимо всего прочего научившей его безудержной воинственности и стимулировавшей кровопролитные столкновения.

Оба эти представления вошли в науку о первобытности 7 через труды эволюционистов второй половины XIX века и диффузионистов начала XX века. При этом в период расцвета классического эволюционизма во второй половине XIX века как будто бы преобладал гоббсов подход. Так, многие эволюционисты видели в войне «нормальное состояние племенной жизни дикарей» (McLennan 1886. P. 23), считали, что существование племени «зависит от отстаивания себя в борьбе не на жизнь, а на смерть с другими племенами» (Тейлор, 1908. С. 407) и полагали, что первобытный человек рассматривал чужаков исключительно, как «лютых врагов» (Мэн, 1876. С. 54) (Об этом см. Шнирельман, 1982. С. 215). Все это дало основание У. Самнеру сформулировать свою идею о двойном стандарте о подходе к «своим» и «чужим» и выдвинуть концепцию этноцентризма (Sumner, 1964; 1958).

Вместе с тем, в произведениях одного из ведущих эволюционистов г. Спенсера странным образом сочетались оба вышеназванные представления. С одной стороны, будучи убежден в том, что как всякий социальный институт, война претерпела определенную эволюцию, он писал о мелких архаических этнических группах, которые не знали войны (Спенсер, 1876. Т. 1. С. 576), а, с другой, настаивал на том, что войну вели даже самые «примитивные» орды, причем каждый человек там сражался сам за себя (Спенсер, 1876. Т. 2. С. 256). Концепция «благородного дикаря» получила особый импульс в работах патриархов английского диффузионизма У. Перри (Perry, 1923) и г. Элиот-Смита (Elliot-Smith, 1929), которые утверждали, что охотникам и собирателям было имманентно присуще миролюбие, а воинственность была навязана им расселявшимися по всему миру земледельцами, распространявшими ее наряду с другими чертами цивилизации.

[7]

Таким образом, уже в начале нашего века в науке существовали весьма различные подходы к решению вопроса об истоках, причинах и контексте человеческой агрессивности и воинственности. Еще больше разнообразия эти подходы и концепции обрели в течении XX столетия, когда вопросы войны и мира стали объектом изучения со стороны ряда специальных научных дисциплин. Обзор выдвинутых в русле таких исследований идей представляет большой интерес для нашей тематики, позволяя сфокусировать наш анализ на наиболее важных с точки зрения современной науки направлениях.

[8]

В. А. Шнирельман У ИСТОКОВ ВОЙНЫ И МИРА

Раздел первый

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

I

ВОЙНА И МИР В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ: ОБЗОР
ТЕОРИЙ

1. Психологические подходы

Расцвет и широкое распространение идеологии милитаризма в Европе, в особенности, в начале XX в. привлекли внимание психологов, которые поначалу пытались интерпретировать этот феномен, как выражение «инстинкта воинственности» (James, 1964) или «инстинкта драчливости» (McDougall, 1964), якобы имманентно присущих человеку. Этот подход получил детальное развитие и обоснование, в особенности, в рамках психоаналитического направления. Сам З. Фрейд пришел к идее инстинкта агрессии далеко не сразу. Вначале он являлся ее активным противником, что и привело его к разрыву с одним из наиболее талантливых его учеников А. Адлером, сформулировавшим понятие

[11]

«инстинкта агрессии» еще в 1908 году. По Адлеру этот инстинкт обслуживал «борьбу за верховенство», являющуюся, по его мнению, главным мотивом человеческого поведения.

Позднее – в начале 1920-х г. – Фрейд пересмотрел свои прежние позиции и разработал теорию о двойственной природе человека, сущность которой состояла якобы в постоянной борьбе инстинктов жизни (любви) и смерти (разрушения). По этой теории, инстинкт смерти мог вести как к саморазрушению, так и принять форму внешней агрессии, в силу чего войны с суровой необходимостью сопровождают человечество на протяжении всей его истории. Вместе с тем, пытаясь стоять на позициях гуманизма, Фрейд стремился понять, нельзя ли как-либо умерить присущую человеку агрессивность.

Одно из предложенных им решений прямо вытекало из его представления о тричной структуре человеческого сознания, включавшего эмоциональные импульсы подсознания («оно»), собственно самосознание человека («я») и компоненты этого самосознания, навязанные культурой («сверх-я»). Два последних элемента могли, по Фрейду, контролировать и модифицировать внутренние позывы организма («оно»), в частности, снижать и переориентировать агрессию (Freud, 1964).

Логическим следствием этой теории служило утверждение о большой роли детского воспитания, которое могло либо стимулировать, либо притормозить развитие агрессивности. И не случайно психоанализ уделял большое место социализации, по сути дела существенно стимулировав исследования структуры и методов детского воспитания, в особенности в американской науке. В рамках этого направления были сформулированы следующие теории. А. Адлер утверждал, что в ходе социализации у ребенка под дисциплинирующим воздействием родителей развивается комплекс неполноценности, преодоление которого порождает у человека стремление к власти, что и приводит к агрессивности. Впоследствии эту идею в том или ином виде разделяли многие специалисты, видя в ней объяснения человеческой воинственности (Kutash, 1978. P. 12). В 1930-40-е гг. ее подхватили некоторые американские антропологи, посвятившие свои исследования изучению культуры и личности. И они, и их современные

[12]

последователи отстаивают идею, согласно которой в ходе определенного рода социализации в человеке накапливаются гнев и ненависть, которые ищут выхода и нередко находят его в войне (Kluckhohn, 1949; Mansfield, 1982; Brown, Schuster, 1986. P. 156). Вслед за Адлером некоторые авторы развивают теорию «мускулинного протеста», по которой в тех обществах, где воспитание мальчиков в раннем детстве велось, главным образом, женщинами и вступление подростков в окружающий мир происходило как бы внезапно, юноши стремились всеми силами доказать наличие у них мужских качеств. Последнее-то и приводило к повышению агрессивности и воинственности (LeVine, Campbell, 1972. P. 150-155).

Другая идея Фрейда о том, что возникновение у ребенка раздражения и отчаяния из-за неисполнения желаний формирует в нем агрессивность, легла в основу, так называемой, теории фрустрации. По мнению создателей последней, нереализованные по какой-либо причине планы и устремления неизбежно ввергают человека в гнев, который до поры до времени накапливается, а затем изливается в форме внешней агрессии (Dollard et al, 1939). Одним из таких моментов, создающих ребенку дискомфорт, является, по мнению ряда авторов, его раннее лишение грудного кормления (Whiting, Child, 1962).

Именно в контексте психоаналитических разработок идея об имманентно присущем человеку инстинкте агрессии одно время получила весьма широкое распространение на запад (Storr, 1968. P. 3-8; Kutash, 1978). Английский психолог Э. Сторр даже пытался доказать, что в человеческом мозге существует особый физиологический механизм, вызывающий спонтанную неспровоцированную агрессивность (Storr, 1968). Вместе с тем, в целом как среди американских, так и среди английских психологов с конца 1930-х-1940х гг. идея о биологическом характере инстинкта агрессии потеряла свое былое значение. Гораздо больше внимания ученые начали уделять с тех пор факторам культуры, в особенности, системам воспитания. Зато достижения классического психоанализа подверглись переоценке и суровой критике. В частности, некоторые авторы сомневаются в наличии какого-либо универсального инстинкта агрессии, т. к. во-первых, в войне,

как правило, участвует далеко не все население, во-вторых, повсюду вовлечение людей в войну требует той или иной психологической обработки, в-третьих, воюющие, в особенно в современной войне, нередко делают свое дело с холодным расчетом без какого-либо агрессивного чувства (Pear, 1950; Eysenck, 1950. P. 72; Coblenz. P. 46; Mansfield, 1982. P. 1-10). Наконец, неправомерно решать, проблемы группового конфликта, в том числе, военного с точки зрения исключительно индивидуальной психологии (LeVine, Campbell, 1972. P. 25 – 28), а ведь именно последняя в первую очередь находилась в центре внимания Фрейда и его последователей.

Пожалуй, единственным из учеников Фрейда, кто пытался применить психоаналитический подход для анализа группового поведения, был К. Юнг, выдвинувший теорию психических типов, архетипов, расового и коллективного подсознательного. В агрессии он видел высвобождение коллективного подсознания, жаждущего якобы крови (об этом Kutash, 1978). Нетрудно заметить, что Юнг просто механически перенес идею Фрейда о структуре индивидуального сознания на сознание коллективное, не учитывая качественной разницы между ними. Может быть, именно поэтому он и не нашел последователей. Вместе с тем, изучение групповой психологии обладало значительными потенциями в объяснении некоторых аспектов войны. Так, большую роль в развитии антропологии войны сыграли введенные У. Самнером еще в 1906 упомянутые выше понятия этноцентризма и двойного морального стандарта в поведении внутри групп по отношению к чужакам. Этот же автор сформулировал и весьма плодотворную идею о влиянии враждебного окружения или внешней агрессии на внутреннюю сплоченность общества (Sumner, 1964; 1958. P. 12-14). Уязвимым в его теории были лишь чересчур жесткие формулировки, стремление придать этим явлениям универсальный характер (LeVine, Campbell, 1972. P. 60 сл.; Шнирельман 1982. С. 215). Но сама идея об интегрирующей функции войны оказалась оправданной (Wedgwood, 1930; Steward, 1958, P. 207-208; Storr, 1968. P. 26-29; Mansfield, 1982. P. 103), хотя не для всех конкретных ситуаций и не для всех индивидов поголовно. Так, в противовес Самнеру английский антрополог М. Глакмен выдвинул

[14]

концепцию «конфликта лояльностей», по которой в обстановке обострения межгрупповых взаимоотношений люди, связанные какими-либо узами (в частности, брачными и родственными) с обеими группами, либо выбирали, на чьей стороне выступать, либо соблюдали нейтралитет, либо выступали миротворцами (Gluckman, 1955).

Теория этноцентризма и интегрирующей функции войны перекликалась с выдвинутой психологами концепцией переноса гнева вовне, лежащей в основе упомянутой выше теории фрустрации. Оба подхода подчеркивают одно и то же явление, заключающееся в стремлении излить недовольство вовне, перенести его на враждебную или псевдовраждебную группу во имя внутригруппового мира (LeVine, Campbell, 1972. P. 117-135). Делая акцент на тех или иных психологических механизмах, способствующих или препятствующих развитию воинственности, психологи со временем все более и более уделяли внимание контексту поведения, в частности, группового. Как мы видели, это помогло выявить интересные психологические аспекты воинственного поведения. Помимо упомянутых выше здесь стоит назвать теорию о псевдовидообразовании у человека (Erikson, 1966), о параноидном этосе, свойственном ряду безгосударственных обществ (Maret, 1920, p. 47; Darlington, 1939; Schwartz, 1973), о роли психологии, религии и ритуала на различных этапах войны (Kennedy, 1971), а также в эволюционной перспективе (Coblentz, 1953). Вместе с тем, недостаток психологического подхода заключался в недооценке или в полном игнорировании этнических концепций или, иначе, эмного фактора. Последний изучался, в основном, в рамках культурологического подхода, о чем пойдет речь ниже.

2. Этнологические подходы

Еще в 1930 году некоторые авторы отмечали, что войну можно включать в более широкую категорию внутривидовых стычек или драк, свойственных не только человеку, но и животным (Durbin, Bowlby, 1964. P. 81-82). Позднее американский зоолог Дж. Скотт назвал такое агрессивное поведение агонистическим (Scott, 1961, 1969). Но коль скоро такое

[15]

поведение почти универсально для животного мира, следовательно человеческая воинственность не уникальна и ее можно изучать не только с культурологических, но и с биологических позиций. С этой точки зрения в русле этологических исследований в 1960-е годы появилось целое направление, выдвинувшее следующие подходы и идеи: наличие агонистического поведения у многих биологических видов позволяет якобы объяснить войны в человеческом обществе теми же принципами и механизмами, которые обуславливают стычки и в животном мире; воинственность является присущим человеку качеством, доставшимся ему в наследство из животного мира; стычки и войны служат для успешной адаптации вида, группы или отдельных особей к окружающей обстановке и, следовательно, выжившие в этих условиях популяции являются наследниками весьма агрессивных предков. Все эти идеи в той или иной степени были сформулированы основателями этологии животных К. Лоренцом (Lorenz, 1969) и Н. Тинбергеном (Tinbergen, 1968), новозеландским зоологом Р. Бигилоу (Bigelow, 1969, 1971), американскими антропологами Л. Тайгером и Р. Фоксом (Tiger, Fox, 1971), а для их популяризации больше всего сделал американский драматург Р. Ардри (Ardrey, 1961, 1966, 1970, 1976), получивший в юности антропологическое образование.

При оценке указанных концепций нужно учитывать, что в своей основе все они так или иначе восходят, с одной стороны, к высказываниям Фрейда о врожденном инстинкте агрессии, а с другой, к некоторым идеям Ч. Дарвина и, особенно, к социодарвинизму. На это указывают не только критики «школы социальной этологии» (Hinde, 1971. P. 51; Montagu, 1976. P. 36 сл.), но и сами представители последней (Lorenz, 1969. P. 4. 7; Ardrey, 1961. P. 161 сл.; Bigelow, 1969. P. 103 сл.; Eibl-Eibesfeldt, 1989. P. 367).

Принципиальный момент этологического подхода заключается в утверждении об адаптивности агрессивного поведения, ибо, как замечает К. Лоренц, в ходе естественного отбора эволюционное преимущество получали прежде всего те характеристики, которые были способны создать оптимальные условия для сохранения и развития биологического вида. Функции же агрессивности, по мнению Лоренца,

[16]

заканчиваются в территориальности, способствующей равномерному расселению популяции, в отборе партнеров для размножения, защите детенышей, а у социальных животных – в борьбе за ранг в системе доминирования (Lorenz, 1969. P. 40). Все это некоторые этологи склонны приписывать не только животным, но и человеку. Крайнего выражения эта тенденция достигает в работах Ардри, считающего войну полезным социально-культурным институтом, упразднение которого грозит человечеству едва ли не вымиранием (Ardrey, 1961. P. 324-325; 1970. P. 277). Ч-Дарвин был, пожалуй, первым, кто связал совершенствование физического типа человека с войной (Дарвин, 1953. Т. 5. С. 606-609). В этом у него и до сих пор встречаются последователи. Так, по Бигилоу, убийства и война служили движущей силой эволюции человека, способствуя выживанию наиболее воинственных, а, следовательно, и наиболее жизнеспособных групп, отличавшихся высокой внутренней солидарностью (Bigelow, 1969). Наконец, развивающий эти же идеи Р. Литт считает, что появление несоразмерно крупного и высокосовершенного мозга у человека в ходе антропогенеза было обусловлено отбором в условиях военной обстановки (Pitt, 1978). Следовательно, как подчеркивает Л. Тайгер, основа человеческой агрессивности заключается в самой биологической сути человека, для которого воинственность сродни массовой «эпидемии на уровне индивида» (Tiger, 1971. P. 13).

Правда, внутри этологической школы нет полного единства. Одно из главных разногласий касается того, считать ли агрессивность безусловным врожденным инстинктом (а если да, то как это понимать) или же видеть в ней форму поведенческой адаптации, возникающей, в определенных условиях среды. Лоренц, изучавший, главным образом, низших животных, связывал агрессию с внутренними стимулами, произвольно возникающими из потребностей самого организма независимо от условий внешней среды. Этот подход неоднократно подвергался критике (подробно см. Шнирельман, 1991). Однако следует учесть, что некоторые другие представители «этологической школы» занимают более осторожную позицию. По их мнению, генетически человеку присуща лишь предрасположенность к тем или иным видам

[17]

поведения, тогда как реализация этих потенций зависит от окружающей среды, причем как у людей, так и у многих видов животных. Этому способствует обучение (Tinbergen, 1968. P. 1416-1417; Bigelow, 1971. P. 18-20; Tiger, Fox, 1971. P. 206). В свете этой тенденции изменилось и само понимание термина «врожденный инстинкт». По словам основателя социобиологии Э. Уилсона, «врожденность» надо понимать лишь как генетически обусловленную предрасположенность, которая развивается в зависимости от условий среды, т. е. если есть соответствующая питательная почва (Wilson, 1978. P. 99-100). Тем самым, в 1970-х годах этологи начали отходить от слишком жестких формулировок, свойственных работам предшествующего десятилетия, и стали придавать все большее значение условиям внешней среды, в частности, обучению. С этой точки зрения, заслуживает интерес эволюция взглядов одного из лидеров современной этологии И. Эйбл-Эйбесфельдта, в работах которого в течение последних 20 лет все большее значение придается влиянию внешней среды, личному опыту и воспитанию (ср. Eibl-Eibesfeldt, 1974, 1977, 1979, 1989. См. также de Waal, 1989. P. 76).

Другим источником разногласий среди этологов является оценка агрессивности в животном мире. Вначале многие из них делали особый акцент на ее будто бы мягкие формы, наличие особых механизмов, препятствующих разрушительным необратимым последствиям агрессии. Особое значение при этом придавалось ритуализации (Tinbergen, 1968. P. 1413-1414; Bigelow, 1969. P. 13; Eibl-Eibesfeldt, 1977. P. 127), т. е. филогенетическому процессу, в ходе которого некоторые движения теряли свою первоначальную функцию и превращались в церемонии, имеющие символический характер. Среди последних выделяется категория символических угроз, которые, как установлено, не менее действенны, чем акты прямого физического насилия (Lorenz, 1969; Eibl-Eibesfeldt, 1963). По мнению некоторых этологов, на первых порах агрессия у человека также могла выражаться в ритуализованных формах и не влекла большого кровопролития (Lorenz, 1969. P. 249 сл.; Eibl-Eibesfeldt, 1963. P. 15; Suttles, 1961; Ardrey, 1976. P. 122).

[18]

Между тем, как выяснилось позднее, у некоторых видов животных (гиен, львов, лангуров и др.) также наблюдаются кровопролитные схватки, убийство детенышей и каннибализм (Montagu, 1976. P. 88). При этом предварительные расчеты, сделанные Э. Уилсоном, дают этому автору основание утверждать, что интенсивность убийств у этих видов превышает ту, которая встречается у людей, и, следовательно, вопреки высказывавшимся ранее суждениям (Tinbergen, 1968. P. 1412; Bigelow, 1969, и др.), человек является не самым агрессивным существом в мире (Wilson, 1978. P. 104). Тем не менее, многие авторы и до сих пор рассматривают человека как одного из наиболее кровожадных представителей животного мира. Что сделало человека таковым? Лоренц (Lorenz, 1969. P. 230-235), а вслед за ним и Тинберген (Tinbergen, 1968. P. 1416) объясняют это тем, что у человека социокультурная эволюция резко обогнала развитие биолого-генетических приспособлений. Изначально безвредное всеядное существо, каким был, по мнению этих авторов, непосредственный предок человека, не обладало какими-либо естественными приспособлениями ни для охоты на крупных животных, ни для убийства особей своего вида. Вместе с тем, у него не было и биологических механизмов, препятствующих таким убийствам. С развитием культуры произошло быстрое совершенствование техники убийств, не сопровождавшееся выработкой биологических механизмов торможения. Именно это, как считают названные авторы, позволило бесконтрольную эволюцию военного дела и привело современное человечество, на грань термоядерной катастрофы.

С этой точки зрения история человечества представляется исключительно историей войн, которые и были, якобы, движущей силой человеческой эволюции (Freeman, 1964; Bigelow, 1969; Pitt, 1978). Перефразируя Старый Завет, Ард-ри подчеркивает, «вначале было оружие» (Ardrey, 1961. P. 30). Интересно, что именно с этой точки зрения роль войны в истории человечества оценивает и Р. О'Коннелл, служивший главным аналитиком в Институте военной разведки США (O'Connell, 1989).

Наконец, еще одним источником разногласий между теми этологами, которые видят в агрессии и войне механизмы

селекции, является вопрос о том, на каком уровне осуществляется эта селекция - индивидуальном, групповом, популяционном и др. В отношении человека одни авторы считают, что отбор шел на индивидуальном уровне (Дарвин, 1953. Т. 5. С. 606-609; Ardrey, 1976. P. 169; Borgia, 1980), другие – на уровне отдельных групп, племен, или обществ (Bigelow, 1969; Durham, 1976, p. 387-388; Wilson, 1978. P. 116). Первые делают акцент на межличностном соперничестве из-за разнообразных ресурсов и, прежде всего, из-за женщин и возможностей физического воспроизводства. Они подчеркивают также нестабильность состава отдельных групп в связи со способностью людей менять членство в группах. А вторые указывают на общественный характер военного дела и огромную роль в нем групповой солидарности и кооперации.

При всем огромном влиянии, которое оказывает на Западе социобиология, не все специалисты-зоологи и этологи разделяют упомянутые выше идеи. Имеется целый ряд весьма авторитетных специалистов, которые относятся к ним весьма критически (Montagu, ed., 1968; Alland, 1972; Cook, 1975; Leakey, Lewin, 1978. P. 207-216; и др.).

Многолетним оппонентом рассмотренных взглядов выступает Э. Монтегю, который, соглашаясь с мнением об огромном эволюционном значении кооперации, тем не менее связывает ее не с войной, а с добычей пищи, защитой от хищников, передачей знаний и социального опыта. По его мнению, неумеренная агрессивность не адаптивна, и отбор шел не на воинственность, а, напротив, на альтруизм (Montagu, 1976). Правда, при этом он рассматривает проблему только лишь группового отбора, не касаясь вопроса об отборе на индивидуальном уровне.

3. Культурологические подходы,

Большую роль в развитии культурологических подходов сыграли взгляды известного американского антрополога Л. Уайта, который резко выступил против теории инстинкта агрессии и индивидуально-психологических концепций (White, 1949. P. 129-134). Он отмечал, что войны ведутся между обществами, а не между индивидами, и понять их можно

[20]

только в широком культурологическом контексте. Этот подход получил дальнейшее развитие в работах У. Ньюкоума, который подчеркивал, что индивидуальные мотивации нисколько не помогают понять, почему «общество ведет войну» (Mewcomb719^ti960iL

Между тем, культурологический подход мог трактоваться весьма по-разному и на его основе можно было строить весьма различные концепции. Так, можно было делать акцент на связь войны с другими аспектами общественной жизни, прежде всего, материальными – с демографией, экономикой, технологией, социальной структурой и т. д. Этот путь вел к эволюционистскому (его-то и избрал Ньюкоум) или функционалистскому подходам, о которых речь пойдет ниже. Наряду с этим, культурологический подход стимулировал анализ этнических концепций и систем воспитания, способствующих или препятствующих развитию воинственности. В упрощенном виде это направление было представлено в работах М. Мид, которая считала войну «культурным изобретением» и писала о наличии или отсутствии «идеи войны» в тех или иных обществах (Mead, 1964; 1968).

В 1950-х – начале 1960-х гг. изучение этнических концепций было одним из главных направлений в антропологии войны. Тогда было показано, что у некоторых народов имелись весьма специфические комплексы духовных представлений, способствующие росту воинственности. Ярче всего такие «коллективные идеи» проявлялись у охотников за головами во многих районах мира, где добыча головы «врага» была непременным условием ина иначечения детей, вступления в брак, окончания траура, строительства церемониального дома или даже продления собственной жизни (van der Kroef, 1954; Zegwaard, 1959; Harner, 1962; и др.). Менее изучены этнические концепции, способствовавшие воинственности у ряда других народов, например, наличие воинов – «храбрецов» у мохавов долины реки Колорадо, которые будто бы получали особую силу от духов в детстве и обязаны были оправдывать свое предназначение (Fathauer, 1954) или же «воинственный этос» у ряда народов равнин Северной Америки, в частности, кроу (Voget, 1964). Выступая против преувеличения роли психологических факторов в развитии

[21]

военного дела, такие сторонники материалистического подхода как У. Ньюкоум не проводили различий между индивидуальной и коллективной (этнической) психологией. А между тем, коллективные идеи сплачивали людей и в ряде случаев позволяли понять, почему общество ведет войны или, шире, отличается воинственностью. Роль этих идей, обуславливавших определенные виды социальной практики и стереотипы поведения, становится особенно наглядной, если учесть, что введение запрета на военную практику привело в ряде случаев (у народов Ассама, у кроу в Северной Америке, у хибаро и мундуруку в Южной Америке и т. д.) к серьезному социокультурному кризису, падению рождаемости, крушению прежней социальной системы и т. д.

Другое дело – истоки формирования тех или иных этнических концепций, которые нередко уходят своими корнями в отдаленное прошлое, недоступное взору исследователя. Однако однажды возникнув, эти концепции навязывались индивидам окружающей культурной средой и, безусловно, влияли на их поведение. В последние годы делались попытки материалистического обоснования войн у народов, у которых поначалу последние изучались лишь в свете культурных концепций – у мохавов (Graham, 1975), хибаро (Ross, 1980, 1984), индейцев североамериканских равнин (Biolsi, 1984), ибанов Калимантана (Vayda, 1969, 1976) и некоторых других. Авторы этих работ пытались доказать, что рассматриваемые ими войны велись прежде всего для получения тех или иных материальных ресурсов. Однако, во-первых, обретение последних нередко оказывалось не столько причиной, сколько попутным следствием войны, причем в ряде случаев имелись даже строгие религиозные запреты на грабеж врага (Shnirelman, 1988). Во-вторых, даже при наличии некоторой материальной заинтересованности в войне сохраняется вопрос о причинах существования тех или иных этнических концепций и об их роли в формировании того или иного поведения. Этот вопрос тем более заслуживает внимания, что, наряду с рассматриваемыми концепциями, известны и иные, стимулирующие миролюбие. Одна из последних, бытующая у семаев Малаккского полуострова, была детально изучена в последние годы К. Робарчеком (Robarchek, 1980, 1986, 1989).

[22]

Как бы то ни было, этнографам хорошо известно, что разные дописьменные народы отличаются разной степенью воинственности. А некоторые из них вообще стараются избегать каких-либо актов насилия, чему как раз и способствуют соответствующие культурные ценности и ориентации. С этой точки зрения, особый интерес вызывают, так называемые, «миролюбивые народы», пространственный список которых опубликовал в свое время г. Эллиот – Смит (Elliot-Smith, 1929). При составлении этого списка Эллиот-Смит не пользовался сколько-нибудь четкими критериями и полагался на субъективные эмоциональные оценки различных авторов, среди которых были и непрофессионалы. Поэтому неудивительно, что включение туда отдельных народов неоднократно вызывало справедливые возражения у его оппонентов (Bigelow, 1969. P. 189-196; Eibl-Eibesfeldt, 1974, 1975). Вместе с тем, даже в казалось бы бесспорных случаях сторонники идеи об инстинктивной агрессии пытались обнаружить те или иные признаки агрессивности, прибегая порой к достаточно произвольным фрейдистским интерпретациям (Paul, 1978. Критику см. Robarchek, Dentam, 1987).

При оценке концепции «миролюбивых народов» следует иметь в виду, что она вовсе не стремится обосновать тезис о какой – либо абсолютной неагрессивности. Речь идет о том, что, во-первых, в человеческих обществах наблюдалась шибкая вариативность от почти полного пацифизма до необычайной кровожадности (Turney-High, 1949. P. 205-206), во-вторых, многое зависит от характера окружения, изменение которого ведет и к изменению соотношения между воинственностью и миролюбием (Hobhouse, 1956. P. 113; Brown, Schuster, 1986. P. 157), в-третьих, как считают некоторые авторы, хотя у многих охотников и собирателей и наблюдались стычки, доходившие до кровопролития, они отличались относительно большей степенью миролюбия, чем более развитые общества (Montagu, 1976. P. 173; Tefft, 1975. P. 296). Впрочем, последнее далеко не бесспорно и требует уточнения, в особенности, в свете данных, собранных К. Эмбер и свидетельствующих о том, что многие охотники и собиратели отличались воинственностью (К. Ember, 1978). Дело в том, что те, кто говорит о миролюбии у охотников и собирателей,

[23]

имеют в виду прежде всего именно бродячие их группы, так как оседлые охотники, рыболовы и собиратели по характеру и целям войны мало чем отличались от земледельцев (Testart, 1982. P. 75, 93, 102-103).

Вместе с тем, и среди земледельцев встречаются миролюбивые народы, как показывает отмеченный выше пример семаев. Следовательно, как считают некоторые антропологи, немалую роль в поддержании ими играют культурные ориентации, утверждающие мир как высшую ценность (Gorer, 1968. P. 34-35; Montagu, 1976. P. 10-11). Когда скоро речь идет о культурных концепциях, ценностях и ориентациях, то неизбежно встает вопрос о механизме их передачи из поколения в поколение, иначе говоря, о роли воспитания. По инициативе Э. Монтэгу в 1970-е годы было проведено целое коллективное исследование особенностей обучения у целого ряда дописанных народов, которые в той или иной степени могут считаться «миролюбивыми». Было показано, что дети окружаются там большой заботой и пользуются значительной свободой: их желания предупреждаются и с готовностью выполняются, у них стимулируются открытость и дружелюбие, готовность к дележу и взаимопомощи. В этих условиях у детей почти не возникает ни разочарований, ни обид; если же между ними назревает конфликт, то его стараются свести к шутке или игре. Разумеется, и в этих обществах порой встречаются ссоры и вспышки насилия, но они достаточно редки и их стараются поскорее уладить, не занимаясь поисками виновных. Любопытно, что в некоторых обществах нет даже установок на соперничество, личную славу или успех, а кое-где в детях намеренно культивируется страх перед недоброжелательным поведением (Montegu, ed., 1978).

Впрочем, оценивая такие системы воспитания, следует иметь в виду, что основной упор в них делается на взаимоотношения внутри общества, тогда как контакты с чужаками строятся, как правило, на совершенно других основах (Riches, 1987. P. 22). И все же вышеупомянутые системы воспитания по своему содержанию и установкам разительно отличаются, например, от аналогичных систем горных папуасов, где поощряется соперничество, амбициозность и воинственность (Read, 1954. P. 5-6).

[24]

4. Неоэволюционистские подходы

Хотя воинственность и миролюбие трудно сколько-нибудь жестко связать с тем или иным уровнем социально-экономического развития в силу значительной вариативности, наблюдавшейся в разных обществах, тем не менее представляется бесспорным, что социальные и экономические условия оказывали большое влияние на развитие воинственности и особенности военного дела. Один из основоположников эволюционизма Г. Спенсер отмечал, что развитие войн шло рука об руку с социально-политической эволюцией (Г. Спенсер, 1876. Т. I. С. 576 сл.). С тех пор изучение войн в историко-типологическом плане наиболее плодотворно велось именно теми, кто последовательно стоял на эволюционистских позициях. Это не обязательно означало формальную принадлежность к эволюционистскому направлению, у ибо большой вклад в типологию первобытных войн внесли, например, функционалист Б. Малиновский и диффузионист Дж. Шнейдер.

В принципе типология войн и вооруженных столкновений может разрабатываться на основе разных критериев. До сих пор в отношении первобытных войн наибольшей популярностью пользовались следующие три критерия – организационно-структурный, причинно-целевой и военно-технический. Организационно-структурный критерий был детально рассмотрен Дж. Шнейдером, который отметил, что месть члену иной группы, осуществлявшаяся на индивидуальном уровне, еще не является войной. Войной он называл лишь такое вооруженное насилие, в котором участвуют солидные автономные группы (общины или общества) как целостные единства (Schneider, 1950). Причинно-целевой критерий делает основной акцент на причины или цели войны, которые одни авторы связывают, главным образом, с грабежом или территориальной экспансией (White, 1949. P. 343; Newcomb, 1960), а другие – с племенной политикой (Malinowski, 1941. P. 523; Chagnon, 1974. P. 77-78; Chagnon, 1988. P. 988). Наконец, в основе военно-технического критерия лежит признание важности эволюции военного дела во всех его аспектах, в особенности достижения им такого уровня («военного горизонта»),

[25]

который ведет к превращению первобытной войны в «настоящую» (TurneyHigh, 1949).

Все авторы, тяготеющие к эволюционистскому подходу, склонны считать войну не изначальной и рассматривать ее в развитии. Одну из первых достаточно разработанных типологий вооруженных столкновений предложил Б. Малиновский, выделивший следующие типы: 1) межличностные стычки внутри групп, названные им «прототипами преступного поведения»; 2) организованные коллективные межгрупповые стычки внутри культурного единства, преследующие своей целью возмездие; 3) вооруженные набеги типа спорта или охоты с целью добычи вражеских голов, захвата пленных для жертвоприношений или каннибализма, получения иного рода трофеев; 4) боевые действия, ведущие к возникновению примитивного государства; 5) экспедиции для организованного разбоя, захвата рабов и добычи; 6) вооруженная борьба между двумя разнокультурными группами, направленная – на территориальное завоевание и создание государственности. Лишь действия четвертого и шестого типа имели политический характер, и лишь их Малиновский соглашался называть настоящей войной (Malinowski, 1941).

Более последовательно эволюционную причинно-целевую типологию развития военного дела дал американский историк войны К. Райт, попытавшийся связать ее с хозяйственной типологией и использовавший для этого кросс-культурную статистическую процедуру. По его данным, у низших охотников и собирателей преобладали социальные (месть, спорт, религия, слава) и в меньшей степени оборонительные причины вооруженных столкновений. У высших охотников и собирателей и у низших земледельцев также преобладали социальные причины, но, наряду с ними, немалое значение имели и экономические причины (грабеж, захват и т.д.). У скотоводов и земледельцев главными были экономические причины, а у высших земледельцев и высших скотоводов наблюдался рост роли политических причин (Q. Wright, 1942. V. I. P. 556, table 11; Schneider, 1950. P. 773). Проведенный позднее новый анализ данных Райта в целом подтвердил его выводы и показал, что с развитием от первобытного общества к цивилизации роль социальных и оборонных причин падает,

[26]

а экономических и политических возрастает (Broch, Galtung, 1966).

По С. Кобленцу, эволюция вооруженных стычек знала три основные стадии: 1) кровная вражда; 2) стычки по религиозным или церемониальным причинам; 3) войны грабительского характера. На первой стадии войн ещё не было, вторая представляла собой нечто среднее между войной и охотой и только третью Кобленц без колебаний связывал с настоящей войной (Coblentz, 1953).

У. Ньюкоум, который вслед за Л. Уайтом сделал акцент на экономической подоснове военных действий, выделил следующие эволюционные стадии: 1) у наиболее архаичных охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществ, где не было существенных материальных накоплений, почти не было и стимулов для вооруженных столкновений, и там господствовал мир; 2) у некоторых охотничье-собираТЕЛЬСКИХ и отсталых земледельческих групп наблюдались «первобытные войны», соответствующие третьему типу, по Малиновскому, «настоящая война» была следствием перехода к производящему хозяйству; она типична для ранних цивилизаций, которые вели ее Ради экономических выгод. В особую категорию Ньюкоум выделял войны, возникавшие между разнотипными обществами (Newcoom, 1960).

При сопоставлении схемы Ньюкоума с построениями Малиновского и Терни-Хая нетрудно заметить, что в отличие от них он пытался не столько классифицировать собственно типы вооруженной борьбы, сколько привязать их к эволюционной схеме, созданной на основе социально-экономических критериев. В 1960-е годы это стало типичной чертой неозволюционистского подхода к эволюции военного дела (Service, 1962; Fried, 1961, 1967). Сравнение приведенных типологий позволяет сделать и другой вывод о том, что в зависимости от критериев разные авторы понимают войну по-своему и это ведет к разному пониманию истоков войны и ее особенностей и роли в ранней истории человечества. Следовательно, определение понятия «война» представляет особую проблему, которая будет специально рассмотрена ниже.

В неозволюционистских схемах 1960-х годов (М. Фрид, Э. Сервис, М. Салинз) войне придавалось в целом подчиненное

значение; идея о том, что войны и завоевания могли быть главной движущей силой в становлении государственности, оценивалась их авторами весьма скептически. Напротив, в 1970-е годы благодаря работам американского антрополога Р. Карнейро (Carneiro, 1970, 1978, 1981), в центре дискуссии вновь оказалась старая идея (Спенсер, 1876. Т. 1. С. 557; Т. 2. С. 256 сл.; Sumner, 1964) о том, что война лежала в основе социально-политического прогресса. Карнейро утверждает, что именно рост народонаселения и его скученности в районах концентрации природных ресурсов приводил к войнам, завоеваниям, возникновению более сложных организационных структур и государственности. Обсуждение теории Карнейро показало, что для решения вопроса о соотношении войны и политической эволюции необходимо учитывать целый ряд дополнительных, главным образом, социальных факторов (Webster, 1975; Webb, 1975; Cohen, 1984; Lewis, 1981; и др.).

К. Оттербейн попытался решить рассматриваемый вопрос с помощью кросс-культурного метода (Otterbein, 1968, 1970). Его общий вывод заключался в том, что уровень военного дела и характер войны связаны прежде всего с особенностями социально-политической системы, а не с экологическими или экономическими факторами. Иными словами, война и политическая централизация развивались параллельно. Но поскольку высшая степень военной дисциплины и субординации встречались не только в централизованных, но и в нецентрализованных обществах, то как считал Оттербейн, это свидетельствовало о вероятном влиянии военного дела на развитие политических систем.

5. Функционалистские подходы

Известно, что в основе функционализма лежало представление о том, что любой жизнеспособный социальный институт должен обладать определенными важными функциями. Различные соображения такого рода высказывались и в отношении первобытной войны. Так, некоторые авторы приписывали ей культурно-психологические функции, считая, что они сплачивали группу и позволяли накопившемуся напряжению

[28]

излиться вовне (Sumner, 1964. P. 210; Wedgwood, 1930; Murphy, 1957; LeVine, 1961. P. 9; Mead, 1963; Storr, 1964. P. 138-139).

Другие специалисты считают, что война имела в первобытности демографическую функцию, способствуя равномерному расселению людей по территории и сдерживая, чрезмерный рост народонаселения (Andreski, 1964; Living stone, 1968. P. 12-13; Ardrey, 1970. P. 205, 211; Divale, 1972. P. 224; Divale, Harris, 1976. P. 527; Harris, 1979. P. 126). Некоторые ученые развивают старую идею Гоббса о том, что при отсутствии централизованной власти война являлась механизмом восстановления социальной справедливости во взаимоотношениях между небольшими автономными группами (Chagnon, 1968; Hallpike, 1973. P. 454; Koch, 1974; Mansfield, 1982. P. 27-28, 41-42). А по мнению Э. Вайды и Э. Лидза, война в ряде случаев поддерживала и укрепляла социально-политическую систему (Vayda, Leeds, 1961), а в некоторых других случаях могла вести к ее трансформации (Leeds, 1963).

В основе функционалистских подходов к войне лежит представление Л. Уайта об адаптивной роли культуры, и сторонники этого направления пытаются обосновать идею об адаптивной роли войны. Именно на этой основе с 1950-х годов, разрабатывался экологический подход к первобытной войне, у истоков которого стоят Э. Вайда и Э. Лидз. Следуя классическому функционализму, но развивая его в духе системно-структурных подходов, представители экологической школы исходят из того, что любая система стремится к гомеостазу. Если же она по какой-либо причине разбалансируется, то требуется определенный механизм, чтобы вернуть ее в прежнее состояние. Именно таким механизмом для первобытных обществ Вайда и считает войну (Vayda, 1968. P. 85). Среди функций войны он называет экономическую (получение доступа к ресурсам), демографическую (установление демографического баланса), карательную (восстановление социального порядка), психологическую (перенос внутреннего напряжения вовне). Все эти функции он считает взаимосвязанными, ибо падение уровня жизни ведет к росту внутренней социальной напряженности, которая и находит выход в войне. В итоге демографическое давление ослабляется, за счет либо высоких человеческих потерь, либо расселения

[29]

по новым территориям. Тем самым напряжение спадает и баланс восстанавливается (Vayda, 1968).

Особенности экологического подхода к войне, его достоинства и недостатки отчетливо проявились в ходе ведущихся вот уже около трех десятилетий дискуссий, одна из которых была инициирована работами Э. Вайды, другая – Н. Шэгнона. Развивая направление, намеченное Л. Уайтом и У. Ньюкоумом, Вайда стремился проводить строгие различия между индивидуальным и групповым поведением. В войнах он видел важный эколого-адаптивный механизм, способствующий выживанию культурной группы. Понятно, что при этом он должен был выступать против культурно-психологического подхода, сознательно занижая его возможности (Vayda, 1969). На примере войн у маори Новой Зеландии, ибанов Са-равака и папуасов маринг Новой Гвинеи Вайда пытался доказать, что у традиционных подсечно-огневых земледельцев имелся едва ли не универсальный механизм решения внутренних демографических проблем (Vayda, 1961, 1969, 1971, 1976). По его представлениям, быстрое истощение земельных участков в условиях роста народонаселения побуждало таких земледельцев к территориальной экспансии. Иными словами, как подчеркивали он и его последователи, борьба за землю возникла значительно раньше, чем следовало из схем неозволюционистов. При этом такие войны начинались задолго до того, как земельный кризис становился сколько-нибудь острым, а целью вооруженной борьбы служили участки вторичной растительности, более подходящие для земледельческого освоения, чем девственные леса. Вайда убедительно продемонстрировал, что в рассматриваемых им примерах отдельные боевые действия (охота за головами, набеги мстителей) являлись не одноразовыми несвязанными друг с другом актами, а частью протяженного во времени военного процесса.

Экологический подход принял несколько иное направление при обсуждении причин воинственности в тропических лесах Южной Америки. Там его сторонникам без труда удалось продемонстрировать, что в поймах крупных рек в предколониальное время действительно велись захватнические или грабительские войны, во многом обусловленные борьбой за землю (Morey, Marwitt, 1975). Однако это

[30]

противоречило неэволюционистским схемам, так как поймы были заняты стратифицированными предклассовыми обществами. Вместе с тем, причины войн в водоразделах, где плотность народонаселения была невелика, так и не удалось связать с какой-либо нехваткой земли. Это нисколько не обескуражило сторонников экологического подхода, заявивших, что критическим ресурсом могут быть любые объекты (домашние и дикие животные, пушнина, товары и т. д.), а не только земледельческие участки (Durham, 1976. P. 408). В 1970-е годы была сформулирована, так называемая, «белковая гипотеза», по которой редким и особо ценным ресурсом в водоразделах считалась не земля, а дикие животные, служившие там главным источником белковой пищи (Siskind, 1973; Gross, 1975; Durham, 1976. P. 404-408; Ross, 1980; Harris, 1979, 1984). С этих же позиций Р. Гремли (Gramly, 1977) попытался объяснить войны ирокезов и гуронов, которые, по его мнению, соперничали из-за охотничьих угодий, связанных с производством одежды из оленьих шкур.

Тем самым, изучение первобытной войны неожиданным образом стало мощным импульсом для углубленных исследований потенциала традиционных хозяйственных систем, особенностей пищевого рациона и их связей с демографическими и иммунологическими факторами. Особенно активно все эти вопросы обсуждаются на материалах тропической зоны Южной Америки. При этом одни авторы утверждают, что здесь наблюдалось изобилие белковой пищи (Beckerman, 1979) и местные индейцы, в частности, яноамо не испытывали ее недостатка (Lizot, 1977. P. 512; Chagnon, Hames, 1979). А их оппоненты указывают на рост хозяйственных сложностей по мере увеличения размеров поселков и длительности их бытования на одном месте. Другим их аргументом служит представление о «буферных зонах», которые будто бы возникали в условиях войны и служили единственным убежищем для диких животных (Ross, 1980. P. 49-54; Ross & Ross, 1980; Harris, 1979. P. 32; 1984. P. 190-194).

В целом, как подчеркнул недавно Р. Б. Фергюсон, «белковая гипотеза» способна лишь объяснить рост напряженности в общине, но не способна объяснить перерастание этой напряженности в войну (Ferguson, 1989). Не менее уязвимыми

[31]

оказываются и построения Вайды, которые неоднократно критиковались с точки зрения фактического материала и его интерпретации, так и с теоретико-методологических позиций. Так, внимательное изучение данных об ибанах Саравака показывает, что их набеги за редкими исключениями были направлены в сторону, прямо противоположную от тех районов, где располагались подходящие для освоения земельные угодья. Кроме того, как выяснилось, Вайда не обладал детальными данными для характеристики экологической обстановки (Netting, 1974. P. 485; King, 1976).

Некоторые авторы отмечают порочность самого функционалистского метода, который, во-первых, обладает малыми эвристическими потенциями, а во-вторых, привносит элементы модернизации и этноцентризма, наделяя субъектов исследования рационалистическим мышлением человека XX века (Lesser, 1968; Hallpike, 1973; и др.). Английский антрополог К. Холлпайк указывает, в частности, на методологическую порочность отождествления понятий «функция» и «адаптация». Выступая с культурно-психологических позиций, этот автор высказывает сомнение в том, что первобытные войны можно объяснять какими-либо универсальными эколого-хозяйственными причинами, и призывает перенести акцент на осознанную мотивацию самих участников войны. Наряду с Э. Лессером (Lesser, 1968. P. 94-95), этот автор придает большое значение межличностному фактору в вооруженной борьбе в первобытном обществе и считает настоящее межгрупповое соперничество из-за материальных ресурсов признаком иных более развитых обществ (Hallpike, 1973. P. 467).

С точки зрения совершенствования методологических подходов к изучению первобытных войн определенный интерес представляет эволюция взглядов самого Вайды, который в течении последних 10-15 лет начал преодолевать определенную противоречивость своих позиций. Теперь он, по его собственным словам, готов отказаться от методологически «бесплодного функционализма» и «порочного мальтузианского подхода». Он призывает уделить особое внимание деятельности отдельных индивидов, ее мотивации и контексту, а также отличать захват земли как побочный эффект войны от причин последней. Свой прежний подход он трактует как

телеологический и считает нужным от него избавиться. Вместе с тем, он предупреждает и от другой крайности – полного доверия к выводам культурно-психологического характера (Vayda, 1989).

Исходя из наличия у войны адаптивной функции другой американский антрополог Н. Шэгнон видел ее в приспособлении не к природной, а к социально-политической среде. На примере индейцев яноамо он пытался доказать, что при отсутствии каких-либо надобщинных институтов власти небольшие группы индейцев могли отстаивать свою автономию только силой (Chagnon, 1968b.). Другой важной причиной воинственности яноамо Шэгнон называл потребность в женах. Нехватку же последних он связывал с обычаем убийства новорожденных девочек, вызванным якобы заинтересованностью общины в выращивании, главным образом, мужчин – воинов (Chagnon, 1968a. P. 74-76; 1968b. P. 124-141). Парадокс – сальность этой аргументации, – находящейся в замкнутом круге, уже отмечалась в литературе (Harris, 1979. P. 125-126). Чувствуя уязвимость этой позицией, Шэгнон склоняется в последние годы к объяснению войн у яноамо их карательной функцией (Chagnon, 1988. P. 987-988), о чем пишут и другие авторы (Lizot, 1977. P. 515; Albert, 1989. P. 639).

Наряду с этим, последовательно считая войну «продолжением политики», Шэгнон уделил особое внимание поведению лидеров у яноамо. Это помогло ему выявить тот факт, что у лидеров имелось больше жен, детей и вообще родственников, а иными словами, сторонников, чем это отмечалось у простых общинников (Chagnon, 1979. P. 3 74-401; Chagnon et al, 1979). А так как лидерство там было производным от военной деятельности, то, по заключению Шэгнона, военные успехи обеспечивали этим лидерам преимущество в воспроизводстве потомства, а война, в целом, служила мощным фактором отбора (Chagnon, 1988). Тем самым, начав с функционализма, Шэгнон пришел к социобиологической постановке вопроса. И это не случайно, так как в обоих случаях основной акцент в исследованиях делается на адаптивные механизмы.

Социобиологический подход, проявленный Шэгноном, уже вызвал возражения со стороны ряда авторов (Albert, 1989, 1990; Moore, 1990),

[33]

упрекавших его в редуционизме, этноцентризме, недооценке культурной вариативности и роли культурно-психологических концепций. По сути дела дискуссия ведется о правомерности применения преимущественно этного или эмного подходов, об их методике и методологии, о рамках их применения и о характере интерпретации их результатов. Дискуссия продолжается...

II

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОБЫТНЫХ ВОИН

Чешский археолог С. Венцл, опубликовавший единственную в мировой науке монографию, целиком посвященную характеру источников о первобытных войнах, подразделяет их на археологические, письменные, лингвистические и этнологические (Vend, 1984). Кроме того, имело бы смысл выделять в особые категории фольклорные, а также этологические и, уже, приматологические данные. Что касается археологических источников, то в узком смысле их, по-видимому, стоит отделять от источников, которые, хотя и добываются, главным образом, археологическими методами, но требуют особых методов изучения и интерпретации – иконографические и палеоантропологические материалы.

1. Археологические источники

К археологическим источникам относятся оружие, доспехи, фортификация, воинские могилы, клады с оружием, остатки оружейного дела и т. д. Наличие всех или части такого рода материалов, безусловно, может свидетельствовать о вооруженных столкновениях, однако, как правильно подчеркнул еще В. Г. Чайлд, их отсутствие далеко не всегда является сколько-нибудь однозначным указанием на мирную

[34]

жизнь (Childe, 1941. P. 127; Vend, 1984. P. 27). Так, Венцл подразделяет оружие на три категории:

- специализированное оружие, например, мечи;
- неспециализированное оружие (лук и стрелы, топор, нож и т.д.);
- оружие случайного использования (камень, палка и т.д.).

А с археологической точки зрения, имеет смысл говорить о следующих категориях: 1) безусловное оружие, выделяемое типологически и по следам его использования (т. е. по повреждениям на скелетных остатках); 2) орудия, боевое использование которых обнаруживается только в контексте (например, стрела, дротик, копье); 3) объекты, которые могли использоваться в военном Деле, но определение функций которых чрезвычайно затруднительно или вовсе невозможно (например, камни от пращи и т. д.); 4) виды оружия, сделанные из непрочных материалов и потому не оставляющие археологических следов (Vend, 1984. P. 270).

В целом, за редчайшим исключением, специализированные виды оружия изготавливались из металла и их эволюция прослеживается лишь в течении бронзового и раннего железного века (Childe, 1941. P. 127; Turney-High, 1949. P. 18-19; Vend, 1984). Что же касается более ранних эпох, то для них отличить боевое оружие от охотничьего удастся только при наличии специфического контекста, т. е. скелетов убитых людей с остатками орудий убийства. При этом неожиданно для себя археолог порой обнаруживает среди этих орудий убийства такие, которые он бы не отнес к таковым по чисто типологическим критериям. Так, погребенные в позднепалеолитическом могильнике Джебел Сахаба в Нубии были убиты орудиями, которые археологи обычно относят к категории «резцов» (Wendorf 1968. V. 2. P. 954-995); в мезолите на Украине в качестве боевых стрел использовались «пластинки с притуплённым краем» (Даниленко, 1955), которые археологи никогда не включают в категорию стрел; наконец, в поздне-неолитической Нигерии для убийства иногда использовались костяные гарпуны (Connah, 1981. P. 17), сплошь и рядом интерпретируемые археологами как орудия рыболовства.

В целом же, судя по этнографическим данным, для убийства в каменном веке широко использовались деревянные

виды оружия (луки и стрелы, копья, дротики, бумеранги,; дубинки и т. д.)» которые имели очень слабые шансы сохраниться в археологическом контексте. То же самое относится к защитному вооружению и доспеху. Так, если этнографические щиты зафиксированы у некоторых групп австралийских аборигенов, например, у аранда (Spencer, Gillen, 1927. V. I. P. 25), и это теоретически позволяет предполагать их появление в течение каменного – века, то археологически древнейшие щиты в Европе и Передней Азии известны только с бронзового века (Bukowski, 1971-1972). Если этнографически разнообразные виды защитного вооружения (доспехи, шлемы) хорошо известны, например, у коренных обитателей Британской Колумбии, Аляски и Северо-Восточной Сибири (Антропова, 1957. С. 202 сл.), то каких-либо остатков такого рода в археологических материалах каменного века до сих пор обнаружить не удалось. Археологически защитное вооружение известно лишь, начиная с бронзового века. Между тем, археологические данные о защитном вооружении имеют принципиальное значение. Ведь если функции ранних видов оружия (охотничьи или боевые) плохо различимы, то защитное вооружение, безусловно, свидетельствует об относительно регулярных вооруженных столкновениях. Кроме того, защитное вооружение в тенденции коррелируется с достаточно дифференцированным обществом, развитием систем более или менее централизованной власти, появлением воинов-профессионалов и т. д. (Otterbein, 1970. P. 49-50).

Не меньшую важность имеют и данные о появлении и развитии древнейших укреплений, хотя и здесь возникает множество источниковедческих проблем, связанных, главным образом, с интерпретацией полученных данных. Так, по меньшей мере с В.Х. Чайлда (Childe, 1941. P. 131), археологи ведут неутихающие споры о функции древнейших частоколов, рвов и насыпей в неолитической Европе. По мнению одних авторов, целью этих сооружений была охрана стад и посевов от диких животных, другие считают их церемониальными постройками, третьи связывают с военным делом. Аналогичные споры развернулись в последнее время вокруг монументальных сооружений (ров, вал, башня) ранне-неолитического Иерихона. Если первоначально многие специалисты

безоговорочно придавали им оборонительную функцию (Kenyon, 1957, 1960), то в последние годы некоторые авторы это оспаривают, считая, что их функцией была защита поселка от частых наводнений и оползней (Augenche, 1981. V. I; Bar-Yosef, 1986). Следовательно, и для интерпретации таких сооружений нередко большое значение имеет контекст, например, обнаружение скелетов убитых, следов разрушений, пожаров и т. д. (Behrens, 1978, S. 3; Burgass et al., 1988. V. I). Вместе с тем, и здесь следует иметь в виду, что типологически самые примитивные укрепления, известные этнографически у некоторых земледельцев и оседлых охотников и собирателей, практически не оставляют следов на археологических памятниках.

Множество источниковедческих проблем возникает и в связи с интерпретацией, так называемых, воинских могил или могил с оружием. Недавно В. А. Алекшин выступил с утверждением о том, что военное дело жестко коррелируется с наличием таких могил, причем их отсутствие он однозначно интерпретировал как отражение неразвитости или даже отсутствия военного дела. Не обнаружив такого рода могил в Передней Азии, он, исходя из этой логики, заявил об отсутствии войн в предклассовый и даже раннеклассовый период (Алекшин, 1986. С. 166-172). Разумеется, в некоторых археологических культурах воинские могилы с полным набором вооружения представлены достаточно наделено (Грач, 1980. С. 59-61) и все же интерпретация таких могил не всегда однозначна. Более осторожный и, как представляется, более обоснованный подход к этой проблеме продемонстрировал С. Венцл. Он справедливо замечает, что некоторые виды оружия попросту не сохраняются в археологических слоях, в ряде культурных традиций захоранивать оружие было неприято (в особенности, если оно изготавливалось из редких материалов и представляло большую социальную ценность), иногда захоронение оружия играло символическую роль и тогда соответствующие могилы нельзя интерпретировать как воинские (Vend, 1984. P. 78-93). Короче говоря, и здесь интерпретация требует тщательного учета контекста находок и комплексного подхода, внимательного анализа самых разнообразных данных, а не только погребальных.

[37]

2 . Иконографические источники

Наскальные изображения и статуэтки могут иной раз предоставить специалисту такие данные о военном деле, которые невозможно получить путем анализа других археологических источников, в частности, об организации боя, полном комплекте вооружения и его использовании, военных ритуалах и т. д. Вместе с тем, одна из главных проблем, связанных с изучением наскального искусства, касается хронологии. Так, датировки, предлагавшиеся разными авторами для уникальных изображений военных сцен, обнаруженных в Восточной Испании, колеблются от позднего палеолита до неолита/энеолита (García, Perello, ed. 1964; Muller-Karpe, 1968. Bd. 2. S. 257-258; Vend, 1984. P. 76). Другая проблема касается сохранности определенных ритуальных вещей, являющихся одновременно и предметами искусства, а также распознаваемости их функций. Так, в некоторых районах Западной Африки для миротворчества использовались специальные маски (Willett, 1971. P. 184-185) или жезлы (Kuegematen, 1964. P. 92-96). Выявить реальные функции такого рода вещей можно лишь в контексте, который нередко обнаруживается только при анализе иконографии.

Вместе с тем, не зная кода или ключа, понять древнее изображение бывает весьма непросто. Например, практически невозможно распознать изображения воинов, происходящие из Северной Австралии (Wild, ed. 1986. P. 72-73), не получив специальных разъяснений со стороны информаторов. Определенные сложности возникают даже при анализе изображений, военный смысл которых, на первый взгляд, достаточно очевиден. Так, по предположению С. Кемпбелла, сцены вооруженных стычек и набегов, изображаемые бушменами Южной Африки, отражали не реальные события, а видения шаманов, впавших в транс. Правда, замечает этот автор, такие видения вряд ли имели бы место, если бы вооруженные конфликты здесь вообще отсутствовали (Campbell, 1986). Сходные проблемы встречаются и в связи с анализом фольклорных источников.

И все же иконографические сюжеты иногда представляют уникальную возможность изучить особенности древней

военной практики и ее эволюцию. Недавно, это было продемонстрировано на примере охоты за головами в древнем Перу (Proulx, 1971),

3. Палеоантропологические источники

Анализ палеоантропологических данных представляет первостепенную важность для выявления случаев насильственной смерти, в особенности, на ранних этапах человеческой истории, слабо обеспеченных источниками другого рода. Вместе с тем, использование крайне фрагментарных и немногочисленных палеоантропологических находок такого рода требует весьма осторожного подхода, ибо, как правило, они не дают основания для сколько-нибудь однозначных выводов. Глобальная сводка данных о человекоубийстве в период плейстоцена, опубликованная М. Ропер, и, особенно, ее обсуждение показали, что палеоантропологические данные допускают весьма различные прямо противоположные истолкования. Ведь повреждения на черепаках и костях древних людей могли быть следствием постингумационных процессов, гибели от хищников или несчастных случаев. Если же речь шла об убийстве или каннибализме, то здесь могли встречаться варианты, не обязательно связанные с войной (Roper, 1969; Montagu, 1976. P. 108-136). В частности, в случае убийства важно знать, в каком контексте оно произошло – внутри группы, в межгрупповом столкновении или же на межвидовом уровне. Так, в зависимости от своих теоретических установок, разные авторы могут интерпретировать одни и те же данные как свидетельства внутригрупповых (Семенов, 1966, 1989) или межвидовых (Roper, 1969) стычек.

Что касается ритуального использования черепов или каннибализма, то сложности нередко возникают из-за невозможности идентифицировать групповую принадлежность объектов этой практики. Ведь совершенно ясно, насколько различной может быть интерпретация в зависимости от принадлежности черепов врагам или умершим сородичам. Иной раз затруднения с интерпретацией возникают из-за нечеткого стратиграфического положения останков древних скелетов. Так, новый более скрупулезный анализ стратиграфического

[39]

положения скелетных остатков древнейших гоминид и сопровождающих их археологических данных заставляет по-новому оценить образ жизни австралопитеков, в частности, отказаться от идеи, что охота играла в их деятельности сколько-нибудь серьезную роль (Brain, 1975).

Что же касается сводки, сделанной М. Ропер, то, как отмечал Лоринг Брейс, она способна ввести читателя в заблуждение, так как не дает сколько-нибудь четкой оценки тех или иных спорных вопросов, связанных с древнейшими повреждениями скелетов (Roper, 1969. P. 451-452). И действительно, по мнению одних авторов, сводка Ропер свидетельствует о высоком уровне убийств и членовредительства у древних гоминид, в частности, из-за внутргрупповых стычек (Семенов, 1989. С. 225; O'Connell, 1989. P. 24), тогда как другие интерпретируют ее как доказательство низкого уровня физического насилия и уж во всяком случае отсутствия внутригрупповых столкновений (Бунак, 1980. С. 159).

Еще одним важным моментом дискуссии, развернувшейся в связи с исследованием М. Ропер, было выявившееся в ее ходе убеждение ряда авторов, что палеоантропологические данные часто не могут дать объективной информации об убийствах, так как во многих случаях смертельный удар приходился на мягкие ткани и не затрагивал костного скелета. В принципе такие рассуждения имеют смысл, в особенности, в отношении смертоубийств относительно поздних эпох. Что же касается раннего времени, то тогда методы убийства имели свою специфику. Как показывают многочисленные этнографические данные об охотниках и собирателях, они достаточно умело увертывались от оружия дистанционного боя, поэтому главным оружием, которым они убивали или добивали врага, как правило, служила дубина, причем удар приходился именно по голове (см. об этом ниже). Так что для древнейших периодов человеческой истории изучение черепных повреждений с целью установления объективной картины насильственной смертности действительно имеет большой смысл. И все же, как известно палеоантропологам, сколько-нибудь четко распознаваемые следы оружия убийства на скелетных остатках появляются не ранее эпохи металлов.

[40]

Следовательно, для интерпретации ранних материалов огромное значение имеет контекст и, прежде всего, находки скелетных остатков убитых вместе с самими орудиями убийства, что, к сожалению, встречается крайне редко. Другим путем к углублению наших знаний служит усовершенствование методик изучения скелетных остатков с целью выявления древней практики скальпирования (Hamperl, Laughlin, 1959), охоты за головами (Seeman, 1988), каннибализма (Turner II, Morris, 1970; Flinn et al, 1976).

4. Этнографические и этноисторические источники

Как отмечал Венцл, археологические, палеоантропологические и иконографические источники дают лишь очень ограниченную информацию и касаются лишь отдельных аспектов военного дела, тогда как только этнографические и письменные источники позволяют рассмотреть и проанализировать войну как целостное явление (Vend, 1984). Вместе с тем, и этнографическая информация имеет свои недостатки, которые нельзя не учитывать. Так, устная информация, полученная в течение последних десятилетий, происходит, как правило, от людей, которые сами не воевали, или стариков, которые воевали много лет назад. Ясно, что представленная, ею картина войн так или иначе искажена, что связано как со свойствами человеческой памяти, так и с рядом других субъективных моментов (Otterbein, 1970). В частности, она сплошь и рядом подвержена влиянию этноцентризма; как правило, в ней свои успехи преувеличиваются, а успехи врага преуменьшаются. Например, преувеличивается число убитых врагов, враги обвиняются в необычайной жестокости, вероломстве и каннибализме и т. д. (Arens, 1979).

Существует и другой фактор, затрудняющий реконструкцию первобытных войн, исходя исключительно из этнографической информации. Дело в том, что в условиях контактов с цивилизацией и, в особенности, в эпоху колонизации характер первобытных войн существенно изменился. По мнению ряда специалистов, с развитием торговли (пушниной, оружием, другими европейскими и местными товарами) и, в частности, работорговли, а также в ходе покорения местных

[41]

племен и сопутствующих этому эпидемий, миграций и т. д. войны стали гораздо более жестокими и кровопролитными или, иначе, тотальными (Nash, 1982. P. 238-239; Blick, 1988; Ferguson, 1984b, 1990). В различных регионах земного шара это наблюдалось в течение XVII – XIX вв. Местами речь шла о стимулированной европейцами пушной торговле, создавший почву для борьбы за пушные угодья (в северо-восточных районах Северной Америки, см. Hadlock, 1947; Jarvenpa, 1982; Ferguson, 1984b), местами – о резком росте работорговли (на северо-западном побережье Северной Америки. См. Donald, 1987), местами – об участии местных племен в покорении других мятежных групп (ибаны Саравака и мундуруку Амазонии. См. Vayda, 1976; King, 1976; Murphy, 1957, 1960) или, напротив, об обороне своих земель и куль – турных традиций от посягательств извне (у ряда племен Амазонии. См. Valee, 1988). Кое-где европейцы прямо стимулировали охоту за головами, выменивая головы на ружья (у хибаро Эквадора. См. Ross, 1980, 1984), либо косвенно влияли на эту практику через торговлю, влекущую развитие соперничества между бигменами (в районе Соломоновых о-вов. См. McKinnon, 1975). Хорошо известно, что именно в русле этих процессов на равнинах Северной Америки возник особый хозяйственно-культурный тип конных охотников на бизонов, а с ним сложилась совершенно новая военно-политическая обстановка, усугубленная прямым и косвенным воздействием со стороны белых поселенцев (Newcomb, 1950). Наконец, чукотско-корякские войны конца XVII-XVIII вв. были прямо вызваны русской колонизацией, стимулировавшей чукчей к захвату оленьих стад у своих соседей (Антропова, 1957. С. 177, 179, 185, 186).

Следовательно, в течение последних столетий традиционные войны гораздо чаще, чем раньше, велись по экономическим причинам, они стали более ожесточенными и кровопролитными. Местами изменился и характер оружия: многие традиционные группы (хибаро, мундуруку, маори, многие индейцы Северной Америки) обрели доступ к ружьям, некоторые (население Соломоновых о-вов) стали использовать в военном деле томагавки, третьи (дани Новой Гвинеи) получили от белых стальные мачете. В Северо-Восточной Сибири,

[42]

благодаря приходу русских, широко распространились < железные панцири, железные наконечники стрел, начали возводиться оборонительные сооружения и т.д. (Антропова, 1957. С. 220, 222-223).

Все это, как считает Э. Сервис, существенно воздействовало на традиционную социально-политическую структуру: кое-где возникали мощные конфедерации племен, а в других местах, напротив, наблюдалась дезинтеграция прежних более крупных общностей и тенденция к атомизации (Service, 1968). Если у одних групп в рассматриваемых условиях воинственность возросла, то у других понизилась (Hobhouse, 1956; Testart, 1982. P. 56-58). Последнее произошло прежде всего у тех охотничье-собирательских или раннеземледельческих групп, которые были окружены более сильными воинственными соседями (Gardner, 1969; Dentan, 1978).

Означает ли все это, что, как считают некоторые авторы (Ellis, 1919), этнографические данные вовсе непригодны для реконструкции первобытных войн? Внимательный анализ таких данных показывает, что изменения затронули разные аспекты военной сферы по-разному и многие из них имели не столько качественный, сколько количественный характер. Так, интенсивность вооруженных столкновений, безусловно, возросла. Т. е. набеги стали производиться чаще с участием большего числа воинов, значительно вырос и радиус боевых действий, возросло число убитых. Местами изменения затронули цели и причины набегов: как отмечалось, резко возросло значение экономического фактора. В свою очередь именно это и сделало войны более жестокими и кровопролитными (Tefft, Reinhardt, 1974). Изменения затронули систему лидерства, систему наказаний, особенности межгрупповых взаимоотношений. Вместе с тем, сами традиционные методы и формы ведения боевых действий, в частности, охота за головами, набеги мстителей и т. д., в значительной мере сохранили свое значение; сохранилась и связанная с ними идеология, сохранились многие традиционные особенности стра – тегии и тактики, а кое-где и традиционные виды оружия. В ряде случаев даже традиционные правила ведения войны остались прежними, равно как и общий сценарий всего связанного с ней поведенческого комплекса. Тем самым, этно-

[43]

графические материалы обладают определенными потенциями для понимания некоторых аспектов первобытной военной практики и могут использоваться для построения эвристических моделей. Но, разумеется, на современном уровне развития науки эта задача представляется более сложной, чем она воспринималась ранее. Использованию конкретных фактов должен предшествовать их детальный критический анализ с учетом особенности конкретно-исторического контекста. Помимо этого, надежность реконструкций определяется представительностью выборки, так как единичные случайно отобранные примеры дают весьма специфическую картину и преувеличение их роли в реконструкции может существенно исказить реальную картину (более детально о требованиях к процедуре реконструкции см. Шнирельман, 1980). К сожалению, характер настоящей работы не позволяет сколько-нибудь полностью выполнить эти требования. Их более полная реализация – дело будущего. Здесь же мы рассмотрим наиболее яркие этнографические примеры, позволяющие представить особенности и контекст первобытной военной практики и дающие пищу для размышления всем тем, кто хотел бы понять роль войны как в традиционных обществах, так и в целом как явления человеческой культуры.

5. Фольклорные источники

Фольклор нередко содержит весьма красочные описания битв, воинского поведения, взаимоотношений между друзьями и врагами. И вместе с тем это – особый вид источника, не допускающий сколько-нибудь прямолинейных некритических трактовок, не учитывающих специфику самого построения фольклорных сюжетов и роли фольклора в культуре. Не случайно вот уже около ста лет в науке ведутся споры между представителями исторической и мифологической школ по поводу оценки фольклора и его эвристических возможностей. Как справедливо отмечают некоторые американские исследователи (Goldschmidt et al., 1939), в военном фольклоре надо различать три компонента: а) собственно фольклорный аспект, включающий особую композицию с особой расстановкой акцентов, требуемых как самим жанром,

[44]

так и эмоциональным состоянием рассказчика; б) отражение этноцентрических оценок своих и чужих; в) этнографическое содержание, соответствующее живым реалиям.

Фольклор не дает объективного последовательного детального изложения событий. Акценты в нем расставляются под значительным влиянием субъективного фактора, отражая ценностные ориентации данной культуры. Как правило, определенные виды фольклорных произведений имеют достаточно стандартное построение и содержание. Вместе с тем, расстановка акцентов на те или иные моменты повествования культурно окрашены. Так, при всем сходстве сюжетов у обитающих в Калифорнии индейцев-юки и номлаки, первые делали упор на нападения на небольшие стоянки, на ночные сражения и победные пиры, а номлаки – на нападения на отдельные группы собирателей, вторжения на вражескую территорию, трусость врага и захват пленных (Goldschmidt et al, 1939). В фольклоре северо-западных атапасков преобладали обвинения врагов и чужаков в уводе женщин (Mc-Clellan, 1975; Basso, 1978), а фольклор индейцев-чиппева отражал их страх перед более могущественными соседями-кри и ожидание каких-либо вредоносных действий с их стороны, в частности, колдовства (Jarvenpa, 1982).

В любом случае врага наделяли воинственностью, кровожадностью, обвиняли его в вероломстве и непорядочности, считали именно его виноватым в развязывании вооруженных столкновений. Напротив, свою группу наделяли только положительными качествами, а ведущуюся ею войну объявляли справедливой, способной наказать врага за злоупотребления. Фольклор содержал и элементы хвастовства: чтобы подчеркнуть значение своей победы, силы врага чрезмерно преувеличивали. Обычно, вопреки реальным фактам, утверждали о полном уничтожении врага. Вместе с тем, фольклор намеренно обходил некоторые традиционные обычаи, неприятные победителям, скажем, необходимость с их стороны выплаты побежденным за понесенный теми ущерб.

Вместе с тем, фольклор дает исследователям колоритное описание реальных особенностей традиционной военной практики, военных атрибутов, связанных с войной концепций и т. д. (Goldschmidt et al., 1939. P. 153). Он фиксирует реальную напряженность

[45]

в межгрупповых или межэтнических взаимоотношениях, описывает прецеденты, способные послужить уроком на будущее и дает рекомендации, как себя вести в тех или иных ситуациях контакта с чужаками или врагами (Jарvenpa, 1982). Все это, безусловно, может представлять большой интерес для исследователей традиционных войн.

6. Лингвистические источники

Трудно переоценить ту роль, которую может сыграть в изучении первобытного военного дела сравнительно-историческое языкознание, способное реконструировать достаточно полные списки лексики, бытовавшей в весьма отдаленные эпохи. В последние десятилетия лингвистами получены целые лексические блоки, способные описывать те или иные сферы деятельности и быта древних этнолингвистических общностей. Вместе с тем, несмотря на призывы, раздающиеся со стороны археологов (Vend, 1984) и этнографов (Malaunie, 1974. P. 25), проблема реконструкции военной лексики в целом остается задачей будущего. А между тем, методы сравнительно-исторического языкознания могли бы позволить специалистам получать объективные данные для характеристики таких особенностей древней военной практики, которые остаются скрытыми для археологов. Кроме того, они могли бы усилить археологическую аргументацию или даже оказать помощь в ее интерпретации. Так, скажем, лингвистические данные могли бы создать предпосылки для характеристики особенностей как войн в целом, так и боевых действий, участников войны, военной организации, вооружения, тактики ведения боя и т.д. Иными словами, с их помощью удалось бы придать временную глубину тем чертам военной практики, которые были блестяще проанализированы Терни-Хай (Turney-High, 1949) на этнографических материалах. Это тем более заманчиво, что в языках некоторых традиционных народов военные действия порой различались как по своему характеру – открытый бой или внезапный набег – (Wedgwood, 1930), так и своим субъектам – внутренние стычки или внешние (Eibl-Eibesfeldt, 1989. P. 411; Read, 1954. P. 39-40; Koch, 1974. P. 80 сл.). Местами встречались особые термины для специальной культурно закрепленной категории воинов (Codere, 1950. P. 98-99; Stewart, 1947; Fathauer, 1954; Chagnon, 1988),

[46]

а кое-где существовала разветвленная терминология, отражавшая наличие целого ряда таких категорий (Voget, 1964).

Вместе с тем, так как язык связан со свойствами человеческого сознания, в том числе, этнического, можно ожидать, что реконструированная лексика потребует особых усилий для своей интерпретации. В ряде случаев реконструированный термин может быть весьма многозначным. Об этом свидетельствуют хотя бы данные об индейцах северо-западного побережья Северной Америки, где в недавнем прошлом встречались ожесточенные вооруженные столкновения, которые, исходя их ряда параметров (Turney-High, 1949), могут трактоваться как настоящие войны. Между тем, у южных квакиутлей имелся единый термин, обозначавший как битвы между кланами и племенами, так и межличностные схватки с целью убийства чужака. Этот же термин использовался и для брачной церемонии (Voas, 1966. P. 108). У тлингитов такого рода термин описывал любое умышленное или неумышленное убийство как на индивидуальном, так и на групповом уровне, а также самоубийство. Иными словами, он применялся для любых действий, требовавших проведения специальной «мирной» церемонии (de Laguna, 1972. Т. 2. P. 580, 593). В то же время терминологически тлингиты различали состояние войны и собственно стычку (Шнирельман, 1991).

В ряде случаев военная терминология имела яркую этническую или региональную окраску. Так, связь войны с конокрадом, которая широко наблюдалась во многих районах Северной Америки в XVIII-XIX вв., обнаруживалась в особого рода терминологии. У плоскоголовых термин «конокрад» сделался синонимом для воина, а сэлиши выражали свое желание воевать фразой «я хочу украсть лошадь у черноногих» (Turney-High, 1949. P. 174). Реконструкция всего комплекса подобного рода терминологии и ее анализ могли бы существенно продвинуть вперед изучение военной практики.

[47]

III ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ВОЙНА: подходы и решения

Вряд ли можно обсуждать проблему происхождения войны и ее ранних форм, не определив самого понятия «война». Существенные различия в подходе к дефинициям находятся в прямой связи с значительными расхождениями между разными школами и направлениями исследований, которые рассматривались нами выше. Уже отмечалось, что различные определения термина «война» основываются, главным образом, на одном из трех критериев: организационно-структурном, причинно-целевом и военно-техническом. Однако и определения, даваемые в рамках каждого из этих критериев, также далеко не идентичны. Представляется необходимым рассмотреть их детальнее, чтобы лучше понять сущность споров вокруг проблематики первобытной войны.

1. Организационно-структурный критерий

Простейшее определение войны, которым оперируют, главным образом, этологи и социобиологи сводится к тому, что война – это форма межгруппового насилия вплоть до намерения убивать друг друга (Bigelow, 1969. P. 57; 1971. P.21). Именно этот подход позволяет некоторым авторам говорить о войнах у крыс (Lorenz, 1969. P. 157-158), обезьян (Bigelow, 1969. P. 31,41), муравьев (Scott, 1969. P. 126-127) и животных в целом (Wright, 1942. V. I. P. 42-51). Среди антропологов и историков войны такое упрощенное понимание войны встречается крайне редко (Ellis, 1919. P. 45; Wright, 1942. V. I. P. 8; Chagnon, 1968. P. 158).

Гораздо шире антропологи пользуются другим определением, по которому войны являются организованными столкновениями между группам (Антропова, 1957. С. 154; Першиц, 1986. С. 36; Montagu, 1964. P. 268, 1976. P. 179-180; LeVine, 1961. P. 6; Vayda, 1968. P. 86; Chagnon, 1988. P. 987-988). Интересно, что в последние годы к этому определению начал

склоняться и один из лидеров современной этологии И. Эйбл-Эйбесфельдт (Eibl-Eibesfeldt, 1989. P. 402), очевидно, чтобы противопоставить человеческие войны агонистическому поведению животных. Недостаток этого определения заключается в том, что оно выносит за скобки характер тех групп, которые вступают в конфликт. И это порождает споры и недопонимание. Так, по мнению отдельных авторов, активно действующие вооруженные группы могут состоять из двух человек и более (Divale, Harris, 1976. P. 521), тогда как, с точки зрения других, в войне следует видеть насильственные действия со стороны одной социальной группы (общины или общества) против другой, когда они выступают как целостные внутренне солидарные единицы» (Ellis, 1919. P. 45; Mead, 1964: P. 270; Schneider, 1950). Некоторые ученые представляют эти группы как политические общности или их подразделения, имея в виду основания для их внутренних социальных связей (Leeds, 1963. P. 70). Акцент на такого рода внутренние связи и внутреннюю спайность участвующих групп придает войнам социально-значимый характер и свидетельствует об их безусловном отсутствии в мире животных.

Вместе с тем, он имеет существенный недостаток, ибо, как подчеркивают оппоненты рассматриваемого подхода, в боевых действиях нередко реально участвовала лишь часть общины, представлявшая группу ближайших родственников. Кроме того, они сомневаются в наличии сколько-нибудь постоянной внутриобщинной солидарности, так как в силу флюидности состава общин некоторые воины могли участвовать в действиях против своих прежних общин (Harris, 1979. P. 123; Chagnon, 1988. P. 987).

Поэтому некоторые авторы в своих определениях войны придают особое значение тому, что речь идет о действиях узаконенных, санкционированных обществом (Wedgewood, 1930. P. 5; Wright, 1942. V. 1. P. 8-10; Cohen, 1984. P. 330), или, как полагает Дж. Кеннеди, о целенаправленных легализованных убийствах дхжаков, не принадлежащих к данной социальной группе (Kennedy, 1971. P. 42-44). Одно из наиболее четких определений войны в рамках этой традиции было выдвинуто Р. Коуином, по словам которого, в войне следует видеть «узаконенные обществом и организованные наступательные и/или оборонительные кровопролитные насильственные действия между

политическими общностями» (Cohen, 1984. P. 330). Несколько более широкий подход к войне сформулировал Р. Б. Фергюсон, считающий войну «организованной целенаправленной деятельностью одной группы против другой, причем последняя может быть или не быть организована для аналогичной деятельности, включающей реальное или потенциальное применение смертоносной силы» (Ferguson, 1984a. P. 5). Достоинство этого определения Фергюсон видит в том, что оно делает акцент на социальный характер войны, а не индивидуальное насилие. В то же время он считает необходимым не определять четко характер вовлеченной в войну группы и не ограничивать суть понятия одной лишь военной деятельностью. Он подчеркивает, что следует различать собственно военные действия и состояние войны, ибо, как продемонстрировал Э. Вайда, «война – это процесс, включающий разные формы конфронтации» (Vayda, 1976. P. 83-84). Поэтому с точки зрения Фергюсона, набеги мстителей – это невоенные формы кровопролития. Что же касается субъекта войны, то, по мнению Фергюсона, вычленить его бывает крайне трудно, если вообще возможно. Ведь границы социальных групп часто нечетки, подвижны и иной раз возникают именно в ходе конфликта (Ferguson, 1984a. P. 3-4).

В литературе встречается еще одна попытка более четко определить характер вовлеченных в войну групп как состоящих исключительно из взрослых мужчин (Durbin, Bowlby, 1964. P. 81; Suttles, 1961. P. 148). Совершенно очевидно, что [« это – очень узкий подход, имеющий в виду лишь непосредственные боевые действия. Однако и в этом смысле он далеко не всегда правомерен, так как иной раз и женщины берутся за оружие: достаточно вспомнить особые женские отряды в царстве Дагомея и ряд других примеров. Что же касается военного процесса в целом, то, как мы увидим ниже, женщины участвовали в нем достаточно активно: они сопровождали военные отряды, несли провиант и готовили пищу для воинов, подавали своим мужьям копья и стрелы в ходе самой битвы, ради безопасности мужчин должны были придерживаться в поселке особых моделей поведения, иногда способствовали разжиганию конфликта, а иногда, напротив, участвовали в миротворчестве и т. д.

[50]

Иными словами, различая военное состояние и непосредственно боевые действия, надо различать также группу, так или иначе участвующую в войне, и непосредственно военный отряд, являющийся ее частью. Группой в данном случае выступает тот коллектив, от имени и с одобрения которого ведутся военные действия и который берет на себя всю ответственность за последствия войны, в том числе выплачивая порой компенсацию за ущерб.

2. Причинно-целевой критерий

Причинно-целевой критерий является одной из самых живучих черт эволюционистского наследия. Он хорошо просматривается в формулировке, предложенной Л. Уайтом: «Войны являются борьбой между социальными организмами, называемыми нациями, за выживание, за приобретение и использование ресурсов земли, за плодородные поля и т. д.» (White, 1949. P. 343). Несколько иначе смотрел на войну Б. Малиновский, который, перефразируя немецкого военного теоретика К. Клаузевица, писал, что «война – это вооруженное столкновение между двумя независимыми политическими единицами с использованием организованной военной силы в целях проведения племенной или государственной политики» (Malinowski, 1941. P. 523). Иными словами, если Л. Уайт делал акцент на экономические цели войны, то Малиновский – на политические, хотя и он придавал экономическим стимулам большое значение.

Большинство современных зарубежных специалистов, оперирующих причинно-целевым критерием, склонны следовать Л. Уайту, делая акцент на захват каких-либо материальных ресурсов – охотничьих угодий, земельных участков, сырьевых, рабов, других материальных ценностей (Newcomb, 1950. P. 317; 1960. P. 328; Thurnwald, 1958. P. 186; Leakey, Lewin, 1978. P. 223; Drucker, 1965. P. 75). В последние годы этот подход разделяется иной раз и социобиологами, придающими войне роль механизма, выполняющего территориальную функцию (Wilson, 1978. P. 110-111; Eibl-Eibesfeldt, 1979. P. 42). Что же касается тесной связи войны с политикой, то это положение до сих пор является определяющим в марксистском

подходе к пониманию войны (см., напр., Разин, 1955. С. VIII; *Философия и военное искусство*, 1979. С. 244). И с этой точки зрения война трактовалась как продукт и неотъемлемая часть, именно цивилизации (Nettleship, 1975), что полностью соответствовало также взглядам английских диффузионистов У. Лерри и г. Элиот-Смита.

Вместе с тем, оба подхода допускают и иное понимание эволюции войны, как явления, глубоко уходящего корнями в первобытность. Это проявлялось, например, в ранних работах Э. Вайды, пытавшегося обосновать тезис о наличии борьбы за землю в безгосударственных обществах (Vayda, 1976). Ту же (позицию отстаивает и Л. Шэгнон, определявший первобытную войну как «продолжение племенной политики при отсутствии «других средств» (Chagnon, 1974. P. 77) или «продолжение родственных обязательств путем насилия, так как (в племенном мире) политическая система основана на родственных узах (Chagnon, 1988. P. 988). Как бы то ни было, при этом за скобками остаются те неэкономические и неполитические причины вооруженных столкновений, которые К. Райт (Wright, 1942. V. I) и его последователи (Schneider, 1950; Tefft, Reinhardt, 1974) называли социальными (месть, престиж, ритуал и т. д.). Вероятно, поэтому некоторые современные авторы, отдавая в своих определениях должное целям войны, не стремятся формулировать их сколько-нибудь однозначно. Так, по С. Мэнсфилд, война – это «организованные сознательные социально оправданные действия, которые вовлекают группы мужчин в относительные ; сложные агрессивные и оборонительные операции и ведутся рациональным способом ради достижения каких-либо определенных целей» (Mansfield, 1982. P. I-2). Столь же осторожна формулировка, предложенная Д. Ричизом: война – это «легитимизированное использование силы против других людей как средство, с помощью которого группы, соперничающие за контроль над общественными ресурсами и иные преимущества, стремятся повлиять на исход соперничества в свою пользу» (Riches, 1987. P. 17).

[52]

3. Военно-технический критерий

Военно-технический критерий был детально разработан американским антропологом Х. Терни-Хаем, который для разграничения «первобытной» и «настоящей» войны ввел понятие «военного горизонта». Последний означал ведение тактических операций, применение серии разнообразных боевых действий, наличие военного руководства и четкого представления о групповых причинах и целях войны. Настоящие войны имели определенную протяженность во времени, требовали участия профессионалов и, как подчеркивал Терни-Хай, велись по политическим и экономическим причинам. Что же касается «примитивных войн», то они, по его мнению, отличались сходными чертами, но выступавшими в недоразвитой форме (Turney-High, 1949).

Среди антропологов очень немногие взяли на вооружение этот подход (Thurnwald, 1958, S. 186; Morren, 1984; Ferrill, 1985. P. 11), который зато получил широкое признание у политологов (Kende, 1986. P. 538) и военных историков (Философия и военная история, 1979). Между тем, военно-технические критерии иной раз используются в эмных категориях. Так, папуасы долины реки Джаксоле (Западный Ириан) понимают под войной «открытую вражду, включающую бой с использованием лука и стрел» (Koch, 1974. P. 76).

Каждый из рассмотренных критериев, безусловно, по-своему важен и полезен. Однако их некритическое совместное применение для характеристики первобытного военного дела и построения эволюционных схем чревато существенными недостатками. Так, если, исходя из военно-технического критерия, Терни-Хай называл войны у североамериканских индейцев нутка и квакиутль настоящими войнами (Turney-High, 1949. P. 55), то к иным выводам приводило использование экономического критерия: ведь у нутка борьба за промысловые угодья была одной из главных причин войн (Swadash, 1948), а у квакиутлей экономические причины как будто бы не играли большой роли (Codere, 1950. P. 105). Использование структурного критерия заставляет Р. Берндта говорить о развитии войн у горных папуасов Новой Гвинеи (Berndt, 1964), а П. Браун, исходя из

военно-технического критерия, считает, что настоящих войн там не было (Brawn, 1964).

Эти противоречия с особой силой выявились в работе Э. Монтэгу, который эклектически использовал разные критерии, что сделало его концепцию весьма нечеткой. Так, считая войну продолжением политики, этот автор начинает историю «настоящей войны» с момента появления государственности (Montagu, 1976. P. 58, 60, 270-271); опираясь на экономический критерий (захват материальных ценностей, земли и т. д.), он относит этот рубеж к эпохе появления производящего хозяйства (Montagu, 1976. P. 267, 274, 294); а определяя войну как вооруженную межгрупповую стычку, он без труда находит ее даже у бродячих охотников и собирателей (Montagu, 1976. P. 179-182, 268).

Чтобы разобраться с этой достаточно запутанной ситуацией, следует, по-видимому, обсудить два существенных момента – чем «современная», или «настоящая» война отличается от «первобытной» и чем война в целом отличается от не – военных насильственных действий. В настоящее время многим специалистам кажется достаточно очевидным, что, какими бы критериями ни пользоваться, военная деятельность в догосударственных обществах кардинально отличалась от той, которая характерна для государств (Gorer, 1968. P. 31; Lesser, 1968. P. 94; Nettleship, 1975). С. Менсфилд, например, указывает на особую специфику первобытных войн. По ее мнению, цели войны в первобытности имели прежде всего ритуальный характер и поэтому такие войны невозможно описывать в категориях, применяемых обычно для современных войн (Mansfield, 1982. P. 18, 23 сл. Ср. также Diamond, 1968. P. 185-186). А по мнению Э. Сервиса, специфика первобытных войн состоит в их межличностном, «семейном» характере, их ограниченности и неорганизованности (Service, «1968. P. 160). Таким образом, первобытные войны отличались от современных, главным образом, масштабами, организацией и целями.

В чем же заключались отличия «первобытных войн» от другого рода кровопролитных стычек и нападений? Акцент на военно-технический критерий заставляет некоторых авторов причислять к войне только открытые формальные

сражения, исключая из этой категории внезапные набеги (Hadlock, 1947. P. 205). Вместе с тем, как продемонстрировал Э. Вайда, оба этих вида вооруженных действий могли в ряде случаев служить элементами единой военной системы (Vayda, 1971, 1976). Иначе говоря, сама форма вооруженной борьбы может служить достаточно надежным критерием.

Гораздо более широкое распространение получил другой взгляд, согласно которому войну следует отличать от кровной мести и кровной вражды. Ведь взаимоотношения небольших автономных первобытных групп не регулировались какой-либо вышестоящей властью, которой попросту не было. Следовательно, расплата за оскорбление или обиду была тесно связана с инициативой самого обиженного или его ближайших родственников. При господстве принципа «око за око, зуб за зуб» такая расплата выступала в виде мести, что по мнению многих специалистов, следует рассматривать как систему наказания, а не войну (Ellis, 1919. P. 46; Malinowski, 1941. P. 538 сл.; Coblantz, 1953. P. 24-25; Schneider, 1950; Drucker, 1965. P. 75; McClellan, 1975. P. 185; Антропова, 1957. С. 154; Роуз, 1989. С. 70). Вместе с тем, как подчеркивают некоторые из них, при определенных обстоятельствах кровная месть может стать поводом для развязывания войны (Coblantz, 1953. P. 24-25; Berndt, Berndt, 1968. P. 299; McClellan, 1975. P. 185). Интересно, что эта позиция подкрепляется некоторыми данными об отношении самих безгосударственных групп к кровной мести. Так, папуасы–маринданам считают ее не войной, а «актом справедливости» (Van Baal, 1966. P. 693). Лишь немногие специалисты трактуют кровную вражду как «жестко регулирующую ограниченную форму войны между группами» (LeVine, 1961. P. 6).

Исходя из своего выше рассмотренного подхода, связывающего войну с политикой, Б. Малиновский отказывался считать войной не только кровную месть, но и вооруженные набеги ради разбоя, захвата трофеев, голов, пленных для жертвоприношений и т. д. (Malinowski, 1941. P. 538 сл.; сР. Разин, 1955. С. VIII).

По той же причине Л. И. Лавров отмечал, что вооруженные стычки в первобытности являются войнами не по сути, а по форме, что и составляло специфику первобытных войн

(Лавров, 1969. С. 25). Эту мысль по-своему развил Р. Коун, который ввел понятие «военнообразной деятельности» для таких действий как месть, охота за головами, разнообразные набеги, устраивавшиеся отдельными сегментами автономных смысле, отмечал он, воинственность следует «отличать от войны (Cohen, 1984. P. 330). Наконец. Р. Турнвальд, используя совместно причинно-целевой и военно-технический критерии, предложил различать вооруженную борьбу (Kampf) и войну (Krieg). Под первой он понимал стычки между небольшими группами из-за кровной мести, колдовства, женщин, хозяйственных угодий, а вторую связывал с масштабными действиями крупных военных отрядов под общим руководством для захвата добычи, территории и рабов (Thurnwald, 1968, S. 186). Х. Лэеренс попытался связать : вооруженную борьбу с каменным веком, а войну – с эпохой металлов (Behrens, 1978).

Подытоживая рассмотренные выше взгляды и концепции, представляется возможным сформулировать следующее определение. Война – это конфронтация между двумя и более автономными группами, вызывающая санкционированные обществом организованные протяженные во времени вооруженные действия, в которых участвует вся группа или, что бывает чаще, ее часть, с целью улучшить свое материальное, социальное, политическое или психологическое состояние, либо, в целом, шансы на выживаемость¹. При этом первобытную войну характеризовали следующие особенности: мелкомасштабность, скоротечность, совпадение боевой организации с родственной, почти полное отсутствие какой-либо строгой военной организации, иерархической соподчиненности и централизованной системы командования, решение только сугубо тактических задач, преобладание социальных и ритуально-психологических целей над экономическими и : политическими (сР. Burch, 1974). Переход от первобытной к, так называемой, «настоящей» войне совершался в эпоху

[56]

---

¹ Это определение не подходит для гражданской войны, ибо она никогда не бывает санкционированной обществом и ведет к расколу автономных групп по родственному, социальному, конфессиональному, этническому или политическому признаку. Поэтому гражданские войны следует выделять в особую категорию вооруженных столкновений.

классообразования, когда один за другим складывались компоненты того, что Терни-Хай называл «военным горизонтом». Еще сложнее дело обстоит с термином «мир», который до сих пор не подвергался сколько-нибудь детальному анализу (Wright, 1942. V. I. P. 10; Riches, 1987. P. 18; de Waal, 1989. P. 18-19). Он тоже не однозначен, ибо мир можно рассматривать и как состояние и как определенную деятельность, направленную на окончание войны. Важно подчеркнуть, что в первом смысле мир вовсе не равнозначен полному отсутствию какого бы то ни было насилия. Ведь и в мирных условиях встречаются ссоры, стычки, преступность и т. д. Именно это и имел в виду г. Эллиот-Смит, выделяя категорию «мирных обществ». Мир как деятельность должен трактоваться подобно войне в виде процесса, включающего целый ряд мероприятий, направленных на заключение и поддержание мирных отношений.

[57]

Раздел второй
У ИСТОКОВ ВОЙНЫ И МИРА

I

АГОНИСТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ У ЖИВОТНЫХ

Современная эволюционная биология, исходящая из теории естественного отбора, утверждает, что эволюционное преимущество имеют прежде всего те характеристики, которые способны создать оптимальные условия для сохранения и развития биологического вида. В отношении поведенческих стереотипов и реакций главный вопрос, с этой точки зрения, заключается в том, чему служит то или иное поведение, какова его функция. В свете этого подхода, который сейчас разделяется подавляющим большинством специалистов, агрессия должна трактоваться как высоко адаптивный вид поведения. В чем же видят специалисты эту адаптивность, какова положительная роль агрессивного поведения в животном мире.

Одну из важнейших функций агрессии многие авторы видят в том, что она способствует равномерному расселению особей одного вида по территории, препятствуя излишней скученности, которая могла бы повлечь губительное истощение необходимых пищевых ресурсов. Так, по словам

[58]

К. Лоренца, на небольшом участке воды может находиться столько особей разных видов рыб, сколько здесь имеется экологических ниш для них. При этом, если разные виды занимают и разные ниши, не создавая конкуренции друг другу, то отдельные особи внимательно следят, чтобы сюда не заплывали представители их собственного вида, которые могли бы стать их нежелательными соперниками. У рыб распознаванию соперника служит окраска, у птиц важным территориальным знаком является пение, а у млекопитающих – запах.

Четкими границами территории, разумеется, не обладают, и по этому особое значение имеет разделение их на центр и периферию. Именно в центре территории у животных наблюдается наибольшая готовность к схватке, так как отсюда убежать куда-либо бывает невозможно. Зато, чем ближе к периферии, тем больше агрессивность спадает. Иначе говоря, при схватке между хозяином территории и чужаком мужество первого и неуверенность в поведении второго находятся в прямой зависимости от пространственного расположения места схватки между центром и периферией. Территориальность является иной раз механизмом, предотвращающим угрозу физического насилия. Так, самцы лягушек не выносят кваканья друг друга и стараются держаться подальше друг от друга. Есть основания полагать, что у млекопитающих такую превентивную функцию имеет запах (Lorenz, 1969. P. 30-35).

Другая функция агрессии в животном мире связана с половым отбором, в силу чего самка достается сильнейшему, а могущество самца может создать особо благоприятные условия для выживания его детенышей. В то же время в зависимости от сферы и функции отбор идет на разные качества, которые могут иной раз противоречить друг другу, создавая, по словам Лоренца, достаточно парадоксальную ситуацию. Так, у некоторых видов птиц (фазанов, павлинов, райских птиц и т. д.) особой привлекательностью для самок пользуются самцы с яркой окраской и длинными перьями. Это создает неоднозначные условия отбора: с одной стороны, такие самцы более уязвимы для хищников, но с другой оставляют больше потомства. Следовательно, при определенных обстоятельствах такая селекция может привести к истреблению вида (Lorenz, 1969. P. 36-38). Этот

[59]

пример наглядно показывает необходимость различать селекцию на индивидуальном, групповом и видовом уровнях, ибо процессы, происходящие на всех этих уровнях могут иной раз противоречить друг другу. Игнорирование этого более дифференцированного подхода и является одним из недостатков подхода Лоренца к селекции в целом и к адаптивной роли агрессивности, в частности.

Еще одной функцией агрессии является борьба за ранг или статус в системе доминирования у социальных (или, по Ю. И. Семенову, гregarных животных. Система доминирования, с одной стороны, призвана регулировать внутренние конфликты, способные принести вред стаду или стае, но с другой, сама время от времени вызывает такие конфликты (Тих, 1970. С. 45).

Некоторые авторы, говоря об агрессии, не склонны вводить существенные различия между внутривидовым и межвидовым поведением. Так, Ардри, развивая свою «охотничью гипотезу», не затрагивает вопрос о существенных различиях такого рода (Ardrey, 1976). Между тем, в животном мире поведение в отношении своих соперников, хищников или жертв сильно различается (Wright, 1942. V. I. P. 46). Так, в драках между собой антилопы-ориксы придерживаются сравнительно безвредного стиля – сталкиваются лбами, но против хищников используют рога. Жирафы в стычках между собой полагаются на небольшие рожки, а от хищников отбиваются копытами. При охоте хорьки действуют беззвучно, а при обороне от хищников, напротив, издают громкие звуки (Eibl-Eibesfeldt, 1963. P. 8). Подчеркивая все такого рода различия, Дж. Скотт видит во внутривидовых стычках или конфликтах особый вид поведения и предлагает назвать его «агонистическим» (Scott, 1961, 1969). К агонистическому поведению он относит драки, избегание, угрозы, холодность, господство и подчинение.

Существенно, что в животном мире имеются поведенческие механизмы, способные смягчать последствия агрессивности, придавать ей наименее вредоносный характер. Главный из этих механизмов получил название ритуализации. Впервые его описал Дж. Хаксли, обнаруживший, что в ходе филогенеза некоторые поведенческие формы теряют свою первичную функцию и превращаются в «символические

[60]

церемонии». Целенаправленное изучение процессов ритуализации связано с именем К. Лоренца, продемонстрировавшего их широкое распространение у самых разных видов животных. Лоренц показал, что ритуализация позволяет более сильным особям добиваться определенных преимуществ, не принося сколько-нибудь серьезного ущерба более слабым. На практике ритуализация часто встречается в виде угрожающих действий – шипения, телодвижений, поз, игры цвета, которые предупреждают соперника об опасности. Иногда она приобретает облик турниров, при которых соперники обмениваются силой, но опять-таки без особого физического вреда друг друга. В этом контексте специфичным выглядит и поведение побежденного, который нередко подставляет победителю самую уязвимую часть своего тела, в частности, поворачивается к нему спиной. Победитель однозначно воспринимает такое поведение как выражение покорности, чем, как правило, и удовлетворяется (Лоренц, 1969; Lorenz, 1969. P. 54-132; Eibl-Eibesfeldt, 1963; Tinbergen, 1968. P. 1413-1414; Велик, 1989).

Описанные механизмы Лоренц считал инстинктивными (Lorenz, 1969. P. 64), что справедливо ставится под сомнение его критиками и оппонентами, в особенности, в отношении высших животных. Разумеется, в животном организме имеются физиологические механизмы, способствующие агрессивному поведению. С этой точки зрения, ученые не раз обращали внимание на роль главного мужского полового гормона – тестостерона, искусственное введение или повышение которого, как показывают эксперименты, способствует росту агрессивности (Eibl-Eibesfeldt, 1963. P. 10; Hamburg, 1968. P. 340; Саполски, 1990).

И тем не менее, само по себе это еще не объясняет значительную вариативность поведения живых организмов в тех или иных условиях, которая проявляется на самых разных уровнях – видовом, групповом и индивидуальном.

Так, агонистическое поведение весьма разнообразно как по характеру своего проявления, так и по функциям. – Например, данные о территориальности в животном мире столь многообразны и многозначны, что их трудно использовать для выявления каких-либо общих биологических закономерностей. Так, встречаются разные виды территориальности, имеющие и

[61]

разные функции. Территориальность присуща далеко не всем видам животных. У некоторых видов в зависимости от характера окружающей среды у одних географических популяций она встречается, а у других – нет. У многих видов ее характер существенно меняется в течение года, вызывая и различные поведенческие реакции; в частности, ей далеко не всегда сопутствует агрессивность. Наконец, индивидуальная территориальность по контексту и поведенческим моделям существенно отличается от групповой (Carrighar, 1968; Scott, 1969; Gorer, 1968. P. 79-80; Groom, 1968; Schuster, 1978).

Подводя итоги такого рода исследования, Э. Жонтегю пишет, что «именно экологические и социальные факторы определяют, будет или нет популяция проявлять территориальное поведение» (Montagu, 1976. P. 245). Функция агрессии иной раз влияет и на дифференциацию половых ролей. Как подчеркивает сам Лоренц, именно пол, который берет на себя защиту детенышей, оказывается в некоторых ситуациях и более агрессивным. Например, у куриных это характерно для самок (Lorenz, 1969. P. 39-40).

Следовательно, вопреки Лоренцу и ряду других сторонников «этологической школы», нет серьезных оснований говорить о спонтанной внутренне обусловленной агрессивности, якобы присущей миру животных в целом. Поэтому в последние годы многие специалисты, среди которых и ряд ведущих этологов, придают первостепенное значение условиям окружающей среды – экологическим и социальным, способным стимулировать или, напротив, снизить агрессивность. Разумеется, с этой точки зрения, особый интерес представляют данные о приматах – ближайших родственниках человека в мире животных. Характерно, что даже наиболее рьяные защитники тезиса об исконной воинственности человека, доставшейся ему якобы от обезьяноподобных предков, не могут обойти факта вариативности агрессивного поведения и контекста у приматов. Так, отмечая наличие жесткой территориальности у павианов, Ардри фиксирует ее полное отсутствие у горилл (Ardrey, 1961. P. 77-78, 113-114). Не может он не упоминать и о том, что при нарушении нормальных социальных условий, в частности, при повышенной скученности у обезьян множатся факты асоциального поведения, но они

[62]

практически исчезают при восстановлении прежней ситуации (Ardrey, 1961. P. 87-88, 96-97; сР. Scott, 1969. P. 127-128, 132; Тих, 1970. С. 48). Аналогичным образом Бигилоу указывает на уникальную группу шимпанзе, живущую в саванне и отличающуюся более жесткой социальной структурой и повышенной агрессивностью по сравнению с шимпанзе, обитающими в лесу (Bigelow, 1969. P. 41-42). Любопытно, что вопреки своим теоретическим установкам, оба эти автора допускают изменение поведенческих характеристик отдельных видов животных в исторической перспективе, в частности, вследствие изменения особенностей окружающей среды. По их мнению, относительно мирное поведение некоторых популяций современных человекообразных обезьян выработалось после того, как их предки переселились из саванны в лесную зону, где они избавились от угрозы со стороны хищников (Bigelow, 1969. P. 41-42; Ardrey, 1970. P. 275). В принципе этот подход отвечает тенденции к историзму, складывающейся в современной приматологии. Так, пытаясь объяснить случаи каннибализма, зафиксированные у шимпанзе, Дж. Байготт высказывает предположение, что они перешли к хищническому поведению относительно недавно (Bygott, 1972. P. 411). Еще определеннее высказывается М. Л. Бутовская, связывая такого рода поведение с повышением плотности популяций, происходящим под влиянием человека (Бутовская, 1989. С. 61, 64).

Разумеется, при крайней фрагментарности наших нынешних знаний все такого рода объяснения остаются гипотетическими. Бесспорными представляются лишь лежащие за ними факты, демонстрирующие безусловную связь поведенческих реакций со складывающейся внешней обстановкой. В частности, установлено, что не само по себе наличие тестостерона в организме обуславливает якобы спонтанную агрессивность, а создавшаяся вследствие внешних обстоятельств стрессовая ситуация способствует повышению уровня тестостерона, а тем самым и устанавливает вероятность агрессивной реакции (Саполски, 1990). С этой точки зрения, особый интерес представляют данные не только о непосредственном поведении, но о его контексте и вариативности в зависимости от последнего.

[63]

Один из важных факторов, влияющих на развитие агрессивного поведения приматов, – характер их социальной структуры. По Р. Фоксу, по характеру первичных ячеек у приматов следует различать два основных типа социальной организации. Первый основан на односамцовых семейных группах, второй – на многосамцовых несемейных. Первый разбивается на два подтипа в зависимости от наличия моногамных или гаремных семей. Моногамные семьи встречаются, главным образом, у лесных видов (лангуров, церкопитековых и т. д.), много реже – у степных. Зато гаремные семьи встречаются преимущественно на открытых местностях, в саванне (гелады, некоторые павианы). Если лесные виды предпочитают жить нуклеарными семьями, то обитатели саванн объединяются в более крупные стада, что, как совершенно очевидно, определяется потребностью защиты от хищников.

Другой тип социальной организации основан на отсутствии сколько-нибудь прочных связей между половыми партнерами, и там невозможно выделить отдельные «семейные группы». Он встречается у макак, многих популяций павианов, а также у некоторых видов человекообразных обезьян – шимпанзе и горилл. В этих случаях, как указывает Р. Фокс, отмечается нечто вроде группового брака, когда при частой смене половых партнеров особое значение приобретают кровнородственные связи. Именно здесь обнаруживаются матрифокальные группы, члены которых относятся друг к другу много благожелательнее, чем к чужакам, причем это особенно выражено у самок. Любопытно, что пространственное распространение двух рассмотренных типов социальной организации связано более с экологическими параметрами, нежели с местом тех или иных популяций в зоологической систематике. Иной раз группы одного и того же вида обладают либо той, либо другой системой в зависимости от экологической обстановки (Фокс, 1975). При этом жесткие системы доминирования и более выраженная агрессивность встречаются именно у обитателей саванны; лесные виды отличаются более миролюбивым нравом.

В стаде возникает множество поводов для конфликта. Иногда это соперничество из-за пищи, хотя, следует отметить, что в естественных условиях это наблюдается редко,

[64]

так как пищи хватает всем (Тих, 1970. С. 48; Lawick-Goodall, 1971. P. 91). Чаще стычки и конфронтация связаны с характером индивидуальных взаимоотношений – включением новых членов в группу, перегруппировкой, отказом от общения, принуждением к объединению, соперничеством из-за статуса и т. д. (Тих, 1970. С. 47 сл.). При этом особи одного или близких рангов стараются не вступать в конфликт, что ведет к переносу гнева на особей более низкого ранга, котором поэтому достается чаще всего (Lawick-Goodall, 1971. P. 91; de Waal, 1989. P. 15).

В целом самцы проявляют большую склонность к агрессии, чем самки. По данным Д. Симонза, у макак-резусов самцы в 2,5 раза чаще, чем – самки, участвовали в игровых схватках и являлись их инициаторами. Зато самки чаще, чем самцы, отказывались от схваток и чаще убегали после их окончания (Symons, 1978). В принципе у шимпанзе самцы тоже проявляют больше склонности к физическому насилию, чем самки, (de Waal, 1989. P. 56). Зато именно самки самоотверженно защищают детенышей (Lawick-Goodall, 1971. P. 92), и они же проявляют особую нетерпимость в отношении чужой самки, появившейся в группе (Goodall, 1986. P. 501). Д. Симонз объясняет большую агрессивность самцов особым соотношением половых ролей. Он рассуждает так: успех самцов определяется числом покрытых ими самок, а успех самок – числом детенышей, и, следовательно, именно успех самцов в первую очередь связан с особым индивидуальным поведением, выражающимся в агрессии. При отсутствии стабильных брачных пар более сильные и агрессивные самцы имеют больше шансов завести более многочисленное потомство. Иначе говоря, выживаемость самцов и их репродуктивный успех определяется во многом степенью их агрессивности (Symons, 1978) – аргумент, играющий в последние годы принципиальную роль в социобиологии (Borgia, 1980; Chag- non, 1988).

Вместе с тем, как установлено в последние годы, «право сильного» у шимпанзе значительно ограничено, и самцы идут на мировую значительно чаще, чем самки. Самки здесь более постоянны в своих привязанностях и стараются кооперироваться прежде всего по признаку кровного родства,

тогда как самцы проявляют больше гибкости и заключают альянсы в зависимости от конкретной расстановки сил (Fox, 1975. P. 16; de Waal, 1989. P. 48-50).

Следовательно, между агрессивностью и репродуктивным успехом у шимпанзе не наблюдается прямой связи. Прерогативы вожака там достаточно ограничены, и имеются поведенческие нормы, открывающие путь к половому контакту самкой без какой-либо связи с агрессивностью или местом в системе доминирования (de Waal, 1989. P. 80, 82).

Выше мы видели, какое огромное значение в этологических теориях придается территориальности. Некоторые этологи считают, что территориальность – всеобщее свойство животного мира (Ardrey, 1966), или уж во всяком случае – приматов (Bigelow, 1969. P. 28-38). К сожалению, проблема территориальности у приматов окончательно не решена, хотя уже сейчас ясно, что если она и имеется у некоторых видов, то в особом смысле. Иначе говоря, если в прошлом территориальность понималась многими авторами в абсолютном смысле, т. е. как полный запрет чужакам доступа на строго ограниченную территорию, то сейчас есть основания говорить и о других типах территориальности. Одним из первых; это отметил Бигилоу, попытавшийся различить два уровня: социальной организации у приматов – крупные группы с устойчивым составом и входящие в них мелкие группы с меняющимся составом (Bigelow, 1969. P. 33-35). С тех пор этот подход получил широкое распространение в приматологии, причем низкий уровень иерархии разные авторы называют то семейной группой, то стадом, а высший, соответственно, стадом, или популяцией. У разных видов обезьян в разных условиях численность этих групп существенно варьирует. Все более группы низшего уровня включают обычно от одного: до нескольких десятков особей, а высшего – в среднем 100-200 голов (Фридман, 1979).

Замкнутые малые группы встречаются у обезьян крайне редко. Гораздо чаще наблюдается более или менее свободный переход отдельных особей из одной группы в другую, как правило, в пределах популяции. Например, у горных горилл молодые самцы и самки, подрастая, покидают свою группу, состоящую из 5-30 особей. Участки обитания соседних

групп у них перекрываются, и многие члены таких групп хорошо знают друг друга (Фридман, 1979. С. 194). У лангуров стабильными по составу являются именно группы самок с детенышами, а у шимпанзе залогом социальной стабильности являются группы самцов. Соответственно у лангуров из одной группы в другую переходят именно самцы, а у шимпанзе – молодые бездетные самки. Ясно, что в обеих ситуациях поведение чужаков, контекст их приема в группу и отношение к ним должны существенно отличаться. Действительно, чужак-самец, внедрившийся в группу лангуров, тут же вступает в жестокую борьбу за доминирование, которая сопровождается серьезными стычками и травмами. Если он побеждает в этой борьбе, то старается убить детенышей местных самок, что облегчает ему половой контакт с последними. Очевидно, это закрепляет его положение в системе доминирования (Hrdy², 1977).

Напротив, у шимпанзе чужие самки подвергаются нападению, характер и последствия которого зависят от контекста. Так, молодым бездетным самкам здесь позволено беспрепятственно перемещаться из одной группы в другую, причем, если самцы их не трогают, то зато самки долго третируют вплоть до избиений, хотя в конечном итоге все же принимают в свою среду. Вместе с тем, если самцы встречают чужую самку с детенышем, то они стараются побить ее и прогнать, а детеныша убивают и иногда съедают (Bygott, 1972; Goodall, 1986. P. 493-494). Чем бы ни объяснять подобно-го рода случаи агрессивного поведения между чужаками, совершенно очевидно, что контексты его существенно различаются, и сколько-нибудь единое объяснение в принципе предложить невозможно (Бутовская, 1989). Тем не менее ясно, > что небольшие группы приматов, входящие в более крупную популяцию, не были полностью изолированы друг от друга и время от времени обменивались своими членами. В то же время их взаимоотношения не были свободны от насильственных действий, и в отношении чужаков проявлялось в целом больше жестокости, чем по отношению к членам своей группы.

Особый интерес представляют наблюдения Дж. Тудолл о характере территориальности у шимпанзе, так как из всех

[67]

---

² Так в книге.

антропоидов шимпанзе является ближайшим родственником человека. Выяснено, что, хотя у шимпанзе нет сколько-нибудь четких границ между групповыми территориями, им свойственны следующие черты территориальности: патрулирование границ, которым занимаются взрослые самцы; нападение на чужаков; ритуализированная агрессия в случае встречи более или менее равных по численности групп самцов; определенная стабильность групповых территорий; и, наконец, ощущение дискомфорта при нахождении вблизи территориальной границы. Вместе с тем, ситуация здесь отличается от той, которая описывалась классической концепцией территориальности. Во-первых, речь идет о взаимоотношениях групп низшего ранга, которые к тому же обмениваются своими членами и, тем самым, нестабильны по составу. Во-вторых, территории в своей периферийной части накладываются друг на друга, и самцам приходится тратить массу энергии, занимаясь патрулированием. В-третьих, действия против нарушителей территории не ограничиваются чисто ритуализированной агрессией, а нередко приводят к убийствам, причем группы самцов иной раз совершают даже специальные рейды на чужую территорию для избиения, а то и убийства чужих самцы (Goodall, 1989. P. 525-528).

Последнее заслуживает того, чтобы рассмотреть его подробнее с точки зрения истоков «военнообразного поведения». По наблюдениям Дж. Гудолл и ее сотрудников, изучаемое ими *стадо* в течение 1960-х годов постепенно распалось на две группы – южную и северную. Поначалу обе регулярно сходились летом у границы занимаемых ими территорий, где совместно кормились фигами и бананами. Но к началу 1970-х гг. и эти встречи стали крайне редкими, а с 1973 года появились основания говорить об окончательном разрыве, так как с тех пор самцы начали заниматься патрулированием. При этом в северной группе насчитывалось восемь самцов, а в южной – шесть. В течение 1974-1977 гг. самцы из северной группы регулярно совершали рейды на южную территорию и до смерти избивали встреченных там одиночных самцов из южной группы, а также совершали нападения на старших самок с детенышами. В итоге за пять лет они истребили южную группу почти полностью, приняв в свою

[68]

среду лишь некоторых молодых бездетных самок. Одновременно они значительно расширили свою территорию. Как выяснилось, рассмотренный процесс далеко не уникален. Во-первых, в дальнейшем победителям пришлось отступить и вернуться на прежнюю территорию под давлением новой группы шимпанзе, пришедшей с юга. А во-вторых, аналогичная картина была зафиксирована в другом районе (Goodall, 1986. P. 503-520).

Дж. Тудолл рассматривает это поведение как ту подоснову, на которой могла зародиться человеческая война. Действительно, у шимпанзе наблюдались кооперативное групповое поведение, территориальность, коллективная охота, использование палок и камней в виде оружия, страх перед необычным поведением и неприязнь к чужакам. У шимпанзе, равно как и у многих других приматов, самцы, в особенности, молодые проявляют определенную заинтересованность в стычках. Наконец, как показывает рассмотренный пример, у шимпанзе наблюдаются зачатки того явления, которое Э. Эриксон назвал «псевдовидообразованием» (Erikson, 1966) и которое уже много лет используется некоторыми этологами как аргумент в пользу тесной связи ранних войн с охотой (Lorenz, 1969. P. 79; Eibl-Eibesfeldt, 1977. P. 127; 1989. P. 402-403). Ведь у людей законность убийства врага идеологически обосновывается его «дегуманизацией», т. е. вынесением его за рамки категории «человека». У шимпанзе, по данным Дж. Тудолл, отмечается высокая степень групповой идентификации: отдельные особи очень хорошо знают, кто свой, а кто чужой. Более того, рассмотренный пример показывает, как в представлении членов северной группы члены южной группы из своих превратились в чужих, подлежащих избиению и убийству, причем методы убийства мало чем отличались от охоты (Goodall, 1986. P. 531-532).

Впрочем самоидентификация, умение отличать своих от чужих и связанная с этим ксенофобия определенного рода имеет еще более глубокие корни в животном мире. Все это до некоторой степени можно обнаружить у других видов приматов, а также – у некоторых других животных (Ardrey, 1970. P. 269-271). Разумеется, было бы неосторожным искать здесь прямые параллели человеческому поведению и, в

особенности, придавать рассмотренным фактам тот же смысл, что и, может быть, сходному человеческому поведению. И все же нельзя не отметить, что определенные поведенческие стереотипы и даже некоторые психологические реакции, сопутствующие взаимоотношениям отдельных особей в конфликтной ситуации и имеющие место среди людей, встречались также и в животном мире, в особенности, у человекообразных обезьян. В этом смысле ранняя военнообразная деятельность первобытных людей сложилась не на пустом месте. В то же время одних рассмотренных предпосылок было еще недостаточно для ее окончательного формирования. Помимо них люди должны были обладать смертоносным оружием, определенной социальной организацией, а также, может быть, далее в первую очередь способностью к творческому мышлению и фантазии, памятью, умением планировать свою деятельность и четко формулировать задачу, облекать все это в соответствующие словесные формулы и оправдывать свои поступки.

Любопытно, что у приматов встречались и прямо противоположные описанному выше модели поведения, призванные снизить накал соперничества и направленные на восстановление взаимоотношений и примирение (Тишков, Шнирельман, 1990. 1 С. 32-33). Наблюдая шимпанзе в неволе в ряде европейских и американских обезьяньих питомников, Ф. де Ваал выявил многообразие поведенческих стереотипов, связанных с миротворчеством. Это – ухаживания, обмен приветствиями, протягивание лапы по направлению к сопернику, помещение пальца ему в рот, поцелуи. Так как у шимпанзе, равно как у людей (Eibl-Eibesfeldt, 1989. Fig. 5-6), взгляд может иметь угрожающее значение, то раздражения иной раз избегают, отворачиваясь от соперника. Интересно, что в случае конфликта между самцами миротворцем может послужить старая уважаемая самка (de Waal, 1989. P. 1-22. 42-43, 78-80; Lawick-Goodall, 1971. P. 93). Разумеется, борьба за доминирование иной раз приводит к убийствам, однако такая внутригрупповое убийство вызывает особый эмоциональный настрой, никого не оставляя безучастным. Ф де Ваал, наблюдавший такую трагедию в одном из зоопарков, свидетельствует, что, пока труп убитого оставался на месте, все стадо затихло, как бы погрузившись в траур. По его

[70]

словам, шимпанзе ощущают угрозу, которую такое поведение может принести группе, и после стычек, в особенности, ухаживанию и дружеских контактов друг с другом (de Waal, 1989. P. 15, 66, 78).

Одним из действенных механизмов миротворчества у шимпанзе, по словам де Ваала, служит «обмен сексом». Он имеет особое значение у бонобо, или карликовых шимпанзе, где, в отличие от обыкновенных шимпанзе, нет сколько-нибудь сплоченных групп взрослых самцов и в целом отношения между самцами складываются достаточно драматично. В этих условиях сексуальные утехы играют важную роль в разрешении разнообразных конфликтов. И если у обыкновенных шимпанзе половые отношения отличаются однообразием и служат прежде всего задачам воспроизводства, то у бонобо им свойственно значительное разнообразие: помимо гетеросексуальных связей, здесь широко практикуются гомосексуализм и лесбиянство. Существенно, что число этих действий значительно возрастает именно в обстановке роста напряженности в группе. Есть основания полагать, что на воле стычки между самцами происходят у бонобо чаще, чем у обыкновенных шимпанзе, и, может быть, именно поэтому механизмы миротворчества у них более развиты (de Waal, 1989. P. 199 сл.). В целом же насилие не является нормальной чертой жизни шимпанзе (de Waal, 1989. P. 78) и, как отмечала в свое время Н. А. Тих, солидарность в стаде преобладает над соперничеством, что и придает стабильность социальной организации (Тих, 1970. С. 45).

Таким образом, хотя конфликты в мире животных и встречаются, они разрешаются, как правило, путем ритуализации без какого-либо серьезного физического ущерба и имеют преимущественно индивидуальный характер. Ведь убийство особей своего вида в целом неадаптивно и несет в себе угрозу виду как таковому. Вместе с тем, насильственное поведение у приматов, в особенности, высших, представляет собой гораздо более сложный и разнообразный поведенческий комплекс. Здесь встречаются стычки как на индивидуальном, так и на групповом уровне; как внутри группы, так и между разными группами. Правда, если речь идет о встрече двух чуждых друг другу групп, то дело

[71]

ограничивается угрожающими жестами и звуками. Однако встречаются и случаи группового нападения на индивидуальных особей из чужого стада, причем в этом случае поведение нападающих близко напоминает охотничье. Интерпретация этого поведения не проста и нуждается в дополнительных исследованиях. Ясно, что его адаптивность относительна и ее надо оценивать с точки зрения трех различных уровней. Индивидуальная агрессия и убийство внутри группы неадаптивны для группы, но способствуют отбору на индивидуальном уровне. А убийство чужаков стимулирует отбор на групповом уровне, хотя и противоречит интересам вида как такового. Ксенофобия и подозрительность к чужакам являются индикаторами «псевдовидообразования». Судя по последним данным, они не специфичны только лишь для человеческого сообщества, а достаточно широко представлены в животном мире, в особенности, у приматов. Наконец, формирование всего этого поведенческого комплекса в онтогенезе происходит, главным образом, за счет научения и расширения личного опыта, нежели благодаря каким-то врожденным генетически передаваемым особенностям.

II

ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ У БРОДЯЧИХ ОХОТНИКОВ И СОБИРАТЕЛЕЙ

Бродячие охотники и собиратели представляют для нашей темы особый интерес, так как авторы, отстаивавшие концепцию «миролюбивых народов», черпали свои аргументы прежде всего из жизни этих групп (Sumner, 1964. P. 205-208; Elliot-Smith, 1929; Montagu, 1976. P. 164 ff.; Fabbro, 1978). К этим же материалам обращаются и их оппоненты, прежде всего, И. Эйбл-Эйбесфельдт, который на протяжении многих лет отстаивает идею о том, что у человека, равно как и у животных, война выполняет территориальную функцию

[72]

(Eibl-Eibesfeldt, 1977. P. 128). Возражая своим оппонентам; он отвергает противоречащие его концепции данные современных этнографов, которые представляются ему плодом недавних процессов (аккультурации и пр.). Он считает более достоверными сведения старых авторов первой половины XX в.; описывавших строгие общинные территории, ксенофобию и воинственность у бушменов Намибии, хадза Танзании и эскимосов Арктики (Eibl-Eibesfeldt, 1974. P. 435-440). В свою очередь другие авторы указывают, что как раз сведения старых источников требуют достаточно критического к себе отношения. Ведь, во-первых, их авторы не были профессиональными этнографами и их концепции имеют явный налет европоцентризма. А во-вторых, их сведения относятся к периоду обострения напряженности во взаимоотношениях между европейцами и коренными жителями вследствие того, что под давлением со стороны пришельцев последние теряли свои исконные земли (Schmidbauer, 1973. P. 551-554; Woodburn, 1990).

Чтобы разобраться в этой непростой проблеме, следует рассмотреть, как вопрос о территориальности у охотников и собирателей трактуется в современной науке. Наиболее общий подход к этой проблеме был сформулирован Р. Дайсон-Хадсон и Э. Смитом, которые исходили из разработок эволюционной экологии и социобиологии и, вслед за основателем последней Э. Уилсоном (Wilson, 1975. P. 256), понимали территорию как «пространство, занятое индивидом или группой на основах большей или меньшей исключительности, основанной на недопущении (других людей) путем прямого отказа форм сигнализации» (Dyson-Hudson, Smith 1978. P. 22). Исходя из практической ценности территории для людей с точки зрения использования локальных ресурсов, эти авторы стремились дифференцировать потенции разных территорий в зависимости от доступности, предсказуемости и обилия жизненно важных ресурсов. С их точки зрения, чем полнее и регулярнее какая-либо территория могла обеспечить людей пищей, тем больше последние были заинтересованы в монопольном владении ею и тем меньше склонны уходить с «территории сами или, напротив, пускать сюда чужаков. При этом авторы попытались избежать . схематизма,

[73]

демонстрируя, что, если одни ресурсы (растительные) могут способствовать росту территориальности, то другие (животные) создают порой противоположную ситуацию. Следовательно, вопрос о территориальности у охотников и собирателей не может решаться в сколько-нибудь общей форме. Во-первых, известны примеры как полного отсутствия, так и наличия достаточно жесткой территориальности; во-вторых, между этими крайностями имеется множество переходных форм.

Недавно Э. Кэшдан внесла существенные коррективы в этот на первый взгляд достаточно основательный вывод. По ее мнению, следует различать разные механизмы защиты территории. Если у ряда народов (ведда, паюте долины Оуэнса и др.) встречаются небольшие общинные территории с богатыми надежными ресурсами и территориальные границы строго охраняются, то в других случаях, где ресурсы бедны и рассредоточены по крупным территориям, территориальный контроль осуществляется путем социального контроля. Иначе говоря, здесь общины в принципе допускают чужаков, но, во-первых, далеко не всех чужаков, а только тех, кто связан с ними уже существующими взаимоотношениями (родство, брак, партнерство и пр.), а во-вторых, такой доступ требует формального разрешения (Cashdan, 1983). Не все специалисты согласны называть такие взаимоотношения территориальностью (иное мнение см., например, Nicolaisen, 1974/1975. P. 426-427). Вместе с тем, надо иметь в виду, что процедура испрашивания и выдачи позволения на хозяйственное использование территории или каких-либо ее конкретных ресурсов имеет глубокий смысл, так как лишней раз демонстрирует чужакам право хозяев на обладание данным участком. Ведь если чужак пользуется территорией без спроса и не получает отпора, то это создает опасный прецедент, позволяющий членам его группы вполне законно претендовать на соответствующие угодья в силу своих тесных связей с «первопоселенцем». А это ущемляет интересы прежних хозяев территории и создает почву для серьезного конфликта. Последствия такого «вторжения» особенно ощутимы в районах, бедных ресурсами. Вот почему Кэшдан приходит на первый взгляд к парадоксальному выводу о

[74]

том, что территориальность выступает в тем более жесткой форме, чем менее обильны и менее предсказуемы ресурсы (Cashdan, 1983).

По-прежнему и не без оснований настаивая на необходимости дифференцированного подхода к территориальности, Э. Смит в одной из своих последних работ учел уточнения, сделанные Кэшдан, и признал, что у всех охотников и собирателей отмечается определенная степень территориальности. В своей новой схеме он выделяет следующие варианты собственности на территорию: а) общеплеменная; б) межобщинная; в) общинная; г) семейная или индивидуальная. Разумеется, эта типология является научной абстракцией, так как — и это отмечает сам Э. Смит — в одном и том же обществе по отношению к разным участкам могут иметься разные из отмеченных видов собственности. Что же касается двух моделей Кэшдан, то они делают акцент на механизмы, определяющие доступ к территориальным угодьям, причем вторая из этих моделей встречается в условиях большого хозяйственного риска (Smith, 1987). В принципе сходный дифференцированный подход к территориальности у охотников и собирателей предлагался и другими авторами (Schmidbauer, 1973; Durham, 1976. P. 390-393; Godelier, 1979). Так как разный характер территориальности диктует и разные поведенческие стереотипы, то представления Ардри и Эйбл-Эйбесфелдта о якобы универсальном у человека однозначном чувстве территориальности, жестко связанном с агрессивностью, теряет смысл.

Здесь уместно сослаться на характеристику, данную К. Берндт поземельным отношениям у австралийских аборигенов. По ее наблюдениям, аборигены считали территориальные границы раз и навсегда данными и неизменными. А одной из функций межобщинных сборищ было подтверждение прав отдельных общин на свои стоянки и промысловые угодья, которые, помимо всего прочего, обосновались апелляцией к мифологическому и религиозному опыту. Поэтому, подчеркивает Берндт, защита или завоевание территории не представляли сколько-нибудь важной проблемы для аборигенов (Berndt, 1978. P. 159). Это, разумеется, не означает, что там вовсе не было конфликтов из-за ресурсов. Однако такие

[75]

конфликты случались не часто (Шнирельман, 1982а. С. 87) и решались, как правило, путем мирных переговоров. Так, испытывая перебои с питанием, аборигены валараи (Новый Южный Уэльс) попросили соседей разрешения использовать их земли. Те ответили отказом, и это привело к обострению взаимоотношений и угрозе вооруженного столкновения. Соперники начали подготовку к войне и договорились о времени, месте и числе участвующих воинов. Но в назначенный день они выставили лишь по одному воину, что было обычным знаком обоюдного желания урегулировать спорный вопрос мирным путем.

Второй случай касался поведения молодого человека, который тайно пробрался на территорию чужого племени для добычи камня. Это было достаточно серьезным нарушением территориальных прав, чтобы обе вовлеченные в инцидент группы собрались на границе для переговоров и восстановления добрых отношений. При переговорах, которые вели старики, была достигнута договоренность, что в случае необходимости получить что-либо с чужой территории, люди должны действовать через стариков, ибо только те имели достаточный престиж, чтобы испрашивать разрешение на это. Что же касается виновника инцидента, то старики сделали ему серьезное внушение (Липе, 1954. С. 307-308).

Сами австралийские аборигены и изучавшие их специалисты называли разнообразные причины конфликтов, нередко кончавшихся кровопролитием. Такими причинами обычно считаются умыкание женщин, ревность, супружеская неверность, неуважение к мертвым, убийство, обвинение в колдовстве, оскорбления, сплетни, нарушения территориальных прав и пР. (Wheeler, 1910. P. 119, 139; McKnight, 1982. P. 492; Lumholtz, 1889. P. 270, 271). А кое-где, как сообщают некоторые специалисты, стычки возникали даже ради репорта (Meggitt, 1962. P. 37-38) или ради славы (Warner, 1964. P. 151). Казалось бы, незначительные на первый взгляд ссоры и инциденты сплошь и рядом вызывали самые серьезные последствия, вовлекая в конфликт множество разных людей. Этому не могла препятствовать и долголетняя дружба. Об одной из таких стычек миссионер У. Чейслинг рассказывает следующее. Две родственные группы гаркее и юппа долгие

[76]

годы жили и охотились единой общиной. Но однажды муж и жена, принадлежавшие соответственно к каждой из этих групп, поссорились. Жена ударила мужа палкой, он повалил ее и начал избивать. На ее крики прибежали ее отец с зятем и вмешались в драку, а затем к соперникам присоединились и многие другие их родственники. При этом женщины использовали для драки палки-копалки или головешки из костра, а мужчины наносили удары копье–металками. Описанная стычка продолжалась в течение часа и на этот раз завершилась без большого ущерба для обеих сторон (Chaseling, 1957. P. 77-78).

Но дело не всегда кончалось столь благополучно. Об этом говорит следующий эпизод из жизни племени курнаи. Однажды мужчина из группы омео женился на женщине из группы бриака. Но он плохо относился к ней, и, узнав об этом, ее отец по имени Кауинг убил его. За это мужчины из группы омео напали на мужчин бриака и убили их всех, включая Каиунга. Им помогал некий Джонни, происходивший из другой группы. Тогда племянник Кауинга по имени Джимми, происходивший из группы дарго, убил Джонни. За это родственники Джонни нашли и убили Джимми. Затем брат Джонни по имени Бундауал обратился за помощью к мужчинам из группы брутен, уи-юнг и биннаджера, и все они отправились на поиски мужчин из группы дарго. Найдя одного из них, они убили его, так как ранее сам он участвовал в убийстве одного из их родственников и друзей убитого. Встретившись с группой мужчин из дарго, бриака и брата-уа, они сразились с ними, но потерпели поражение и бежали. Едва унеся ноги, беглецы не оставили мечту о реванше и заручились поддержкой у таких групп как брайерак и омео. В свою очередь главарь омео призвал на помощь мужчин из ряда соседних дружественных ему общин, благодаря чему удалось собрать отряд численностью до 200 человек. Однако, несмотря на все старания на этот раз им так и не удалось обнаружить врагов, и мужчины из ряда общин, наименее вовлеченных в конфликт, разошлись по домам. После этого к оставшимся пришли посланцы от дарго и бриака, пригласившие их на бой в определенном месте. Этот бой был, хотя и упорный, но без существенных потерь. После него люди

[77]

дарго предложили своим соперникам заключить мир. Но те все еще кипели гневом, так как считали, что не отомстили сполна за своих убитых родственников. Они решили прибегнуть к вероломству и напали на своих противников, когда те пришли на мирную церемонию. И хотя последние имели численный перевес, эффект внезапности и успешные действия нападавших, которым удалось убить одного и ранить нескольких врагов, сделали свое дело, и противники в панике бежали (Fison, Howitt, 1880. P. 218-220).

Описанный пример интересен тем, что это – одно из очень редких в австраловедении описаний, которое, исходя из сформулированного выше определения, может считаться войной. Ведь здесь мы имеем дело с протяженными во времени вооруженными действиями, включающими планирование, использование разведки, сочетание внезапных набегов с формальными боями, заключение межгрупповых военных союзов, определенные правила военного поведения и заключения мира. Вместе с тем, основным мотивом рассмотренных действий была кровная месть, а союзниками служили, главным образом, материнские и отцовские родственники. Любопытно, что гонцами для ведения переговоров между враждебными группами являлись свойственники, которые находились в дружественных отношениях с обеими сторонами и передавали им важную информацию о противнике. Обращение с убитыми врагами было дифференцированным: хотя в любом случае с них могли снять кожу, обычай ее поедания существовал лишь в отношении иноплеменников, т. е. тех, кто не был курнаи.

Не вполне ясно, насколько рассмотренный случай адекватно отражает традиционную картину вооруженных столкновений. Ведь дело происходило во второй половине XIX в., когда аборигены были затронуты различными последствиями контактов с белыми и, в частности, иногда пользовались ружьями и даже прибегали порой к помощи полиции. С другой стороны, особая интенсивность вооруженных столкновений в различных районах Юго-Восточной Австралии могла быть следствием наличия здесь более сложных и эффективных хозяйственных систем, а также более сложных социальных структур в доконтактный и раннеконтактный периоды.

[78]

Ведь только здесь были известны конфедерации племен и довольно развитая система лидерства, которые на остальной территории Австралии обнаружить не удалось. Косвенно об этом свидетельствует хотя бы необычайно высокое число участников некоторых столкновений. Так, в 1849 году в битве на Р. Муррей участвовали 500 воинов нарриньери против 800 вакануван (Taplin, 1874. P. 2).

И все же основные структурные элементы военного дела у курнаи достаточно адекватно отражали общую картину, встречающуюся и в других районах Австралии. Так, в целом здесь было известно два основных вида вооруженных действий – набег, в котором участвовала небольшая группа мстителей, и формальный бой, вовлекавший две или несколько групп воинов и происходивший в строго определенном месте по достаточно строгим правилам (Wheeler, 1910. P. 19 ff.; Basedow, 1925. P. 183-189; Berndt, 1968. P. 299-302).

Простейшие виды набегов хорошо описаны у аранда в Центральной Австралии. Там, в целях мщения за смерть человека (реальное или, чаще, мнимое убийство) или за нарушение племенных норм на основе одной или нескольких родственных общин формировался отряд мстителей, называемый атнинга. Инициаторами этого могли быть главари тотемных групп или ближайшие родичи покойных, но окончательное решение принималось советом старейшин. Главой отряда чаще всего был брат или другой близкий родич покойного, но в принятии важнейших решений, ведении переговоров и организации соответствующих церемоний активное участие принимали уважаемые старики. О том, как реально действовал атнинга по выполнению своей задачи, говорит следующий пример.

Однажды в течение небольшого промежутка времени у северных аранда умерли сразу несколько мужчин. Аранда обвинили в их смерти своих традиционных врагов – илиаура, живших севернее, и собрали отряд мстителей. Отряд направился по пустыне на север и через несколько дней наткнулся на общину илиаура, состоявшую из нескольких десятков человек. В знак миролюбия илиаура послали пришельцам несколько женщин, но те отклонили этот дар, выказав тем самым самые враждебные намерения. Тогда старики илиаура

[79]

и аранда специально собрались на совет, чтобы найти приемлемое решение, и в результате двухдневных переговоров илиаура сами назвали трех человек на своей стоянке, которых аранда было позволено убить. На следующий день все мужчины илиаура собрались у особого костра в стороне от своей стоянки, куда пришли и некоторые аранда, чтобы путем беседы отвлечь внимание своих жертв от опасности. Остальные аранда в боевом облачении и с копьями в руках незаметно подкрались к костру и нанесли намеченным жертвам смертельные удары в спину (Spencer, Gillen, 1927. V. 2. P. 443-446).

В рассмотренном примере обнаруживаются некоторые черты, в целом характерные для первобытной мести. Во-первых, она в значительной степени обезличена в том смысле, что убийцы удовлетворяются убийством не какого-либо конкретного ненавистного им человека, а в принципе любого индивида из стана врага. Следовательно, во-вторых, здесь ярко выступает принцип групповой солидарности и коллективной ответственности. Он намеренно подчеркивается целым рядом самых разнообразных действий. В частности, проанализированный эпизод показывает, что недостаточно было нанести смертоносные удары жертвам, но было чрезвычайно важно, чтобы все или по крайней мере многие из отряда мстителей воткнули свои копья в убитых (Spencer, Gillen, 1927. V. 2. P. 445). О значимости этого действия свидетельствуют аналогичные данные из других районов Австралии (Chaseling, 1957. P. 13). О том же говорят некоторые материалы о практике каннибализма, к которой, помимо взрослых мужчин, иногда привлекали и мальчиков-подростков (Fison, Howitt, 1880. P. 214-215).

Эта и подобные ей виды практики прямым образом связаны с особыми представлениями о самоидентификации. Как убедительно продемонстрировал Ф. Майерз, у пинтуби для понятий «родства», «общности» и «идентичности» имеется единый нерасчлененный термин «уалитья». Это составляет одну из фундаментальных основ мировоззрения пинтуби, делающего акцент на единство людей друг с другом, с окружающими их вещами и природной средой. Так, в понятие «уалитья» входят и родичи, и собственность, и

самостоятельность, и взаимоотношения с окружающим миром. Общность людей здесь основана на совместном обитании и совместной деятельности и определяется не столько происхождением родителей, сколько связью со временем Сновидений (Myers, 1979. P. 351-352; Myers, 1988. P. 597. См. также Liberman, 1985).

Вот почему защита родичей является безусловным императивом у аборигенов Австралии, независимо от того, правы (те или нет) (McKnight, 1982. P. 494; Lumholz, 1889. P. 126-127.) И вот почему любое кровопролитие или смертоубийство требуют мщения независимо от того, совершены ли они сознательно или произошли случайно. По этой же причине объектом мести служит любой член группы реального или предположимого убийцы, а вовсе не обязательно он сам. Ведь любой трагический инцидент ослабляет группу по отношению к внешнему миру и в этом смысле мечь призвана «сравнять счет» или «восстановить баланс» (Warner, 1964. P. 148-151; Berndt, Berndt, 1970. P. 179; Pilling, 1968a. P. 158). Следовательно, мщение является делом чести и безусловным требованием ко всем трудоспособным мужчинам. Внешне это находит выражение в определенных реликвиях, которые специально раздаются потенциальным мстителям. У аранда такими реликвиями служили особые палочки-илкун-та, которые все участники похода втыкали в прически и которые публично ломались и выбрасывались по завершении мести (Spencer, Gillen, 1927. V. 2. P. 445, 447). А у населения Восточного Арнемленда в качестве таких реликвий использовались фаланги пальцев покойного, кора, намоченная кровью раненого, и другие вещи, призванные напомнить о долге мести и, как считалось, содержавшие магическую охранительную силу, связанную с духом субъекта мщения (Warner, 1964. P. 150-151).

Не меньший интерес заслуживает и личность тех, кого илиаура позволили аранда убить. По словам стариков илиаура, это были «плохие люди», негативное отношение к которым обуславливалось либо тем, что они нарушили брачные нормы, либо их вздорным, заносчивым характером, вредившим миру в общине и способным спровоцировать внешнюю угрозу. Иной раз при наличии полного единодушия общинников в отношении таких людей старики по собственной

инициативе приглашали убийц из какой-либо соседней общины (Spencer, Gillen, 1927. V. 2. P. 444, 446). Тем самым, если мстители трактовали такое убийство как восстановление баланса, то изнутри общины это рассматривалось как заслуженное наказание, и не случайно остальные илиаура спокойно взирали на то, как аранда расправлялись с их родичами. Сами общинники не имели права как-либо наказывать таких нарушителей норм, ибо любое наказание могло привести к мщению, а мщение внутри родственной группы вело бы к ее полному самоистреблению.

Следовательно, атнинга может рассматриваться как действенная система наказания в условиях существования отдельных небольших автономных общин, основанных на родственных связях. Набеги, подобные атнинга, встречались в Австралии практически повсюду. Это – «пинья удиери в Центральной Австралии (Gason, 1874. P. 15), «нарруп» и «маринго» у мурнгин в Восточном Арнемленде (Warner, 1964. P. 157-161), «уанмала» у аборигенов Западной пустыни (Berndt, Berndt, 1968. P. 299-302) и т. д. Такие набеги не всегда заканчивались обоюдным согласием. Нередко это были внезапные нападения на вражескую стоянку на заре, целью которых было полное истребление врага, либо убийство, по меньшей мере, всех или большинства мужчин. Иной раз это приводило к полному истреблению общины, но во многих случаях нападавшие щадили и забирали с собой женщин, а иногда и детей (помимо указанных выше см. также Wheeler, 1910. P. 119-120; Fison, Howitt, 1880. P. 213-214; Lumholts, 1889. P. 3, 4, 271; Chaseling, 1957. P. 78-79; Berndt, Berndt, 1970. P. 178; Blainey, 1976. R106-109). Отметим, что в результате описанного выше атнинга аранда увели с собой несколько женщин.

Последнее ставит интересную проблему роли захвата женщин как глубинной причины вооруженных нападений независимо от их конкретных поводов (о соотношении повода и причины с точки зрения эмного и этного факторов см. Siskind, 1973. P. 227). Эта проблема представляет тем больший интерес, что аборигены никогда не захватывали у противника ни земли, ни материальных ценностей: единственным предметом их вожделений были женщины и, иногда, дети. По мнению Ф. Роуза особую ценность женщинам придавало то, что они служили в аборигенном мире важнейшей производительной силой и орудием

воспроизводства. Следовательно, их захват был весьма желательным с точки зрения как отдельных индивидов, так и общин, а их похищение рассматривалось как существенный материальный ущерб (Роуз, 1989. С. 72; P. Lumholtz, 1889. P. 126). Этот фактор играл важную роль в условиях, где, благодаря, с одной стороны, весьма распространенной среди стариков полигамии, а с другой, наличию сложных брачных норм, молодые люди испытывали нехватку невест. Нехватка невест особенно остро ощущалась в относительно изолированных небольших популяциях, например, у тиви на островах Мелвилл и Батерст (Северная Австралия). Там молодым людям нередко не оставалось делать ничего другого как склонять чужих жен к неверности и к побегу. Не удивительно, что более 90% столкновений у тиви происходили из-за женщин (Hart, Pilling, 1960. P. 80). У некоторых племен, где отмечалась особенно сложная социально-потестарная структура, захваченных женщин предьявляли совету старейшин или вождю, чтобы те решили их судьбу. В любом случае воины не оставляли этих женщин себе, избегая тем самым излишней напряженности во взаимоотношениях с окружающими (Fison, Howitt, 1880. P. 276-277).

Безусловно, как показывают данные не только об австралийских аборигенах, но и о многих других группах охотников и собирателей, демографический фактор мог играть важную роль в развитии их военного дела. Ведь в силу самых разных «обстоятельств (болезни, природные катастрофы и др. неблагоприятные изменения среды) демографическая ситуация в малых группах отличалась нестабильностью, и самые неожиданные события могли поставить их на грань вымирания (Шнирельман, 1986. С. 427-444), Это вынуждало людей постоянно заботиться о пополнении своей группы новыми членами. Вот откуда это стремление иметь жен или часто дополнительных жен, и вот с чем связано широкое распространение обычая адопции. Такая стратегия отвечала интересам как группы (рост ее численности расширял круг участников взаимопомощи и стабилизировал ситуацию), так и отдельных индивидов (наличие многочисленных детей и родственников обуславливало рост авторитета и престижа).

И все же рассмотренный фактор был не единственным источником распрей и стычек. Для понимания их подосновы

нам снова придется вернуться к анализу некоторых особенностей коллективистского мировоззрения пинтуби. Как указывает Ф. Майерз, «идеология пинтуби описывает индивида не как агрессивного, самолюбивого, эгоистичного и автономного. Концепция эмоций у пинтуби придает огромное значение идентичности индивида с другими в такой степени, как будто другие составляют часть самого индивида» (Myers, 1979. P. 365). Гнев у пинтуби чаще всего вызывается посягательством на индивидуальный или коллективный статус, связанный с владением той или иной материальной или нематериальной собственностью. Это бывает в тех случаях, когда, например, подросток присваивал себе прерогативы взрослого мужчины (дрался с ним, уводил женщину и т. д.), когда женщина обращалась к мужчине с бранью, когда кто-либо осквернял священный участок, когда непосвященному рассказывали миф и т. д. Причастность к материальной или интеллектуальной собственности – основа автономии и статуса у пинтуби, и нарушение этих прав однозначно воспринимается ими как враждебность. Смерть ближнего означает потерю того, с кем люди обладали общей идентификацией, и в этом они усматривают посягательства на свои права и само свое существование. С этой точки зрения, представляется логичным, что они целенаправленно ищут причину такой смерти и находят ее в колдовстве со стороны врагов, что и вызывает месть (Myers, 1988. P. 599).

Такие воззрения типичны далеко не для одних только, пинтуби и заслуживают широкого сравнительного анализа. В частности, такой анализ свидетельствует о широком распрее устраниении, отождествления посягательства на чужую жену с похищением жизненной силы (La Varge, 1984. P. 59-60), что позволяет понять, почему адюльтер вызывал такую ярость у австралийских аборигенов и не только у них. Следует также добавить, что и песни, содержавшие насмешки, а также сплетни иной раз трактовались как вид вредоносного колдовства, способного нанести ущерб статусу человека (McKnight, 1982. P. 503-505). Не удивительно, что все это могло послужить поводом для стычки, которая почти неизбежно вела к эскалации, заканчивавшейся кровопролитием. Последнее в свою очередь всегда влекло кровную месть. Вот

[84]

почему месть выступала практически как едва ли не универсальная причина и механизм вооруженных столкновений. По подсчетам У. Уорнера, 50 из 72 зафиксированных им у мурнгин Восточного Арнемленда сражений происходили из-за кровной мести (Warner, 1964. P. 148).

Если набеги выступали как нерегулируемая или почти ничем не ограниченная форма вооруженных столкновений, то формальные бои происходили по достаточно строгим правилам, ограничивающим вероятное кровопролитие. К сожалению, социальный контекст формальных сражений неполно ясен. Но известно, что местами, например, у курнаи в Юго-Восточной Австралии, они происходили между «дружественными» общинами внутри племени (Fison, Howitt, 1880. P. 216, 224), а местами, например, у мурнгин Арнемленда, – и между общинами разных племен (Warner, 1964. P. 162). Соответственно в первом случае потери были минимальны, а иногда все дело сводилось к ордалиям (Fison, Howitt, 1880. P. 216-221), тогда как во втором применялись более смертоносные приемы и число убитых могло достигать внушительной цифры (Warner, 1964. P. 162, 163).

Картина такой битвы в Северном Квинсленде была в свое время ярко воспроизведена К. Лумхолцем. Там, по его сообщению, для решения спорных вопросов на строго определенное поле боя сходились общины со всего района. Такая сходка называлась борбоби. Противники сближались, стараясь испугать друг друга воинственными криками и угрожающими жестами, а также, вероятно, и своей численностью. Впереди таких отрядов всегда шли один или несколько наиболее сильных и искусных воинов, которые и начинали бой, вступая в единоборство. Вначале бросали друг в друга бумеранги, дубинки нулла-нулла или копья, а затем сближались, действуя на этот раз очень тяжелыми дубинками, которые Лумхолц назвал мечами. Схватка фактически напоминала ордалии: один из противников клал дубинку на землю и защищался щитом, а другой наносил сильный удар по щиту, стремясь его разбить; затем они менялись ролями и так до тех пор, пока кто-либо не разбивал щит противника или тот не просил пощады. Бой по сути дела сводился к серии таких единоборств, причем одновременно сражались не более 7-8

[85]

паР. Интересно, что как отмечал Лумхолц, такие схватки чаще всего происходили из-за похищения женщин, а победитель имел право забрать жену побежденного (Lumholtz, 1889. P. 121-124). У алава в Арнемленде подобного рода стычки происходили на корробори и назывались бонбур (Локвуд, 1971. С. 128-129), а у мурнгин в Восточном Арнемленде их называли милуерангел (стычки между соседними кланами) или гаингар (межрегиональные схватки) (Warner, 1964. P. 61-163). В любом случае противни выстраивались друг напротив друга, выкрикивали взаимные обвинения и оскорбления, а затем вступали в сражение, которое за отсутствием общего руководства сводилось по сути дела к серии единоборств или иногда вообще ограничивалось схваткой главарей (Wheeler, 1910. P. 140-145; Hart, Pilling, 1960. P. 83-86; Schmithenner, 1930. Abb. 7).

Некоторые специалисты предлагают проводить различия между вооруженными столкновениями между племенами и между группами внутри племени (Basedow, 1925. P. 83; Berndt, Berndt, 1968. P. 299). Такие различия, безусловно, имелись и, вероятно, весьма существенные, однако из-за крайне фрагментарных описаний и в целом наших скудных знаний о характере участников столкновений их нелегко описать сколько-нибудь детально. Ясно, что между родственниками, в основном, близкими, конфликты улаживались по возможности мирно, а если стычки и встречались, то в весьма мягкой форме (Berndt, Berndt, 1970. P. 83-184). У некоторых групп при такого рода стычках имелся запрет на использование особо опасного оружия. Так, у аранда в драках внутри общины применялись только дубинки и бумеранги (Spencer, Gillen, 1927. V. 2. P. 27), а в Восточном Арнемленде драки между членами дружественных общин происходили только на палках и копьеметалках (Chaseling, 1957. P. 77). Судя по сведениям из других районов, убийства внутри племени никогда не сопровождалась каннибализмом в отличие от убийств иноплеменников (Lumholtz, 1889. P. 272; Fison, Howitt, 1880. P. 213, 218, 223; Wheeler, 1910. P. 55). Видимо, повсюду встречался и двойной моральный стандарт: за один и тот же проступок чужака могли убить, а своего пытались наказать с помощью магии (Fison, Howitt, 1880. P. 222).

Дж. Уилер

[86]

вообще считал в свое время, что внутри племени не бывало внезапных истребительных набегов (Wheeler, 1910. P. 55). Однако, к сожалению, при анализе свидетельств XIX – начала XX вв. далеко не всегда удается понять, что имели в виду авторы под термином «племя» – локальную группу или более крупную общность (Шнирельман, 1982б. С. 216-217). И все же по крайней мере одно представляется несомненным – то, что в группе родственных общин, а тем более в общине стычки случались относительно редко и происходили без большого ущерба, ибо участвовавшие в них родственники были заинтересованы как можно быстрее восстановить мир. Если же этого сделать не удавалось, то конфликтовавшие группы или индивиды старались отселиться друг от друга ранее, чем дело доходило до кровопролития.

Столь же ясно, что военные отряды формировались, как правило, на основе отдельных общин или кланов; ни общеплеменных вооруженных сил, ни общеплеменных вождей не было (Wheeler, 1910. P. 119-120, 152-153). Иногда же, как например, у тиви субъектами стычек являлись не общины, а группы родственников, весьма переменные по составу. Там причины участия в бою нередко имели сугубо индивидуальный характер, и даже в ходе одного столкновения состав противоборствующих отрядов мог меняться (Hart, Pilling, 1960. P. 83-86).

До сих пор слабо изучен вопрос о характере руководства действиями и прерогативах лидеров групп. Судя по ранним источникам, у некоторых групп юго-восточной Австралии имелись достаточно сильные лидеры, которым воины не только подчинялись в бою, но и должны были сдавать для редиистрибуции всю захваченную добычу (Fison, Howitt, 1880. P. 277; Taplin, 1874. P. 25). Однако заново проанализировавший эти данные А. Лиллинг, с одной стороны, сомневается в их достоверности, а с другой, допускает, что в период колонизации роль лидеров могла как-то возрасти под влиянием европейцев (Pilling, 1968б). И все же, исходя из недавно полученных новых данных о Юго-Восточной Австралии, можно предполагать, что там встречались более сложные в социальном отношении общества, чем в других районах Австралии.

[87]

Боевое оружие у австралийских аборигенов не отличалось особым разнообразием и эффективностью. Наибольшей популярностью пользовались копья, копьеметалки, бумеранги и разнообразные дубинки. Для обороны во многих местах применялись деревянные щиты, хотя кое-где (например, в Арнемленде) их заменяла копьеметалка. А у тиви как будто вообще не было специальных видов защитного вооружения, но они с детства учились искусно увертываться от копий (Hart, Pilling, 1960. P. 10, 80-83).

Бумеранги служили боевым оружием почти повсюду, кроме самых южных и самых северных окраин Австралии. В некоторых местах Арнемленда был известен особого вида бумеранг (варрадулла) с загнутым концом, который невоз-можно было отбить, так как он рикошетом все же попадал в жертву (Локвуд, 1971. С. 89). В Новом Южном Уэльсе в качестве наступательного и оборонительного вооружения широко использовались разнообразные дубинки – нулла-нулла, уад-ди, гулла-гул (Threlkeld, 1974. V. 2. P. 336). А в пустынях Центральной Австралии и в Восточном Арнемленде боевое оружие включало каменные топоры и ножи (Spencer, Gillen, 1927. V. 2. P. 24; Gasbn, 1874. P. 33; Warner, 1964. P. 156).

Достаточно стандартный набор оружия встречался в Западной Австралии и в Северном Квинсленде – копье, копьеметалка, бумеранг, боевая дубинка и щит (Hambly, 1931; Lumholtz, 1889. P. 120; McKnight, 1982. P. 492).

Как уже отмечалось, непосредственные боевые действия, как правило, состояли из двух частей: вначале воины обменивались бросками копий, дротиков, бумерангов или метательных дубинок. Однако они не причиняли большого ущерба: воины либо искусно уворачивались от них, либо отбивали их щитами, копьеметалками или гулла-гул. Затем происходило сближение и рукопашная, где почти повсюду применялись дубинки. Удар дубинкой наносился сверху, и противники, как правило, стремились проломить друг другу череп, либо, реже, повредить кости конечностей. Удары палками по голове практиковались и при межобщинных и внутриобщин-ных ссорах и церемониальных стычках (Fison, Howitt, 1880. P. 201; Spencer, Gillen, 1927. V. I. P. 27; Berndt, Berndt, 1970. P. 166; Warner, 1964. P. 165; Pilling, 1968a. P. 158; и др.).

[88]

Эти данные могут служить не только для характеристики специфики ранений у австралийских аборигенов, но и объясняют, почему членовредительство на ранних этапах первобытности выражалось прежде всего в травмах черепа, как это фиксируется по палеоантропологическим данным.

В Австралии с военным делом были связаны и некоторые обычаи каннибализма. Вопрос этот тоже не прост, так как далеко не все сведения ранних авторов о каннибализме достоверны (Arens, 1979; Brady, 1982), в особенности, сообщения о жажде человеческого мяса как якобы главного стимула к убийству врагов (Lumholtz, 1889. P. 271). Поэтому здесь представляется возможным ограничиться лишь одним сюжетом, действительно раскрывающим связь между некоторыми важными духовными представлениями и человекоубийством у австралийских аборигенов. Речь идет о достаточно распространенном обычае, по которому люди специально охотились за почечным жиром врага, иногда съедая его или же обмазывая им оружие (Wheeler, 1910. P. 156; Basedow, 1925. P. 189). В свое время Лумхольц отмечал, что, по представлениям австралийских аборигенов, почка являлась средоточием жизни, где располагалась жизненная сила человека, и поэтому для обретения этой силы воины жаждали отведать жир с почки врага или изготавливали из него амулеты (Lumholtz, 1889. P. 272). Недавно эти сообщения ранних авторов, были подтверждены Вайпулданьей, аборигеном из Арнемленда, по словам которого, человек, лишившийся почечного жира, обречен на смерть. Угроза снять жир с почки была одной из самых страшных для аборигенов. Она была не просто метафорой: во время инициации подростков действительно учили этой технике, причем она требовала предварительно оглушить врага ударом дубины по голове (Локвуд, 1971. . СП, 124, 130, 131). Ниже мы увидим, что представления, подобные описанному, легли в основу одной из наиболее специфических форм вооруженных действий, связанной с охотой за головами. Но у австралийских аборигенов сам по себе каннибализм не являлся причиной человекоубийств, а был лишь их попутным следствием. Поэтому трудно согласиться с встречающейся до сих пор гипотезой, по которой в

[89]

доземледельческий период люди могли заниматься охотой друг на друга ради добычи мяса (Иванова, 1980).

Выше мы видели, что «охотничья гипотеза», выдвинутая Ардри, опиралась и на положение о псевдовидообразовании. Нет ли смысла попытаться проверить ее на основании австралийских материалов? Явление псевдовидообразования было, по-видимому, широко известно у австралийских аборигенов. В различных местах континента встречались этнонимы, в переводе означающие «мы – единственные люди», тогда как соседи нередко воспринимались как «варвары» или «дикие чернокожие» (Wheeler, 1910. P. 59,98; Taplin, 1874, P. I; Dredge, 1845. P. 8; Hart, Riling, 1960. P. 10; Шнирельман, 1982а. С. 97) Вместе с тем, во-первых, остается неясным, насколько изначально являлась эта картина и в какой мере она могла отражать происходившие в недавнем прошлом процессы (Шнирельман, 1982а. С. 100-101). Во-вторых, сомнения в принадлежности к разряду людей касались, как правило тех, кто жил очень далеко и с кем практически не имелось контактов. В-третьих, обычаи адопции, совместные церемонии и межплеменные браки позволяли превращать врагов в друзей, равно как по тем или иным причинам могли совершаться и обратные превращения. Отношения со свойственниками были весьма динамичны, и обмен мог чередоваться с вооруженными столкновениями (Wheeler, 1910. P. 58). Следовательно, «охотничья гипотеза» способна объяснить истоки военного искусства, которые, в особенности, в раннюю пору, действительно имели много общего с охотой. Однако она все же не приближает нас к пониманию того, почему же человек поднял руку на особей своего собственного вида.

Ведение вооруженных действий отвлекало людей от обыденных хозяйственных забот, нарушало обычный хозяйственный ритм и для своего успеха требовало решения проблемы питания. Поэтому неудивительно, что военные столкновения имели в первобытности сезонный характер. Так, в Северном Квинсленде описанные выше формальные бои-борьбы происходили только летом (Lumholtz, 1889. P. 127). В целом интенсивность и частота вооруженных стычек были прямо связаны с организацией межобщинных и межплеменных предприятий – пиров, церемоний, охот и т. д., а те в свою очередь имели достаточно строгие пространственно-временные

[90]

параметры: они происходили в наиболее богатых пищей местах и в наиболее благоприятные сезоны года (Wheeler, 1910. P. 74-81). Так как межплеменные и межобщинные сборища имели огромное социальное, экономическое и демографическое значение в жизни аборигенов (Шнирельман, 1982а. С. 102-103), то это создавало стимулы к миру и способствовало миротворчеству. У аборигенов имелись специальные формальные процедуры, позволявшие положить конец взаимной вражде. Среди них лучше всего описаны «макарата» или «манейяг», известные у различных групп Арнемленда.

Церемония «макарата» была призвана предотвратить или положить конец кровной мести. Когда горе по утрате несколько утихало, страдающая сторона посылала к обидчикам гонца с предложением встретиться, назначая для этого место и время. Как правило, это было привязано к каким-либо межобщинным церемониям, проведение которых требовало мира среди всех участников. Обе группы приходили с оружием в руках и в боевой окраске белой глиной. Они располагались шеренгами в 150-200 м друг от друга, готовые к настоящему сражению. Затем наиболее уважаемые старшие мужчины из группы обидчиков начинали бегать между шеренгами, то приближаясь к обиженным, то удаляясь от них. Существенно, что их сопровождали мужчины, которые находились в родстве и с ними, и с их противниками. Роль этих мужчин состояла в том, чтобы умерить гнев потерпевших. Тем временем последние бросали в бегающих копья, оснащенные каменными наконечниками. Исход этих действий зависел как от тяжести проступка и глубины гнева потерпевшей стороны, так и от ловкости виновных, которые старались увернуться от поражения. Церемония заканчивалась тем, что нейтралы приводили убийцу к потерпевшим. Тот отдавал последним свои копья и поворачивался спиной, подставляя бедро. Обычно кто-либо из группы потерпевших пронзал его копьем в бедро, и инцидент считался улаженным. Если же копье лишь слегка царапало бедро, значит потерпевшие соглашались лишь на временное перемирие. Если они вообще промахивались, значит затаили злобу и следовало постоянно быть начеку, ожидая продолжения мести. Описанная церемония происходила в обстановке повышенного

[91]

напряжения и в любой момент могла перерасти в настоящее сражение, как нередко и случалось (Warner, 1964. P. 163-165; Chaseling, 1957. P. 79; Berndt, Berndt, 1970. P. 177. CP. также Fison, Howitt, 1880. P. 216-217).

Материальные компенсации за кровь не получили широкого распространения у аборигенов Австралии, по-видимому, из-за их крайней бедности. У. Уорнер сообщает, что провинившийся мог прислать родичам убитого лепешки или табак. Но так как этого хватало только ограниченному кругу лиц, то, не чувствуя себя удовлетворенными, остальные не оставляли попыток мщения (Warner, 1964. P. 166). В обстановке всеобщей подозрительности чужаки имели мало оснований доверять друг другу, и поэтому их встреча предварялась особыми правилами этикета. Так, чужакам не позволялось без особого формального приглашения появляться на стоянке, и они должны были ожидать его на некотором удалении (Myers, 1979. P. 363). Намерения чужаков не всегда были известны, и порой в знак миролюбия к ним посылали женщин, причем отказ от женщин однозначно указывал на враждебность (Spencer, Gillen, 1927. V. 2. P. 444).

Одним из важных атрибутов, защищавших чужаков от нападения, служили специальные орнаментированные палки или жезлы из твердой древесины. В Западной Австралии их использовали, например, группы мужчин, которые отправлялись на чужие отдаленные территории для добычи камня и охры (Hambly, 1931. P. 2-4). Эти жезлы имели огромное символическое значение при организации межобщинных церемоний или ярмарок, одной из функций которых являлось примирение враждующих сторон (Wheeler, 1910. P. 93-94). В Северном Арнемленде организацию таких сборищ предварял символический обмен дарами: хозяева пиршества посылали гостям фаланги пальцев своих умерших родичей, а гости изготовляли для них особо богато украшенный жезл. При этом местные обитатели сознательно проводили параллель между передачей такого жезла и вручением костей любимого супруга или родича (Wild, ed., 1986. P. 12). Иными словами, речь шла о предложении родства, санкционированного обменом символами единой субстанции. И вместе с тем, главные действующие лица церемонии приходили на нее окрашенные

белой глиной, что служило в Арнемленде боевой окраской воинов. Тем самым, как бы подчеркивалось нерасторжимое единство мира и вражды, обмена и войны, являвшееся характерной чертой межобщинных и межплеменных взаимоотношений в первобытности.

В ряде районов Австралии большую роль в миротворчестве играло совместное пение, которое, как считали, например, пинтуби, препятствовало ссорам и стычкам. Пение, по мнению пинтуби, обучало людей нормам общения, настраивало на кооперацию во имя единой цели, способствовало ощущению единства и делало участников «родственниками», или уалитья. Как и в Северном Арнемленде, межобщинные сборища здесь проводились и воспринимались, следовательно, как встречи родственников (Myers, 1979. P. 354-355).

Большую роль в межобщинных и межплеменных взаимоотношениях как мирных, так и враждебных, играли гонцы, особа которых считалась священной и неприкосновенной. Они знали по несколько языков и могли безбоязненно передвигаться по территориям различных групп, обладая упомянутым выше жезлом, указывавшим на их особый статус. Такие гонцы приносили приглашения на пиршества, предупреждали о визите чужаков, сообщали о начале вооруженных действий, вели предварительные переговоры о мирной церемонии и т. д. Короче говоря, именно с их деятельностью было связано становление дипломатии (Wheeler, 1910. P. 109 ff.). Задача гонцов упрощалась, если они находились в родстве с обеими сторонами, что имело особую важность в условиях напряженности во взаимоотношениях. Вообще в Австралии встречалось правило, согласно которому люди, состоявшие в родстве с соперниками, имели право по меньшей мере воздержаться от участия в стычке. Но что особенно важно, они же могли взять на себя и миротворческую миссию (McKnight, 1982. P. 494).

В литературе встречается утверждение, что большую роль в миротворчестве играли женщины, которые якобы в силу самого своего места в обществе являлись исконными защитницами мира (см. напр., Tiger, Fox, 1971. P. 213). Действительно, в ряде случаев женщины-аборигенки могли останавливать схватку, грозящую кровопролитием, отбивали

летающие в их родичей смертоносные копья и спасали от смерти упавших на землю воинов (Fison, Howitt, 1880. P. 217; Lumholtz, 1889. P. 124; Hart, Pilling, 1960. P. 84; Warner, 1964. P. 156). Как уже отмечалось, в знак миролюбия чужакам могли предлагать женщин (Spencer, Gillen, 1927. V. 2. P. 444). В то же время имеются данные и о том, что женщины, напротив, иной раз разжигали в мужчинах враждебность и провоцировали ссоры (Chaseling, 1957. P. 63-64; McKnight, 1982. P. 493, 505, 506), подбадривали своих родичей в бою и подносили им оружие (Lumholtz, 1889. P. 124), а иногда и сами активно участвовали в стычках (Локвуд, 1971. С. 128-129; Warner, 1964. P. 156). Местами встречались и сугубо женские драки с помощью палок или дубинок, приводившие к серьезным увечьям (Spencer, Gillen, 1927. V. I. P. 27; Warner, 1964. P. 165; Berndt, Berndt, 1970. P. 166). Следовательно, роль женщин в первобытных вооруженных столкновениях была неоднозначной и ее оценка требует внимательного изучения контекста событий.

Отмечая повышенный уровень жестокости и вооруженных столкновений у австралийских аборигенов, г. Эллиот-Смит в свое время считал их исключением и противопоставлял другим группам бродячих охотников и собирателей, отличавшихся, по его мнению, большим миролюбием (Elliot-Smith, 1929. P. 205-214). Поэтому есть смысл сопоставить изложенные выше австралийские данные с некоторыми материалами из других регионов мира. Анализ старых источников создает впечатление, что аэта Филиппин были очень воинственными в XVII-XIX вв., занимаясь в том числе охотой за головами (Hobhouse, 1956. P. 106-108). В то же время следует учесть, что европейские наблюдатели тех времен далеко не всегда отличали аэта от горных земледельцев Филиппин, которые действительно славились охотой за головами. Судя по более поздним исследованиям, этот обычай был чужд аэта. Их нападения вызывались прежде всего нарушением брачных норм, умыканием женщин, горем по умершему родственнику, нарушением территориальных границ. Главным видом боевого оружия служил лук, но, в отличие от охоты, при набегах использовались неядовитые стрелы. Нападения происходили внезапно на заре, и воины могли вырезать все население стоянки (Nicolaisen, 1974/1975. P. 416).

У бушменов пустыни Калахари главными причинами смертоубийства также были месть, нарушение брачных правил и, возможно, нарушение территориальности. Главным видом оружия служил лук с отравленными стрелами, реже использовалось копье, еще реже – дубинка. Защитное вооружение отсутствовало. В далеком прошлом основным видом вооруженных действий являлись набеги, однако с тех пор, как бушмены попали в окружение более могущественных соседей их воинственность, видимо, несколько упала. В последнее время большинство преступлений происходит в результате спонтанно возникающих ссор, которые, как и у австралийцев, имеют тенденцию к эскалации и превращению в межгрупповые стычки. Р. Ли выделяет три стадии эскалации: а) словесная перебранка, доходящая до весьма грубых оскорблений; б) драки, во время которых иногда используются палки; в) стычки с применением оружия. Последние особенно опасны, если в них участвуют мужчины в возрасте 20-55 лет, так как только они имеют право пользоваться луками с отравленными стрелами. К сожалению, сколько-нибудь детальные сведения о межгрупповых стычках отсутствуют, однако известно, что победители могли забрать мясо и другие вещи, принадлежавшие убежавшим врагам. Впрочем неясно, был ли этот обычай изначально присущ бушменам или возник в ходе многовековых столкновений с соседними скотоводами, у которых бушмены издавна отбивали скот. Уничтожив в результате нападения группу соперников, бушмены могли захватить и адаптировать женщин и девушек.

Среди близких родственников убийства были запрещены, но между свойственниками они не являлись редкостью. По мнению Р. Ли, месть за смерть воспринималась бушменами именно как наказание, а не как война, ибо в этих случаях родственники жертвы вовсе не спешили к ней на помощь. Месть была обезличенной, и вместо убийцы могли убить любого члена его группы, в том числе женщину.

За отсутствием влиятельных лидеров, которые могли бы энергичными действиями погасить конфликт, механизм решения межгрупповых ссор был весьма несовершенен. Наиболее действенным средством предотвратить эскалацию было избегание, либо же отселение подальше от своих соперников.

[95]

На это были нацелены межгрупповые мирные церемонии, имевшие название «повесить колчаны». Они требовали встречи враждующих групп на могиле убитого. Там старики призывали прекратить вражду, ради чего разойтись по разным территориям, чтобы лишний раз не гневить друг друга своим присутствием (Lee, 1979. P. 370-397. См. также Elliot-Smith, 1929. P. 186-190; Hobhouse, 1956. P. 110-111; Eibl-Eibesfeldt, 1974). В целом бушмены отличались относительным миролюбием, и с этим согласен даже И. Эйбл-Эйбесфельдт, положивший много сил для доказательства агрессивности у бушменов (Eibl-Eibesfeldt, 1974. P. 455).

О том, насколько расплывчаты и нечетки представления разных ученых об агрессивности и неагрессивности, свидетельствует пример с андаманцами, которых одни авторы называют воинственными (Mead, 1964. P. 271-272), а другие – миролюбивыми (Elliot Smith, 1929. P. 193-198), причем и те, и другие опираются, как правило, на одни и те же сообщения Э. Рэдклифф-Брауна. Каковы же андаманцы на самом деле в трактовке самого Рэдклифф-Брауна? Судя по его данным, межобщинные столкновения происходили в прошлом достаточно часто, причем главной их причиной была кровная месть. Оружием служили лук и стрелы, а вооруженные действия сводились к внезапным скоротечным набегам. При этом старались убить как можно больше мужчин, но нередко убивали также женщин и детей. На самом же деле ущерб от таких набегов сводился к минимуму, и потери составляли не более 1-2 человек. Отряд мстителей был небольшим и включал только опытных воинов. К участию в набеге привлекали людей из союзных общин, но эти действия никогда не достигали размаха каких-либо межплеменных войн.

Некоторые общины состояли в многовековой вражде и нападали друг на друга при первой же возможности. В этом случае поселки стремились устраивать в неприступном месте и предпринимали меры, снижающие эффект внезапности: выставляли часовых, для лучшей видимости вырубали окружающие деревья и т. д. (Radcliff-Brown, 1922. P. 84-87).

Рэдклифф-Браун специально подчеркивает, что иной раз именно неуступчивость и злопамятность женщин способствовала продлению вражды, и поэтому мирные переговоры

[96]

велись через женщин (Radcliff-Brown, 1922. P. 85-86). Мирная церемония происходила в поселке той группы, которая произвела последнее нападение и считалась обидчицей. Там готовилась особая танцевальная площадка, где воздвигали ряд столбов со священными символами-оберегами (коро-чоп), призванными защитить местных мужчин от агрессивного поведения врагов. Собственно церемония заключалась в том, что эти мужчины должны были безмолвно стоять у линии этих столбов, а прибывшие сюда их соперники изливали свой гнев в полных угрозах танцах, криках и жестах, пока не успокаивались. Затем обе группы совместно оплакивали убитых, после чего мужчины обменивались луками. Последнее обеспечивало по меньшей мере несколько мирных месяцев, так как никто не рисковал выступить против другого с его же собственным оружием (Radcliff-Brown, 1922. P. 34-135, 238, 291).

Говоря о миролюбии эскимосов, г. Эллиот-Смит противопоставлял эскимосов Берингова пролива как более воинственных всем другим эскимосам, считая, что на первых отрицательно повлияли недавние контакты с европейцами (Elliot-Smith, 1929. P. 215). На самом деле некоторые особенности в культуре и поведении берингоморских эскимосов были связаны с более сложными причинами. Во-первых, здесь издавна имелись более эффективные и более надежные хозяйственные системы, связанные с интенсивным морским зверобойным промыслом и обуславливавшие более высокую степень оседлости, чем к востоку отсюда. И именно здесь возникли несколько социально-дифференцированных эскимосских обществ (Townsend, 1980). Во-вторых, эскимосы побережья Аляски вступали в прошлом в ожесточенные вооруженные столкновения с чукчами, что повлияло на совершенствование их военного дела (Антропова, 1957. С. 178; Вдовин, 1965. С. 54-55; Гурвич, 1966. С. 53, 115).

Как бы то ни было, для сравнения с остальными группами бродячих охотников и собирателей здесь представляется более правомерным рассмотреть некоторые данные об эскимосах Канады. Там главными причинами вооруженных столкновений также служили кровная месть и умыкания женщин, а в качестве оружия использовались лук и стрелы. Так как

[97]

состав отдельных общин был непостоянным, то кровная вражда существовала именно между семьями, а не общинами. В недавние годы она осуществлялась нападением из засады, но в далеком прошлом были известны и набеги. И здесь кровная месть была обезличенной: если не удавалось найти виновного, убивали кого-либо из его ближайших родственников. Мечь воспринималась как наказание, и, подобно тому, что мы уже встречали у аранда, мститель мог испросить разрешение общины на убийство обидчика. В таком случае сам он впоследствии уже не являлся объектом ответной мести. Иногда, чтобы не подвергать угрозе своих родственников, убийца мог намеренно селиться с родственниками убитого, и тогда дело решалось путем ордалии.

Эскимосам был свойственен страх перед чужаками, в особенности, жившими вдали от них, но и даже к свойственникам относились с недоверием. Это и лежало в основе особых церемоний встречи чужака, содержавших элементы насилия. Иногда это был обмен увесистыми пощечинами, иногда – спортивное единоборство, а иногда – и испытание ножом. Все это, по-видимому, должно было продемонстрировать чужаку силу хозяев и побудить его воздержаться от непродуманных действий против них. Кое-где у эскимосов встречалось и явление дегуманизации своих противников иноэтничного происхождения.

Мирные церемонии эскимосов изучены слабо. Известно, что при примирении противники касались груди друг друга, говоря «мой друг». Межобщинным мирным контактам способствовали обычаи гостеприимства, в частности, гостеприимный гетеризм. Развитию миролюбивых отношений порой способствовала и торговля (Boas, 1888. P. 464-466, 574-582, 609; Elliot-Smith, 1929. P. 217-222; Riches, 1987).

Среди бродячих охотников и собирателей недавнего времени встречались и общества, отличавшиеся подчеркнутой неагрессивностью. Это – например, пенаны Саравака, которые вообще избегали убийств, хотя и обладали теми же видами оружия, что и их воинственные соседи-земледельцы (Nicolaisen, 1974/1975. P. 429). Тот же стиль поведения П. Гарднер обнаружил у палийянов Мадраса (Южная Индия), которые считали избегание агрессии или неуважения к

кому-либо одним из важнейших правил. Они стремились улаживать ссоры с помощью шуток. Если же это не удавалось, то во избежание эскалации субъекты ссор – индивиды или группы – старались не встречаться. Избегать напряженности в отношениях помогал также страх перед сверхъестественными санкциями. Обнаружив те же особенности у ряда других групп охотников и собирателей, Гарднер высказал соображение, что они развились достаточно поздно в окружении сильных инокультурных врагов (Gardner, 1969). Действительно, чтобы сохранить свою культурную самобытность, такие группы старались по возможности избегать конфликтов как в своей среде, так и в особенности с соседями. Главной тактикой для этого служило избегание. Этого и придерживались, например, пенаны, которые время от времени подвергались опустошительным набегам охотников за головами. Вместе с тем, понижение воинственности было не единственной формой реакции на изменение внешней среды. В ряде случаев воинственность, наоборот, повышалась (Hobhouse, 1956).

Как бы то ни было, рассмотренные данные наглядно свидетельствуют о значительных сходствах агрессивного поведения и его контекста у бродячих охотников и собирателей, включая и австралийских аборигенов. Главной причиной стычек являлись месть за самые разные обиды, в особенности, кровопролитие. Месть являлась обезличенной и была направлена против вражеской группы, а не против какого-либо конкретного человека. Она могла осуществляться индивидуально или отрядом мстителей путем набега. Формальные бои являлись особой формой коллективной мести и встречались нечасто. Специализированного боевого оружия почти не было: как правило, использовались те же виды оружия, что и на охоте. Главным принципом мести был «око за око, зуб за зуб», чтобы восстановить нарушенное равновесие. Каких-либо целенаправленных захватов земли или другой материальной собственности практически не было. Нарушение территориального права наказывалось в первую очередь как покушение на статус и автономию; реальное или потенциальное посягательство на материальные ресурсы играло производную роль в мотивации мести. Наибольшую

[99]

ценность в ранней первобытности представляли, по-видимому, именно людские ресурсы, а главной заботой группы был рост ее численности. Вот почему столь распространен был захват женщин равным образом как повод для мести, так и ее результат. Не намного реже, видимо, захватывали и детей, адаптируя их в группу на равноправных началах.

Сколько-нибудь серьезного руководства вооруженными операциями почти нигде не встречалось, однако в их подготовке и организации участвовали лидеры групп, старейшины и ближайшие родичи убитых. Для участия в набеге мужчины вербовались по родственным каналам, и месть за погибшего в принципе вменялась в обязанность всем близким родственникам. Если отсутствие какой-либо надобщинной власти действительно способствовало развитию и эскалации конфликта, на чем настаивал в свое время Гоббс, то наличие миротворческих механизмов шло вразрез с его предположениями. Универсальным способом предотвратить конфликт или пресечь его в зародыше было избегание. И можно согласиться с Р. Ли в том, что угроза конфликта не допускала в обществах бродячих охотников и собирателей излишней скученности и, как и в животном мире, вела к равномерному расселению людей по территории (Lee, 1979. P. 397). Кроме того, как предполагал в свое время К. Райт (Wright, 1942. V. I. P. 569-570), первобытные вооруженные столкновения способны были существенно тормозить рост населения. По имеющимся подсчетам, от них гибло значительное число мужчин, в особенности, репродуктивного возраста (Warner, 1964. P. 146-148; Pilling, 1968a. P. 158; Blainey, 1976. P. 109-112; Lee. 1979. P. 398; Роуз. 1989. С. 71). Как было показано выше, мстители не склонны были щадить и женщин, которых, возможно, также гибло немало. Следовательно, в условиях полной зависимости от дикой природы вооруженные столкновения могли служить одним из механизмов поддержания демографического баланса (Divale, 1972).

И все же сколько-нибудь крупномасштабных кровопролитных войн в рассмотренных обществах не встречалось, и в этом смысле они могут считаться относительно миролюбивыми. Одним из подходов к выяснению причин их миролюбия является изучение систем и концепций воспитания детей.

[100]

Такие исследования показывают, что главной ценностью в этих обществах являлись не агрессия, а мир, и люди старались не искать и не наказывать виновных, а восстановить прежние добрые отношения. Тем самым, дети почти не получали примеров агрессивного поведения и учились контролировать свои эмоции. В некоторых обществах, например, у бушменов кунг и пигмеев мбути вообще не было установок на соперничество, личную славу или успех. У мбути имелись даже особые состязания, призванные продемонстрировать бессмысленность соперничества. А эскимосы сознательно культивировали в детях страх перед недоброжелательным поведением, и там имелись своеобразные культурные концепции, способствовавшие этому (Montagu, ed., 1978). Разумеется, все такого рода системы воспитания предполагали взаимоотношения прежде всего внутри общества. Так, австралийские аборигены учили своих детей мстить чужакам за убийства. Кроме того, поведение индивида определяется не только тем, чему его учили в детстве, а всем его совокупным жизненным опытом.

И все же эти системы воспитания достигали своего эффекта, и в сравнении с другими общества бродячих охотников и собирателей действительно отличались большим миролюбием. Именно эти общества составляли основную часть выборки, которую проанализировал Д. Фэббро, пытаясь выявить основные черты, характерные для миролюбивых обществ. Среди последних он отметил наличие автономных самоуправляемых общин, отсутствие формальной политической иерархии и лидерства, «социальной стратификации и рангов. Как правило, там не было избыточного продукта, который можно было бы узурпировать. Во всех этих обществах отмечалась вера в серьезные сверхъестественные санкции, которые якобы неминуемо настигали нарушителя общественных норм. Кроме того, огромную роль во взаимоотношениях между людьми играло общественное мнение. А одним из наиболее действенных методов решения конфликта служило, как уже отмечалось, избегание (Fabbro, 1978).

Вывод об относительном миролюбии охотников и собирателей был взят под сомнение К. Эмбер, которая сопоставила 50 обществ и пришла к выводу о том, что большим или

меньшим миролюбием отличались не более 10-12% из них (С. Ember, 1978. Р. 443). Однако она не дифференцировала охотников и собирателей по особенностям хозяйства и социальной структуры. Между тем, подавляющее большинство обществ, названных ею воинственными, были представлены конными охотниками или специализированными рыболовами, тогда как среди миролюбивых отмечались, в основном, бродячие охотники и собиратели.

О необходимости такой дифференциации писалось как в нашей, так и западной литературе. Следовательно, имеет смысл рассмотреть характер вооруженных столкновений среди оседлых или полuosедлых охотников, рыболовов и собирателей, занимавшихся эффективным специализированным присваивающим хозяйством.

III ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ У ОСЕДЛЫХ И ПОЛУ ОСЕДЛЫХ ОХОТНИКОВ, РЫБОЛОВОВ И СОБИРАТЕЛЕЙ

Оседлые или полuosедлые охотники, рыболовы и собиратели составляли особую группу народов, специфика которых обуславливалась двумя моментами. Во-первых, хотя их хозяйство относилось к категории присваивающего, оно велось с помощью достаточно специализированной техники и имело дело с весьма обильными, хотя и сезонными пищевыми ресурсами. Результатом часто являлась выработка особых методов долговременного хранения пищи, сооружения особых хранилищ для этого, необходимость их охраны и, вместе с тем, возможность длительного обитания на одном месте (Testart, 1982). Во-вторых, для этих обществ была характерна определенная степень социальной дифференциации и достаточно сложная социальная структура, в целом напоминавшая соответствующие параметры у ранних земледельцев

[102]

и скотоводов. Поэтому, учитывая эти сходства в социальной структуре и, отчасти, в образе жизни, в нашей науке издавна было принято включать все подобного рода общества в единую категорию (Шнирельман, 1986 а, 1986 б, 1988, 1993), которых американский антрополог М. Фрид назвал «ранжированными обществами» (Fried, 1967). Правда, сложность заключается в том, что в реальной исторической обстановке в силу действия самых разных факторов специализированное высокоэффективное присваивающее хозяйство и оседлость, с одной стороны, и ранжированная система, с другой, не всегда жестко сопутствовали друг другу (Legros, 1982). И все же в тенденции такое соответствие наблюдалось, из чего мы и будем исходить в настоящем исследовании.

Анализ военного дела у такого рода обществ уместно начать с эскимосов Аляски и Северо-Восточной Азии, чтобы выяснить имелись ли там отличия от рассмотренных выше эскимосов центральных и восточных районов Американской Арктики, а если имелись, то какого рода (Burch, 1974). Среди причин конфликтов у эскимосов Аляски встречались, в целом, те же, что у других уже рассмотренных выше обществ охотников и собирателей. Это – личные оскорбления, неудачи в торговых операциях и спортивных соревнованиях во время многолюдных ярмарок, кражи, умыкания женщин и т. д. Конфликты вели к рукоприкладству, физическим увечьям, и, в крайней форме, к убийствам. А это в свою очередь однозначно вызывало потребность в мщении (Burch, Correll, 1972. P. 34; Burch, 1974. P. 3, 4; Файнберг, 1964. С. 143; Hennigh, 1972. P. 90).

Необходимость в мщении отчасти вызывалась верой в то, что дух убитого неизменно преследует потенциальных мстителей до тех пор, пока он не будет отомщен. Вот почему родственники убитого стремились отомстить за него, и убийца находился под постоянной угрозой. Поэтому же среди эскимосов было распространено мнение, что иной раз быть убитым лучше, чем убийцей (Malaurie, 1974. P. 22; Burch, 1980. P. 273). В то же время к мщению внутри и вне общины отношение было диаметрально противоположным. Внутри общины люди стремились избегать мести, так как в этом случае месть могла привести к самоистреблению или распаду

общины. Напротив, месть чужакам приветствовалась, и в этом случае община нередко выступала как единое целое. Так, например, если охотник не возвращался с охоты, то в общине Утукок однозначно считали, что его убили люди из общины Пойнт ХоупеР. В этом случае стремились убить любого члена той общины, полагая, что он, безусловно, находится в каком-либо родстве с реальным убийцей (Hennigh, 1972. P. 90).

Чтобы предохраниться от мщения и в то же время обрести дополнительную храбрость убийцы могли либо слизывать кровь с кинжала, который служил орудием убийства (Р. Маккензи), либо пробовали кровь и кусочки сердца убитого (низовья Юкона), либо даже отрезали себе пальцы на руке или на ноге (п-ов Стюард). А у эскимосов-чугачей воину-убийце было запрещено в течении семи суток принимать пищу и спать с женой (Malaurie, 1974. P. 22-23; Burch, 1974. P. 12; Nelson, 1899. P. 328). Очевидно, все эти ритуалы, в особенности, каннибальские, призваны были установить связь между убийцей и духом убитого, а тем самым и его родственниками, так как родство было залогом дружбы и миролюбия. С этой точки зрения, отдельных интерес представляет отношение эскимосов к чужакам. Под последними понимали тех, с кем не имели, ни родственных, ни партнёрских связей. Поэтому они постоянно вызывали у людей подозрения, и их при первой же возможности старались убить (Burch, Correll, 1972. P. 24; Hennigh, 1972. P. 92; Malaurie, 1974. P. 4). Месть родственникам у эскимосов тоже встречалась, но она происходила лишь в чрезвычайных обстоятельствах, когда те совершали тяжелые преступления против общины и своим асоциальным поведением грозили самому ее существованию. Такая месть по сути являлась наказанием и осуществлялась ближайшими родственниками, что исключало какую-либо ответную месть (Hennigh, 1972. P. 106-108). У эскимосов Аляски были известны два вида межгрупповых вооруженных действий – внезапные набеги и открытые сражения. Они велись в наиболее благоприятное время года, когда пищи было в избытке (Malaurie, 1974. P. 26-27). В приморских районах набеги осуществлялись летом, когда отряд мстителей мог легко преодолеть крупные расстояния в лодках или байдарках. А во внутренних районах, где в

набеге участвовали пешие воины, нападения откладывались на осень, когда реки и озера замерзали, а ночи удлинялись, что способствовало успешным передвижениям и внезапности (Burch, 1974. P. 4). Удаче похода помогала и детальная информация о противнике – его численности, расположении стоянок, особенностях местности и т. д. Для ее сбора порой высылались специальные лазутчики, что, в частности, и вызывало у эскимосов недоверие к чужакам.

Отряды мстителей насчитывали от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Самые крупные из них встречались в приморских районах. Такой отряд бесшумно приближался со стороны моря, высаживался на побережье недалеко от вражеского поселка и на рассвете внезапно нападал на отдельные жилища. При этом жилище окружали, перекрывали вход и стреляли из лука через дымовое отверстие в крыше. Выбегающих врагов добивали дубинами или копьями. Чтобы избежать потерь, старались нападать на поселок в отсутствие местных мужчин, ушедших на охоту или для ведения обмена (Nelson, 1899. P. 327-329; Hennigh, 1972. P. 101; Burch, 1974. P. 8-10; 1980. P. 274; Malaurie, 1974. P. 14,15,20). Такого рода нападения были достаточно скоротечными. Так, для нападения на один из поселков на полуострове Стюард сибирским эскимосам понадобилось всего около 18 часов; из них 16 часов ушло на плавание туда и обратно и 1-2 часа – на собственно сражение (Malaurie, 1974. P. 14).

Целью таких нападений было полное истребление вражеской общины и, прежде всего, мужчин и мальчиков, чтобы те не смогли отомстить в будущем. Иногда убивали и женщин, хотя чаще их, а порой и детей, захватывали в плен. Известно, что у прибрежных эскимосов, в особенности, занимавшихся морским китобойным промыслом, имелось рабство, причем рабами служили пленные. Вопрос этот, к сожалению, остается малоизученным, в особенности, что касается статуса и судьбы пленных женщин. Ведь как установлено, некоторые группы эскимосов воздерживались от вступления в брак, а порой и от половых отношений с пленницами, чтобы тем самым избежать родства с врагами (Файнберг, 1964. С. 130-131; Nelson, 1899. P. 328, 329; Hennigh, 1972. P. 99, 101, 102, 105, 106; Burch, Correll, 1972. P. 34; Burch, 1974. P. II; Malaurie, 1974. P. 9, 11, 13-15). Не вполне

[105]

ясно, захватывали ли у врага какую-либо другую добычу. Если одни авторы это категорически отвергают (Burch, Correll, 1972. P. 34), то другие настаивают на том, что эскимосы могли захватывать ^врагов провиант, украшения и т. д. (Nelson, 1899. P. 329; Malaurie, 1974. P. 13). Во всяком случае эскимосы-чугачи осуществляли нападения для захвата добычи и рабов (de Laguna, 1972. Pt 2. P. 581). Что же касается каких-либо территориальных захватов, то все специалисты сходятся на том, что их не было.

Так как скрыть враждебные замыслы часто бывало невозможно, то эффект внезапности терялся, и обе враждебных группы встречались в открытом бою. Они выстраивались друг против друга и начинали с взаимных оскорблений и издевок, искусством которых славились опытные воины, носившие название саликсук. Затем доведенные этим до бешенства противники начинали обмениваться стрелами. Считая, что этим все дело ограничивается, Терни-Хай видел в этом нечто вроде атлетического состязания (Turney-High, 1949. P. 91-92). Однако сама по себе стрельба была делом небезобидным. Ведь стрелы сохраняли убийную силу до расстояния 90-100 м, а противники стреляли друг в друга с 60-90 м. Конечно, эскимосы с детства учились увертываться от стрел и, кроме того, умело отбивали их древками копий. И все же этого было недостаточно для безопасности, если противники, как это бывало, стреляли одновременно. Далее, если воин использовал все имеющиеся у него стрелы, то противники окружали его, и какие бы чудеса храбрости и ловкости он ни демонстрировал, его добивали ударом дубинки по голове. Бои длились не более 1-2, часов и в целом напоминали серии индивидуальных поединков. Единого руководства боевыми действиями не было (Nelson, 1899. P. 327-329; Hennigh, 1972. P. 98-99; Burch, 1974. P. 10, 11; Malaurie, 1974. P. 15, 20, 21).

Главными видами дистанционного оружия у эскимосов служили лук и стрелы. При этом чугачи и сибирские эскимосы, подобно своим и по этническим соседям, применяли отравленные стрелы, чего у большинства эскимосов Аляски не наблюдалось. В ближнем бою использовались копья и костяные дубины, реже – каменные топоры и ножи. Специальное оборонительное вооружение встречалось лишь у западных групп эскимосов: У некоторых прибрежных групп имелись

косяные щиты, причем у чугачей они достигали огромных размеров и могли обслуживать разом до 20-30 человек. А эскимосы Сибири, о. Св. Лаврентия и некоторые аляскинские группы до Пойнт Вэрроу на востоке включительно обладали специальным пластинчатым доспехом. Происхождение его вызывает споры: одни авторы исходят из автохтонной гипотезы, другие указывают на явное его сходство с древними японскими доспехами. Как бы то ни было, эскимосы Берингоморья уже знали его к XVII веку. Правда, в силу его значительного веса, пользовались им не часто. Многие воины, предпочитали полагаться на свою ловкость или отбивать стрелы древками копий (Nelson, 1899. P. 327-330; Hennigh, 1972. P. 99; Malaurie, 1974. P. 15-18; Антропова, 1957. С. 208-209, 216, 217; Burch, 1974. P. 5).

Развитие военного дела заставляло эскимосов Берингоморья уделять особое внимание своей безопасности. Это учитывалось, например, при основании поселков, которые строились на мысах, на возвышенностях, в труднодоступных скалистых местах. Иногда возводили даже примитивные укрепления из китовых и моржовых костей или других материалов. На подходах к поселку могли намеренно втыкать в землю острые кости, которые больно ранили ноги врагов. Сами хижины покрывались дерном и в некоторых ситуациях могли служить крепостями. Наконец, во время перемирия, а также в ожидании нападения эскимосы выставляли специальных дозорных (Nelson, 1899. P. 327,329; Hennigh, 1972. P. 96,100; Burch, 1974. P. 7,8; Malaurie, 1974. P. 18,19; McCellan, 1975. P. 234-235; Шнирельман, 1990).

Инициаторами и исполнителями кровной мести, как уже упоминалось, являлись ближайшие родственники покойного. Однако если речь шла о более или менее крупных межгрупповых столкновениях, то большую роль в принятии решений и организации играли уважаемые старики. Они же, наряду с опытными воинами, могли оказывать влияние на людей и в ч ходе вооруженной кампании. Однако собственно бой был ли-,шен_какого-либо централизованного руководства (Nelson, 1899. P. 329; Burch, Correll, 1972. P. 34; Burch, 1974. P. 6; Hennigh, 1972). Если группа ощущала свою слабость перед врагом, то накануне нападения рассылала гонцов в соседние

[107]

дружественные общины для вербовки союзников. У эскимосов имелось несколько разных способов установить тесные взаимоотношения друг с другом, включавшие и взаимопомощь. Это осуществлялось на основании кровного родства по любому из родителей причем независимо от наличия или отсутствия брачных связей; при наличии одинаковых амулетов-оберегов; между тезками, а также между торговыми партнерами или в силу гостеприимного гетеризма. Такие союзы были, как правило, временными, непрочными и распались сразу же по достижении ближайшей цели. Но иногда, если вражда Имела глубокие корни, эскимосы целых районов регулярно выступали совместно против своих постоянных врагов, например, эскимосы Сибири и о-вов Диомида – против эскимосов Аляски и о-ва Кинг (Nelson, 1899. P. 327,330; Burch, Correll, 1972. P. 32-33; Hennigh, 1972. P. 90-92). Так как военные успехи влияли на социальный статус, то союзники нередко с готовностью участвовали в таких предприятиях для повышения престижа (Maurie, 1974. P. 7).

Впрочем, если мужчина имел родственников среди врагов своей группы, то он имел право соблюдать нейтралитет и свободно передвигаться между станами врагов (Nelson, 1899. P. 329). Иногда такие люди, в особенности, обладавшие авторитетом, могли предотвратить схватку, становясь миротворцами (Hennigh, 1972. P. 99). Торговые партнеры зачастую тоже были несклонны выступать друг против друга, и известны случаи, когда они предупреждали друг друга о нападении (Hennigh, 1972. P. 96,97; Burch, Correll, 1972. P. 28; Burch, 1980. P. 273).

Можно ли называть вооруженные столкновения у эскимосов Берингоморья или хотя бы некоторые их виды войнами? Э. Берч допускает возможным проводить различия между кровной враждой, которая наблюдалась лишь между членами двух расширенных семей, и войнами, которые охватывали по несколько семей и велись только между крупными региональными общностями. Кровная вражда вела к убийству, и убийца должен был проходить особый ритуал очищения, чтобы избежать мести духа убитого. Зато, как утверждает Берч, смерть врага убийством не считалась и вызванная ею месть исходила не от духа, а от родственников убитого. Поэтому в этом случае какого-либо ритуального очищения не

требовалось (Burch, Correll, 1972. P. 34; Burch, 1980. P. 272, 273). Это не означает, что убийство врага не сопровождалось определенными ритуалами, в частности, каннибальскими, о чем упоминалось выше. Кроме того, в ряде районов было принято отрезать головы врагов, а иногда и другие части их тела, и выставлять их для публичного обозрения (Nelson, 1899. P. 329; Malaurie, 1974. P. 24; Hennigh, 1972. P. 100-102).

Особенности военного дела у эскимосов Берингоморья характеризовались определенной специализацией воинов: здесь имелись разведчики, провокаторы-насмешники (салик-сук), воины в панцирях, воины с дубинками для отражения стрел, копейщики, протыкавшие стенки жилищ (иглу), а также сторожи байдаР. Кроме того, встречалась фортификация, хотя и в самом зачаточном виде. Все это дает основание говорить о более высоком уровне военного дела у эскимосов Берингоморья по сравнению с более восточными эскимосами, где конфликты решались с помощью более мягких методов – поединками, остракизмом, песенными состязаниями или, в крайнем случае, индивидуальными убийствами (Malaurie, 1974. P. 21,27). Сложнее решить вопрос о соотношении экзогенных и эндогенных факторов, способствовавших развитию военного дела у западных эскимосов. Ведь они издавна подвергались нападению соседних иноэтничных групп – тлинги-тов и других атапасков, а также алеутов, чукчей, и сами нападали на них. Такие столкновения, безусловно, стимулировали инновации у эскимосов, и они также могли заимствовать у соседей некоторые элементы военного дела: панцири, отравленные стрелы, и т. д. (Вдовин, 1965. С. 54-55; Гурвич, 1966. С. 53, 115; Malaurie, 1974. P. 5, 10,12). Нельзя, разумеется, и недоучитывать потенциал внутреннего развития эскимосов Берингоморья, у которых встречалась более сложная социальная структура, чем у других эскимосов. Особенно сложной она была у чугачей, для которых было характерно и более развитое военное дело.

Залогом мира, по меньшей мере временного, у эскимосов Аляски служили межобщинные и межрегиональные связи, основанные на браке, партнерстве, гостеприимном гетеризме. Такие связи включали обязательства по взаимопомощи и нередко уменьшали военную опасность и помогали выходить

[109]

из сложных ситуаций. Укреплению солидарности, дружбы, взаимных контактов служили разного рода пиры и празднества, в особенности, ярмарки, на которые съезжались сотни и тысячи людей отовсюду. При этом лингвистические и этнические границы не являлись преградой, и нередко в ярмарках на побережье совместно участвовали эскимосы и атапаски (Burch, Correll, 1972. P. 25-31; Burch, 1980. P. 273-274).

Иногда считается, что торговля противостояла войне и сопутствовала дружеским контактам. Действительно, известны случаи, когда предложение торговых взаимоотношений делало врагов друзьями-партнерами (Hennigh, 1972. P. 97). Известно также, что потребность в торговле и готовность к ней положила конец войнам между эскимосами, с одной стороны, и чукчами и европейцами, с другой (Вдовин, 1965. С. 54-55; Riches, 1987. P. 27), а отказ от торговли, напротив, мог спровоцировать—нападение (Антропова, 1957. С. 171, 177). Вместе с тем, торговля иной раз могла служить предлогом для нападения, если одна из сторон ощущала себя много сильнее другой (Hennigh, 1972. P. 96, 97, 102), а на ярмарках складывалась довольно напряженная обстановка, так как враги ничего не забывали друг другу (Burch, 1980. P. 274). То же самое относилось и к собственно церемониям мира, которые устраивались стариками для восстановления дружественных отношений путем обмена дарами (Антропова, 1957. С. 156). Иной раз такие церемонии заканчивались вероломным нападением и кровопролитием (Hennigh, 1972. P. 97-99).

У эскимосов были известны и перемирия во время боя, когда противники нуждались в небольшом отдыхе. В знак такого перемирия поднимали на шесте меховую одежду. Но полного доверия друг к другу не было, и для охраны выставляли дозорных (Nelson, 1899. P. 329).

Участие в вооруженных действиях требовало особой подготовки, и эскимосы уделяли ей большое внимание. У детей воспитывали щедрость к своим и безжалостность по отношению к врагам. Мальчиков с детства обучали стойко переносить голод и бессонницу, воспитывали выносливость, тренировали в перепрыгивании широких провалов и преодолении водных преград, причем особое значение придавали развитию физической силы. Наиболее сложную подготовку

проходили силачи-саликсук (Malaurie, 1974. P. 23, 24). Физически сильные мужчины обладали среди эскимосов высоким авторитетом: их одновременно боялись и уважали; им-то и поручали часто роль мстителей (Hennigh, 1972. P. 103).

Наконец, понимание особенностей военного дела у эскимосов требует учета их отношения к смерти. Так, повсюду у них наблюдалась вера в то, что умершие насильственной смертью удаивались счастливой потусторонней жизни. Вот почему страх смерти не оказывал сколько-нибудь сильного влияния на их поведение, особенно, в конфликтной ситуации. И вот почему в Центральной Арктике престарелые отцы сами просили сыновей заколоть их копьем (Malaurie, 1974. P. 5).

Еще более высокий уровень развития военного дела встречался у обитателей Северо-Западного побережья Северной Америки, где, по теории Терни-Хая, имелся «военный горизонт» и велись настоящие войны (Turney-High, 1949. P. 55. См. также Ferguson, 1984b). При анализе этих данных следует помнить, что, во-первых, у местных прибрежных индейцев отмечалась сложная вертикальная социальная структура, включавшая крупные кланы и фратрии. Поселки состояли обычно из представителей нескольких кланов и достигали размеров в 500-800 и более человек. Во-вторых, здесь имелась достаточно ярко выраженная социальная дифференциация, проявлявшаяся как в делении людей на свободных и рабов, так и в наличии сложной системы рангов среди свободных. Развитие специализированного хозяйства и оседлость способствовали установлению особенно тесных связей между людьми и промысловыми угодьями и придавали особый смысл наличию строгих прав на те или иные участки территории. В свою очередь система рангов создавала целый комплекс соблазнительных привилегий, обладание которыми также стало предметом раздоров. Все это значительно расширило список вероятных конфликтов, сделало их более сложными и вариативными.

У квакиутлей, нутка, хайда, цимшиян, тлингитов и других прибрежных групп среди причин вооруженных конфликтов встречались как те, что уже рассматривались нами на примере бродячих охотников и собирателей, так и новые, связанные с борьбой за материальные и

[111]

социально-престижные ресурсы. Одной из распространенных причин была месть, причем не только за убийства, но за любые посягательства на статус человека или целого клана. И здесь убийство или смерть человека требовали решительных ответных действий. Однако для этого требовалось убить не просто какого-либо врага, а того, кто по своему рангу и даже по своим физическим качествам был равен усопшему. Так, если у тлингитов человек низкого ранга убивал человека более высокого ранга, происходившего из другого клана, то мстили не убийце, а его более знатному родичу. Если же клан убийцы обладал низким статусом и убийство какого-либо из его членов не могло компенсировать потерю, то искали жертву в другом клане провинившейся фратрии (Oberg, 1934. P. 146). А это могло привести к эскалации насилия, перераставшего в серьезные межклановые вооруженные столкновения. Чтобы не допустить этого, знатные люди иной раз добровольно отдавали себя на заклание во искупление грехов своих менее знатных родичей (Olson, 1967. P. 72-73). Однако и в этом случае огромное значение придавалось соответствию рангов палача и жертвы: знатный человек позволял себя убить только равному себе по статусу (Oberg, 1934. P. 147; cP. Voas, 1966. P. 117).

Иными словами, как и у австралийских аборигенов, кровная месть преследовала цель восстановления баланса. Однако здесь баланс измерялся не просто человеческими жизнями, а социальной ценностью этих жизней. Поэтому и месть имела более сложный характер; в частности, требовалось особенно тщательно выбирать объект мщения. Кроме того, в ряде случаев убийство из мести могло замениться какими-либо материальными компенсациями – если убитый был низкого ранга или обладал плохой репутацией (Oberg, 1934. P. 147; Olson, 1967. P. 70). Тлингиты проводили различия между случайным и намеренным убийством: первое, если оно не касалось жизни особо знатного человека, можно было компенсировать определенной платой (Oberg, 1934. P. 150).

Само по себе понимание мести и сферы ее применения были необычайно широкими в соответствии с широким набором привилегий и атрибутов статусов отдельных индивидов или целых кланов, ущемление интересов которых моментально вызывало ответную реакцию. При этом речь шла как

[112]

о покушении на имущественные права (нарушение или захват территории, грабеж, умыкание женщин или супружеская неверность, захват рабов, торговое соперничество, оспаривание каких-либо привилегий и т. д.), так и о попрании чести и достоинства (оскорбление, использование чужих гербов, имен, песен, танцев и т. д.), к которым в ранжированных обществах относились весьма ревниво. Существенно, что многие группы индейцев прибрежных районов уже не просто давали отпор нарушителям территориальных прав, но порой откровенно захватывали чужие промысловые угодья (Boas, 1966. P. 35-36; Swadesh, 1948. P. 84-85; Drucker, 1951. P. 333; Collinson, 1915. P. 307-308; Oberg, 1934. P. 149-150; de Laguna, 1972. Pt. 2. P. 581) и открыто занимались грабежом (Boas, 1966. P. 110-115, Swadesh, 1948. P. 84; Collinson, 1915. P. 79, 198, 199, 220; Olson, 1967. P. 77, 79, 80; de Laguna, 1972. Pt. 2. P. 581).

При этом объектом вожделий нападавших являлись не только какие-либо утилитарные ценности; огромное значение придавалось захвату вражеских гербов, имен, церемониальных регалий, песен, фольклора, ранга и т. д. По установленному правилу, угодья побежденного врага доставались убийцам, если только не оставался в живых кто-либо из побежденного клана, кто мог бы на них претендовать. Поэтому, когда целью являлся захват промысловых угодий, войны приобретали особенно жестокий характер, так как нападавшие стремились полностью истребить противников (Swadesh, 1948. P. 81-82; Drucker, 1951. P. 343). То же самое происходило, если нападавшие пытались повысить свой престиж за счет победы над кланом более высокого ранга (Swadesh, 1948. P. 86). Убийца имел также права на получение ранга убитого и на все принадлежавшие тому привилегии и регалии: имя, песни, танцы, ритуалы и т. д. Поэтому наибольшей опасности во время вооруженного конфликта подвергались именно люди высокого статуса, и поэтому особый интерес к войне проявляли младшие братья вождей, для которых она служила единственным шансом на социальное продвижение (Boas, 1966. P. 112-115; Codere, 1950. P. 102, 103, 110; Swadesh, 1948. P. 85-86, 93; Drucker, 1951. P. 343, 351; de Laguna, 1972. Pt2. P. 584).

Любой проступок требовал компенсации или наказывался мстью и мог моментально повлечь эскалацию насилия

[113]

(Codere, 1950. P. 105-106). При этом мбсть иной раз являлась лишь предлогом для откровенного грабежа (Swadesh, 1948. P. 91; Drucker, 1951. P. 333), и поэтому в некоторых ситуациях перенос ее с одного объекта на другой, сулящий большие выгоды, не составлял труда. Так, квакиутли, отправившиеся отомстить беллакула и встретившие вместо них беллабелла, среди которых было много вождей, недолго раздумывали, прежде чем напасть на тех и захватить их ценное имущество (Voas, 1966. P. 114-115). Впрочем, иной раз смерть близкого родственника вызывала реакцию, которую даже трудно назвать мстью. Речь шла скорее об эмоциональной разрядке скорбящих, которая выливалась во внешнее насилие. Это тоже в определенном смысле можно трактовать как «восстановление баланса», так как скорбящие находили удовлетворение в том, что не их одних постигло горе. Одновременно убийством чужака стремились как бы почтить память погибшего, снабдив его спутником для путешествия в потусторонний мир (Voas, 1966. P. 109, 117, 118; Drucker, 1951. P. 334).

Любое убийство, покушение на собственность и даже личное оскорбление расценивались как преступление не только против личности, но и против целого клана. И это понятно, так как в конечном итоге именно клан являлся гарантом действенности системы рангов и верховным собственником территории, гербов, имен, церемоний, разнообразных регалий, привилегий и, разумеется, входящих в него членов. Вот почему клан и являлся главным субъектом мести и мог предъявлять претензии на возмещение ущерба. Если же противная сторона не могла или отказывалась заплатить соответствующую компенсацию, то клан брал на себя карательную функцию и переходил к вооруженным действиям. Иногда кланы вступали в военный союз друг с другом, причем независимо от фратриальной принадлежности. Война между кланами внутри фратрии отличалась порой еще большей жестокостью, чем между кланами разных фратрий. Общинная солидарность проявлялась лишь в условиях обороны, да и то редко. Чаще не затронутые конфликтом кланы безучастно взирали на то, как гибнут их непосредственные соседи, подвергшиеся внезапному нападению врага. Все это было характерно, в особенности, для тлингитов (Oberg, 1934).

[114]

P. 145, 149; Oberg, 1973. P. 49, 61; Olson, 1967. P. 69; de Laguna, 1972. Pt. 2. P. 580-581; Шнирельман, 1991).

Информация о субъектах ведения войн в других районах отличается меньшей определенностью. Так, Ф. Боас как будто бы был склонен считать, что войны у квакиутлей велись отдельными общинами, но и он отмечал, что общины состояли из более мелких родственных подразделений – нумайма (Boas, 1966). А по данным ФДракера, у нутка войны велись племенами или конфедерациями, состоявшими из отдельных общин (Drucker, 1951. P. 332, 341). В целом создается впечатление, что в более южных районах Северо-Западного побережья войны велись общинами, а не кланами, как на севере (Ferguson, 1984b. P. 271-272). Как бы то ни было, и там малейшая ссора могла моментально вызвать конфронтацию, имевшую самые губительные последствия. Так, в 1831 году между хайда и цимшиянами вспыхнула кровопролитная схватка, продолжавшаяся более двух дней и принесящая гибель двум поселкам хайда. Мотивом к ней послужила ссора на рыбном базаре между женщиной-хайда и знатной цимшиянкой, которые не сошлись в цене на рыбу (Codere, 1950. P. 105-106).

Хотя в рассматриваемом регионе имелись обе уже упоминавшиеся выше формы боевых действий – внезапные набеги и открытые бои, все же первым отдавалось несомненное «предпочтение». А квакиутли вообще избегали открытых боев, предпочитая иметь своим противником беззащитную жертву. К месту боевых действий воины отправлялись в крупных лодках, кое-где получивших название военных. Эти лодки традиционно использовались только для перевозок людей; морских сражений традиционная военная практика не знала, хотя в XIX веке стычки на море иногда имели место. Обычно в отряде насчитывалось до десятка и более таких лодок, способных перевезти в общей сложности до 200-300 воинов. Успех боевых действий определялся внезапностью. Поэтому на противника нападали либо неожиданно на заре, либо, что случалось реже, поджидали его в засаде. При нападении на поселок окружали вражеские дома, блокировали входы и врывались внутрь, безжалостно убивая каждого встречного, прежде всего мужчин. Женщин и детей иногда захватывали

в плен и обращали в рабство. Прежде чем покинуть разоренный поселок, его, как правило поджигали.

Если скрыть свои враждебные замыслы не удавалось, то приходилось вступать в открытое сражение. Впрочем, тлингиты иной раз прибегали к формальному объявлению войны, давая противнику возможность подготовиться. А нутка порой осознанно производили фронтальную атаку с лодок на побережье, что, разумеется, не могло не создавать нападавшим дополнительные трудности. Впрочем, нутка умело преодолевали их, прибегая к разного рода маневрам; в том числе, они умело использовали нападения с флангов, с тыла и окружение противника. Если противники встречались лицом к лицу, то они вначале оскорбляли друг друга и лишь затем переходили к боевым действиям (Boas, 1966. P. 108, 110; Codere, 1950. P. 98, 100, 101; «Swadesh, 1948. P. 78; Drucker, 1951. P. 337, 339; Collinson, 1915. P. 199, 221, 223, 224; Olson, 1967. P. 71, 75, 80; de Laguna, 1972. Pt. 2. P. 583-584).

Нападения имели сезонный характер. Южные квакиутли предпочитали совершать набеги с середины августа до начала октября, когда густые туманы благоприятствовали эффекту внезапности (Codere, 1950. P. 99-100).

Возросшая сложность боевых действий предъявляла совершенно особые требования к руководству ими и, в отличие от многих других охотников и собирателей, на северо-западном побережье определенное развитие получило военное лидерство. Решение о начале военных действий и подготовка к войне, включая формирование отряда и его тренировку, являлись функциями клановых вождей у тлингитов или общинных и общеплеменных вождей у нутка. Что же касается непосредственного руководства походом и боевыми действиями, то для этого нередко назначались специальные военные вожди. У квакиутлей эта должность была неизменной прерогативой младшего брата вождя. Воины должны были подчиняться такому вождю. У нутка военные вожди как разрабатывали общие планы ведения войны накануне похода, так и ставили задачи каждому конкретному подразделению и каждому воину непосредственно перед боем. Вождь подавал сигнал к атаке, и его задачей в бою было убить вождя противника. Правда, иногда вожди предпочитали оставаться

[116]

вместе с охраной у лодок и терпеливо ждать завершения сражения. Тогда лидером становился тот храбрец, которому удавалось первым ворваться во вражеский дом.

У тлингитов, помимо вождей, большое значение для успешного проведения набега придавалось шаманам. С ними консультировались о шансах на победу; они посылали своих духов на разведку и пытались тем самым одолеть духов вражеских шаманов; они же сопровождали отряд в пути, находясь на дне лодки (Boas, 1966. P. 108; Drucker, 1951. P. 334-337, 339, 342; Olson, 1967. P. 71, 72; de Laguna, 1972. Pt. 2. P. 582, 583).

У многих прибрежных групп, например, у квакиутлей, береговых селишей и нутка имелась особая категория профессиональных воинов, которые проходили специальную подготовку и занимали особое социальное положение. Как правило, они были холостяками. Они подчинялись вождям и по сути дела являлись зародышем вождеской дружины. В отряде их было немного, но на их долю выпадало решение главных боевых задач. У тлингитов профессиональных воинов не было, но некоторые мужчины отличались особым искусством в бою. Важная роль отводилась и разведке, которая обязана была поставлять сведения о местоположении и численности врага, местообитании вражеских вождей и т. д. Нередко разведчиками служили те индивиды, которые имели родственников во вражеских поселках; информацию старались получать также от нейтралов, а иногда для этого захватывали языков. Еще одну часть отряда у нутка составляли юноши, которым отводились вспомогательные функции – грабеж и захват пленных. Юношей могли использовать в качестве часовых. Так, если по поселку бежал такой юноша с пером в волосах, то тлингиты уже знали – враг на подходе. Но у нутка должность часовых выполняли сами военные вожди. Наконец, важные задачи возлагались на воинов, оставленных караулить лодки (Boas, 1966. P. 106; Codere, 1950. P. 98, 99, 106; Drucker, 1951. P. 336-340; Olson, 1967. P. 71; de Laguna, 1972. Pt. 2. P. 582).

Высокой степени развития военного дела соответствовал и более разнообразный набор боевого оружия – лук и стрелы, праща, копье, дубины из дерева, камня или китовой кости, каменные кинжалы и боевые топоры, каменные или роговые

[117]

клевцы. Некоторые из этих видов вооружения использовались равным образом как для войны, так и для охоты, например, луки и стрелы служили нутка для охоты на морских выдр и разнообразных сухопутных животных; хайда использовали копья для китобойного промысла; а тлингиты, подобно другим атапаскам (McClellan, 1975), охотились с копьем на медведя. Вместе с тем, в рассматриваемом списке встречались и, несомненно, специализированные виды оружия, наибольшее распространение получили разнообразные дубины и булавы. При этом дубины нередко являлись атрибутом вождей, подчеркивая их особый статус. Учитывая, что копья относились здесь к колющему типу, нетрудно заметить, что в целом рассматриваемый оружейный комплекс был ориентирован на действия в ближнем бою (Boas, 1966. P. 105; Codere, 1950. P. 99, 100; Swadesh, 1940. P. 81; Drucker, 1951. P. 31, 32, 335; Collinson, 1915. P. 105, 244; de Laguna, 1972. Pt. 2. P. 585-590). Такое оружие отличалось особой эффективностью и, как показал К. Оттербейн, коррелировалось с наличием профессиональных воинов (Otterbein, 1970. P. 44-45), что подтверждается нашими данными.

О том же свидетельствует и наличие панцирей из лосиных шкур, деревянных или костяных пластин, веток или луба. Местами им сопутствовали особые деревянные шлемы и забрала, особенно популярные у тлингитов. Как правило, доспехи являлись атрибутом вождей, которые порой вообще имели особое военное облачение (Drucker, 1951. P. 335). Наконец, важным индикатором высокой интенсивности войн на северо-западном побережье служили разнообразные фортификационные сооружения. Их строили преимущественно более слабые группы в ожидании нападения. Иногда они просто скрывались на неприступных островах, но иногда устраивали поселки на возвышенностях или на мысах и окружали их частоколами с бойницами и специальными площадками для часовых. На подступах к поселку могли устраивать волчьи ямы, а в домах прорывали потайные ходы, по которым от врага в случае опасности уходили женщины и дети (Drucker, 1951. P. 338, 339; Boas, 1966. P. 105; Collinson, 1915. P. 225; Olson, 1967. P. 71, 74; de Laguna, 1972. Pt. 2. P. 582, 584).

[118]

У индейцев Северо-Западного побережья, как и многих других популяций, поведение на войне диктовалось двойным моральным стандартом: то, что допускалось по отношению к врагу, было непозволительным во взаимоотношениях между родственниками. Известно множество случаев, когда родственники щадили друг друга, старались избегать друг друга при вооруженных стычках, если оказывались в противоположных враждебных лагерях. В особенности, стремились оберегать от нападения семьи своих матерей или жен. Поэтому вожди пытались отговаривать своих людей от нападения на группы, в которые входили последние (Swadesh, 1948. P. 81, 92; Drucker, 1951. P. 338, 339). Иногда, как это ни покажется парадоксальным, исходом такой коллизии являлось нападение на своих же союзников. Так, когда однажды отряд нутка отправился в мстительный набег, один из участвующих в этом вождей вспомнил, что у него имелись родственники в поселке, на который планировалось напасть, и отказался плыть дальше. Посовещавшись, воины нашли выход в том, что напали на одну из лодок, которая присоединилась к ним для участия в походе, убили всех, кто в ней находился, и отрезали им головы (Voas, 1966. P. 118).

О том, что родству здесь придавали гораздо, общее значение, чем этнической принадлежности, свидетельствует такой факт. Однажды группа квакиутлей напала на беллабел-ла, убила и ограбила их. Позднее за убийство им отомстили другие квакиутли, которые находились в родстве с убитыми (Voas, 1966. P. 115). Родственники всегда спешили оповестить друг друга о военной опасности, и поэтому те люди, на которых возлагались обязанности лазутчиков, не всегда оказывались надежными. В особенности, это касалось жен, которые, несомненно, принимали сторону своих родичей, и поэтому мужья стремились утаивать от них свои военные планы. По этой же причине, если в стычке участвовали группы, находившиеся в брачных отношениях друг с другом, женщины забирали детей и бежали из общин мужей в общины своих сородичей (Drucker, 1951. P. 334, 342, 343; de Laguna, 1972. Pt. 2. P. 583; Olson, 1967. P. 70).

Вместе с тем, если их родичам ничего не угрожало, то жены должны были позаботиться о безопасности мужей,

[119]

ушедших в поход. Для этого они могли соблюдать пищевые табу или исполнять какие-либо ритуалы (Boas, 1966. P. 108; Drucker, 1951. P. 341; Olson, 1967. P. 19).

Оценка характера и интенсивности вооруженных действий у индейцев Северо-Западного побережья вызывает различные суждения. В свое время Ф. Боас не считал квакиутлей сколько-нибудь воинственными (Boas, 1966. P. 19), а Х. Кодер писала, что войны у них имеют, в основном, ритуальный характер и связаны, главным образом, с охотой за головами (Codere, 1950. P. 106, 107). С другой стороны, выше уже упоминалось, что, исходя из уровня развития военной техники, Терни-Хай квалифицировал местные вооруженные стычки как «настоящие войны», что подтверждается и нашим анализом. Вслед за Терни-Хаем Ф. Дракер описывал войны у нутка как «весьма эффективные» (Drucker, 1951. P. 335, 336, 340, 341), а Б. Фергюсон распространил это заключение на все Северо-Западное побережье в целом (Ferguson, 1983; 1984b). У нас есть основания согласиться с последним в принципе. Однако было бы желательным в подтверждение этого иметь статистические данные о военных потерях. К сожалению, сейчас таких материалов крайне мало. По Кодер (Codere, 1950. P. 98), потери у квакиутлей были весьма незначительны, однако, по данным ряда других авторов, войны могли вести к истреблению целых групп (Drucker, 1951. P. 5, 6; Collinson, 1915. P. 308, 309; Swadesh, 1948. P. 86). Сейчас имеются все основания считать вслед за Ф. Дракером (Drucker, 1965. P. 75, 76), что войны в северных районах происходили чаще и велись более жестокими методами, чем это отмечалось южнее.

Исследованиями последних лет было установлено, что интенсивность войн на Северо-Западном побережье с рубежа XVIII – XIX вв. значительно возросла не без стимулирующего влияния торговли европейскими товарами. Обнаруживаются интересные связи между развитием этой торговли, ростом роли пушной охоты и распространением рабовладельческих отношений (Donald, 1984; Mitchell, 1984). При этом роль рабства не ограничивалась какими-либо вспомогательными работами или престижностью, но со временем охватила важнейшую хозяйственную сферу, связанную с

[120]

рыболовством (Mitchell, Donald, 1985). Как показывают данные, скрупулезно собранные Д. Митчелом, наивысших пределов развитие рабства достигло в наиболее северных и наиболее южных районах Северо-Западного побережья (Mitchell, 1985). А так как наш обзор охватывал лишь центральную и северную части побережья, то выводы о наибольшей интенсивности войны на севере хорошо согласуются с данными о распространении рабовладельческих отношений на побережье в течение XIX века и свидетельствуют о влиянии европейской колонизации на развитие местного военного дела. Другим подтверждением этого вывода служат приведенные Л. До-нальдом факты о резком расширении географических рамок военных набегов после 1845 года (Donald, 1987. P. 168). Следовательно, до этого времени войны имели более локальный характер и, возможно, были менее кровопролитными. А ведь почти все этнографические данные о местных войнах относятся к периоду не ранее второй половины XIX века. Означает ли это, что описанная выше военная практика полностью является инновацией?

Археологические данные, полученные в последние годы, заставляют ответить на этот вопрос отрицательно. Ведь на побережье Британской Колумбии и во внутренних районах Плато были обнаружены каменные и костяные дубинки, остатки доспехов, черепа с характерными повреждениями и скелеты с отчлененными черепами, датированные тыс. до н. э. К этой же эпохе относятся богатые погребения с боевыми булавами и остатки доспехов, свидетельствующие, что уже тогда эти аксессуары были атрибутами знати. Позднее, но все еще в период, предшествовавший колонизации, в рассматриваемом регионе стали возводить деревянные крепости (Fladmark, 1986. P. 71, 83, 116, 118, 140). Так, одна из древнейших крепостей в районе расселения нутка датируется 1245 годом (McMillan, 1980, 1981. P. 91). Тем самым, признавая, что по своей интенсивности войны XIX века превосходили те, что наблюдались ранее, все же представляется возможным трактовать их как естественное развитие прежней практики, во многом сохранившее ее основные характеристики.

Если предположить, что общей тенденцией в XIX веке было нарастание экономических причин вооруженных

действий, то для реконструкций, связанных с более ранним временем, особое значение приобретают данные об их ритуальной стороне. Известно, что почти повсюду на Северо-Западном побережье одним из важнейших видов военных трофеев являлись вражеские головы или скальпы, которые выставлялись на видном месте и использовались в церемониях. Вернуться без таких трофеев было едва ли ни позором для воина (Boas, 1966. P. 105, 106, 117; Codere, 1950. P. 106; Collinson, 1915. P. 88, 199; Olson, 1967. P. 72, 74; de Laguna, 1972. Pt. 2. P. 583, 584). К сожалению, роль добычи этих трофеев в местных обществах почти не изучена, и можно лишь высказать догадку, что когда-то здесь имелось нечто подобное охоте за головами, данные о которой у ряда других народов будут рассмотрены ниже.

К сожалению, механизмы восстановления мира изучены на Северо-Западном побережье недостаточно. Известно, что во многих случаях целям миротворчества служили межобщинные или межплеменные браки, в особенности, между членам знатных семей. Для заключения мира бывшие враги чаще всего устраивали совместный пир, где возвращали друг другу захваченную добычу и пленных, зарывали в землю томагавки, курили трубку мира. Миротворцами служили преимущественно свойственники, что и являлось одним из стимулов к заключению межгрупповых браков. Мирные церемонии включали выступления ораторов, танцы, песни, ритуалы (Swadesh, 1948; Collinson, 1915. P. 80, 91, 109, ПО, 225).

Лучше всего механизм заключения мира и соответствующие церемонии описаны для тлингитов и некоторых других соседних с ними групп атапасков. Там человек высокого ранга мог предотвратить разгорание ссоры, встав с гербом в руках между противниками, ибо было кощунственным осквернять герб ссорой. В случае убийства, чтобы не доводить дело до войны, требовалась соответствующая компенсация, и вожди заинтересованных кланов совместно выбирали жертву, убийство которой способно было восстановить баланс. Как указывалось выше, в этом случае какой-либо знатный человек мог добровольно принять смерть во имя поддержания мира. А зачинщика конфликта обращали в рабство. Чтобы окончить вооруженный конфликт, надо было прежде всего

[122]

восстановить баланс, т. е. уравнивать число убитых в соответствии с их рангами. Кроме того, требовалось компенсировать противнику разрушения, вернуть скальпы, гербы, пленных. При этом наибольшие выплаты вносили победители. Как и у других народов, миротворчеством у тлингитов занимались собственники или представители нейтральных кланов (Oberг, 1934. P. 146-152; Olson, 1967. P. 70-73; de Laguna, 1972. Pt. 2. P. 592, 595). Переговоры о мире завершались мирной церемонией, главным моментом которой служил, так называемый, «олений танец». Олень воспринимался тлингитами и другими атапасками как символ мира, и оленями здесь называли заложников, которых захватывали с целью начать мирные переговоры. В случае небольшого конфликта их держали всего несколько дней, а в случае войны – до одного года и более. Будучи в неволе, заложники должны были соблюдать многообразные табу (пищевые, сексуальные и т. д.) и множество других поведенческих ограничений. Олицетворяя собою мир, заложники играли очень важную роль во время собственно мирных церемоний: участвовали в танцах, песнях и других ритуалах. Своими миротворческими действиями заложники способствовали заключению и поддержанию мира (Oberг, 1934. P. 155, 156; Olson, 1967. P. 81, 82; de Laguna, 1972. Pt. 2. P. 596 сл.; McClellan, 1975. P. 199-201, 212).

Впрочем мирные пиры и церемонии проходили в достаточно напряженной обстановке, ибо противники никогда полностью не доверяли друг другу. Для этого имелись определенные основания, так как порой такие сборища заканчивались кровопролитием. Известно, что иногда противники сознательно использовали такие случаи для вероломного нападения и расправы с врагами (Drucker, 1951. P. 337, 338; Col-linson, 1915. R104, 105, 198; Olson, 1967. P. 75, 77-79; de Laguna, 1972. Pt. 2. P. 592). Иногда считается, что потлачи могли служить альтернативой войне, предоставляя людям возможность выпустить накопившуюся разрушительную энергию (Codere, 1950; Ferguson, 1983). Однако потлачи, в свою очередь, порождали новые конфликты, вызывавшиеся завистью, оскорблениями, разногласиями по поводу характера причитающихся даров и т. д.

[123]

Уровню конфликтности на Северо-Западном побережье соответствовали и особенности воспитания детей. Детей, с одной стороны, учили выдержке и спокойствию, умению избегать ссор, но, с другой, делали акцент на отстаивание чести и достоинства, способности не оставлять обиду безнаказанной. А иной раз взрослые сами провоцировали детей к убийству, что могло стать поводом к крупным войнам (Olson, 1967. P. 69, 73; Шнирельман, 1991). Особую систему воспитания и тренировок проходили те, кто готовился стать профессиональными воинами (Boas, 1966. P. 106; Drucker, 1951. P. 336). Определенное влияние на отношение к войне, убийству и смерти имели также этнические установки, высоко ценившие жертвенность. Так, у тлингитов погибнуть во имя своего клана считалось геройством. Такого человека хоронили как великого воина и считали, что его душа направлялась в «высшие небеса» (Oberg, 1934. P. 147). У них же встречалась и вера в то, что в особое небесное царство попадают души тех, чьи головы были отрезаны врагом. Такая смерть была престижной и, как правило, по изложенным выше причинам постигала только знатных людей (de Laguna, 1972. Pt. 2. P. 584, 585). В свете этих и других рассмотренных выше данных становится понятным, почему рост социальной дифференциации приводил к различному отношению к войне в разных слоях общества: если знать нередко стремилась к войне, то простые общинники выражали порой недовольство ею (Swadesh, 1948. P. 93).

Данные о вооруженных столкновениях у высокоспециализированных охотников, рыбаков и собирателей можно дополнить материалами из Калифорнии, где также имелось множество разнообразных обществ этого типа. Они различались между собой степенью социальной дифференциации, но практически везде встречались, с одной стороны, вожди и богачи, а с другой, простые общинники и, нередко, рабы. Формально главной причиной вооруженных столкновений среди калифорнийских индейцев являлась месть – за убийство, колдовство, умыкание женщин и прочий ущерб. Вместе с тем, развитие престижных отношений и наличие престижных богатств позволяло в ряде случаев избегать кровопролития, компенсировав обиженных. Так, у толова в

[124]

Северо-Западной Калифорнии было принято платить за убийство материальными ценностями. Выплата производилась богачами, являвшимися здесь общинными руководителями. При этом богачи были заинтересованы уладить дело мирным путем, ибо в противном случае месть оборачивалась не против настоящего убийцы, а против самого значительного лица общины, т. е. против самих богачей. Вот почему богачи были здесь заинтересованы в мирном улаживании ссор: они примиряли соперников и учили юношей избегать ссор. Разумеется, это не могло полностью исключить вооруженные стычки между общинами, но они были мелкомасштабными, скоротечными и не вели к большому кровопролитию. Сплошь и рядом они принимали форму мстительных набегов или дайке просто поединков. Не было ни грабежа, ни разбоя. Не брали и пленных, а захваченных при набеге женщин отпускали на свободу во время церемонии мира. Мирная церемония требовала подсчета взаимных потерь и полной выплаты за причиненный ущерб, причем победители платили значительно больше побежденных. Интересно, что здесь было известно рабство, однако исключительно на основе должничества. Сходная картина встречалась у юроков и некоторых других групп Северо-Западной Калифорнии (DuBois, 1936. P. 54, 62; Gould, 1966. P. 80; McCorkle, 1978. P. 696). Оружием здесь служили лук и стрелы, праща, копье, нож и боевая дубинка. Встречались доспехи из шкуры. Щиты использовались крайне редко (Elsasser, 1978. P. 199).

Еще меньшей воинственностью отличались как будто бы ацугеви, обитающие в Северо-Восточной Калифорнии. Главной причиной напряженности и стычек там тоже являлась месть, связанная преимущественно с обвинениями в колдовстве. Однако, подобно толова, здесь стремились избегать вооруженной конфронтации. Богачи и вожди не участвовали в стычках, причем большим достоинством вождя считалось умение мирно улаживать конфликт. Такого вождя благодарно называли «спасителем жизни». Стремление к военным подвигам было чуждо ацугеви, которые зато славились своим необычайным трудолюбием (Garth, 1976. P. 350).

Рассмотренные примеры, происходящие из северных районов Калифорнии, показывают, что развитие

стратифицированных обществ вовсе не обязательно было жестко связано с ростом воинственности. Вероятно, роль внешней агрессии в развитии таких обществ определялась особенностями социально-экономических отношений внутри общества и спецификой социальной организации. Не случайно, многие исследователи подчеркивали наличие особого духа меркантилизма в обществах Северной Калифорнии. Вопрос этот заслуживает дальнейших исследований.

В некоторых других обществах Северной и Центральной Калифорнии войны наблюдались как будто бы чаще. При этом, помимо традиционных мотивов, связанных с мексикой, там немалую роль играли и материальные притязания – борьба за промысловые угодья, источники сырья, грабеж и т. д. Так, у помо одним из мотивов войн были раздоры из-за обладания залежами минеральных ресурсов – соли и обсидиана. Нередко целью или следствием набегов являлся захват запасов пищи или другой движимой собственности. При этом, например, у помо от двух до трех четвертей войн велись из-за нарушений территориальных или иных имущественных прав. Вместе с тем, охота за рабами не была сколько-нибудь важной целью набегов. Иногда, что встречалось у помо, брали в плен женщин и детей, чтобы на общих основаниях адаптировать их в общину. В других случаях пленных пытали и убивали на особых церемониях (у номлаки и юки). Боевые действия велись в форме как набегов, так и формальных сражений, причем, например, у номлаки в них участвовали не все, а только специально обученные мужчины. Иначе говоря, наблюдался процесс становления профессионального воинства. Высшие вожди, как правило, не принимали участия в вооруженных действиях, которыми руководили либо назначенные военные вожди, либо неформальные лидеры. Однако вопросы войны и мира нередко контролировались именно высшими вождями. Так, хотя у западных моно и йокутсов действовал принцип «око за око, зуб за зуб», реальное осуществление мести требовало санкции вождя. Важной функцией вождя у них являлось заключение мира. Мирные церемонии включали выплаты за нанесенный ущерб, причем, как и в других регионах, основной объем компенсации вносили победители (Gayton, 1976. P. 189-191,

[126]

217-219; Goldschmidt, et al, 1939; McCorkle, 1978. P. 696-698; Bean, Theodoratus, 1978. P. 298; Goldschmidt, 1978. P. 344).

Специалисты отмечают, что интенсивность войн, в особенности в связи с экономическими мотивами, возросла в колониальное время (McLendon, Oswald, 1978. P. 285, 286; Garth, 1978. P. 238). Возможно, это относится и к развитию рабовладельческих отношений (Bean, 1974. P. 30), которые впрочем не получили широкого развития в Калифорнии в целом. Последнее подтверждает сделанный выше вывод о том, что рабство не было характерной чертой обществ, ведущих высокоэффективное присваивающее хозяйство, а развилось в некоторых из них сравнительно недавно как следствие воздействия привнесенной европейцами товарно-денежной экономики.

Дополнительные данные о вариативности вооруженных столкновений в обществах рассматриваемого типа дают материалы о речных и морских рыболовах и охотниках на морского зверя на Дальнем Востоке и в Северо-Восточной Сибири. Интересно, что у нивхов Сахалина и низовьев Амура мотивом вооруженных нападений являлись исключительно месть или умыкание женщин, причем они были узаконенной формой наказания чужаков за принесенный ущерб. Месть за убитого вменялась родичам в обязанность, избегать которой было опасно, так как, по местным поверьям, душа убитого жестоко мстила тем, кто пренебрегал своим долгом. Месть была направлена против любого сородича убийцы за исключением женщин, которые считались неприкосновенными. Нивхи не различали между намеренным и случайным убийством и мстили даже за того, кто умирал в гостях от обжорства. Месть являлась самоцелью и не сопровождалась ни грабежом, ни захватом территории. Последнему препятствовали сверхъестественные санкции, ибо вода и пища, происходившие с территории врага, считались опасными для жизни, и поэтому мстители всегда брали с собой в поход провизию. Оружием служили лук со стрелами, копье, нож и японский кинжал. Для обороны иной раз устраивали искусственную траншею на пути неприятеля и ждали его там в засаде. Иногда выставляли часовых, однако ни профессиональных воинов, ни специализированного военного оружия, ни каких-либо особых фортификационных сооружений здесь не было, равно как и формальных открытых сражений. Нападавшие ставили

[127]

своей целью убить всех мужчин противника, чтобы не подвергаться их мщению в будущем. Бывало, что, таким образом, истребляли всю группу, однако много чаще дело ограничивалось минимальными потерями. Иногда, чтобы предотвратить большое кровопролитие, какой-либо один храбрец жертвовал своей жизнью, бросаясь в одиночку навстречу врагу.

Хотя основной формой столкновений служили набеги, противники заранее объявляли друг другу о своих намерениях, что, очевидно, снижало возможные потери. Другим механизмом для их уменьшения являлась деятельность женщин. Чувствуя себя в любом случае в безопасности, последние поставляли воинам важную информацию о противнике и особенностях его территории, помогали отряду избежать засады и т.д. (Штернберг, 1905. С. 93-102; 1908. С. 19, 20). Следовательно, вооруженная борьба имела у нивхов достаточно мягкую форму и по своему характеру скорее напоминала ту картину, которая встречалась у бродячих охотников и собирателей. Исходя из приведенного выше определения, ее трудно назвать настоящей войной.

У ительменов и коряков военное дело было более развитым и по некоторым параметрам напоминало картину, встреченную на Северо-Западном побережье Северной Америки и в некоторых районах Калифорнии. Одним из главных мотивов стычек была месть за убитых и прочие обиды и оскорбления по принципу «око за око». Обычно ближайшие родственники погибшего отправлялись в общину убийцы и требовали его выдачи, причем старались убить его тем же способом, каким он погубил свою жертву. Если осуществить месть в этой форме не удавалось, то начинались военные действия. В ходе них победители могли захватывать в рабство женщин и детей, забирать у врага запасы пищи и другое имущество, но никогда не посягали на его территорию. Военные отряды формировались на основе отдельных общин; иногда заключались межобщинные союзы. Выбирались особые военные предводители, хотя их полномочия были ограниченными. Главным видом боевых действий служил неожиданный ночной набег, в ходе которого окружали жилище противника, блокировали вход, поджигали постройку и убивали тех, кто пытался выбежать наружу. Стремилась убить всех мужчин,

[128]

чтобы не оставить мстителей. Открытые бои и поединки встречались много реже. При этом противники выстраивались друг против друга, обменивались стрелами и расходились при первых же жертвах.

Оружие было представлено луками с отравленными стрелами, копьями, пращами, а также деревянными или костяными дубинами. Были известны кожаные панцири того же типа, что и в других местах Северо-Восточной Сибири. Впрочем, иногда их делали из сухой травы и стеблей. Готовясь к обороне, люди строили специальные поселки в неприступных местах и возводили земляные или каменные насыпи (Стеллер, 1927. С. 22, 23, 48, 70, 71; Крашенинников, 1949. С. 368-372, 402-405, 692, 698; Антропова, 1957). Иными словами, характер военного дела здесь полностью соответствовал условиям социальной дифференциации, которая возникла у ительменов и коряков в связи с ведением специализированного высокоэффективного рыболовства (Шнирельман, 1993). О значении престижного фактора в этих войнах свидетельствуют попытки захвата в плен представителей знати для того, чтобы предать их особой мученической смерти (Крашенинников, 1949. С. 705).

Как у нивхов, так и у народов Северо-Восточной Сибири имелись механизмы смягчения вооруженной конфронтации и миротворчества. У нивхов большую роль в миротворчестве играли женщины, а также авторитетные представители отдельных родственных групп. Практиковалась компенсация некоторых видов ущерба, препятствующая эскалации напряженности. А у народов Северо-Восточной Сибири, наряду с такими компенсациями, большую роль играли клятвы о поддержании мира, а также обмен женщинами. Определенную роль в миротворчестве играла торговля, причем у коряков имелся единый термин для понятий «торговать» и «мириться» (Антропова, 1957. С. 170). В то же время роль торговли была неоднозначной; иной раз торговля сама создавала ситуации, провоцирующие конфликты.

Следовательно, развитие даже самой ранней социальной дифференциации у оседлых или полuosедлых охотников, рыболовов и собирателей в ряде случаев сопровождалось ростом напряженности в межобщинных взаимоотношениях и вызывало

войны. При этом совершенствовалась военная организация (появление военачальников, профессиональных воинов) и усложнялся оружейный комплекс (использование специализированного оружия). Более серьезным стало отношение к обороне – распространилось защитное вооружение, стали возводиться оборонительные укрепления. Хотя одними из главных мотивов столкновений по-прежнему оставались месть и покушения на женщин, нередко это являлось лишь формальными поводами для грабительских походов, захвата рабов, а иногда и посягательств на чужую территорию. Виды вооруженных действий оставались прежними – набеги и формальные сражения. Однако тактика стала значительно более разнообразной: применялись обходы, удары с флангов и тыла, отряд мог делиться на несколько частей, которые предназначались для выполнения особых задач и т.д. Усложнились и механизмы миротворчества, появились зачатки дипломатии.

IV

ОХОТА ЗА ГОЛОВАМИ КАК ОСОБЫЙ ВИД ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ

Охота за головами являлась особым социоритуальным комплексом, требовавшим непременно осуществления вооруженных нападений. Она имела достаточно широкое распространение в прошлом. Если отвлечься от далеко небесспорных интерпретаций человеческих черепов с пробоинами эпохи палеолита, то гораздо меньше оснований имеется для сомнений в том, что охота за головами могла возникнуть в мезолите. Во всяком случае находки подобного рода имеются во Франции и Германии. Еще с большей уверенностью можно судить об охоте за головами у неолитических обитателей Дании эпохи эртебелли, у создателей культуры колоколовидных кубков в Центральной Германии и, особенно, у кельтов в раннем железном веке. Аналогичная практика была известна и в древней Мезоамерике, а на побережье Перу

[130]

она, безусловно, существовала с позднего докерамического периода (La Varre, 1984. P. 13-19; Proulx, 1971). Охота за головами еще в начале XX века практиковалась черногорцами на Балканах, а ее пережитки ученым удалось зафиксировать у кафиров Северной Индии. Этнографически она описана у целого ряда народов материковой Юго-Восточной Азии и Северо-Восточной Индии, в особенности, в Ассаме и у ва Бирмы, а также на Тайване, Филиппинах, у ибанов Калимантана, на Новой Гвинее, Соломоновых о-вах, в Микронезии и на Новой Зеландии. В Новом Свете она была известна от Амазонки до Северной Мексики и Техаса. А от Мексиканского залива до Р. Св. Лаврентия и Аляски ее сменяла другая практика, связанная с захватом скальпов. Правда, и там кое-где, в частности, на Северо-Западном побережье Северной Америки встречались рецидивы охоты за головами (Hutton, 1930; McCarthy, 1959; La Varre, 1984).

Культурный контекст, породивший охоту за головами, вызывает споры. Одни авторы жестко связывают его с земледельческой средой и социальной дифференциацией (Чес-нов, 1976), другие столь же бесповоротно пытаются искать его у древнейших бродячих охотников и собирателей, которые будто бы когда-то охотились друг на друга ради добычи мяса (Иванова, 1980. С. 124, 125). В свете имеющихся этнографических и археологических данных оба эти подхода представляются крайностями, ибо, с одной стороны, охота за головами встречалась не только у традиционных земледельцев, но и у охотников, рыболовов и собирателей, а с другой, лишь у тех из последних, которые занимались высокоэффективным присваивающим хозяйством и обладали достаточно сложной социальной структурой (см., например, Шнирельман, 1983). Иными словами, для появления охоты за головами требовалось наличие далеко не примитивной социальной организации, а также особого комплекса духовных представлений, на которых и следует остановиться более подробно.

Одно из самых ярких и в то же время детальных описаний такого рода верований дал М. Харнер, обнаруживший у хибаро Восточного Эквадора весьма сложные представления о душе, ее роли в жизни человека и особенностях ее

обретения. Хибаро считали, что для благополучной жизни человек должен иметь три разные души. Главную из них – душу «арутам» – человек мог получить только путем активных действий по своей собственной инициативе. Значение этой души определялось тем, что только обладая ею, человек мог чувствовать себя в безопасности от вражеских нападений. Если же человек имел две такие души, то он становился неуязвимым и для самых страшных болезней, т. е. фактически обретал бессмертие. Сложность ситуации заключалась в том, что через 4-5 лет эта душа начинала проявлять беспокойство, стремилась покинуть хозяина, и последний во имя своего благополучия должен был позаботиться о том, чтобы добыть ей замену. При этом если для изначального получения такой души подростку достаточно было видений, то в дальнейшем это требовало периодических убийств врагов или чужаков. В то же время убийство вызывало месть, причем особую опасность убийцы ожидали от мстящей души – «муисак», – которой обладал любой человек, имевший арутам. Бесконтрольные действия муисак могли иметь самые губительные последствия для убийцы и его близких. Единственным способом препятствовать этому были захват головы убитого и ее особая обработка, вынуждающая муисак вселиться в нее и находиться там безвылазно (Harner, 1962). Иначе говоря, традиционная система верований превращала хибаро в кровожадных убийц. Ведь, как отмечает Харнер, обретение арутам вызывало у человека неутолимую жажду крови.

Мундуруку Центральной Бразилии полагали, что захват голов убитых врагов вызывал благорасположенность хозяйки . диких животных, привлекал зверей и способствовал их размножению, гарантировал охотничью удачу. Воин, добывший голову врага, получал титул Дажебойши, т. е. «мать пекари», и ему приписывали особые плодородные функции (Murphy, 1957, P. 1027, 1028; Durham, 1976. P. 405).

В сагодобывающих обществах низменностей Новой Гвинеи охота за головами находилась в связи с обрядами перехода, в частности, с инициациями, в ходе которых дети получали самое ценное «священное» имя – «имя головы». Для этого вовсе не требовалось, чтобы отец или другой близкий родственник ребенка добывал имя, т. е. совершал убийство,

[132]

непосредственно для него. Однако община или родственная группа должны были обладать определенным запасом таких имен, что и заставляло мужчин время от времени заниматься убийством чужаков или отправляться в походы для пополнения этого запаса. К сожалению, значение этого обычая остается не вполне понятным. Как подчеркивает Й. ван Баал, у маринданов такое имя не связывалось с какой-либо особой удачей (van Baal, 1966. P. 718), хотя и считалось очень ценным, престижным (van Baal, 1966. P. 135, 136; van der Kroef, 1954. P. 223). Однако большая роль охоты за головами в мифологии и ритуалах, вера в то, что добыча голов стимулирует рост разнообразных полезных растений, а кокосовый орех ассоциируется с головой и человеческой жизнью, требование от женихов участия в добыче голов и т. д., – все это позволяет искать истоки охоты за головами на низменностях Новой Гвинеи в целом комплексе идей, связанных с могущественной жизненной силой, способной благотворно повлиять на людей и окружающую природу (van der Kroef, 1954; van Baal, 1966; Zegwaard, 1959; Иванова, 1980). Кроме того, в ряде случаев охота за головами, по поверьям папуасов, призвана была удовлетворять мстительные намерения духов предков, которые в противном случае могли обернуться против потомков (Zegwaard, 1959. P. 1029).

Эта связь добычи голов с плодovitостью, здоровьем, урожайностью особенно ясно вырисовывалась у ибанов Саравака. Там трофейные головы использовались для лечения бесплодия, играли огромную роль в рисоводстве, а участие в охоте за головами было непременным условием успешного заключения брака (Freeman, 1979; Vayda, 1976. P. 48,49; King, 1976. P. 319). Аналогичные идеи, делавшие акцент на прямую связь между захватом головы врага, с одной стороны, и благоденствием общины, плодovitостью женщин и плодородием полей, с другой, были широко распространены у земледельцев Ассамы и ряда других районов материковой Юго-Восточной Азии (Hutton, 1928, 1930; Чеснов, 1976). Вместе с тем, даже в земледельческой среде эти идеи не являлись каким-либо цельным нерасчлененным комплексом, отличавшимся будто бы железным постоянством. Об этом свидетельствуют хотя бы данные о горных народах Филиппин, где охота за

[133]

головами в разных районах опиралась на разные концепции: так, у илонготов добыча голов обуславливала высокий престиж и удачный брак, но не связывалась непосредственно с идеей плодородия; у иснегов и калинга она имела прямое отношение к материнству и деторождению; а у ифугао акцент делался на здоровье людей и урожайность полей (Barton, 1930; Dozier, 1966; Rosaldo, Atkinson, 1975).

Этнографические материалы не всегда дают достаточно четкое объяснение тому, какую роль в комплексе всех этих представлений играла именно голова. Многие специалисты убеждены в том, что она служила вместилищем для духовной субстанции, способной повлиять на благополучие людей. Этому возражает Р. Нидэм, который не нашел подобного рода воззрений у даяков Саравака. И хотя и здесь обладание головой врага усиливало общину, отводило от нее несчастья и т. д., Нидэм считает голову лишь символом поддержки духов или их посланцев, а вовсе не вместилищем какой-либо сверхъестественной силы (Needham, 1976). Выявленная выше картина вариативности этнических концепций у охотников за головами показывает, что речь идет о достаточно сложном комплексе духовных представлений, включающем ряд различных, хотя и родственных идей. В различных районах мира в зависимости от разнообразных факторов (экологических, хозяйственных, социальных, демографических и т. д.) акцент делался лишь на некоторые, а иногда и на одну из этих идей. Кроме того, в ходе исторического развития смысл охоты за головами, видимо, неоднократно подвергался переинтерпретациям, некоторые идеи забывались, другие, напротив, усиливались, что и порождало' неоднозначную картину, встреченную Нидэмом и рядом других исследователей. Реконструировать первоначальный исходный комплекс представлений, связанных с охотой за головами, нелегко. Одним из путей к этому является широкое кросс-культурное исследование.

Работа подобного рода была проведена недавно У. Ла Барром, который пришел к выводу о чрезвычайно глубоких исторических корнях представлений о связи семени или спермы с костным, в особенности, головным мозгом (La Barre, 1984). Если эта гипотеза в дальнейшем подтвердится, то она

сможет объяснить, как идеи о женской плодовитости, плодородии полей, охотничьей удаче, здоровье, взрослении подростков, отождествлении тезок и т. д. восходили к единому древнему комплексу верований, делавшему акцент на особую плодотворную силу, помещавшуюся в голове. Как мы увидим ниже, одной из постоянных причин для беспокойства в первобытных обществах были демографические проблемы, и люди старались не упускать ни одной возможности, способной помочь им увеличить размеры своей группы. А так как удача и социальные успехи считались внешним проявлением магической силы, присущей человеку, то не удивительно, что каннибалы и охотники за головами отдавали предпочтение убийству наиболее отважных воинов или знатных людей, причем это с завидным постоянством наблюдалось в Амазонии (Wiffen, 1915. P. 19), в Сараваке (McCarthy, 1959. P. 77) и на Филиппинах (Barton, 1930. P. 190). Но в некоторых районах, например, у варопен Новой Гвинеи, напротив, воины избегали причинять ущерб знатным людям, справедливо опасаясь страшной мести, которая могла бы за этим последовать (Held, 1957. P. 224).

Лучше всего смысл захвата головы объясняют данные, полученные М. Харнером у хибаро. Хибаро отрезали головы у убитых и снимали с них кожу с волосами. Затем с помощью различных способов эту кожу варили, расправляли, сушили и надевали на специальный каркас из ветвей. Эта процедура требовала 10 часов напряженного труда, причем голова уменьшалась до Д своего первоначального размера. Вот почему хибаро называли ее цанца, т. е. «сушеной головой» (von Hagen, 1952). Завершение сушки заставляло мстительную душу муисак вселяться в голову. Именно поэтому сушку требовалось осуществить как можно скорее. Цанца обмазывали углем, чтобы муисак не видела, что делается снаружи и не могла отомстить. Во время победного пира люди танцевали вокруг головы, всячески оскорбляя ее, что по их представлениям, ослабляло способности муисак к мщению. Считалось, что в ходе этих церемоний можно было поставить муисак на службу убийце и его родственникам (жене, сестре и т. д.) и, тем самым, обеспечить плодовитость,

[135]

плодородие и охотничью удачу (Harner, 1962. P. 265, 266; van Hagen, 1952. P. 141).

На Новой Гвинее бытовали два разных способа «обработки» голов: в некоторых районах старались сохранять именно головы, а в других, как и у хибаро, сушили кожу и надевали ее на какой-либо твердый каркас (Mytinger, 1974. P. 269, 276, 277; van der Kroef, 1954. P. 230; van Baal, 1966. P. 746, 747; Иванова, 1980. С. 122-124; Held, 1957. P. 214). В Меланезии, Восточной и Юго-Восточной Азии также существовали разные способы обработки и хранения черепов или их частей (McCarthy, 1959. P. 78; Hocart, 1931. P. 314; Barton, 1930. P. 225), анализ которых позволяет судить о значении захваченных голов. Так, у ифугао колдуны специально «ослепляли» голову, втирая ей в глаза известь, ибо взгляд вражеской головы считался смертоносным. Внос головы врага в поселок в целом считался опасной процедурой и сопровождался целой серией охранительных церемоний и заклинаний (Barton, 1930. P. 91, 225). Параллели между этой практикой и той, что отмечалась выше у хибаро, очевидна.

Впрочем, в обращении с головой также наблюдалась вариативность, причем даже в узких районах, где обитали сходные по культуре группы, например, у горных земледельцев Филиппин. Так, бонтоки зарывали черепа врагов под настилом, на котором спали подростки, чтобы те стали храбрыми (Cawed, 1965. P. 19), а каинганы закапывали их под жилищами инициаторов охоты за головами во имя благоденствия общины, плодородия ее полей и плодовитости домашних животных (Barton, 1930. P. 225). Но повсюду так или иначе присутствовал все тот же комплекс идей, связанных с могущественной силой, заключенной в черепе врага. Со временем череп подвергался тлению и портился. Во многих обществах такие старые черепа безжалостно выбрасывали, нисколько не заботясь об их дальнейшей судьбе. Вероятно, считалось, что они уже отслужили свое и более не способны принести ни пользы, ни вреда. Но так было не везде. Когда ибаны переселялись на новое место, они оставляли за собой специальные домики для старых испорченных черепов, тем самым пытаясь убедить вражеских духов, что продолжают заботиться о них. Считалось, что в противном случае те

могли бы принести много вреда (McCarthy, 1959. P. 78). У папуасов низменностей Новой Гвинеи (van Baal, 1966. P. 718, 719, 751; van der Kroef, 1954. P. 222, 223, 234) и горцев Лусона (Barton, 1930. P. 225; Cawed, 1965. P. 19; Dozier, 1966. P. 200) особым почтением пользовались челюсти убитых врагов. Такие челюсти старались сохранять любыми способами, независимо от состояния черепов.

Целям охоты за головами способствовала и особая тактика. Ведь если задачей является захват головы, причем независимо от половозрастных характеристик жертвы, то воины стремились сделать это наиболее безопасным для себя способом. Поэтому у охотников за головами были весьма популярными вероломные нападения на гостей, торговцев, одиноких путников. Слабых противников предпочитали сильным, поэтому жертвами нередко оказывались дети или женщины. Мундуруку, например, даже предпочитали женские головы мужским (Durham, 1976. P. 406). Если легче оказывалось захватить головы мальчиков-подростков, то не упускали и такую возможность, причем в ряде случаев большую помощь мужчинам в этом могли оказывать женщины (Hocart, 1931. P. 303). Правда, у маринданим было принято отрезать головы лишь лицам старше 12 лет (van der Kroef, 1954. P. 228). В исключительных случаях для добычи голов даже не рисковали нападать на людей, а грабили вражеские могилы, что случалось порой у ибанов (McCarthy, 1959. P. 78).

Иными словами, охотники за головами постоянно искали возможность выполнить свою задачу, снизив риск до минимума. Поэтому, например, они отправлялись в поход крупными отрядами, насчитывавшими по несколько десятков, а то и сотен воинов. Как правило, старались нападать на отдаленные общины, чтобы затруднить противникам ответную месть. Так, маринданим активно поддерживали дружбу с ближайшими соседями, стараясь ничем не омрачать ее, ибо вооруженные столкновения между соседями были чреватy большим кровопролитием вплоть до полного уничтожения отдельных общин. Охота за головами велась в строго определенных отдаленных местностях, причем у каждой общины имелся свой традиционный такой район (van Baal, 1966. P. 693-695; van der Kroef, 1954. P. 223). Мундуруку

отправлялись в походы за 500-1000 миль (Murphy, 1957. P. 1027). Аналогичные дальние походы были известны у хибаро, ибанов, обитателей Соломоновых о-вов и пР. Иной раз эти предприятия не были строго ориентированы на каких-либо конкретных врагов, и уже в пути войны могли изменить свои первоначальные планы (Hocart, 1931. P. 304; см. также Harner, 1962. P. 262). Выше нам уже приходилось отмечать эти особенности военного поведения у некоторых групп Северо-Западного побережья Северной Америки.

В связи с изложенными выше данными вряд ли может вызвать удивление тот факт, что явления «псевдовидообразования» (Erikson, 1966) и дегуманизации врагов получило особое развитие у охотников за головами. Так, мундуруку делили весь окружающий мир на «людей» (мундуруку) и врагов (паруат), причем врагов отождествляли с объектами охоты – пекари и тапирами (Murphy, 1957. P. 1027, 1028; Durham, 1976. P. 405). При этом соседи-апиака и белые вовсе выпадали из этой классификации. Последнее становится понятным, если обратиться к данным о хибаро, которые были убеждены в том, что души аругам и муисак имелись только у самих хибаро. Поэтому врагами (шуара) там считались только хибаро из других племенных групп, на которых и нападали для захвата голов (Harner, 1962. P. 265; Siverts, 1975. P. 664–666). Маринданим брали головы лишь у чужаков, иноплеменников, не признавая их «настоящими людьми» или людьми вовсе (van Baal, 1966. P. 696; van der Kroef, 1954. P. 223). То же самое отмечалось и у калинга Лусона, которые устраивали охоту за головами только в чужих отдаленных районах (Dozier, 1966. P. 198). Короче говоря, охота за головами нередко не только велась чисто охотничьими методами и приемами, но и вполне сознательно расценивалась как охота, причем в прямом, а не в переносном смысле (Rosaldo, Atkinson, 1975. P. 58, 64), что отчасти подтверждает «охотничью гипотезу» возникновения войны, которую отстаивают Р. Ардри (Ardrey, 1970. P. 305 сл.; 1976) и некоторые другие авторы (Freeman, 1964. P. 115; Tiger, Fox, 1971. P. 212 сл.).

Впрочем, если воинам не удавалось добыть головы путем нападения на одиночных чужаков, то они прибегали к внезапному набегу на вражескую общину. Такие набеги

осуществлялись на заре и до мельчайших деталей напоминали набеги мстителей, которые рассматривались выше (Murphy, 1957. P. 1027; Mettraux, 1947. P. 394; Harner, 1962. P. 261, 262; von Hagen, 1952. P. 129; McCarthy, 1959. P. 77, 78; van Baal, 1966. P. 714; van der Kroef, 1954. P. 227 сл.; Иванова, 1980. С. 122; Held, 1957. P. 199-201). Они имели ярко выраженный сезонный характер и обычно осуществлялись в период, относительно свободный от хозяйственных забот. Другими влияющими факторами являлись состояние ландшафта, благоприятствующее или затрудняющее передвижения, а также наличие запасов пищи. Последнее обуславливало организацию вооруженных операций, как правило, сразу же вслед за окончанием годового хозяйственного цикла, когда воины имели возможность запастись достаточным провиантом. Ясно, сколь важное значение это имело для осуществления дальних многодневных походов, которые встречались, например, у мундуруку и маринданам (Murphy, 1957. P. 1027; van Baal, 1966. P. 716; Haddon, 1891; van der Kroef, 1954. P. 226. См. также, Vayda, 1976. P. 58; Ross, 1980. P. 40, 41).

Формирование крупных отрядов, включающих обычно многочисленные группы союзников, а также планирование их действий и руководство ими требовали развитой системы лидерства, и она встречалась у охотников за головами практически повсюду. Инициаторами походов всегда являлись общинные лидеры, главы мужских домов, авторитетные представители знати, а вопрос об организации похода и его задачах решался на совете старейшин. Иногда общинные или клановые вожди сами руководили вооруженными отрядами, а иногда для этого выбирались или назначались специальные военные лидеры. Неучастие вождя в таком походе далеко не всегда делало его жизнь более безопасной, так как инициатор охоты за головами являлся нередко главной мишенью для мстителей.

В составе отряда часто выделялись индивиды с особыми функциями. Так, у лидеров могли иметься помощники, дававшие сигнал к нападению. Иногда отряд сопровождали шаманы. В каждом отряде имелись специальные разведчики, которым поручали не только изучить местность и силы противника, но и узнать имена врагов. Кое-

включал и относительно крупные функциональные подразделения. Так, у асмаат Новой Гвинеи в нем выделялись руководители – старейшины, лучники, а также копьеносцы и щитonosцы, перед которыми ставились разные боевые задачи. У мундуруку милитаризация общества достигла, по-видимому, крайних пределов, и там имелся особый общеплеменной воинский союз Дарекши, включавший всех взрослых мужчин, способных носить оружие. Напротив, в тех обществах, где имелись ярко выраженные возрастные классы, активное участие в боевых действиях поручалось лишь одному из них. Так, у маринданим основную ударную силу составляли юноши 16-19 лет, проходившие специальную военную подготовку и жаждавшие воинской славы (Murphy, 1957. P. 1027-1030; Metraux, 1949. P. 393; Sivert, 1975. P. 665; van Baal, 1966. P. 65-67, 691, 710, 711; van der Kroef, 1954. P. 225, 226; Zegwaard, 1959. P. 1036; Held, 1957. P. 79, 201; Hocart, 1931. P. 304; Barton, 1930. P. 188). Участие в военных походах повсюду считалось высокопрестижным занятием. Искусных воинов-убийц боялись и уважали, причем во многих обществах охотников за головами, например, у горцев Филиппин, военные успехи были едва ли не главным способом достичь высокого социального положения (Dozier, 1966. P. 202-208; Rosaldo, Atkinson, 1975. P. 66. См. также Sivert, 1975. P. 665; van der Kroef, 1954. P. 224, 225; Zegwaard, 1959. P. 1036; Held, 1957. P. 203, 213, 214).

В ряде случаев, например, у народов Южной Америки и на низменностях Новой Гвинеи, отправляясь в дальний поход, воины брали с собой женщин. Обязанностями последних служили перенос пищи и утвари, готовка, забота о раненых и т. д. (Murphy, 1957. P. 1027; Haddon, 1891; van der Kroef, 1954. P. 225, 226). А у горцев Филиппин женщины оставались дома и должны были придерживаться особых пищевых и половых табу, а также ряда других правил, направленных на то, чтобы мужчины вернулись невредимыми из похода (Barton, 1930. P. 189).

Наиболее популярными видами оружия у охотников за головами были копья и дубинки, порой с каменными навершиями разнообразной формы. Реже в качестве боевого оружия использовались луки со стрелами. У некоторых горцев

Филиппин были известны боевые каменные топоры, а маринданим носили с собой особые бамбуковые ножи, предназначенные для отрезания голов. Для отражения неприятельских ударов местами применялись щиты (например, у ибанов, на Соломоновых островах, у горцев Филиппин), а варопен Новой Гвинеи пользовались для этого простой палкой (Ross, 1984. P. 90; McCarthy, 1959. P. 77, 79; van Baal, 1966. P. 22, 23, 738, 739; van der Kroef, 1954. P. 227, 229, Held, 1957. P. 203, 204; Hocart, 1931. P. 301; McKinnon, 1975. P. 290, 295; Barton, 1930. P. 188, 190; Cawed, 1965. P. 17; Dozier, 1966. P. 199). Оборонительные укрепления встречались у охотников за головами лишь в зачаточной форме и далеко не везде. Так, частоколы вокруг поселков возводились только у хибаро и некоторых горцев Филиппин. Иногда хибаро устраивали перед жилищем ров с острыми кольями на дне, а из жилища прорывали подземный ход на случай бегства. Калинга Лусона также устраивали на дорожках, ведущих к дому, специальные ловушки или волчьи ямы, а также втыкали острые бамбуковые жерди, способные нанести неприятелю тяжелые увечья. На Соломоновых островах специальных укреплений не возводили, но устраивали поселки в неприступных местах (Metraux, 1949. P. 396; Ross, 1984. P. 96, 97; Dozier, 1966. P. 199; Hocart, 1931. P. 302).

Можно ли объяснить охоту за головами исключительно психологическими факторами, вызывающими патологическую кровожадность? Различные авторы неоднократно пытались выявить материальную подоснову охоты за головами, связывая ее то с демографическим давлением, то с борьбой за землю. Некоторые из них видели в этом механизм устрашения, позволяющий людям защититься от территориальных посягательств (Zegwaard, 1959. P. 1032), другие – способ перераспределения охотничьих угодий и сохранения зверя, который находил спасение в нейтральных зонах (Ross, 1980. P. 47, 48; 1984. P. 97, 98), наконец, третьи подчеркивали роль охоты за головами в контроле за ростом народонаселения « (Durham, 1976. P. 405-407). Э. Вайда попытался рассмотреть эту проблему на примере ибанов Саравака. Отмечая, что быстрое истощение земельных участков в условиях примитивного подсечно-огневого земледелия и роста народонаселения

[141]

требовало территориальной экспансии, Вайда предполагал, что особым объектом вождения в этих условиях должны служить зоны вторичной растительности, однажды уже использовавшиеся для земледельческих нужд. Это-то, по его мнению, и обуславливало борьбу за землю, выступавшую у ибанов в форме охоты за головами (Vayda, 1969, 1976).

Этот подход Вайды вызвал обоснованные возражения со стороны в. Кинга. Последний показал, что, во-первых, ибаны все же предпочитали обрабатывать участки в девственном лесу, так как те отличались большим плодородием; во-вторых, они, следовательно, расселялись прежде всего по безлюдным районам и лишь малая часть их военной активности сводилась к борьбе за землю; наконец, в-третьих, многое в поведении ибанов противоречило теории Вайды: так их набеги за головами имели юго-западное направление, хотя свободные подходящие для освоения земли лежали на севере и востоке. Кроме того, плотность народонаселения у ибанов была значительно ниже, чем у тех земледельческих групп, на которые они нападали, что также противоречит концепции Вайды (King, 1976). Короче говоря, захват земельных участков мог служить здесь не столько причиной, сколько попутным следствием активной охоты за головами (Freeman, 1979. P. 245). То же самое, видимо, происходило и в тропических лесах Южной Америки. О том, что охоте за головами вовсе не обязательно сопутствовал передел земель свидетельствуют данные из низменностей Новой Гвинеи, где, как отмечалось, нападению подвергались отдаленные общности, тогда как с соседями, далее инозничными, поддерживался мир. У горцев Лусона охота за головами также не сопровождалась каким-либо переделом земли.

Может быть, важным стимулом для охоты за головами был грабеж? Действительно, в некоторых обществах охотников за головами (у хибаро, ибанов, варопен, маринданим) было принято захватывать из вражеских домов ценные вещи или грабить огороды. Иногда при этом жилища или целые поселки противника предавали огню (Ross, 1984. P. 93; McCarthy, 1959. P. 77, 78; Held, 1957. P. 201; van Baal, 1966. P. 746, 747; van der Kroef, 1954. P. 231). Однако мундуруку никогда не захватывали у своих врагов сколько-нибудь ценные вещи

[142]

(Murphy, 1957. P. 1027), а горцы Филиппин вовсе не покушались на какую-либо собственность противника (Barton, 1930; Dozier, 1966). В наиболее социально продвинутых обществах охотников за головами встречался захват людей в рабство (Hocart, 1931. P. 305, 306), однако эта практика находилась в явном противоречии с собственно охотой за головами и, как совершенно очевидно, могла привести к ее упадку. Последнее было прослежено у варопен Новой Гвинеи, где со временем вожди нашли более выгодным для себя брать пленных в рабство, так как могли отпустить такого раба на волю за изрядный выкуп или продать его с барышом (Held, 1957. P. 220, 221, 225, 226).

Следовательно, в целом охоту за головами как социальный феномен трудно, объяснить какой-либо непосредственной материальной выгодой. Гораздо больше оснований имеется связывать охоту за головами с особого рода демографической политикой, направленной на искусственное увеличение размеров родственной группы или общины. Ведь почти повсюду за исключением разве что горных районов Филиппин, постоянной чертой охоты за головами был захват малолетних детей для их последующей адаптации. В отношении маринданим Й. ван Баал даже подчеркивает огромную важность этого для поддержания демографического баланса в связи с распространением бесплодия среди женщин (van Baal, 1966. P. 27-32, 107, 108; van der Kroef, 1954. P. 225, 228, 229. CP. Zegwaard, 1959. P. 1036; McKinnon, 1975. P. 304; Vayda, 1969. P. 214; 1976. P. 59; Murphy. P. 1027; Metraux, 1949. P. 386, 399; McCarthy, 1959. P. 79). Несколько меньшее распространение имел захват девушек в жены, хотя и это нередко встречалось среди охотников за головами. Учитывая огромную роль родственной взаимопомощи и поддержки в первобытности и то огромное значение, которое люди придавали родству и, следовательно, наличию широкой родственной сети, нетрудно понять, почему одной из первостепенных забот тогда была забота об увеличении круга родичей и прежде всего о численности своего потомства. Выполнение этой задачи частично и достигалось чисто механическими способами – путем адаптации взятых в плен детей.

[143]

Другой путь к этому имел магический характер. Когда-то Д. Хаттон описал у каренов Бирмы явление, которое можно было бы назвать «круговоротом души в природе». По представлениям каренов, в природе существовала коллективная безличная душа – субстанция, которая через растительную пищу попадала в животных и людей, наделяя их семенем, способным усиливать их и давать жизнь новым поколениям. Предупреждая против того, чтобы приписывать эту концепцию другим народам, Хаттон тем не менее склонен был считать, что в принципе сходные представления были достаточно широко распространены. Во всяком случае именно они стимулировали охотников за головами к захвату индивидуальных душ врагов для включения их в коллективную душу-субстанцию и вместе с тем для ослабления соответствующей вражеской коллективной души (Hutton, 1930. P. 207-208). С тех пор следы такого рода воззрений были описаны у ряда других народов, например, у папуасов Новой Гвинеи (Shnirelman, 1988). И есть все основания связывать охоту за головами с сознательными или неосознанными попытками повлиять на такую коллективную душу-субстанцию, искусственно усилить ее, гарантировать ей благоденствие во времени и в пространстве. Из такого представления нетрудно вывести все те конкретные разнообразные психологические причины охоты за головами, о которых говорилось выше. Кроме того, этот подход объясняет, почему охота за головами возникла и распространилась только в позднепервобытную эпоху, когда сформировались развитые родовые структуры и присущие им духовные представления, к которым и относится вышеописанное. Сложнее объяснить, почему наличие рассмотренной выше концепции далеко не всегда порождало охоту за головами. Изучение этой проблемы требует проведения дополнительных исследований.

К демографическим последствиям охоты за головами некоторые авторы относят более равномерное расселение людей по территории (Durham, 1976. P. 407; Morren, 1984. P. 176). Однако пока что это – гипотеза, не подкрепленная широкими экологическими исследованиями и расчетами.

Как можно квалифицировать вооруженные действия, связанные с охотой за головами? Анализ их военной техники и

организации показывает, что ситуация здесь была близка тому, что Терни-Хай называл «военным горизонтом» (Turney-High, 1949): встречались достаточно сложная, военная структура, военное командование, разнообразные тактические приемы, специализированные виды боевого оружия, примитивные укрепления. Казалось бы, все это позволяет говорить о войне. Однако представляется более правомерным воздержаться этого, учитывая, что речь идет всего лишь о скоротечных одноактных набегах против, как правило, не ожидающего нападения слабого противника, а то и против отдельных индивидов. С этой точки зрения охота за головами скорее напоминала набеги мстителей, рассмотренные выше у бродячих охотников и собирателей. Вместе с тем, при соответствующих условиях охота за головами могла превратиться в войну. Подтверждением этому служат сравнительно недавние события на Лусоне, где запрещение охоты за головами привело к возникновению обычая формальных битв между крупными региональными группировками (Dozier, 1966. P. 209; Cawed, 1965. P. 19, 20).

В условиях атомарной структуры, связанной с автономией отдельных общин, заключить мир было нелегко. И тем не менее у охотников за головами в разных районах мира встречались разнообразные более или менее надежные механизмы и процедуры для его заключения и поддержания.

На юге Новой Гвинеи общины, нападавшие друг на друга, испытывали страх перед своими противниками. Какого-либо института посредников-миротворцев там не было. Если люди желали мира, то тайно оставляли дары недалеко от вражеской общины. В случае согласия враги отвечали им тем же. Но нередко происходили вероломные нападения на тех, кто приходил проверить, приняты ли дары (van der Kroef, 1954. P. 224). Вообще обмен служил порой механизмом поддержания мира, ибо заинтересованность в получении тех или иных продуктов и вещей приучала людей к терпимости и сдерживанию враждебных эмоций. Например, общины, активно участвовавшие в обмене кула, находились в дружбе друг с другом (Mytinger, 1947. P. 86). Тому же способствовал и встречавшийся в некоторых местах институт партнерства (Held, 1957. P. 83). В то же время торговля не служила каким-либо

[145]

абсолютным антиподом вооруженных действий. Так, дальние походы маринданим преследовали одновременно обе эти цели (Иванова, 1980. С. 120, 121; Haddon, 1891; van Baal, 1966. P. 717).

В некоторых обществах встречались формальные мирные церемонии, в которых главную роль играли руководители враждебных групп. Так, у бонтоков Лусона мирная церемония начиналась обменом дарами (буйволами, кувшинами с вином, рисом), а затем оба лидера делали порезы на запястьях и обменивались рукопожатиями, поливая кровью землю. При этом они давали клятву сурово наказывать любого, кто осмелится разорвать мир (Cawed, 1965. P. 53). На Соломоновых островах процедура примирения сводилась к тому, что вожди обменивались кольцами (Nocart, 1931. P. 302,303).

Местами существовал институт миротворцев. У калинга Лусона такими арбитрами служили авторитетные лидеры, бывшие одновременно и искусными охотниками за головами. Мирные ритуалы включали выплаты за убийства, а также церемониальный обмен копьями (Dozier, 1966. P. 205 ff.). Копье играло важную символическую роль и в некоторых других районах. Так, на мирной церемонии у хибаро полагалось зарывать копьё в землю, тогда как при подготовке к военному походу его снова оттуда извлекали (Mettraux, 1949. P. 389).

V

РАЗВИТИЕ ВОЕННОГО ДЕЛА У РАННИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ И СКОТОВОДОВ

Проблема вооруженных столкновений у ранних земледельцев и скотоводов заслуживает особого обсуждения в связи с дискуссионностью вопроса о начале грабительских войн. Известно, что переход к производящему, хозяйству привел к появлению «регулярных излишков пищи и, тем самым, создал как предпосылки, так и стимулы для возникновения

[146]

грабительских войн. Из этой логики и исходят те авторы, которые, считая грабёж главным признаком «настоящих войн», пытаются связать истоки войн в целом с переходом к производящему хозяйству (White, 1949; Montagu, 1976. P. 267,274,294; Leakey, Lewin, 1978. P. 223; Mansfield, 1982; O'Connell, 1989. P. 26, и др.). По мнению чешского археолога С. Венцла, хотя войны и являлись результатом неолитической революции (Vend, 1984a, S. 15), развитие войн как «коллективной формы грабежа» вызывалось переходом к скотоводству, ибо домашние животные, представляя большую материальную ценность, были в то же время и легко отчуждаемой формой собственности (Vencil, 1984b). Эту идею развивает и В. А. Алекшин, по мнению которого войны жестко связывались именно со скотоводческим хозяйством, а у ранних земледельцев их практически не было (Алекшин, 1986. С. 172). В науке издавна существует и иной подход, согласно которому грабительские войны являлись одной из черт процесса классообразования независимо от его хозяйственной «основы» (Malinowski, 1941. P. 538, 539; Fried, 1961. P. 145; «Service, 1962. P. 104; Косвен, 1953. С. 195; Першиц, 1986. С. 37). Выше было показано, что данные об обществах с высокоэффективным присваивающим хозяйством подтверждают именно последнюю точку зрения. Что могут добавить к этому этнографические материалы о ранних земледельцах и скотоводах?

Большой интерес в этом отношении представляют общества папуасов горных и предгорных районов Новой Гвинеи, где работами последних десятилетий удалось проследить особенности становления и развития раннего производящего хозяйства, этапы сложения достаточно интенсивных земледельческих и животноводческих систем, сопутствующую этому социальную эволюцию, связанную, в частности, с формированием лидерства (Шнирельман, 1980. С. 146-164; 1985. С. 7077; Brown, 1978; Feil, 1987). Ситуация, встреченная на Новой Гвинее, уникальна тем, что там с востока на запад и от предгорий к высокогорьям наблюдались повышение интенсивности хозяйственных систем, рост плотности народонаселения и усложнение социальной структуры. Напротив, в восточных районах горного массива известны общества,

[147]

которые либо перешли к земледелию сравнительно недавно, либо переходили к нему буквально на глазах у современных этнографов. Все это позволяет использовать методы сравнительной этнографии для изучения особенностей и последствий перехода к производящему хозяйству, в частности, что касается военного дела.

Во многих небольших папуасских общностях восточных гор, предгорий и некоторых равнинных районов побудительной причиной насилия, как и у бродячих охотников и собирателей, являлась месть по принципу «око за око» (Berndt, 1962. P. 233; Schieffelin, 1976. P. 78; Brown, 1979. P. 721; Rappa-port, 1967. P. 13). Мстили прежде всего за убийство, иногда реальное, но много чаще мнимое, т. е. совершенное якобы с помощью колдовства. Кроме того, месть расценивалась как возмездие за любой другой ущерб – посягательство на чужую жену, оскорбление, кражу свиньи, потраву посевов и т. д. В некоторых обществах, например, у арапеш, одним из главных поводов к вооруженным столкновениям было умыкание женщин (Fortune, 1939. P. 28). Местами само заключение брака требовало от жениха участия в убийстве врага (Berndt, 1962. P. 15). Кое-где считалось, что убийство врага благотворно влияет на урожай таро (Barth, 1975. P. 151). По мнению некоторых авторов, набеги и убийства могли производиться и ради пищевого каннибализма (Dornstreich, Morren, 1974; Morren, 1984), однако такие факты требуют дополнительной проверки.

Как бы то ни было, в восточных горах и в предгорьях материальные соображения имели второстепенное значение для ведения вооруженных действий, тогда как в западных горных районах их роль была значительно выше (Berndt, 1964. P. 183,184; Langness, 1973. P. 164,165; Brown, 1973. P. 56, 62; Heider, 1970. P. 100). Так, у энга западных гор Папуа Новой Гвинеи более 80-85% межклановых вооруженных столкновений имели своей непосредственной причиной имущественные интересы (Meggitt, 1977. P. 1-13). Иными словами, с ростом эффективности производящего хозяйства экономические конфликты становились более важными источниками как межличностного, так и межгруппового насилия.

[148]

Особый интерес вызывает тот факт, что при вооруженных стычках между наиболее отсталыми земледельцами победители иной раз вообще избегали захвата каких-либо материальных ценностей. Так, когда в 1953 г. кундагаи нанесли поражение цембага и опустошили территорию последних (уничтожили огороды, срубили плодовые деревья, осквернили священные места, сожгли жилища), они не позволили себе почти никакого грабежа и зарезали всех вражеских взрослых свиней, не захватив с собой ни кусочка мяса. Специальные исследования показывают, что в такого рода обществах имела особая система верований, препятствовавшая грабежу, а тем более захвату вражеской территории. Люди полагали, что последняя была населена местными духами, враждебными чужакам. Эти духи присутствовали во всем, что так или иначе связывалось с врагом – в земле, в воде, в пище и т. д. Поэтому не только грабить врага, но и пользоваться чем-либо принадлежавшим ему было опасно. Люди страшились заболеть, вступив на вражескую территорию, и ожидали неминуемой смерти от потребления приготовленной врагом или принадлежавшей ему пищи (Rappaport, 1967. P. 111, 126, 127, 144; Brown, 1978. P. 283; Shnirelman, 1988).

Интересно, в каком направлении изменялась такая система верований с ростом благосостояния общества, который делал грабене все более соблазнительным занятием. У папуасов-кума тоже встречались верования, подобные вышеописанным: там также запрещалось посещать вражескую территорию, использовать вещи врага и даже вступать в брак с традиционными врагами. Вместе с тем, в ходе набегов там иной раз уже не могли удержаться от захвата каких-либо ценностей. При этом люди старались делать вид, что не нарушили запрет, и объясняли происхождение таких вещей тем, что их будто бы принес дух сородича или же их украли тень души колдуна и т. д. (Reau, 1959. P. 146). В отношении земли запрет действовал значительно сильнее, и кума не посягали на вражескую территорию (Brown, 1978. P. 282 – 284).

Вопрос о территориальных захватах заслуживает специального рассмотрения, так как он до сих пор порождает резко различные суждения. В науке долгое время господствовала точка зрения, согласно которой они начались лишь в

поздний предклассовый период. Однако в русле экологического направления, развивавшегося в западной науке особенно интенсивно с 1960-х годов, была высказана идея о том, что уже ранние земледельцы должны были вести борьбу за землю вследствие быстрого роста плотности народонаселения. Этот подход отстаивал, в особенности, Э. Вайда, который пытался доказать его правомерность на примере папуасов-маринг (Vayda, 1971,1976). Однако ему так и не удалось найти достаточных аргументов в пользу своей концепции (Hallpike, 1973. P. 457 ft; Koch, 1974. P. 162 ft; Brown, 1978. P. 282-283). Прделавший широкий кросскультурный анализ, П. Силлитоу весьма скептически относится к возможности выявить сколько-нибудь жесткую корреляцию между плотностью народонаселения у папуасов и борьбой за земельные участки (Sillitoe, 1977; Feil,1987. P. 66). Однако составленные им статистические таблицы все же позволяют предполагать, что вероятность войны из-за земельных интересов росла по мере роста плотности народонаселения (M. Ember, 1982).

Для прояснения этой непростой проблемы необходимо, видимо, внести несколько уточнений. Во-первых, поводом к конфликтам могло быть нарушение территориальных прав, но это вовсе не означает, что противники изначально стремились к территориальным приобретениям, хотя иной раз победители и использовали земли побежденных (Brown,1964. P. 352; Kaberry, 1973. P. 42-43). Во-вторых, следовательно, земельные захваты могли быть не причиной, а побочным следствием вооруженных действий, что нередко случалось в западных горных районах Новой Гвинеи (Sillitoe, 1977). Наконец, в-третьих, в принципе не может быть сколько-нибудь жесткой корреляции между плотностью земледельческого населения и интенсивностью территориальных завоеваний, так как помимо демографического фактора большое значение имели особенности окружающей природной среды и, прежде всего, относительное плодородие почв, а также характер земледельческих методов. Ясно, что в условиях интенсивного земледелия одна и та же по площади территория могла кормить значительно больше людей, чем в условиях экстенсивного (Шнирельман, 1988. С. 10-14). Возможно, именно здесь лежит ответ на вопрос, почему при относительно

[150]

сходной плотности народонаселения энга сознательно вели захватнические войны (Meggitt, 1977), у чимбу такие войны встречались крайне редко (Brown, 1973), а у дани их как будто бы вообще не было (Heider, 1970; Koch, 1974; Brown, 1978. P. 282). Зато завоевательные войны были известны у горных ок, где плотность народонаселения была в 100-200 раз ниже (Mogren, 1984).

Еще одним воздействующим фактором были характер поземельных отношений и особенности социальных связей. Так, у чимбу широко практиковались межплеменные браки, клановые земли располагались чересполосно и имелась возможность беспрепятственно передавать земельные участки в пользование, а то и в собственность, свойственникам и когнатам при условии их адаптации в клан. А у энга, где отмечалось более строгое членство в клане, эта процедура была затруднена, и там получить дополнительные земли можно было, как правило, только в ходе завоевания (Kelly, 1968. P. 48-49, 51-53).

Следовательно, хотя в некоторых случаях войны и вели к перераспределению земельных ресурсов, захват территорий, за редчайшими исключениями, не являлся целью вооруженных нападений у ранних земледельцев. Такие нападения велись прежде всего для того, чтобы обескровить противника, подорвать его материальное благосостояние и, если возможно, изгнать, как можно дальше, чтобы он уже не представлял для победителя сколько-нибудь серьезной угрозы. Побежденные часто вынуждены были переселяться на время или навсегда, находя приют у своих материнских родственников или свойственников. Там они копили силы и через некоторое время могли отважиться вернуться на свои прежние земли. Иногда победители и сами предлагали им это сделать. Если же последние отказывались, их земли постепенно начинали обживаться. Там вначале могли устроить пастбище или подсобные огороды, и лишь позднее происходило более основательное заселение этих земель. Нередко это осуществляли те группы населения, которые не участвовали в войне и находились в дружбе или родстве с побежденными. Победители иной раз тоже селились на территории бывших врагов, но для этого им следовало предварительно провести особые

ритуалы (Berndt, 1962. P. 232-268; Berndt, 1964; Rappaport, 1967; Kelly, 1968; Kaberry, 1973. P. 42-43; Reay, 1959. P. 53; Sillitoe, 1977).

Территориальные споры вызывались не только земледельческими надобностями. Иногда борьба велась за источники соли (Sillitoe, 1977. P. 75), рыболовные угодья (Fortune, 1939. P. 23), доступ к зарослям саго (Kaberry, 1973. P. 66).

Важно отметить, что с усложнением социальной структуры и с численным ростом отдельных общностей усложнялись и дифференцировались причины для конфликтов. Так, у чимбу между теми людьми или группами, которые находились в постоянных тесных контактах, ссоры возникали, главным образом, из-за взаимных оскорблений, неуплаты долга, обвинений в колдовстве, нарушения социальных и имущественных норм и т. д. А между соседями, которые не поддерживали контактов друг с другом, конфликты вызывались воровством, убийствами или набегами (Brown, 1964. P. 353). Считается, что конфликты внутри группы были менее серьезными и разрешались в более мягкой форме, чем между группами. Это утверждение, вполне справедливое для бродячих охотников и собирателей и самых ранних земледельцев, уже не является столь же безусловным в отношении более развитых земледельцев. Так, хотя нормы папуа – сов-энга требовали поддержания мира внутри кланов и фратрий, в действительности такие вооруженные столкновения встречались, в частности, из-за земли, причем именно такие стычки были причиной около 50% смертей, вызванных войнами в целом (Meggitt, 1977. P. 22, 28; Feil, 1987. P. 67). Иными словами, с развитием производящего хозяйства резко возросла роль имущественных конфликтов, а так как последние возникали прежде всего между теми людьми, которые находились в тесных взаимоотношениях друг с другом, то, следовательно, участились факты насилия внутри общества. Одной из распространенных причин имущественного конфликта у папуасов Новой Гвинеи была кража свиней, которая в ряде районов рассматривалась как популярный вид спорта (см., например, Brown, 1964. P. 349).

В условиях, когда конфликты стали возникать, главным образом, из-за имущественных интересов, правила мести

[152]

ужесточились. Если у наиболее отсталых земледельцев, как и прежде, господствовал принцип «око за око», то в более развитых обществах месть стала неэквивалентной. Так, если у папуасов-хули крали свинью, то потерпевшие стремились в отместку захватить дюжину свиней; если же убивали родича, то за его смерть стремились уничтожить 4-5 врагов (Glasse, 1959. P. 283).

Любые обиды или ущерб, нанесенные индивиду, воспринимались как выпад против всей группы сородичей и вызывали моментальную реакцию. Не случайно многие специалисты отмечают быструю эскалацию конфликта (Brown, 1964. P. 349-350; Brown, 1973. P. 63; Glasse, 1959. P. 286; Heider, 1970. P. 00), хотя, если группа чувствовала себя неготовой к серьезному столкновению, она предпочитала копить силы и ждать случая добиться реванша. Иной раз, как, например, у хули, 2/3 всех стычек объяснялись мстостью за старые обиды (Glasse, 1959. P. 283. См. также Meggitt, 1977, P. 70 ff.). Субъектами мести являлись, как правило, клан или субклан, на основе которых и формировалось ядро вооруженного отряда. Нередко зачинщики искали поддержку у союзников, вербовка которых в разных районах шла по разным каналам. Так как повсюду на Новой Гвинее родство в клане устанавливалось по отцовской линии, то одной из важнейших категорий союзников являлись родственники с материнской стороны, между которыми во многих местах имелись специальные как формальные, так и неформальные взаимоотношения. Кроме того, союзниками могли служить свойственники, однако это встречалось далеко не везде. Одной из дискуссионных проблем, связанных с характером брачных взаимоотношений, на Новой Гвинее, издавна является вопрос о том, почему в одних случаях люди избегали браков с врагами, а в других – вели войны, главным образом, именно против своих свойственников (Berndt, 1964; Brown, 1964; Langness, 1973. P. 165-167; Feil, 1987. P. 73-87).

Вопрос этот непрост, ибо войны против свойственников были известны как у самых отсталых горцев восточных районов Папуа Новой Гвинеи (Fortune, 1947a, 1947b; Berndt, 1962), так и у некоторых из наиболее развитых групп запада (Berndt, 1964; Brown, 1964). И все же заслуживает внимания

тенденция, подмеченная Д. Фейлом, по которой на востоке встречались более жесткие корпоративные группы, основанные на родстве или совместном проживании, а межгрупповые и межобщинные связи были много слабее, чем на западе. Это выражалось, в частности, в том, что на востоке преобладали крупные компактные поселки, а на западе чаще практиковалась хуторская система расселения. Кроме того, на востоке в таких поселках нередко наблюдалась тенденция к эндогамии. Следовательно, считает Фейл, брак играл разную роль в разных районах: на западе он служил важным средством завязать дружеские контакты, в частности, ради развития обменных отношений; а на востоке он не имел этой функции. Поэтому на западе в обстановке конфронтации отмечался ярко выраженный конфликт лояльностей, а на востоке этого не было (Feil, 1987. P. 73-87). Нельзя сказать, что предложенное Фейлом объяснение полностью соответствует имеющимся фактам, ибо и – на востоке брак способствовал созданию широкой социальной сети. Однако в целом рассмотренная гипотеза открывает интересные перспективы для дальнейших исследований.

Как бы то ни было, повсюду на Новой Гвинее материнские родственники и свойственники проявляли особо бережное отношение друг к другу в условиях вооруженных действий. Если их кланы вступали в войну друг с другом, то такие люди либо отказывались участвовать в боевых действиях, либо во время боя старались избегать встреч с родственниками или свойственниками. Кроме того, как отмечалось выше, в случае поражения беглецы искали убежище именно у материнских родственников или у свойственников, которые могли наделить их землей и инкорпорировать в свои кланы. В итоге, например, у энга такие перемещенные лица составляли до 5-35% членов отдельных кланов.

Военные союзы не отличались особой прочностью и быстро распадались по достижении тактической цели. Иной раз, если вооруженные действия затягивались, союзники могли покинуть ряды бойцов для выполнения каких-либо неотложных дел на своей территории, что вело к ослаблению основного отряда и нередко обрекало его на поражение. Кроме того, боевые действия могли стать источником конфликта

между союзниками: это случалось, если инициаторы войны не могли своевременно заплатить союзникам за их помощь и, в особенности, за потери (Strathern, 1971. P. 90-91; Brown, 1973. P. 63) или же если союзники по неосторожности убивали какого-либо индивида, чаще женщину, происходившего из клана зачинщиков войны (Fortune, 1947a. P. 246).

Что же касается надклановых структур – фратрии или племени – то помощь с их стороны приходила, как правило, лишь в случае поражения (Reay, 1959. P. 54; Berndt, 1964. P. 200, 201). В целом вооруженные действия против кланов других фратрий и, в особенности, других племен велись более жестокими способами и не имели таких ограничений, как в вооруженных стычках между родственными кланами или субкланами. Эти дифференцированные нормы обращения с врагом укрепляли клановую и племенную солидарность. У гахуку-гама вооруженные действия внутри племени и между племенами различались не только нормативно, но и терминологически: первые назывались «хина», вторые – «рова» (Read, 1954. P. 11-12, 39-40). То же самое встречалось в некоторых других местах, например, у дани (Heider, 1970. P. 105), а также в обществах восточных гор (Berndt, 1962. P. 233) и у орокаива (Williams, 1930. P. 160).

В целом в горах и предгорьях Новой Гвинеи были известны два разных типа военных действий – формальные сражения и набеги (Langness, 1973. P. 161-162). Было бы неверно рассматривать их порознь, ибо, как удачно продемонстрировал Э. Вайда, они сплошь и рядом по существу являлись разными формами единого военного процесса (Vayda, 1971; 1976). Как правило, формальные битвы происходили при участии многих сотен воинов и зрителей, сопровождалась высоким накалом эмоций, но были относительно бескровными. Поэтому некоторые специалисты трактуют их как ритуальную фазу войны. Такие сражения, как правило, требовали особого рода боевых порядков. Вот что представляли со – бой последние, например, у дани. Фронт имел глубину 20 – 30 м, где располагались собственно воины – мужчины 18-30 лет. Из них непосредственно в бою участвовали не более дюжины. Они выдвигались вперед, стреляли из луков или бросали дротики и отходили назад, освобождая место свежим

[155]

силам, Во втором эшелоне находились военные лидеры, которые голосом руководили боем. Сюда же приходили на отдых уставшие воины. Еще дальше располагались мужчины старшего возраста и подростки, а также временно недееспособные воины. Все они с интересом наблюдали за битвой. Наконец, в глубоком тылу сидели старики, которые пытались повлиять на ход битвы магическими способами (Heider, 1970. P. 110-11).

В других случаях, например, у чимбу, воины располагались двумя шеренгами: впереди – копьеносцы со щитами и боевыми топорами, сзади – лучники. В задачу копьеносца входило отвести в сторону щит противника, чтобы дать возможность лучнику вернее поразить цель. При этом, если весь отряд состоял из 200 воинов, то одновременно в бою участвовали лишь 6 копьеносцев и до 60-70 лучников (Brown, 1973. P. 58-59). Так как противники искусно уворачивались от стрел и дротиков, то такой бой мог длиться без потерь сутками и даже неделями. Если воины и получали ранения, то, как правило, в ноги или руки.

В случае, когда силы были равны и ни одному из противников не удавалось достичь перевеса, бой мог закончиться перемирием, что часто и происходило. Однако, если одна из сторон выказывала слабость и покидала поле боя, то ее противник совершал молниеносный опустошительный набег, стремясь нанести врагу как можно больший ущерб: убивали женщин и детей, сжигали жилища, вырубали плодовые деревья и священные рощи, вытаптывали огороды и т. д. (Glasse, 1959; Rappaport, 1967; Vayda, 1971; Brown, 1973; Heider, 1970; Koch, 1974; Meggitt, 1977, и др.). В таком набеге участвовали обычно лишь несколько десятков воинов, однако его разрушительные последствия были не в пример выше, чем формального боя. Иногда набег представлял собой самостоятельное вооруженное действие с целью возмездия за обиды. Тогда воины тайно пробирались на территорию противника, ночью окружали жилище обидчиков, поджигали его и старались убить беглецов. Если же лазутчикам удавалось заранее узнать, где располагались лежанки врагов, то последних закалывали копьями через эфемерные стенки жилища (Meggitt, 1977. P. 74-76).

[156]

Описанные военные действия, включавшие иногда движение несколькими колоннами, обходные маневры, удары с фланга и тыла, заманивание противника в засаду и т. д., были типичны для папуасов западных районов, тогда как в восточных районах и в предгорьях формальные бои, если и случались, то крайне редко. Главной формой боевых действий там являлись внезапные набеги, причем их жертвами чаще всего оказывались незащищенные одинокие путники, нередко женщины (Berndt, 1962; Sorensen, 1976; Barth, 1975; Schieffelin, 1976; Brown, 1979; Morren, 1984).

Кое-где в восточных горах встречалось нечто среднее между формальным боем и набегом. Там противники заранее оповещали друг друга о враждебных намерениях, сходились на поле битвы и поджигали на нем сухую траву. При этом при ясной погоде огонь быстро распространялся и пожирал жилища обоих соперников. В пылу пожарища те старались нанести максимальный ущерб друг другу – убивали людей, грабили огороды, захватывали свиней и ценности (Fortune, 1947b. P. 108-109).

По мнению Д. Фейла, наличие более автарктичных групп на востоке и ведение там вооруженных действий почти исключительно в форме набегов делало войны там более кровопролитными и «тотальными» (Feil, 1987. P. 68-70). Вместе с тем, приводимая им статистика смертности (Feil, 1987. P. 71) не вполне с этим согласуется. Она свидетельствует лишь о том, что женская смертность от войн на западе была действительно значительно ниже, чем на востоке. А вот в мужской смертности сколько-нибудь серьезных различий не наблюдалось. Это и понятно с учетом различий в характере боевых действий, описанных выше. В целом же смертность от войн в горах Новой Гвинеи была достаточно высокой – 20-30% мужской смертности и 6-16% женской.

Характеру вооруженных действий и особенностям систем расселения в горах соответствовали и оборонительные сооружения. В восточных районах, где встречались компактные поселки, они нередко окружались частоколами, каменными стенами или иными оборонительными конструкциями. В западных районах, где люди жили хуторами, возводить такие сооружения не имело смысла. Там люди повышали

[157]

свою безопасность иными способами: чимбу строили мужские дома на возвышенных местах, откуда открывался широкий обзор; хули устраивали рвы на наиболее опасных участках границы; энга, наряду с такими рвами, делали густые посадки особых растений, окружали их острыми кольями, втыкали в землю острые побеги бамбука и снабжали мужские дома подземными ходами; а дани возводили на границах высокие наблюдательные вышки.

В целом вопрос о начале и плане боевых действий решался на общем собрании мужчин-сородичей, причем главную роль в этом играли старики, бигмены, а местами – и особые военные лидеры. Например, у арапеш в случае умыкания женщины инициатором мести был не ее муж, а военные лидеры и старики (Fortune, 1939. P. 29-30). Как убедительно показал П. Силлитоу, большое место в организации военных действий в горах Новой Гвинеи занимала деятельность бигменов. При этом в восточных районах военное искусство служило едва ли не главным критерием лидерства (Sillitoe, 1978; Шнирельман, 1985), тогда как на западе бигмены были в большей степени заинтересованы в организации престижных обменов и создании широкой социальной сети для этого. Поэтому в западных районах бигмены с большой неохотой соглашались на войну, сами в ней, как правило, не участво – вали, зато сплошь и рядом служили миротворцами (Feil, 1987). А кое-где например, у энга, имелись специальные военные лидеры, которые планировали боевые действия и руководили ими (Meggitt, 1977. P. 69). Во время боя бигмены старались находиться в тылу и по той причине, что они являлись предпочтительной мишенью для врагов. Ведь убийство бигмена способно было деморализовать его сторонников и обречь их на поражение (Brown, 1964. P. 350).

Как трактовать вооруженные столкновения в горных и предгорных районах Новой Гвинеи? Можно ли называть их войной? Мнения специалистов здесь расходятся. Р. Берндт, основываясь на организационно-структурном критерии (Schneider, 1950), и Дж. Моррен, исходящий из военно-технического критерия (Turney-High, 1949), считают возможным использовать для Новой Гвинеи понятие «война» (Berndt, 1962. P. 232; Morren, 1984. P. 195). А вот П. Браун,

[158]

также учитывавшая военно-технический критерий, категорически это отвергает (Brown, 1964. P. 348-349). Парадоксальность этой дискуссии заключается в том, что Берндт и Моррен изучали ситуацию у наиболее отсталых групп горных земледельцев, где вооруженные столкновения сводились к набегам, мало чем отличавшимся от тех, которые наблюдались у охотников за головами. Зато П. Браун анализировала материалы о папуасах западных горных районов, где, как мы видели, военное дело было несравненно более развитым. Учитывая изложенные выше факты, есть основание считать, что и по организационно-структурным, и по военно-техническим соображениям вооруженные действия в западных горных районах можно квалифицировать как войны (Meggitt, 1977), тогда как к восточным горным и предгорным обществам это определение вряд ли применимо.

Следовательно, этнографические данные из Новой Гвинеи свидетельствуют о том, что в случае, когда переход к земледелию совершался бродячими охотниками и собирателями, вооруженные действия приобретали характер войны далеко не сразу, а лишь в процессе интенсификации земледельческого хозяйства, роста объемов избыточного продукта и с развитием процесса классообразования. Эти войны обрели грабительский характер не с самого начала, ибо на первых порах имелись идеологические препятствия к захвату вражеского имущества. Когда победители все же решились на это, грабежу подверглись прежде всего престижные ценности (украшения, раковинные деньги и пр.), а затем и домашние животные (свиньи), принадлежавшие врагу. Позднее начался захват земли, хотя он являлся сперва не самоцелью, а лишь попутным следствием войны.

По мере развития военного дела усложнялись и совершенствовались миротворческие процедуры и церемонии. В восточных горных районах, где господствовал принцип «око за око», трудно было заключить какой-либо мир до завершения мести и приведения потерь к определенному балансу. Зато по мере продвижения на запад общественное богатство нарастало и все большую роль в восстановлении мира играли компенсации за ущерб. Интересно, что компенсации выплачивались прежде всего союзникам, причем на востоке –

за сам факт участия в вооруженных действиях, а не за понесенные потери. На западе же союзники требовали выплат прежде всего за понесенный ущерб. Неукоснительному выполнению этих требований придавалось огромное значение, ибо в противном случае должник неизбежно подвергался нападению со стороны бывших союзников (Berndt, 1964. P. 96; Brown, 1964. P. 351).

Ответственными за войну считались инициатор конфликта и его сородичи. Им-то и приходилось брать на себя все материальные расходы по выплатам компенсаций (Glasse, 1959. P. 286; Koch, 1974. P. 81). А выплаты эти, в особенности, в наиболее богатых обществах были весьма велики. Так, у хули одно убийство оценивалось в 30-150 свиней. Смысл этих цифр становится понятным, если учесть, что мужчины среднего достатка имели там в среднем по 10 свиней и лишь богачи – до 100 свиней и более. Компенсация у хули всегда была в два-три раза выше нанесенного ущерба, и ее выплата была под силу лишь достаточно крупной группе сородичей. Платили прежде всего союзникам и реже – врагу. При этом лидеры-бигмены иной раз добровольно стремились к особенно высоким выплатам, поднимая тем самым свой престиж (Glasse, 1959).

Так как эти выплаты тяжелым бременем ложились на группу, то, как не без основания полагают некоторые авторы, они служили определенным регулятором военной активности, сдерживая ее, в особенности, в западных горах (Berndt, 1964. P. 203; Fell, 1987. P. 81; Glasse, 1959. P. 288-289). Другим механизмом торможения войны на западе служило развитие систем престижного обмена. Если, как уже отмечалось, вооруженные столкновения иной раз использовались лидерами для своего социального продвижения (Sillitoe, 1978), то на западе престижный обмен представлялся бигменам более безопасным путем к этому. И нередко бигмены там пытались склонить людей к участию в мирном обмене и отговаривали их от войн (Berndt, 1964. P. 94; Strathern, 1971. P. 53-54; Feil, 1987. P. 81-82). Таким образом, на западе возникло определенное разграничение функций: военной активностью ведали особые военные лидеры, а миротворчеством занимались, прежде всего, бигмены. Для этого у последних

имелись следующие важные предпосылки: во-первых, высокий авторитет; во-вторых, широкие социальные связи, в частности, в силу многоженства; в-третьих, большие богатства, необходимые как для выплаты компенсаций, так и для устройства мирных церемоний (Strathern, 1971. P. 78).

В целом же в горных и предгорных районах миротворцами или парламентариями чаще всего служили нейтралы, связанные с воюющими сторонами родством или брачными отношениями (Rapaport, 1967. P. 110-111; Berndt, 1964. P. 198; Brown, 1964. P. 353; Meggitt, 1977. P. 113 ff.). Их роль была особенно велика при подготовке мирных переговоров, так как они собирали информацию о взаимных притязаниях враждующих сторон, договаривались об условиях перемирия, уговаривали противников умерить гнев и пойти на уступки и т. д. В тех обществах, где военная угроза не распространялась на женщин, последние брали эту роль на себя (Aitchison, 1936; Koch, 1974. P. 83).

Мирные церемонии организовывались, как правило, после уплаты компенсаций: на востоке они были проще (Aitchison, 1936; Berndt, 1962. P. 235-236), на западе – сложнее (Meggitt, 1977. P. 113 ff.). Повсюду они сводились к совместному приему пищи, клятвам о вечном мире, посадкам священных растений и нередко сопровождалась заключением межгрупповых браков. Во многих случаях после них побежденным разрешалось или даже предлагалось вернуться на свои прежние земли. Однако если захват земли служил целью нападения, то о возвращении беженцев не могло быть и речи (Brown, 1973. P. 62).

[161]

ЛИТЕРАТУРА

- Антропова в. В. 1957.* Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Северо-востока Сибири // Сибирский этнографический сборник, Т. 2. М. – Л.
- Алекшин В. А. 1986.* Социальная структура и погребальный обряд древне-земледельческих обществ. Л.
- Велик АЛ – 1989.* Отологические исследования в этнологии (Англия, ФРГ, США) // СЭ. № 3.
- Бунак в. В. 1980.* Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. М.
- Бутовская М. Л. 1989.* Явления инфантицида и каннибализма у приматов (критический анализ современных подходов) // Этнография, антропология и смежные дисциплины: соотношение предмета и методов. М.
- Вдовин И. С. 1965.* Очерки истории и этнографии чукчей. М. -Л.
- Грач А. Д. 1980.* Древние кочевники в центре Азии. М.
- Гурвич И. С. 1966.* Этническая история северо-востока Сибири. М.
- Даниленко В. Н. 1955.* Волошский эпипалеолитический могильник // СЭ. № 3.
- Дарвин Ч. 1953.* Происхождение человека и половой отбор // Ч. Дарвин. Соч. . Т. 5. М.
- Иванова Л. А. 1980.* Охота за головами у маринд-аним и время ее возникновения // Символика культов и ритуалов народов Зарубежной Азии. М.
- Косвен М. О. 1953.* Очерки истории первобытной культуры. М.
- Крашенинников С.П. 1949.* Описание земли Камчатки. М.
- Лавров Л.И. 1969.* О первобытных войнах // Ленинградское отд. ИЭ АН СССР. Тезисы докладов годичной научной сессии 1969 г. Л.
- Липе Ю. 1954.* Происхождение вещей. М.
- Локвуд Д. 1971.* Я – абориген. М.
- Лоренц К., 1969.* – Эволюция ритуала в биологической и культурной сферах // Природа. № 11.
- Мэн Г. С. 1876.* Древнейшая история учреждений. СПб.
- Першиц А.Л. 1986.* Война // Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М.
- Разин С.Л. 1955.* История военного искусства. Т. I. М.
- Роуз Ф. 1989.* Аборигены Австралии: традиционное общество. М.
- Саполски Р. М. 1990.* Стресс в природе // В мире науки. № 3.
- Семенов ЮМ. 1966.* Как возникло человечество. М.
- Семенов Ю. И. 1989.* На заре человеческой истории. М.
- Спенсер Г. 1876-1898.* Основания социологии. Т. 1-2. СПб.
- Стеллер Г. В. 1927.* Из Камчатки в Америку. Л.,
- Тих Н.А. 1970.* Предыстория общества. Л.
- Тишков В.А., Шнирельман В.А. 1990.* Человек и общество глазами современных этнологов и антропологов. М.

- Тэйлор Э. Б. 1908.* Антропология. СПб.
- Файнберг Л. А. 1964.* Общественный строй эскимосов и алеутов. М.
- Философия и военная история. 1979.* М.
- [162]
- Фридман Э. П. 1979.* Приматы. М.
- Чеснов Я. В. 1976.* Историческая этнография стран Индокитая. М.
- Шнирельман В. Л. 1980.* Происхождение скотоводства. М.
- Шнирельман В. Л. 1982а.* Протоэтнос охотников и собирателей // *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе.* М.
- Шнирельман В. Л. 1982б.* Проблема доклассового и раннеклассового этноса в зарубежной этнографии // *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе.* М.
- Шнирельман В. Л. 1983.* Собиратели саго // *Вопросы истории.* № 11.
- Шнирельман В. Л. 1985.* Классообразование и дифференциация культуры // *Этнографические исследования развития культуры.* М.
- Шнирельман В. Л. 1986а.* Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов и собирателей // *История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины.* М.
- Шнирельман В. Л. 1986б.* Демографические и этнокультурные процессы эпохи первобытной родовой общины // *История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины.* М.
- Шнирельман В. Л. 1988.* Производственные предпосылки разложения первобытного общества // *История первобытного общества. Эпоха классообразования.* М.
- Шнирельман В. Л. 1990.* Полевые данные об азиатских эскимосах.
- Шнирельман В. Л. 1991.* Полевые данные о тлингитах Аляски.
- Шнирельман В. Л. 1992.* Война и мир в традиционных обществах. М.
- Шнирельман В. Л. Рыболовы Камчатки // Ранние формы социальной стратификации.* М.
- Штернберг Л. Я. 1905.* Гиляки // *Этнографическое обозрение.* Кн. 60, 61, 63.
- Штернберг Л. Я. 1908.* Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора. СПб.
- Aitchison T. G. 1936.* Peace Ceremony as Performed by the Natives of the Ramu Headwaters, Central New Guinea // *Oceania.* V. 6. № 4.
- Albert B. 1989.* On Yanomami « Violence»: Inclusive Fitness or Ethnographer's Representation? // *CA.* V. 30. № 5.
- Albert B. 1990.* On Yanomami Warfare: Rejoinder // *CA.* V. 31. №5.
- Alland A. 1972.* The Human Imperative. New York.
- Andreski S. 1964.* Origins of War // *The Natural History of Aggression.* New York.
- Ardrey R. 1961.* African Genesis. New York.
- Ardrey R. 1966.* The Territorial Imperative. New York.
- Ardrey R. 1970.* The Social Contract: a Personal Inquiry into the Evolutionary Sources of Order and Disorder. New York.
- Ardrey R. 1976.* The Hunting Hypothesis: a Personal Conclusion Concerning the Evolutionary Nature of Man. New York.

- Arens W.* 1979. *The Man-eating Myth: Anthropology and Anthropophagy.* New York.
- Aurenche O.* 1981. *La Maison Oriental. L'architecture du Proche Orient Ancien des Origines au Milieu du Quatrieme Millenaire. T. I.* Paris.
- Balee W.* 1988. *The Ka'apor Indian Wars of Lower Amazonia, ca. 1825-1928 // Dialectics and Gender.* Boulder.
- Barth F.* 1975. *Ritual and Knowledge among the Baktaman of New Guinea.* Oslo.
- Barton R.P.* 1930. *Hunting Soul-stuff; the Motive Behind Headtaking as Practiced by Ifugaos of the Philippines // Asia. V. 30. № 3.*
- Bar-Yosef O.* 1986. *The Walls of Jericho: an Alternative Interpretation // CA. V. 27. № 2.*
- Basedow H.* 1925. *The Australian Aboriginal.* Adelaide.
- Basso E. B.* 1978. *The Enemy of Every Tribe: «Bushman» Images in Northern Athapaskan Narratives // AE. V. 5.*
- Bean L.J.* 1974. *Social Organization in Native California // Antap. California Indian Political and Economic Organization.* Ramona.
- Bean L.J., Theodoratus D.* 1978. *Western Porno and Northeastern Porno // HNAIC. V. 8.*
- Beckerman S.* 1979. *The Abundance of Protein in Amazonia: a Reply to Gross // AA. V. 81. № 3.*
- Behrens H. W.* 1978. *Der Kampf in der Steinzeit // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Bd. 108.*
- Berndt C.H.* 1978. *In Aboriginal Australia // Learning Non-aggression* New York.
- Berndt R.M.* 1962. *Excess and Restraint.* Chicago.
- Berndt R.M.* 1964. *Warfare in the New Guinea Highlands // AAV. 66. № 4. Pt. 2.*
- Berndt R.M., Berndt C.H.* 1968. *The World of the First Australians.* Sydney.
- Berndt R.M., Berndt C.H.* 1970. *Man, Land and Myth in North Australia.* East Lansing.
- Bigelow R.* 1969. *The Dawn Warriors. Man's Evolution Toward Peace.* Boston.
- Bigelow R.* 1971. *Relevance of Ethology to Human Aggression // International Social Science Journal. V. 23. № 1.* Paris.
- Biolsi T.* 1984. *Ecological and Cultural Factors in Plain Indian Warfare // WCE.*
- Blainey G.* 1976. *Triumph of the Nomads.* London.
- Blick J. P.* 1988. *Genocidal Warfare in Tribal Societies as a Result of European-induced Culture Conflict // Man. V. 23. № 3.*
- Boos F.,* 1888. – *The Central Eskimo // Sixth Annual Report of the Bureau of Ethnology 1884-1885.* Washington.
- Boas F.* 1966. *Kwakiutl Ethnography.* Chicago.
- Borgia G.* 1980. *Human Aggression as a Biological Adaptation // The Evolution of Human Social Behavior.* New York.
- Brady I.* 1982. *The Myth-eating Man // AA. V. 84. № 3.*

- Brain C. K. 1975. An Introduction to the South African Australopithecine Bone Accumulations // Archaeozoological Studies. Amsterdam.*
- Broch T., Galtung J. 1966. Belligerence among the Primitives // Journal of Peace Research. V. 3. № 1.*
- Brown D.J. 1979. The structuring of Polopa Feasting and Warfare // Man. V. 14. № 4.*
- Brown P. 1964. Enemies and Affines // Ethnology. V. 3. № 4.*
- Brown P. 1973. The Chimbu. London.*
- Brown P. 1978. Highland Peoples of New Guinea. Cambridge.*
- Brown P., Schuster I. 1986. Introduction: Culture and Aggression // AQ. V. 59 № 4.*
- Bukowski 2. 1971-1972. Studies on the Oldest Shields in Europe // Archeologia. Wroclaw. T. 22.*
- Burch E. 1974. Eskimo Warfare in Northwest Alaska // Anthropological Papers of the University of Alaska. V. 16. № 2.*
- Burch E. 1980. Traditional Eskimo Societies in Northwest Alaska // Alaska Native Culture and History. Osaka.*
- Burch E., Corrdl Th. C. 1972. Alliance and Conflict: Inter-regional Relations in North Alaska // Alliance in Eskimo Society. Seattle.*
- Burgass C. et. ah, ed. 1988. Enclosures and Defence in the Neolithic of Western Europe. Oxford.*
- Bygott J. G. 1972. Cannibalism among Wild Chimpanzees // Nature. V. 238. № 5364.*
- Campbell, C. 1986. Images of War: a Problem in San Rock Art // World Archaeology. V. 18. № 2., :*
- Carneiro R.L. 1978. A Theory of the Origin of the State // Science. V. 169. № 3947.*
- Carneiro R.L. 1978. Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion // Origins of the State. Philadelphia.*
- Carneiro R. L. 1981. The Chieftdom: Precursor of the State // The Transition to Statehood in the New World. Cambridge.*
- Cashdan E. 1983. Territory among Human Foragers: Ecological Models and an Application to Four Bushman Groups // CA. V. 24. № 1.*
- Cawed C 1965. The Culture of the Bontoc Igorots. Tucson.*
- Chagnon N.A. 1968a. Yanomamo. The Fierce People. New York.*
- Chagnon N.A. 1968b. Yanomamo Social Organization and Warfare // WAACA.*
- Chagnon N.A. 1974. Studing the Yanomamo. New York.*
- Chagnon N.A. 1979. Is Reproductive Success Equal in Egalitarian Societies? // Evolutionary Biology and Human Social Behavior. North Scituate.*
- Chagnon N.A. 1988. Life Histories, Blood Revenge, and Warfare in a Tribal Population // Science. V. 239. № 4843.*
- Chagnon N.A., Flinn M. V., Melancon T. F. 1979. Sex-ratio Variation among the Yanomamo Indians // Evolutionary Biology and Human Social Behavior. North Scituate.*
- Chagnon N.A., Hames R. B. 1979. Protein Deficiency and Tribal Warfare in Amazonia: New Data // Science. V. 203. № 4383.*

- Chaseling W.C. 1957.* Julengor, Nomades of Arnhem Land. London.
- Childe V. G. 1941.* War in Prehistoric Societies // *The Sociological Review*. V. 33. № 3-4.
- Coblentz S.A. 1953.* From Arrow to Atom Bomb: the Psychological History of War. New York.
- Codere H. 1950.* Fighting with Property. A Study of Kwakiutl Potlaching and Warfare 1792-1930. New York.
- Cohen R. 1984.* Warfare and State Formation: Wars Make States and States Make Wars // WAACA.
- Collison W. H. 1915.* In the Wake of the War Canoe. London.
- Connah G. 1981.* Three Thousand Years in Africa: Man and His, Environment in Lake Chad Region in Nigeria. Cambridge.
- Cook J. M. 1975.* In Defence of Homo Sapience. New York.
- Crook J. 1968,* The Nature and Function of Territorial Aggression // *Man and Aggression*. New York.
- Darlington H. S. 1939.* The Meaning of Head-hunting. An Analysis of a Savage Practice and its Relationships to Paranoia // *The Psychoanalytic Review*. V. 26. № 1.
- de Laguna F. 1972.* Under Mount St. Elias: the History and Culture of the Yakutat Tlingit. Pt. 1-2. Washington.
- de Waal F. B. M. 1989.* Peacemaking among Primates. Cambridge.
- Dentan R. K. 1978.* Notes on Childhood in a Nonviolent Context: the Semai Case // *Learning Non-aggression*. New York.
- Diamond S. 1968.* War and the Dissociated Personality // WAACA.
- Divale W. T. 1972.* Systemic Population Control in the Middle and Upper Paleolithic: Inferences Based on Contemporary Hunter-gatherers // *WA* V. 4. № 2.
- Divale W. T. 1973.* Warfare in Primitive Societies. A Bibliography. Santa Barbara.
- Divale W. T., Harris M. 1976.* Population, Warfare, and the Male Supremacist Complex // *AA*. V. 78. № 3.
- Dollard J., Miller N., Doob L., Mowrer O.H., Sears R. 1939.* Frustration and Aggression. New Haven.
- Donald L. 1984.* The Slave Trade on the Northwest Coast of North America // *Research in Economic Anthropology*. V. 6.
- Donald L. 1987.* Slave Raiding on the North Pacific Coast // *Native People, Native Lands*. Ottawa.
- Dornstreich M. D., Morren E. B. 1974.* Does New Guinea Cannibalism Have Nutritional Value? // *Human Ecology*. V. 2. № 1.
- Dozier E. 1966.* Mountain Arbiters. Tucson.
- Dredge J. 1845.* Brief Notices of the Aborigines of New South Wales. Geelong.
- Drucker Ph. 1951.* The Northern and Central Nootkan Tribes. Washington.
- Drucker Ph. 1965.* Cultures of the North Pacific Coast. San Francisco.
- DuBois C. 1936.* The Wealth Concept as an Integrative Factor in Tolowa-Tututni Culture // *Essays in Anthropology*. Berkeley.

- Durbin E.F.M., Bowfoxy J. 1964. Personal Aggressiveness and War // WSPSA.*
- Durham W. 1976. Resources, Competition and Human Aggression, pt. I: a Review of Primitive Warfare // The Quarterly Review of Biology. V. 51. № 3.*
- Dyson-Hudson R., Smith E. 1978. Human Territoriality: an Ecological Reassessment // AA. V. 80. № 1.*
- Eibl-Eibesfeldt I. 1963. Aggressive Behavior and Ritualized Fighting in Animals // Violence and War with Clinical Studies. New York.*
- Eibl-Eibesfeldt I. 1974. The Myth of the Aggressive-free Hunter and Gatherer Society // Primate Aggression, Territoriality and Xenophobia: a Comparative Perspective. New York.*
- Eibl-Eibesfeldt I. 1975. Aggression in the Ko-Bushman // WCC.*
- Eibl-Eibesfeldt L 1977. The Evolution of Destructive Aggression // Aggressive Behavior. V. 3. № 2.*
- Eibl-Eibesfeldt I. 1979. Ritual and Ritualization from Biological Perspective // Human Ethology. Claims and Limits of a New Discipline. Cambridge.*
- Eibl-Eibesfeldt I. 1989, Human Ethology. New York.*
- Elliot-Smith G, 1929. Human History. New York.*
- Ellis H. 1919. The Origin of War // H.J. Ellis. The Philosophy of Conflict, and other Essays in Wartime. Boston.*
- Elsasser A. B. 1978. Wiyot // HNAIC.*
- Ember C.R. 1978. Myths about Hunter-gatherers // Ethnology. V. 17. № 4.*
- Ember M. 1982. Statistical Evidence for an Ecological Explanation of Warfare // A.A. V. 84. № 3.*
- Erikson E. H. 1966. Ontogeny of Ritualization in Man // Philosophical Transactions of the Royal Society. Series B. № 772. V. 251. London.*
- Eysenck H.J., 1950. War and Aggression: a Survey of Social Attitude Studies // Psychological Factors of Peace and War. London.*
- Fabbro D. 1978. Peaceful Societies: an Introduction // Journal of Peace Research. V. 15. № 1.*
- Faihauer G. H. 1954. The Structure and Causation of Mohave Warfare // SWJA. V. 10. № 1.*
- Feil D. K. 1987. The Evolution of Highland Papua New Guinea societies. New York.*
- Ferguson R.B. 1983. Warfare and Redistributive Exchange on the Northwest Coast // The Development of Political Organization in Native North America. Washington.*
- Ferguson R.B. 1984a. Introduction: Studing War // WCE.*
- Ferguson R.B. 1984b. A Reexamination of the Causes of Northwest Coast Warfare // WCE.*
- Ferguson R.B. 1988. The Anthropology of War. A Bibliography. New York.*
- Ferguson R. B. 1989. Game Wars? Ecology and Conflict in Amazonia // JAR. V. 45. № 2.*
- Ferguson R. B. 1990. Blood of the Leviathan: Western Contact and Warfare in Amazonia // AE. V. 17. № 2.*
- Ferrill A. 1985. The Origins of War. London.*

- Fison L., Howitt A. W. 1880. Kamilaroi and Kurnai. Melbourne.*
- Fladmark K. R. 1986. British Columbia Prehistory. Ottawa.*
- Flinn L., Turner II Ch. G., Brew A. 1976. Additional Evidence for Cannibalism in the Southwest: the Case of LA 4528 // AAn. V. 41. № 3.*
- Fortune R. F. 1939. Arapesh Warfare // AA. V. 41. № 1.*
- Fortune R. F. 1947a. Law and Force in Papuan Societies // AA. V. 49. № 2.*
- Fortune R. F. 1947b. The Rules of Relationship Behavior in One Variety of Primitive Warfare // Man. V. 47. № 115.*
- Fox R. 1975. Primate Kin and Human Kinship // Biosocial Anthropology. London.*
- Freeman J. D. 1964. Human Aggression in Anthropological Perspective // The Natural History of Aggression. London.*
- Freeman J. D. 1979. Severed Heads that Germinate // Fantasy and Symbol. London.*
- Freud S. 1964. Why war // WSPSA.*
- Fried M. H. 1961. Warfare, Military Organization, and the Evolution of Society // Anthropologica. V. 3. № 2. Fried M. H. 1967. The Evolution of Political Society: an Essay in Political Anthropology. New York.*
- Garcia L., Perello E. R., eds. 1964. Prehistoric Art of the Western Mediterranean and the Sahara. New York.*
- Gardner P. M. 1969. Paliyah Social Structure // Contributions to Anthropology: Band Societies. Ottawa.*
- Garrighar S. 1968. War is not in Our Genes // Man and Aggression. New York.*
- Garth Th. R. 1976. Emphasis on Industriousness among the Atsugewi // Native Californians. A Theoretical retrospective. Socorro.*
- Garth Th. R. 1978. Atsugewi // HNAIC.*
- Gason S. 1874. The Dieyerie Tribe of Australian Aborigines. Adelaide.*
- Gayton A. H. 1976. Yokuts-Mono Chiefs and Shamans // Native Californians: a Theoretical Perspective. Socorro.*
- Glasse R. M. 1959. Revenge and Redress among the Huli: a Preliminary Account // Mankind. V. 5. № 7.*
- Gluckman M. 1955. Custom and Conflict in Africa. Oxford.*
- Godelier M. 1979. Territory and Property in Primitive Society // Human Ethology. Claims and Limits of a New Discipline. Cambridge.*
- Goldschmidt W. 1978. Nomlaki // HNAIC.*
- Goldschmidt W., Foster G., Essene F. 1939. War Stories from Two Enemy Tribes // The Journal of American Folk-Lore. V. 52. № 204.*
- Goodall J. 1986. The Chimpanzees of Gombe: Patterns of Behavior. Cambridge.*
- Gorer G. 1968. Man Has no «Killer» Instinct // Man and Aggression. New York.*
- Gould R.A. 1966. The Wealth Quest among the Tolowa Indians of Northwestern California // Proceedings of the American Philosophical Society. V. 110. № 1.*
- Graham E. E. 1975. Yuman Warfare: an Analysis of Ecological Factors from Ethnohistorical Sources // WCC.*

- Gramly R. M. 1977. Deerskins and Hunting Territories: Competitions for a Scarce Resource of the Northeastern Woodlands // AAn. V. 42. № 4. Gross D. R. 1975. Protein Capture and Cultural Development in the Amazon Basin // AA. V. 77. № 3.*
- Haddon A. C. 1891. The Ingeri Head Hunters of New Guinea // Internationales Archiv fur Ethnographie. Bd. 4.*
- Hadlock W.S. 1947. War among the Northeastern Woodland Indians // AA. V. 49. № 2.*
- Hallpike C.R. 1973. Functionalistic Interpretations of Primitive Warfare // Man. V. 8. № 3.*
- Hamnbly W.D., 1931. The Preservation of Local Types of Weapons and other Objects in Western Australia // AA. V. 33. № 1.*
- Hamburg D.M. 1968. Discussion: Primate Behavior and the Evolution of Aggression // Man the Hunter. Chicago.*
- Hamperl H., Laughlin W. S. 1959. Osteological Consequences of Scalping // Human Biology. V. 31. № 1.*
- Harrier M.J. 1962. Jivaro Souls // AA. V. 64. № 2.*
- Harris M. 1979, The Yanomamo and the Causes of War in Band and Village Societies // Brazil. Anthropological Perspectives. New York.*
- Harris M. 1984. Animal Capture and Yanomamo Warfare. Retrospect and New Evidence // JAR. V, 40. №1.*
- Hart C.W.M., Pitting A. R. 1960. The Tiwi of North Australia. New York.*
- Heider K. G. 1970. The Dugum Dani. New York.*
- Held G.J. 1957. The Papuans of Waroepan. The Hague.*
- Hennigh L. 1972. You Have to Be a Good Lawyer to Be an Eskimo // Alliance in Eskimo Society. Seattle.*
- Hinde R.A. 1971. The Nature and Control of Aggressive Behavior // International Social Science Journal. V. 23. № 1.*
- Hobhause L. T. 1956. The Simplest Peoples. Pt. 2: Peace and Order Among the Simplest Peoples // British Journal of Sociology. V. 7. № 2.*
- Hocart A.M. 1931. Warfare in Eddystone of the Solomon Islands // JRAI. V. 61. July-december.*
- Hrdy S.B. 1977. Infanticide as a Primate Reproductive Strategy // American Scientist. V. 65. № 1.*
- Hutton J.H. 1928. The Significance of Head-hunting in Assam // JRAI. V. 58.*
- Hutton J.H. 1930. Head Hunting // Man in India. V. 10. № 4.*
- James W. 1964. The Moral Equivalent of War // WSPSA.*
- Jarvenpa R. 1982. Symbolism and Inter-ethnic Relations Among Hunter-gatherers: Chipewyan Conflict Lore // Anthropologica. V. 24. № 1.*
- Kaberry Ph. M. 1973. Political Organization among the Northern Abelam // Politics in New Guinea. Washington.*
- Kelly R.C. 1968. Demographic Pressure and Descent Group Structure in the New Guinea Highlands // Oceania. V. 39. № 1.*
- Kende I. 1986. Terrorism, Wars, Nuclear Holocaust // International Social Science Journal. № 110. Kennedy J. 1971. Ritual and Intergroup Murder:*

Comments on War, Primitive and Modern // War and the Human Race. New York.

Kenyon K.M. 1957. Digging up Jericho. London.

Kenyan K.M. 1960. Archaeology in the Holy Land. London. *King V. T.* 1976. Migration, Warfare, and Cultural Contact in Borneo: a Critique of Ecological Analysis // *Oceania*. V. 46. № 4.

Kluckhohn C 1949. Mirror for Man. New York.

Koch K.-F. 1974. War and Peace in Jalemo. Cambridge.

Kutash S.B., 1978. Psychoanalytic Theories of Aggression // Violence: Perspectives on Murder and Aggression. San Francisco.

Kyerematen AA. Y. 1964. Panoply of Ghana. London.

LaBarre W. 1984. Muelos: a Stone Age Superstition About Sexuality. New York.

Langness L.L. 1973. Bena Bena Political Organization // Politics in New Guinea. Washington.

Lawick-Gooda U.J. van. 1971, Some Aspects of Aggressive Behavior in a Group of Free-living Chimpanzees // *International Social Science Journal*. V. 23. № 1.

Leakey R., Lewin R. 1977. Origins. New York.

Lee R. B. 1979. The Kung San: Men, Women and Work in a Foraging Society. New York.

Leeds A. 1963. The Functions of War // Violence and War with Clinical Studies. New York.

Legros D. 1982. Reflexions sur l'origine des Inegalites Sociales a Partir du cas des Athapaskan Tutchone // *Culture V*, 2. № 3.

Lesser A. 1968. War and the State // WAACA.

LeVine R.A. 1961. Anthropology and the Study of Conflict: introduction // *The Journal of Conflict Resolution*. V. 5. № 1.

LeVine R.A. Campbell D. T. 1972. Ethnocentrism: Theories of Conflict, Ethnic Attitudes and Group Behavior. New York.

Lewis H.S. 1981. Warfare and the Origin of the State: Another Formulation // *The Study of the State*. The Hague.

Lieberman K. 1985. Understanding Interaction in Central Australia. London.

Livingstone F.B. 1968. The Effects of Warfare on the Biology of the Human Species // WAACA.

Lizot J. 1977. Population, Resources and Warfare Among the Yanomami // *Man* V. 12. № 3-4.

Lorenz K. 1969. On Aggression. New York.

Lumholtz C. 1889. Among Cannibals: Account of Four Years Travels in Australia. London.

Malaurie J. 1974. Raids et Esclavage Dans les Societes Autochtones du Detroit de Bering // *Inter-Nord*. № 13-14.

Malinowski B. 1941. An Anthropological Analysis of War // *American Journal of Sociology*. V. 46. № 4.

Mansfield S. 1982. The Gestalt of War: an Inquiry into Its Origins and Meanings as a Social Institution. New York.

Marett R. R. 1920. Psychology and Folklore. London.

- McCarthy F. D.* 1959. Head-hunting of Oceania // The Australian Museum Magazine. V. 13. № 3.
- McClellan C.* 1975. Feuding and Warfare among Northwestern Athapaskan // Proceedings of the Northern Athapaskan Conference, 1971, Ottawa. V. 1.
- McCvrkle Th.* 1978. Intergroup Conflict // HNAIC,
- McDougall W.* 1964. The Instinct of Pugnacity // WSPSA.
- McKinnon J.* 1975. Tomahawks, Turtles and Traders // Oceania. V. 45. № 4.
- McKnight D.* 1982. Conflict, Healing and Singing in an Australian Aboriginal Community // Anthropos. Bd. 77. № 3-4.
- McLendon S., Oswalt R. L.* 1978. Porno: Introduction // HNAIC.
- McMillan A. D.* 1980-1981. Archaeological Research in Nootka Territory: Barkley Sound to the Alberni Valley // Fragments of the Past. British Columbia Archaeology in the 1970s. Vancouver.
- Mead M.* 1963. Violence in the Perspective of Culture History // Violence and War with Clinical Studies. New York.
- Mead M.* 1964. Warfare is Only an Invention – not a biological Necessity // WSPSA.
- Mead M.* 1968. Alternatives to War // WAACA.
- Meggitt M.J.* 1962. Desert People. Sydney.
- Meggitt M.J.* 1977. Blood is Their Argument. Palo Alto.
- Metraux A.* 1949. Warfare, Cannibalism and Human Trophies // HSAI. V. 5.
- Mitchell D.M.* 1984. Predatory Warfare, Social Status and the North Pacific slave trade // Ethnology. V, 23. № 1.
- Mitchell D. H.* 1985. A Demographic Profile of Northwest Coast Slavery // Status, Structure and Stratification. Calgary.
- Mitchell D. and Donald L.* 1985. Some Economic Aspects of Tlingit, Haida, and Tsimshian Slavery // Research in Economic Anthropology. V. 7.
- Montagu M.F.A.* 1964. Man's most Dangerous myth: the Falacy of Race. Cleveland.
- Montagu M.F.A., ed.* 1968. Man and Aggression. New York.
- Montagu M.F.A.* 1976. The Nature of Human Aggression. New York.
- Montagu M.F.A., ed.* 1978. Learning Non-aggression. New York.
- Moore J.H.* 1990. The Reproductive Success of Cheyenne War Chiefs: a Contrary Case to Chagnon's Yanomamo // CA. V. 31. № 3.
- Morey R., Marwit J.* 1975. Ecology, Economy and Warfare in Lowland South America // WCC.
- Morren G.* 1984. Warfare in the Highland Fringe of New Guinea: the case of the Mountain Ok // WCE.
- Muller-Karpe H.* 1968. Handbuch der Vorgeschichte. Munchen. Bd. 2.
- Murphy R.F.* 1957. Intergroup Hostility and Social Cohesion // AA V. 59. № 6.
- Murphy R.F.* 1960. Headhunter's Heritage. Berkeley.
- Myers F. R.* 1979. Emotions and the Self // Ethos. V. 7.
- Myers F. R.* 1988. The Logic and Meaning of Anger Among Pintupi Aborigines // Man. V. 23. № 4.
- Mytinger C.* 1947. New Guinea headhunting. New York.

- Nash G. B. 1982. Red, White and Black. The Peoples of Early America. Englewood Cliffs.*
- Needham R. 1976. Skulls and Causality // Man. V. 11. № 1.*
- Nelson E. W. 1899. The Eskimo about Bering Strait // Eighteenth Annual Report of the Bureau of American Ethnology 1896-1897. Washington.*
- Netting R. McC. 1974. Functions of War // Man, v. 9, N 3.*
- Nettleship M. 1975. Definitions // WCC.*
- Newcomb W. W. 1950. A Re-examination of the Causes of Plain Warfare // AA. V. 52. № 3.*
- Newcomb W. W. 1960. Toward an Understanding of War // Essays in the Science of Culture. New York.*
- Nicalaisen J. 1974-1975. The Negritos of Casiguran Bay // Folk. V. 16-17.*
- Oberg K. 1934. Crime and Punishment in Tlingit Society // A.A. V. 36. № 2.*
- Oberg K. 1973. The Social Economy of the Tlingit Indians. Seattle.*
- O'Conne U.R. 1989. Arms and Men: a History of War, Weapons and Aggression. New York.*
- Olson R. L. 1967. Social Structure and Social Life of the Tlingit in Alaska. Berkeley.*
- Otterbein K.F. 1968. Internal War: a Cross-cultural Study // A.A. V. 70. № 2.*
- Otterbein K.F. 1970. The Evolution of War: a Cross-cultural Study. New Haven.*
- Paid R. 1978. Instinctive Aggression in Man: the Semai Case // Journal of Psychological Anthropology. V. 1. № 1.*
- Pear T. H. 1950. Peace, War and Culture-patterns // Psychological Factors of Peace and War. London. Perry W.J. 1923. Children of the Sun. London.*
- Pilling A. R. 1968a. Discussion: territorial Boundaries // Man the Hunter. Chicago.*
- Pilling A. R. 1968b. Southeastern Australia: Level of Social Organization // Man the Hunter. Chicago.*
- Prouhc D.A. 1971. Headhunting in Ancient Peru // Archaeology. V. 24. № 1.*
- Radcliffe-Brown A. R. 1922. The Andaman Islanders. London.*
- Rappaport R.A. 1967. Pigs for the Ancestors. New Haven.*
- Read K.E. 1954. Cultures of the Central Highlands, New Guinea // SWJA. V. 10. № 1.*
- Reay M. 1959, The Kuma. Carlton.*
- Riches D. 1987. Violence, Peace, and War in «Early» Human Society: the Case of the Eskimo // The Sociology of War and Peace. London.*
- Robarchek C.A. 1980. The Image of Nonviolence: World View of the Semai Senoi // Journal of the Federated States Museums. V. 25.*
- Robarchek C.A. 1986. Helplessness, Fearfulness, and Peacefulness: the Emotional and Motivational Contexts of Semai social Relations // AQ. V. 59. № 4.*
- Robarchek C.A. 1989. Primitive Warfare and the Ratomorphic Image of Mankind // AA. V. 91.*

- Robarchek CA., Dentan R. K. 1987. Blood Drunkenness and the Blood-thirsty Semai: Unmaking Another Anthropological Myth // AA. V. 89. № 2.*
- Roper M. K. 1969. A Survey of the evidence for Intrahuman Killing in the Pleistocene // CA. V. 10. № 4. Pt. 2.*
- Rosaldo M. Z., Atkinson J. M. 1975. Man the Hunter and Woman: Metaphors for the Sexes in Ilongot Magical Spells // The Interpretation of Symbolism. London.*
- Ross J. B. 1980. Ecology and the Problem of Tribe: a Critique of the Hobbesian Model for preindustrial Warfare // Beyond the Myths of Culture. New York.*
- Ross J. B. 1984. Effects of Contact on Revenge Hostilities Among the Achuara Jivaro // WCE.*
- Ross E., Ross J. B. 1980. Amazon Warfare // Science. V. 207. № 4431.*
- Schieffelin EX,. 1976. The Sorrow of the Lonely and the Burning of the Dancers. New York.*
- Schmidbauer W, 1973. Territorialitat und Aggression bei Jagern und Sammlern // Anthropos. Bd. 68. № 3-4.*
- Schmitthenner P. 1930. Krieg und Kriegfuhrung im Wandel der Weltgeschichte. Leipzig.*
- Schneider J. 1950. Primitive Warfare: a Methodological Note // American Sociological Review. V. 15. № 6.*
- Schuster R.H. 1978. Ethological Theories of Aggression // Violence: Perspectives on Murder and Aggression. San Francisco.*
- Schwartz T. 1973. Cult and Context: the Paranoid Ethos in Melanesia // Ethos. V. I. № 2.*
- Scott J.P. 1961. Commentary on «Subhuman and Human Fighting» // Anthropologica. V. 3. № 2.*
- Scott J. P. 1969. Biological Basis of Human Warfare: an Interdisciplinary Problem // Interdisciplinary Relationships in the Social Sciences. Chicago.*
- Seeman MF. 1988. Ohio Hopewell Trophy-skull Artifacts as Evidence for Competition in Middle Woodland Societies ca. 50 B.C. // AAn. V. 53. № 3.*
- Service E. R. 1962. Primitive social Organization: an Evolutionary Perspective. New York.*
- Service E. R. 1968. War and Our Contemporary Ancestors // WAACA.*
- Shnirelman V.A. 1988. Primitive Warfare and Ideology: Why the Maring Avoid Seizing Pigs // Human Peace. V. 6. № 3.*
- Sillitoe P. 1977. Land Shortage and War in New Guinea // Ethnology. V. 16. № 1.*
- Sillitoe P. 1978. Big Men and War in New Guinea // Man. V. 13. № 2.*
- Siskind J. 1973. Tropical Forest Hunters and the Economy of Sex // Peoples and Cultures of Native South America. Garden City.*
- Siverts H. 1975. Jivaro Head Hunters in a Headless Time // WCC.*
- Smith E.A. 1987. Risk and Uncertainty in the «Original Affluent Society»: evolutionary Ecology of Resource-sharing and Land Tenure // Hunters and gatherers. 1. History, Evolution and Change in Hunting and, Gathering Societies. London.*
- Sorenson E. R. 1976. The Edge of the Forest. Washington.*

- Spencer B., Gillen F. J. 1927. The Arunta. V. 1-2. London.*
- Steward J.J.J. 1958. Problems of Cultural Evolution // Evolution. V. 12. № 2.*
- Stewart K.M. 1947. Mohave Warfare // SWJA. V. 3. № 3.*
- Storr A. 1964. Possible Substitutes for War // The natural History of Aggression. New York.*
- Storr A. 1968. Human Aggression. New York.*
- Strathern A. 1971. The Rope of Moka. Cambridge.*
- Sumner W. G. 1958. Folkways. London.*
- Sumner W. G. 1964. War // WSPSA.*
- Suttles W. 1961. Subhuman and Human Fighting // Anthropologica. V. 3. № 2.*
- Swadesh M. 1948. Motivations in Nootka Warfare // SWJA. V. 4. № 1.*
- Symons D. 1978. Play and Aggression. New York.*
- Taplin G. 1874. The Narrinyeri: an Account of the Tribes of South Australian Aborigines. Adelaide.*
- Tefft S. K. 1975. Comment // WCC.*
- Tefft S. K., Reinhardt D. 1974. Warfare Regulations: a Crosscultural Test of Hypotheses Among Tribal Peoples // Behavior Science Research. V. 9. № 2.*
- Testart A. 1982. Les Chasseurs-cueilleurs ou L'origine des Inegalites. Paris.*
- Threlkeld L. E. 1974. Australian reminiscences and Papers of KE. Threlkeld, Missionary to the Aborigines, 1824-1859. V. 1-2. Canberra,*
- Thurnwald R. 1958. Das Gesellungsleben der Naturvolker // L. Adam, H. Trimborn. Lehrbuch der Volkerkunde, Stuttgart.*
- Tiger L. 1971. Introduction // International Social Science Journal. V. 23. № 1.*
- Tiger L., Fox R. 1971. The Imperial Animal. New York.*
- Tinbergen N. 1968. On War and Peace in Animals and Man // Science. V. 160. №3835.*
- Tovinsend J. B. 1980. Ranked Societies of the Alaskan Pacific Rim // Senri Ethnological Studies. № 4.*
- Turner II Ch. G. 1970. A Massacre at Hopi // AAn. V. 35. № 3.*
- Turney-High H. H. 1949. Primitive War. Its Practice and Concepts. Columbia.*
- van Baal J. 1966. Dema. S'Gravenhage.*
- van der Kroef J. M. 1952. Some Head-hunting Traditions of Southern New Guinea // AA. V. 54. № 2. Pt. 1.*
- Vayda A. P. 1961. Expansion and Warfare Among Swidden Agriculturalists // AA. V. 63. № 2. Pt. 1.*
- Vayda A. P. 1968. Hypothesis about Function of War // WAACA.*
- Vayda A. P. 1969. The Study of Causes of War, with Special Reference to Head-hunting Raids in Borneo // Ethnohistory. V. 16. № 3.*
- Vayda A. P. 1971. Phases of the Process of War and Peace Among the Marind of New Guinea // Oceania. V. 42. № 1.*
- Vayda A. P. 1976. War in Ecological Perspective. New York.*
- Vayda A. P. 1989. Explaining Why Marinds Fought // JAR. V. 45. № 2.*

- Vayda A. P., Leeds A. 1961. Anthropology and the Study of War // Anthropologica. V. 3. № 2.*
- Vend S. 1984a. Otazky Poznani Vojenstvi v Archeologii. Praha.*
- Vencti S. 1984b. War and Warfare in Archaeology // Journal of Anthropological Archaeology. V. 3. № 2.*
- Voget F. W. 1964. Warfare and the Integration of Crow Indian Culture // Explorations in Cultural Anthropology. New York.*
- von Hagen V. W. 1952. Shrunken Heads // Natural History. V. 61. № 3.*
- Warner W. L. 1964. A Black Civilization. New York.*
- Webb M. C. 1975. The Flag Follows Trade: an Essay on the Necessary Integration of Military and Commercial Factors in State Formation // Ancient Civilization and Trade. Albuquerque.*
- Webster D. 1975. Warfare and the Evolution of the State: a Reconsideration // A A. V. 40. № 4.*
- Wedgwood C. H. 1930. Some Aspects of Warfare in Melanesia // Oceania. V. 1. № 1.*
- Wendorf F. 1968. Site 117: a Nubian Final Paleolithic Graveyard Near Jebel Sahaba, Sudan // The Prehistory of Nubia. Dallas. V. 2.*
- Wheeler G. C. 1910. The Tribe and Intertribal Relations in Australia. London.*
- Whiffen Th. W. 1915. The North-West Amazons. London.*
- White L.A. 1949. The science of Culture. New York.*
- Whiting J. W.M., Child L.L. 1962. Child Training and Personality, New Haven.*
- Wild A., ed. 1986. Rom: an Aboriginal Ritual of Diplomacy. Canberra.*
- Willett F. 1971. African Art. An Introduction. London.*
- Williams F.E. 1930. Orokaiva Society. London.*
- Wilson E.O. 1975. Sociobiology: a New Synthesis. Cambridge.*
- Wilson E.O. 1978. On Human Nature. Cambridge.*
- Woodburn J. 1990. Personal Communication.*
- Wright Q. 1942. A Study of War. Chicago. V. 1.*
- Zegwaard GA. 1959. Head Hunting Practices of the Asmat of Netherlands New Guinea // AA. V. 61. № 6.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СЭ	Советская этнография
AA	American Anthropologist
AAAn	American Antiquity
AE	American Ethnologist
AQ	Anthropological Quarterly
CA	Current Anthropology
HNAIC	Handbook of North American Indians, v. 8. California. Washington, 1978.
HSAI	Handbook of South American Indians. Washington.

JAR	Journal of Anthropological Research.
JRAI	Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland.
SWJA	Southwestern Journal of Anthropology
WA	World Archaeology
WAACA	War: the Anthropology of Armed Conflicts and Aggression. Garden City, 1968.
WCC	War, Its Causes and Correlates. The Hague, 1975,
WCE	Warfare, Culture and Environment. Orlando, 1984.
WSPSA	War: Studies from Psychology, Sociology and Anthropology.

А. И. Першиц, Ю. И. Семенов, В. А. Шнирельман

ВОЙНА И МИР
В РАННЕЙ ИСТОРИИ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В двух томах

ТОМ II

Москва, 1994

Часть вторая
Ю. И. Семенов

**ВОЙНА И МИР В ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ
ПРЕДКЛАССОВЫХ И РАННИХ КЛАССОВЫХ
ОБЩЕСТВАХ**

Часть третья

А. И. Першиц

**ВОЙНА И МИР
НА ПОРОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
КОЧЕВЫЕ СКОТОВОДЫ**

Оригинал-макет подготовлен: *М.А. Зубаревой*
Художественное оформление: *Е. В. Орловой*

Утверждено к печати
Институтом этнологии и антропологии
Российской Академии Наук

Подписано в печать 15,12. 94 Формат 60x84 /₁₆ Объем: 16,7 пл 18,3 уч.
издл.

Тираж 250 экз.

Цена договорная

Заказ № 22

Участок оперативной полиграфии
Института этнологии и антропологии
117334 Москва, Ленинский проспект, 32А

ISBN 5-201-00949-2

© Институт этнологии и антропологии РАН, 1994

© Першиц А. И., 1994

© Семенов Ю.И., 1994

© Шнирельман В. А., 1994

СОДЕРЖАНИЕ

Часть вторая Ю.Ж. Семенов

ВОЙНА И МИР В ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПРЕДКЛАССОВЫХ И РАННИХ КЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВАХ	5
I. Предклассовые общества и первое классовое общество- политарное: общая характеристика	7
1. Проблема граней между первобытным предклассовым и классовым обществами	7
2. Община в предклассовом обществе	9
3. Эксплуатация человека человеком и ее формы....	9
4. Методы эксплуатации	11
5. Помогодоминатный и заемнодоминатный образы эксплуатации.....	12
6. Доминантный способ (образ) производства	15
7. Магнатный способ (образ) производства.	17
8. Протополитаризм и политаризм	20
9. Редистрибутивный метод эксплуатации и преполитаризм .	31
10. Основные варианты раннего предклассового общества	34
11. Пракрестьянское, протодоминомагнатное и парapolитарно-доминомагнатное общества.....	35
12. .... Типы обществ и характер войны	40
II. Война в протополитарном и раннем политарном обществе	41
1. Тробрианцы.....	41
2. Нгуни (мтетва, ндвандве, темба, нгвааны, хлуби, батлоква, кумало и др.).....	42
3. Баньянколе.....	52
4. Баганда	53
5. Аканы (ашанти и фанти)	55
6. Баконго	58
7. Вили (лоанго)	64
8. Бакуба	65
9. Балуба	65
10. Мандинги.....	66
11. Сонгаи.....	66
12. Йорубы	70
13. Инки	75
14. Ацтеки	81
15. Майя.....	86
16. Древние египтяне.....	90
17. Шумеры.....	96
III. Войны в прочих предклассовых обществах.....	98

1 Вводные замечания.....	98
2. Маори.....	99
3 Ирокезы.....	102
4. Индейцы центральной полосы степей Северной Америки ...	105
5. Аварцы	106
6. Адыги.....	106
7. Древние германцы.....	107
8. Норманны.....	110
IV. Формы войны и ее роль в земледельческих предклассовых и ранних классовых обществах	114
1. Вводные замечания.....	114
2. Грабительские войны.....	115
3. Завоевательно-переселенческие войны	116
4. Завоевательно-покорительные войны	117
5. Роль войны в становлении классового общества	119
Литература	121
Список сокращений.....	127

Ю. И. Семенов

ВОЙНА И МИР
В ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПРЕДКЛАССОВЫХ И РАННИХ
КЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВАХ I
ПРЕДКЛАССОВЫЕ ОБЩЕСТВА И ПЕРВОЕ
КЛАССОВОЕ ОБЩЕСТВО – ПОЛИТАРНОЕ:
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

1. Проблема граней между первобытным, предклассовым и классовым обществами

Прежде чем перейти к рассмотрению войн в предклассовом и раннеклассовом обществе, нужно определить понятия и предклассового и раннеклассового общества. Под раннеклассовым обществом в данной главе мы будем понимать классовое общество, каким оно было на ранних стадиях своего развития. Под предклассовым понимается такое, которое лежит между собственно первобытным обществом, с одной стороны, и собственно классовым, с другой.

По существу эпохи первобытного, предклассового и классового общества были выделены давно. Шотландский мыслитель А. Фергюсон в книге «Очерк истории гражданского общества» (Ferguson, 1767) в далеком прошлом человечества выделил, во-первых, дикое состояние, во-вторых, варварское состояние. Первое характеризовалось отсутствием частной собственности, совместным трудом и совместным потреблением. С переходом к варварскому состоянию возникает частная собственность и различные отношения зависимости. Дикое и варварское состояния А. Фергюсон объединяет под общим названием грубого, примитивного состояния и противопоставляет его цивилизованному состоянию, для которого характерно общественное разделение труда, классы и государство.

В дальнейшем дикость, варварство и цивилизация как последовательно сменяющиеся стадии развития человечества, встречаются в работах многих исследователей XIX в., включая Л. Г. Моргана (Morgan, 1877).

Эпоха предклассового общества длилась много веков и даже тысячелетий. Важным является вопрос о гранях, отделяющих предклассовое общество от собственно первобытного, с одной стороны, и собственно классового, с другой. С нашей точки зрения, гранью между собственно первобытным и предклассовым обществом является возникновение частной собственности и основанной на ней эксплуатации человека человеком» Первоначальных форм эксплуатации человека человеком существует много. Но достаточно появления хотя бы одной из тех, что основаны на частной собственности, для признания данного общества уже не первобытным, а предклассовым.

Классовое общество возникает в разных формах. Но в какой бы оно не возникло, существуют единые признаки, свидетельствующие о том, что переход от предклассового общества к классовому уже произошел. Эти признаки: с одной стороны, систематическое сооружение монументальных каменных или кирпичных строений, с другой, письменность.

На первый взгляд кажется, что принимая подобный критерий мы пользуемся иным принципом, чем тот, что лег в основу отделения предклассового общества от собственно первобытного. Здесь мы берем изменения в материальной и духовной культуре, а там – перелом в развитии производственных отношений. Но это лишь на первый взгляд. Производственные отношения определяются уровнем развития производительных сил. Но возникая и развиваясь, новые производственные отношения вызывают к жизни новые производительные силы и тем самым обеспечивают резкий рост прибавочного продукта (см. Семенов, 1985).

Именно быстрое возрастание объема прибавочного продукта и нашло свое выражение в окончательном оформлении особой материальной и духовной культуры господствующего класса отличной от ранее единой (в эпоху первобытной общины) культуры общества, теперь трансформировавшейся в культуру социальных низов. Тем самым окончательное расщепление ранее единой материальной и духовной культуры общества на культуру господствующего класса и культуру социальных низов, прежде всего крестьянства, является вполне четким показателем того перелома в развитии классовых производственных отношений, каким был переход от предклассового общества к классовому.

[8]

2. Община в предклассовом обществе

В собственно первобытном обществе основной единицей была вначале ранняя первобытная, а затем поздняя первобытная община. С переходом к предклассовому обществу началось формирование крестьянско-общинного уклада. Оно шло по разному, в одних случаях формирующийся крестьянско-общинный (или иначе пракрестьянско-общинный) уклад был единственным существующим в рамках общины, что совершенно не обязательно означало, что он был единственным в масштабах общества. На стадии предклассового общества наряду с однообщинными социально-историческими организмами могли возникнуть и возникали социально-исторические организмы, включавшие в свой состав несколько общин.

Когда пракрестьянско-общинный уклад был единственным в рамках общины, сама община являлась формирующейся крестьянской (пракрестьянской) общиной. Она состояла из формирующихся крестьянских (пракрестьянских) дворохозяйств. Пракрестьянская община была хозяйственным организмом, а пракрестьянские дворы – хозяйственными ячейками (об этих понятиях см. Семенов, 1982б). Пракрестьянско-общинный способ производства не был антагонистическим. Но он был той основой, на которой формировались самые разнообразные отношения эксплуатации.

В определенных условиях те или иные отношения эксплуатации могли образовывать внутри общины вполне самостоятельные общественно-экономические уклады. Такая община несмотря на наличие в ней пракрестьянско-общинного уклада не может быть названа пракрестьянской. Она представляла собой такую сельскую общину, для которой было характерно наличие более или менее резко выраженной социальной стратификации. Ее можно было бы назвать страто-пракрестьянской общиной. Если пракрестьянская община с переходом к классовому обществу чаще всего превращалась в крестьянскую, то страто-пракрестьянская могла трансформироваться в страто-крестьянскую. Существовал не один, а несколько типов страто-пракрестьянской общины.

3. Эксплуатация человека человеком и ее формы

Понятие эксплуатации употребляется как в узком, так и широком смысле. В узком смысле эксплуатация есть безвозмездное присвоение (переход а собственность) одной группой людей доли общественного продукта, созданного другими людьми. В более широком смысле под эксплуатацией понимается также и

[9]

безвозмездное присвоение одними людьми услуг со стороны других людей. В дальнейшем изложении будет рассматриваться эксплуатация только в узком смысле слова. Объектами такого рода эксплуатации могут быть только производители материальных благ. Важнейшим понятием характеризующим такого рода эксплуатацию является категория прибавочного продукта. Эксплуатация в строго научном смысле слова есть присвоение прибавочного продукта.

Это присвоение может происходить по-разному. Можно выделить две основные его формы. При первой основной форме эксплуатация человека человеком происходит непосредственно в процессе собственно производства. Процесс производства есть одновременно и процесс эксплуатации человека человеком. При этом весь продукт или, по крайней мере его часть (прибавочный продукт) создается производителями не как их собственность, а как собственность иных людей, которые тем самым выступают в роли эксплуататоров. В данном случае отношения эксплуатации выступают как отношения собственно производства.

В свою очередь внутри этой основной формы можно выделить две основные разновидности. Одна из них характеризуется тем, что производственные отношения, в рамках которых происходит процесс производства, образуют единую целостную систему – определенный общественно-экономический уклад. Бытие определенного общественно-экономического уклада означает существование определенного способа производства. И этот способ производства представляет собой одновременно и определенный способ эксплуатации человека человеком.

Во втором случае производственные отношения, в рамках которых происходит процесс производства, не образуют целостной системы, т. е. общественно-экономического уклада, а существуют в неукладной форме, в качестве придатка к общественно-экономическому укладу, образованному отношениями другого типа, т. е. всего лишь в качестве подуклада. Чтобы отличить данный вариант от первого, нами было предложено употреблять для обозначения этой формы производства вместо термина «способ производства» словосочетание «образ производства». В данном случае определенный образ производства является также и определенным образом эксплуатации человека человеком (см. Семенов, 1982б).

Вторая основная форма характеризуется тем, что безвозмездное присвоение продукта и происходит не в процессе собственно производства, а уже после того, как этот процесс уже завершился. Здесь процесс эксплуатации не совпадает с процессом собственно производства, представляет собой явление отличное от процесса

[10]

собственно производства. В дальнейшем изложении форма эксплуатации, не представляющая собой ни способа, ни образа производства, а тем самым ни способа, ни образа эксплуатации будет именоваться методом эксплуатации.

Так как метод эксплуатации есть форма только присвоения, но не создания прибавочного продукта, то вполне понятно, что существование любого такого метода предполагает с неизбежностью бытие какого-либо способа или образа производства. Любой метод эксплуатации может существовать только на базе какого-либо способа (или образа) производства как антагонистического, так и неантагонистического.

Эта связь не носит однозначного характера. Один и тот же метод эксплуатации может присасываться к различным способам (или образам) производства, разные методы эксплуатации могут паразитировать на одном и том же способе (или образе) производства.

Подводя итоги всему сказанному выше, мы видим, что все формы эксплуатации могут быть подразделены на способы, образы и методы эксплуатации. И среди ранних форм эксплуатации человека человеком все эти три разновидности присутствовали.

Начнем с более простого – с методов эксплуатации.

4. Методы эксплуатации

На стадии предклассового общества нередко возникает и получает развитие такой метод эксплуатации как систематический военный грабеж. На его существование обратил особое внимание Ф. Энгельс. Характеризуя варварское, т. е. предклассовое общество, он подчеркивал, «что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства сказывается уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападение, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом» (Энгельс, 1961. С. 164).

Другим методом эксплуатации является данничество, нередко выраставшее из систематического военного грабежа. Не останавливаясь на нем, ибо оно детально рассмотрено в одной из работ А. И. Першица (1961), отметим лишь, что и систематический военный грабеж и данничество представляют собой отношения не

[11]

внутри социально-исторических организмов (социоров), а между социально-историческими организмами (социорами). Они носят межсоциорный (интерсоциорный), а не внутрисоциорный (интрасоциорный) характер.

Межсоциорным, а не внутрисоциорным отношением может быть и такой метод эксплуатации, как посредническая торговля. На определенных этапах своего развития торговля была тесно связана с грабежом. Купцы нередко выступали и как грабители. Заморская торговля на заре своего развития теснейшим образом сочеталась с пиратством.

Такой метод эксплуатации как ростовщичество носил обычно внутрисоциорный характер. Как способ эксплуатации без способа производства характеризовал ростовщичество К. Маркс (1962. С. 147). Представляя собой только способ эксплуатации, ростовщичество неизбежно должно было паразитировать на каком-то способе производства. «Ростовщичество, – писал К. Маркс, – не изменяет способа производства, но присасывается к нему как паразит и доводит его до жалкого состояния» (там же. С. 145). Как способ эксплуатации без способа производства характеризовал К. Маркс также и посредническую торговлю. «Ростовщичество, как и торговля, – указывал он, – эксплуатирует данный способ производства, а не создает его, относится к нему внешним способом» (там же. С. 159).

Данничество, посредническая торговля и ростовщичество в определенных условиях могут возникнуть еще на стадии предклассового общества. Широкое распространение они получают в раннеклассовом обществе. Существовали они и на более поздних этапах эволюции классового общества.

5. Помогодоминатный и заемнодоминатный образы эксплуатации

Переходя к образам эксплуатации, остановимся прежде всего на тех, которые с неизбежностью порождаются отношениями существующими в пракрестьянской общине предклассового общества и крестьянской общине классового общества.

Одной из важнейших форм экономических связей в пракрестьянской и крестьянской общинах являются отношения, которые были нами ранее названы помогообменными (Семенов, 1976. С. 58). Это были отношения не дачи и отдачи, а взаимной дачи помощи. Они исключали возможность открытого взаимного расчета. Однако учет того, что было дано партнером и что от него было получено, велся каждой из сторон. Идеалом была эквивалентность между

[12]

данным и полученным, которая однако реализовалась лишь в общем и целом и только на протяжении длительного времени.

Однако даже приблизительно эквивалентный обмен помощью был возможен лишь между людьми, хозяйства которых были примерно разного масштаба, В противном случае было неизбежно нарастание диспропорции между данным и полученным, и обмен помощью между данными лицами либо совсем прекращался, либо перерождался в отношения совершенно иного типа.

Беднейшая сторона (А) всегда была обязана помогать, более состоятельная (Б) всегда имела право на помощь со стороны первой. Но само собой разумеется, что А, не имея право на помощь со стороны Б, в то же время постоянно нуждалась в помощи от этой стороны, причем в тем большей степени, чем более бедной она являлась. И помощь ей оказывалась, но только в форме помощи-милости. Сторона А внешне выступала в положении благодетельствуемой, сторона В роли благодетельствующей. В результате на смену взаимной зависимости, которая характерна для помоогообмена, пришла односторонняя зависимость беднейшей стороны от более состоятельной. Это давало возможность более состоятельной стороне диктовать свои условия, определять, в частности, форму помощи-милости. Последняя оказывалась, как правило, лишь в виде вещей, но не труда. В ответ же на милость она требовала и получала возможность использовать рабочую силу беднейшей стороны. Это совпадало с желанием последней, ибо рабочая сила была единственным, чем она располагала.

С внешней стороны все обстояло так, как если бы одна сторона оказывала другой стороне милость, которая лишь частично возмещалась трудом. На деле же имело место явление прямо противоположное: одна сторона использовала труд другой, лишь частично возмещая его вещами. Иными словами, в данном случае имело место безвозмездное присвоение одной стороны труда другой стороны, т. е. эксплуатация. Перед нами не метод, а определенный образ-эксплуатации, который можно было бы назвать помогодоминатным или субсидодоминатным (от лат, субсидиум – помощь, и доминус – господин, хозяин).

Представители беднейшей стороны работали не только в своем собственном, но и в чужом хозяйстве. Являться на работу в последнее они были обязаны по первому требованию. Конечно, внешне это требование выступало лишь как просьба о помощи. Поэтому в принципе беднейшая сторона могла и отказаться. Но в таком случае она навсегда бы лишилась милости, без которой она уже не могла обходиться. Поэтому представители беднейшей

[13]

стороны в самую горячую пору вынуждены были работать на полях благодетеля, забывая о своих собственных.

Когда внутри общины выделились самостоятельные дворохозяйства, то между ними с неизбежностью в силу самых различных случайных причин должно было возникнуть определенное имущественное неравенство. Однако это неравенство не могло быть ни слишком большим, ни постоянным. Возникновение рассмотренных выше отношений не только закрепило, но и углубило возникшее независимо от них неравенство. Эти отношения, обогащая одних, обрекали на всю большую бедность других. Результатом их было накопление богатства на одном полюсе, бедности на другом.

Отношения эксплуатации вырастали не только на основе помоогообмена, но и других, имевших место в пракрестьянских и крестьянских общинах, отношений. Эти отношения в ряде отношений сходны с помоогообменом. Отличает их от последнего наличие открытого взаимного расчета. Если при помоогообмене существовала взаимная дача, то здесь дача и отдача. В отличие от помоогообмена даваемые вещи выступали в форме не помощи, а займа. При этом часто определялся срок возврата займа, т.е. уплаты долга. Суть этих отношений состояла в попеременном взаимном обмене займами.

Вполне понятно, что подобного рода помогозаемные отношения еще в большей степени, чем помоогообменные, были возможны только между людьми, равными по экономическому положению. Обмениваться займами могут только люди, которые в одинаковой степени в них нуждаются и в одинаковой степени способны их давать и отдавать. Между людьми с разным имущественным положением помогозаемные отношения существовать не могут. Между ними могут существовать лишь заемнодолговые отношения, для которых характерно, что одна сторона в них выступает только в роли кредитора, а другая – только в роли должника.

Не имея возможность оказать кредитору аналогичную услугу, должник чем-то должен был ему отплачивать. Когда должник находился только в экономической зависимости от кредитора, мы сталкиваемся с ростовщическим методом эксплуатации. Если зависимость от должника от кредитора приобретала одновременно и личный характер, перед нами явление, которое принято именовать кабалой,

Когда отношения становились кабальными, кредитор нередко вынуждал должника на тех или иных условиях работать в своем хозяйстве. Кредитор таким образом работал как в своем, так и в чужом хозяйстве. Здесь мы сталкиваемся уже не с методом, а

определенным образом эксплуатации. Этот образ эксплуатации можно было бы называть кабальным, заемнодоминатным или кредитнодоминатным (от лат. кредит – заем, доминус – хозяин, господин). Также как и в случае с помогодоминатными отношениями, заемнодоминатные отношения имели своим следствием рост экономического могущества одной стороны и дальнейшее обеднение другой. Нередко помогодоминатные и заемнодоминатные отношения совмещались. «Благодетель» был одновременно и кредитором, а «благодетельствуемый» одновременно и должником (см., например, Wisser and Wisser, 1951. С. 39, 159).

б. Доминантный способ (образ) производства

В процессе развития помогодоминатных отношений человек мог, в конце концов, лишиться собственного хозяйства и целиком перейти в хозяйство своего «благодетеля». Он мог работать на него только за содержание. Такого работника можно было бы назвать приживалом или приживальщиком. Но стать приживалом мог и любой человек тем или иным образом лишившийся собственного хозяйства или никогда его не имевший.

Однако человек без собственного хозяйства не обязательно должен был работать только за содержание. Он мог трудиться и за определенную плату. В таком случае мы сталкиваемся с наемным работником некапиталистического типа, наймитом. Вполне понятно, что грань между приживалом и наймитом была крайне относительной.

Оказаться полностью в составе чужого хозяйства человек мог и в процессе развития заемнодоминатным отношением. В случае займа под залог личности с момента заключения договора сам должник или кто-то из членов его семьи целиком переходил в хозяйство кредитора и начинал трудиться на него. В случае неуплаты долга в срок заложник мог быть продан в рабство. Стать зависимым работников в хозяйстве кредитора или быть проданным в рабство мог быть также любой несостоятельный должник или член его семьи. Работников, которые оказались в составе чужого хозяйства как заложники или несостоятельные должники мы будем называть кабальниками.

В приведенных выше примерах мы сталкиваемся не только с кабалой, но и еще с одним способом вхождения человека в чужое хозяйство – рабством. Грань отделяющая кабальника от настоящего раба была весьма относительной. Иногда несостоятельный должник, даже не будучи проданным, становился подлинным рабом своего бывшего кредитора. Ценой своей личности он уплачивал долг.

[15]

Но рабами становились не только заложники и несостоятельные должники. Главным источником рабства был систематический военный грабеж. Когда в состоятельных дворохозяйствах возникла нужда в дополнительных рабочих руках, объектом захвата стали не только материальные ценности, но и сами люди. Они могли использоваться как в хозяйстве тех, кто их захватил, так и продаваться другим людям.

Еще один способ привлечения дополнительных рабочих рук в хозяйство – браки состоятельного человека с возможно большим числом женщин. Формально эти женщины были женами и только женами богачей. Но по существу, если не все они, то значительная их часть представляла собой своеобразную разновидность приживалов. Перед нами не, что иное, как своеобразная скрытая форма эксплуатации человека человеком – брако-приживальчество (см. Семенов, 1993а. 4. 2. С. 317, 386-409).

Таким образом, выше мы столкнулись с пятью типами работай ков в чужом хозяйстве: приживальщиками, женами-приживальщицами, кабальниками, наймитами и рабами. Эти отношения мо – гут не образовывать особого общественно-экономического уклада, быть придатками к крестьянско-общинному укладу. В таком случае перед нами не способ производства (или способы производства), а образ (или образы) производства. Но они могут и образовывать особый уклад (или уклады). В таком случае перед нами уже способ (или способы) производства.

Конечно, можно было бы рассматривать приживальчество, брако-приживальчество, наймитство, кабальничество и рабство как разные – в первом случае образы производства, во втором – способы производства. Однако в действительности все эти пять категории работников, когда они существуют вместе, столь тесно связаны и играют столь одинаковую роль в производстве, что по существу мы имеем дело не с разными образами (или способами) производства, а с одним образом (или способом) производства. Данный способ производства можно было бы назвать доминатным (от лат. доминус – господин, хозяин). Таким образом приживальчество, брако-приживальчество, наймитство, кабальничество и рабство были одновременно и вариантами и составными частями одного и того же образа или способа производства – доминатного. Это отнюдь не означает, что рабство, например, не может стать и самостоятельным способом производства. Однако это происходит довольно поздно, и рабство как особый способ производства качественно отличается от рабства как варианта и составной части до – минатного способа (или образа) производства. Качественное

отличие здесь не меньше чем между наймитством и капиталистическим наемным трудом.

Таким образом пятью вариантами и составными частями доминатного способа производства являются доминатно-приживальческие, доминатно-брако-приживальческие, доминатно-наймитские, доминатно-кабальные и доминатно-рабовладельческие отношения. Для всех их характерным является, что работник трудится в чужом хозяйстве, под контролем хозяина и не обладает никакой самостоятельностью.

В идеале каждый такой работник работает исключительно в чужом хозяйстве. Но в жизни все обстояло сложнее. Так, например, человек мог одновременно трудиться в чужом хозяйстве и иметь свое собственное, правда, такое, которое не могло обеспечить существование его самого и его семьи. Из всех перечисленных категорий работников чаще всего в таком положении находились наймиты. Даже если наймит не обладал собственным хозяйством, он нередко со своей семьей жил обособленно от хозяина. Особенно это относится к поденщикам, которые нанимались то к одному, то к другому хозяину.

7. Магнатный способ (образ) производства

Но кроме доминатного образа (или способа) производства в предклассовых и раннеклассовых обществах существовал еще один, качественно отличавшийся от него.

При нем основное средство производства – земля, находившаяся в полной собственности эксплуататора, передавалась в обособленное пользование работника. Работник более или менее самостоятельно вел хозяйство при помощи частично собственных, частично полученных от собственника земли средств труда. Встречались и такие случаи, когда подобного рода работник получал от эксплуататора не только землю, но все вообще средства труда. Чаще всего подобного рода работники отдавали собственнику земли определенную долю урожая. Остальная часть урожая поступала в полное их распоряжение, а иногда и в собственность.

Но бывало, что работник вместо того, чтобы отдавать хозяину часть урожая с выделенного участка, работал еще на одном поле, урожай с которого полностью шел хозяину. Последнее поле могло непосредственно входить в собственное хозяйство владельца земли.

Такие отношения могут не образовывать самостоятельного общественно-экономического уклада, быть придатками к крестьянско-общинному укладу. Но они могут и образовывать общественно-экономический уклад. В последнем случае перед нами особый

антагонистический способ производства, который можно назвать магнатным (от лат. магнат – предводитель, владыка).

В положение магнатно-зависимого работника человек мог попасть различными способами. Один из них состоял в том, что собственник земли выделял рабу участок земли, снабжал его другими средствами труда и позволял обзавестись собственным домом и семьей. Это магнатно-рабовладельческий вариант данного способа производства. Другой способ состоял в том, что свободный человек, лишенный основных средств производства, брал в аренду участок земли. При этом он мог пользоваться либо только своими средствами труда, либо только средствами труда, полученными от собственника земли, либо, наконец, частично своими, частично хозяйскими средствами труда. Это – магнатно-арендный вариант данного способа производства. Такая аренда всегда ставила человека не только в экономическую, но и личную зависимость от владельца земли. В идеале подобного рода производитель полностью работал только на арендованной земле. Но в действительности все обстояло сложнее. Подобного рода арендатор мог, наряду с работой на арендованной земле, вести и хозяйство и на собственной земле, однако такое, доходов с которого было недостаточно для содержания его самого и семьи.

Наконец, в положении магнатно-зависимого работника мог оказаться и человек, попавший в зависимость от владельца земли в результате займа, особенно когда он был получен под залог земли или личности. Нередко при этом человек обрабатывал бывшую свою землю, перешедшую в результате неуплаты долга в собственность кредитора (Дьяконов, 1949. С. 767). Это магнатно-кабальный вариант данного способа производства. Все эти три варианта магнатного способа эксплуатации были теснейшим образом связаны. Грани между ними были весьма относительны и один такой вариант мог легко превратиться в другой. Так, например, магнат с тем, чтобы прочнее прикрепить арендатора к земле, давал ему ссуду деньгами, зерном и т. п. В результате последний оказывался в долговой, кабальной зависимости от владельца земли, избавиться от которой он мог только вернув ссуду и уплатив проценты.

Весьма относительной была и грань между магнатным и доминантным способами производства. Магнатно-зависимого арендатора, который обрабатывал землю с помощью полученных от ее владельца средств труда и засеивал ее полученным из того же источника зерном не всегда легко отличить от наймита. В этом случае трудно сказать, отдавал ли он часть урожая владельцу земли в

качестве арендной платы или, наоборот, получал часть урожая от него в качестве платы за труд.

Связь между доминантным и магнатным способами производства выражалась часто в том, что один и тот же человек был одновременно и доминантом и магнатом, на него работали как магнатно-зависимые, так и доминантно-зависимые работники. В результате магнатные и доминантные отношения так тесно переплетались, что образовывался один единый общественно экономический уклад – доминомагнитный.

Магнатные отношения исследователи нередко принимали за феодальные, особенно в тех случаях, когда речь шла об обществах, существование которых относилось ко времени после V в. н. э. Когда же рассматривалось более раннее время, то эти отношения описывались, но никак не характеризовались. И это понятно. Если магнатные отношения принимать за феодальные, то пришлось бы признать, что феодальные отношения существовали по всему Древнему Востоку, в архаической Греции, в раннюю эпоху истории Древнего Рима. А это означало бы признание феодализма первой и единственной докапиталистической классовой формацией. На это решаются немногие. К числу их относится прежде всего Ю. М. Кобищанов (1966), который прямо писал, что «феодализм и капитализм являются единственными известными в истории классовыми формациями» (С. 46).

Несмотря на наличие определенных черт сходства между магнатным и феодальным способами производства, они в то же время существенно отличаются друг от друга. Для феодализма характерно существование разделенной собственности на землю и личность производителя материальных благ. Феодал является не полным собственником земли, а только верховным ее собственником. Соответственно феодально-зависимые производители являются подчиненными собственниками земли, которой пользуются, что отличает их от магнатно-зависимых работников, которые никаких прав на землю, которой пользуются, не имеют. При магнатизме хозяйство магната является основой хозяйства магнатно-зависимых работников. Магнат нередко дает не только землю, но и рабочий скот, зерно. При феодализме, наоборот, хозяйство феодально-зависимого работника является основой хозяйства феодала. Когда существует отработочная рента, феодально-зависимый работник обрабатывает землю, входящую в состав собственного хозяйства феодала, при помощи принадлежащих ему самому средств труда.

[19]

8. Протополитаризм и политаризм

В предклассовом обществе, кроме описанных выше способов производства, существовал по меньшей мере еще один. Он играл столь важную роль, что заслуживает особого рассмотрения. Знакомясь с ним, мы сталкиваемся с одним из основных типов пред-классового общества.

Данный тип социальной организации мы рассмотрим в его наиболее чистом виде, что позволит лучше понять все его характерные особенности. Именно в таком виде существовал он, в частности, еще в XIX в. и отчасти даже в начале XX а у большинства банту Южной Африки (Schapera, ed., 1937; Schapera, 1956). Этот сложный конгломерат этнических групп, насчитывавший в своем составе более 10 млн. человек, делился на четко отграниченные друг от друга социальные единицы, которые в литературе чаще всего именуется «племенами» (tribes). По размерам они значительно отличались друг от друга. На одном полюсе были «племена» состоявшие из 2-3 тыс. человек (тловка, курутше и др.), иногда даже всего лишь из несколько сот, на другом – из нескольких сотен тысяч (свази Свазиленда, суто Басутоленда). Но последние были редким исключением. Средние по размерам «племена» насчитывали в своем составе 20-30 тыс. человек.

Но независимо от размера каждое «племя» было совершенно самостоятельной социальной единицей. Оно имело название, территорию, обычно отдаленную от территорий соседних «племен» полосой незаселенной земли. Во главе каждого «племени» стоял наследственный правитель, которого в литературе обычно именуют «вождем» (chief). Его положение в племени было уникальным. Он был тем центром, вокруг которого строилась вся эта социальная единица. Племя у южноафриканских банту было совокупностью людей находившихся под властью одного вождя. С этим и связано применение в англо-американской этнографической литературе для обозначения данной социальной единицы термина «вождество» (chiefdom), образованного по аналогии с термином «королевство» (kingdom). В силу своей должности вождь обладал большой властью. Все подданные были обязаны безоговорочно подчиняться его приказам. Он имел право на жизнь и смерть своих подданных: мог не только приговаривать их к смерти, но в определенных случаях также казнить их без суда. Имел он право и на труд членов «племени». Их вызывали для участия в сооружении дома и крааля вождя, обработки полей его жен. Существовали особые поля, которые обрабатывались членами того или иного

подразделения племени и весь продукт с которых шел вождю. Подданные снабжали вождя дровами, водой, отдавали ему долю продукта, произведенного в их собственных хозяйствах (зерно, скот), а также часть охотничьей добычи (мясо, шкуры, слоновую кость и т. п.). Вождь присваивал большую часть военной добычи. Как верховный судья вождь получал штрафы с виновных, чаще всего скотом.

Вполне понятно, что вождь был самым богатым человеком в «племени». Так, например, вождь «племени» кхатла, численность которого достигала 20 тыс. человек, владел 5,5 тыс. голов скота, что составляло $\frac{1}{7}$ всего поголовья, находившегося в собственности членов племени. Он ежегодно получал 20-40 голов скота в качестве штрафов, 30 голов в качестве даров, приношений и т. п., а также 1200 корзин зерна с полей, которые специально для него обрабатывались подданными.

Значительную часть своих доходов вождь банту использовал для содержания центрального аппарата управления, состоявшего из подчиненных ему должностных лиц. На местах вождь был представлен субвождями (sub-chiefs), каждый из которых управлял определенным территориальным подразделением «племени» – дистриктом или крупным селением. В свою очередь субвождям подчинялись старосты (headmen), стоявшие во главе еще более мелких подразделений – субдистриктов (sub-districts) у нгуни, деревень (villages) у венда и значительной части суто, кварталов селений (wards) у тсвана и северных суто. У многих племен вождь непосредственно управлял столичным дистриктом и субдистриктом. У мелких «племен» существовала не трехзвенная, а двух-звенная система управления. Так, например, у тлоква, которые все жили в одном селении, вождю непосредственно подчинялись старосты четырех из пяти кварталов. Пятым управлял сам вождь. В крупных «племенах» существовало четыре уровня: верховный вождь «племени» – вожди крупных территориальных округов – субвожди – старосты.

Все местные правители обладали определенной властью. Каждый из них, не исключая деревенского старосты, был судьей в подвластной ему единице «племени» и соответственно взимал в свою пользу штрафы. Жители деревни, хотя и не были формально обязаны, но обычно помогали старосте в обработке его полей, дарили ему мясо, пиво и т. п. Труд на субвождей был уже обязателен. Им шел весь продукт со специальных полей, которые обрабатывались подвластным им населением. Они получали часть податей, которые собирались ими для племенного вождя.

[21]

Значительную долю этих доходов субвожди использовали для содержания должностных лиц, помогавших им управлять дистриктом.

Совершенно такая же картина наблюдалась в Бусоге (Восточная Тропическая Африка) – области, населенной басога или сога, – народом, относящимся к группе северных банту (Richards, 1960. С. 78-97; Fallers, 1956). Численность басога достигала 500 тыс. человек. В XIX а Бусога была разделена примерно на 15 самостоятельных социальных единиц, которые исследователи именуют 5 государствами (states) или королевствами (kingdoms). Численность их населения варьировала от 4 тыс. человек (королевство Бусам бира) до 50 тыс. (королевство Буламоги).

Во главе Буламоги стоял наследственный правитель – зибонде, имевший в своем распоряжении значительное число должностных лиц, составляющих центральный аппарат власти. Важнейшую роль среди них играл катикиро – своеобразный «премьер-министр», которому был подчинен большой персонал. Королевство делилось на округа, во главе которых стояли правители, находившиеся в различной степени зависимости от зибонде. Ниже их находились старосты деревень (villages), а еще ниже – старосты субдеревень (subvillages). Но были и такие деревенские старосты, которые были подчинены непосредственно зибонде. Эта иерархия была организацией одновременно и судебной и податной. Собрав подать, старосты оставляли часть ее себе, а остальное передавали вышестоящим правителям, которые поступали аналогичным образом. Рядовые подданные были обязаны также и трудиться на правителей. Структура Бусамбири была более простой. Ее наследственному правителю – кисамбире были непосредственно подчинены старосты всех 12 входивших в королевство деревень.

Другая группа северных банту – баха или ха, численностью в 300 тыс. человек, тоже была разделена на значительное количество социальных единиц, которые исследователи именуют королевствами. Наиболее крупным было королевство Херу (более 150 тыс. человек), самые мелкие – королевства Бушинго (около 9 тыс.) и Лугури (более 5 тыс.). Население остальных равнялось нескольким десяткам тысяч человек (Richards, ed., 1960. С. 212-228).

Более одного миллиона васукума или сукума, принадлежащих к группе восточных банту, были разделены на более чем 60 самостоятельных единиц, которые исследователи именуют вожествами или королевствами. Численность самых крупных (Нера и Усмео) – 90 тысяч человек, самого небольшого (Массанза) – 1,5 тыс. (Richards, ed, 1960. С. 229-259, 347).

[22]

Такая общественная структура существовала в Африке не только у банту. Мы находим ее, например, у азанде Центральной Африки (Evans-Pritchard, 1971). Существовавшие у них социальные единицы исследователи именуют королевствами. Наиболее изучено из них королевство, правителем которого в течение почти сорока лет (1868-1905) был Гбудве. Численность населения королевства – между 50 и 100 тыс., человек. Примерно такими же были , и королевства братьев Гбудве. Королевство делилось на провинции, число которых достигало несколько десятков. Центральная провинция непосредственно управлялась самим королем, во главе остальных стояли губернаторы, часть которых принадлежала к королевской семье. Им принадлежало право суда над подвластным населением. Провинции в свою очередь подразделялись на дистрикты, возглавляемые назначенными губернаторами должностными лицами. В обязанность последних входил сбор податей, которые они, не оставляя себе ничего, передавали губернаторам, а также организация людей для работы на полях короля и принцев-губернаторов. Масштаб этих работ был велик. На королевских полях могло работать одновременно несколько сот человек. Принцы, губернаторы пользовались большой самостоятельностью. Считалось, что подати они собирали не для короля, а для себя, хотя определенную долю они обычно посылали королю. Рядовые губернаторы собирали подати для короля, но половину собранного они имели право оставлять для себя.

Помимо названных выше народов такого рода отношения существовали в Африке также у баганда, баньоро, баторо, баньянколе, бахайя, баха, базинга (Richards, ed., 1960), фон, эдо (бини), йоруба, хауса, тикар, бамилеке, моей, дагомба, мампруси, волоф, менде, ашанти (Forde and Kaberry, eds., 1971), бемба (Richards, 1939) и многих других этнических групп, часть которых еще будет рассмотрена на последующих страницах.

Подобного рода структуры были распространены и далеко за пределами Африки. Существование их отмечено у той части чинов Бирмы, общественный строй которых характеризуется как автократический. У них во главе социальной единицы, охватывавшей несколько деревень стоял наследственный правитель – вождь. Все его подданные были обязаны платить ему налог зерном, доставлять ему лес и участвовать в строительстве его жилища. Вождю подчинялись старосты деревень, которые имели право на определенное количество зерна с каждого хозяйства, долю охотничьей добычи и другие приношения. Кроме того члены каждого домохозяйства должны были отработать два дня в году на их полях

[23]

(Stevenson, 1944. С. 80-83). Подобного рода социальные структуры; назывались у качинов Мьянмы гумса (Leach, 1954. С. 197-207). Они существовали также у коньяк нага Индии (Furer-Haimendorf, 1969), муонгов Вьетнама (Hguen Tu Chi, 1972), на Восточном Тиморе (Forbes, 1884).

От Азии перейдем к Океании. Жители Новой Каледонии в XIX в. делились на 40-50 самостоятельных единиц, которые исследователи именуют племенами. При населении острова примерно в 80 тыс. человек это составляет в среднем 1600-1800 человек в племени. Во главе племени стоял наследственный властитель – вождь, имевший право на жизнь и смерть своих подданных. Он мог также приказывать сжечь дом виновного, разорить его поля. В распоряжении вождя был штат лиц, составлявший его центральный аппарат. Ниже племенного вождя стояли деревенские вожди, которые вместе с ним и его приближенными составляли привилегированный слой общества. Рядовые подданные обрабатывали поля вождей, строили им дома, делали им подношения натурой (см. Токарев, 1933. С. 35-41).

Если на Новой Каледонии подобного рода социальная система только начала формироваться, то на Гавайских островах она выступает в более зрелом виде. К моменту открытия европейцами было обитаемо 8 островов архипелага, на которых жило примерно 240-400 тыс. человек. Каждый остров был, как правило, самостоятельной социальной единицей. Особое место занимал среди них самый крупный – Гавайи с населением, примерно, 75-100 тыс. человек. Шесть крупных округов, на которые он был разделен, в одни эпохи выступали как самостоятельные единицы, а в другие – как составные части одной единицы, охватывавшей весь остров.

Во главе острова стоял наследственный правитель – алии нуи, которого в литературе именуют верховным вождем или королем. Он имел абсолютное право на жизнь и смерть своих подданных. Большие острова были разделены на округа (моку), во главе которых стояли алии аль моку. Моку делились на меньшие территориальные подразделения – ахупуа. Ахупуа в свою очередь состояли из или. Небольшие острова непосредственно подразделялись на ахупуа. Как король так и местные правители имели в своем распоряжении штат лиц, при помощи которого управляли. Рядовые подданные были обязаны работать на землях короля и местных правителей, а также платить подати, среди которых особую роль играл большой ежегодный налог. Их привлекали также для строительства дорог, сооружения и очистки каналов и т. п. (Ancient Ha-wair. Civilization, 1933; Sahlins, 1950. С. 13-19; Goldman, 1970. С. 199, 242).

Сходные порядки существовали на Таити и Гонга (Sahlins, 1950. С. 22-28; Oliver, 1970).

К моменту открытия Америки европейцами на о. Гаити (Эспаньола) проживало не менее 100 тыс. человек. Остров был подразделен на шесть самостоятельных социальных единиц, которые в литературе именуется провинциями или вождествами. Во главе каждой из них стоял правитель – вождь или касик. Каждая «провинция» делилась на несколько десятков округов (до 30), возглавляемых субвождями. Ниже субвождей стояли старосты деревень, число которых в «провинции» доходило до 70-80. Субвождь был одновременно и старостой деревни, в которой жил. В руках правителей был суд. Даже староста деревни имел право на жизнь и смерть подвластного населения. Жители деревни были обязаны представлять в распоряжении старосты часть производственного продукта. Вождь и субвожди не получали податей с населения иных деревень, кроме собственной, но имели права распоряжаться их трудом. Правители всех рангов имели различного рода помощников (Rouse, 1948. С. 507-539). 18 вождеств существовало на о. Пуэрто-Рико (Steward, Faron, 1959. С. 248).

Жившие в Северных Андах собственно чибча или муиски к моменту испанского завоевания насчитывали 300 тыс. человек. Они делили на 5 больших образований, которые исследователи называют государствами или вождествами. В самом крупном из них – Зипа – верховному вождю подчинялись вожди меньшего ранга, возглавлявшие шесть подразделений вождества. Вожди жили в роскоши. Рядовые свободные обязаны были как платить налоги, так и непосредственно трудиться на своих повелителей (Krdeber, 1946. С. 887-903).

В восточной Боливии, горном Эквадоре, северной и западной Колумбии, существовало несколько десятков вождеств (Бауре, Манаси, Паресси, Кара, Пуруха, Пикаро, Торо, Пасто, Каламари, Момпокс, Арма, Пикаро, Торо и др.). Несколько вождеств существовало и на территории современной Панамы. Около двух десятков вождеств находилось на территории современной Венесуэлы (Steward, Faron, 1959. С. 174-246).

Самое известное из вождеств Северной Америки существовало «у натчей. К тому моменту, когда с ними столкнулись французские путешественники (XVII в.) их было всего несколько тысяч (3,5 – 5), которые жили в 9-12 деревнях. Во главе натчей стоял наследственный правитель, носивший титул «великого солнца». Он пользовался огромной властью, в частности имел абсолютное право на жизнь и смерть своих подданных. Достаточно было его каприза,

[25]

чтобы человек был убит. В его распоряжении был большой штат должностных лиц, а также воины. Ему были подчинены вожди де – ревень. Подданные были обязаны работать на полях вождя, а также отдавать часть продукта, произведенного в их собственных хозяйствах. Формы, в которых взимался продукт, были самыми разнообразными (Swanton, 1911. С. 44-186). И натчи не исключение. На юго-востоке США существовало несколько вожеств. Самым крупным из них был Поухатан. Его вождь отличался абсолютной властью, имел право на жизнь и смерть подвластного населения. Ему платили налоги население как собственно вожества, так и покоренных областей (Swanton, 1946. С. 641-646).

Во всех рассмотренных и упомянутых выше случаях мы имеем дело с предклассовым обществом. Но в принципе та же самая структура существовала и в огромном множестве стран, стоявших на стадии классового общества. В этом отношении наиболее яркие примеры дают нам Китай эпохи Западного Чжоу (XI-VIII вв. до н. э.) и империя инков Тауантинсуйу (XV-XVI вв. н. э.).

В эпоху Западного Чжоу во главе древнекитайского государства стоял наследственный правитель – ван. Ему были подчинены местные правители – чжухоу. Ниже их стояли дафу, которые находились в таком же отношении к чжухоу, как последние к вану. Ниже дафу находились ши. Еще ниже находилась основная масса производителей материальных благ – шужень» Снизу вверх по этой лестнице шел поток прибавочного продукта. Ши, получив его от простолюдинов, одну часть оставляли себе, а другую передавали людям, стоявшим выше их на ступень, в данном случае – дафу. Также поступали дафу и чжухоу и в результате часть продуктов достигала вершины, поступая непосредственно в распоряжение вана (Крюков, 1968. С. 193-195, 215-219). Помимо различного рода приношений натурой, чжухоу были обязаны направлять в распоряжение вана людей для участия в различного рода работах (Крюков, 1967-. С. 69-73) . Существовали в эпоху Западного Чжоу, по крайней мере в раннюю ее пору, особые поля, которые обрабатывались простолюдинами и урожай с которых поступал вану (Васильев, 1966. С. 151-165). Нет необходимости говорить, что в руках вана и местных правителей находился суд и что они имели право на жизнь и смерть своих подданных.

Численность населения империи инков к 1532-1583 гг. – времени ее завоевания испанцами – исследователями оценивается по-разному: от 3,5 до 15-16 и даже 32 млн. чел. Наиболее вероятная цифра – 6 млн. Во главе империи стоял наследственный властитель – верховный инка, имевший гигантскую власть. Ему был

[26]

подчинен огромный административный аппарат. Империя делилась на провинции, которые были объединены в четыре группы. Правители четвертей жили в столице империи – Куско и входили в состав большого государственного совета. Подчиненные им губернаторы жили в столицах провинций. Каждая провинция делилась на 2 или 3 округа с населением примерно в 10 тыс., возглавляемые должностными лицами – курака 1 ранга. Им подчинялись курака 2 ранга, управлявшие административными единицами с населением в 1000 человек. Ниже стояли курака 3 ранга, управлявшие 500 людьми, и еще ниже – курака 4 ранга, управлявшие сотней человек. Должностные лица, управлявшие группами в 50 и 10 человек к привилегированному слою не относились. Они работали вместе с рядовыми подданными. Указанные цифры носили во многом условный характер. В действительности размеры групп, управляемых курака того или иного ранга, могли отличаться от номинальных.

Важнейшей низовой ячейкой инкского общества была айлью – деревенская община. Основная земля государства делилась на три категории. Вся она обрабатывалась крестьянами-общинниками, но продукт с полей первой категории шел храмам и жрецам, второй – инке, и только третьей – самим производителям. Помимо обработки храмов и государственных земель рядовые подданные обязаны были также принимать участие и в различных родах других работах (строительство дворцов, рудничное дело и т. п.). Урожай с полей храмов и инки собирался в особые хранилища. Их было по два в каждом округе и значительно больше в столицах провинций и Куско. Урожай с храмовых полей шел на содержание жречества, с полей инки – на содержание императора, его двора, чиновничества, армии. Использовались государственные запасы и для поддержания вдов, увечных, престарелых, а также как страховой фонд на случай стихийных бедствий. Существовала система судов, но приговаривать к смерти могли лишь император и губернаторы провинций (Mason, 1961. С. 104-265; Rowe, 1946. С. 184-274).

Несмотря на определенные различия во всех приведенных выше случаях мы сталкиваемся со существом с одной и той же социальной структурой. Везде мы встречаем деление общества на две основные группы. Одну из них образуют непосредственные производители, которые имеют в своем распоряжении землю и все необходимые средства производства, самостоятельно ведут хозяйство, обеспечивающее их существование. Но их хозяйства никогда не существуют изолированно друг от друга. Они входят в состав более или менее крупных систем, которые принято именовать

[21]

общинами. Люди, входящие в состав общин, обеспечивают свое существование собственным трудом. Но на создание продукта, идущего на удовлетворение их собственных нужд, расходуется лишь часть их рабочего времени. В течение другой его части создается продукт, поступающий в полное распоряжение второй основной общественной группы, т. е. прибавочный продукт.

Прибавочный продукт может создаваться в собственном хозяйстве непосредственного производителя. В таком случае он поступает в распоряжение второй общественной группы в форме податей, приношений, даров, штрафов и т. п. Прибавочный труд может выступать в форме работы в хозяйствах отдельных конкретных представителей второй группы и, наконец, в форме работы на специально выделенных полях, продукт с которых поступает в распоряжение второй группы, на строительстве дорог, в рудниках и т. п. Однако при всем этом суть остается одной и той же: прибавочный продукт поступает в полное распоряжение второй общественной группы и в той или иной форме распределяется между всеми без исключения ее представителями.

Как можно видеть, две основные группы, существующие в каждом из рассмотренных выше обществ, находятся в определенном отношении друг к другу, а именно: одна из них присваивает себе труд другой. Таким образом перед нами определенным образом определен способ эксплуатации человека человеком.

Забегая несколько вперед, скажем точнее, что это один из вариантов определенного антагонистического способа производства. Несомненно сходство этого варианта с феодализмом. Производители материальных благ при этом варианте данного способа производства также как и феодально-зависимые крестьяне были хотя и подчиненными, но тем не менее собственниками земли и своей личности. Соответственно представители второй группы были не полными, а лишь верховными собственниками земли и личностей производителей материальных благ. Однако на этом сходство и кончается.

Если при феодализме прибавочный продукт непосредственно поступает отдельным представителям класса эксплуататоров, то при данном способе производства он идет государству, а затем распределяется между людьми, составляющими государственный аппарат, в соответствии с их положением на иерархической лестнице. Таким образом вторую большую группу образуют люди, входящие в состав государственного аппарата. Именно они только все вместе взятые, а не каждый в отдельности были верховными частными собственниками земли и личности непосредственных производителей материальных благ.

[28]

Частная собственность может существовать в различных формах: она может быть персональной, групповой, наконец, классовой. Здесь мы сталкиваемся с верховной общеклассовой частной собственностью, выступающей в форме государственной. С этим и связано совпадение в общем и целом класса эксплуататоров с государственным аппаратом.

Впервые эти отношения были выделены как особая экономическая форма Р. Джонсом (1937а, 1937б). Применительно к классовому обществу К. Маркс охарактеризовал данную форму общественного производства как особый антагонистический способ производства, который назвал «азиатским» (см. Маркс, 1957. С. 222; 1957. С. 7; 1960. С. 89; 1961. С. 367; 1980. С. 157 и др.). В дальнейшем, когда К. Маркс убедился, что данный способ производства существовал не только в Азии, но и в других частях света, он перестал пользоваться этим термином, не предложив взамен никакого другого (см. Тер-Акопян, 1973. С. 204-205). Мы будем именовать данный антагонистический способ производства политарным (от греч. полития – государство), а в качестве самого общего термина для обозначения и данного способа производства и всего данного общественного строя в целом использовать термин «политаризм». Соответственно, мы будем говорить о политарных производственных отношениях и политарном обществе.

Особую роль среди политаристов играл глава государства. Он был верховным распорядителем всего принадлежащего классу в целом прибавочного продукта. Мы будем называть его политархом, а возглавляемое им государство, которое было ячейкой общеклассовой частной собственности, – политархией. В применении к предклассовому обществу, где данный способ производства только еще формировался, все эти термины будут применяться с приставкой «прото» (протополитаризм, протополитаристы, протополитарх, протополитархия и т. п.).

Политарный способ производства существовал в трех основных вариантах. Тот, который был рассмотрен выше, может быть назван политарно-общинным. Он с необходимостью предполагал существование общины, которая чаще всего была пракрестьянской (в протополитарном обществе) или крестьянской (в политарном обществе). Но известны и такие политарные общества, в которых наряду с крестьянскими существовали и страто-крестьянские. Однако общины, какими бы они ни были, сами по себе взятые никогда не являлись носительницами политарного (протополитарного) способа производства.

Хозяйственным организмом и одновременно хозяйственной ячейкой политарного (протополитарного) способа производства были политархия или протополитархия, которая всегда включала в свой состав по крайней мере несколько общин. Ни протополитарный, ни тем более политарный способ производства никогда, в отличие от некоторых антогонистических способов производства, не был внутриобщинным.

Но хотя носительницей и протополитарного, и политарного способа была не община, а всегда являвшейся многообщинной протополитархия или политархия, общины при данном варианте политаризма (протополитаризма) играли очень важную роль. Они представляли собой фундамент этой разновидности политаризма (протополитаризма). Рассматриваемая модификация политарного (протополитарного) общественно-экономического уклада включал в себя в качестве своего необходимейшего элемента крестьянско-общинный (пракрестьянско-общинный) уклад.

Второй и третий варианты политарного способа производства не требовали обязательного существования крестьянской общины. Один из них предполагал, что государство само непосредственно вело хозяйство руками людей, полностью лишенных основных средств производства. Эти производители работали на полях партиями во главе с надсмотрщиками. Весь урожай с этих полей поступал в государственные закрома. Работники и их семьи получали довольствие натурой с казенных складов. Некоторые из этих работников могли быть рабами. Но основную их массу составляли местные жители, которые рабами не являлись. Они пользовались определенными правами, имели, как правило, семьи и нередко, если не всегда, владели каким-то имуществом. Здесь перед нами своеобразное сращивание политаризма с доминантным способом производства. Поэтому данный вариант политарного способа производства можно назвать политарно-доминантным. Он встречался очень редко.

Другой вариант в известной степени является промежуточным между первым и вторым. При нем работникам выделяются участки земли, которые они обрабатывают в известной мере самостоятельно, причем степень этой самостоятельности была различной. Часть урожая, выращенного на участке, шла государству, другая оставалась производителю. Кроме земли, работник нередко получал в пользование также посевное зерно, рабочий скот, инвентарь. Здесь наблюдается своеобразное сращивание политарного и магнатного способов производства. Поэтому данный вариант политарного способа производства можно назвать политарно-магнатным. Он

[30]

встречался значительно реже, чем политарно-общинный, но чаще, чем политарно-доминантный.

Иногда работник получал в свое распоряжение весь урожай, выращенный на выделенном ему участке, но в таком случае часть своего времени он работал, нередко в составе партии во главе с надзирателем, на государственном поле, весь урожай с которого шел в казенные хранилища. О таких работниках зачастую трудно сказать, были ли они политарно-магнатно или политарно-доминантно зависимыми.

Из всех трех вариантов самым распространенным был политарно-общинный. В предклассовом обществе, за редчайшими исключениями, встречается только он один.

9. Редистрибутивный метод эксплуатации и преполитаризм

Протополитарные отношения возникли не на пустом месте. Их корни уходят в собственно первобытное общество. С переходом от ранней первобытной общины и началом становления распределения по труду произошло своеобразное раздвоение системы производственных отношений. Наряду с системой циркуляции жизнеобеспечивающего продукта возникла особая система циркуляции избыточного продукта, которая получила название престижной экономики. Наиболее ярким проявлением престижной экономики были особого рода праздники, на которых члены одной общины дарили различного рода материальные ценности членам других общин. Их можно назвать дароторжествами. Примеры – потлачи индейцев Северной Америки, свиные пиры папуасов Новой Гвинеи.

Чем больше человек дарил на дароторжествах, тем большим был престиж, которым он пользовался среди членов как своей, так и других общин. Но чтобы больше дарить, нужно было иметь в своем распоряжении возможно больше продукта. Один путь к этому: создавать его во все большем количестве. Человек, который больше производил, больше и дарил. Однако всегда существовал предел тому, что человек мог произвести сам. Отсюда стремление использовать для дарения продукт чужого труда.

Такая возможность существовал, ибо и на стадии позднепервобытной общины сохранялась обязанность членов общины делиться друг с другом, сохранялись отношения дач дележа. Каждый человек был центром, от которого отходили линии, связывавшие с другими лицами. По этим линиям шло движение продукта от данного человека к другим. Здесь мы имеем дело с отдающей

[31]

системой. Но одновременно человек был и центром, к которому сходились линии, по которым шло движение продукта от других людей к нему. С ним ведь тоже делились, причем делился не один человек, а несколько. Здесь мы имеем дело с получающей системой.

В принципе человек на стадии раннепервобытной общины должен был делиться со всеми членами общины. Но в реальности он систематически давал лишь определенной части их. Его отдающая (равно как и получающая) система обычно не охватывала всех членов социально-исторического организма. На стадии позднепервобытной общины человек, претендующий на престиж, первоначально получал обычную долю продукта от тех, кто обязан был с ним делиться. Но он был заинтересован в том, чтобы с ними делилось как можно больше людей. Чтобы превратить потенциальных давателей в реальных, существовал лишь один способ. Он состоял в том, чтобы постоянно делиться с ними продуктом. Чем большему числу людей давал человек, находившийся в центре системы, тем от большего числа сам получал.

Начиная с определенного момента для отдельных людей давать стало возможным за счет не только добытого, но и полученного от других. В результате человек, находившийся в центре системы, стал выполнять роль своеобразного регулятора, перераспределяющего продукт труда целой группы людей. Продукт шел от периферийных точек системы к центру, от него снова к периферийным точкам, что в свою очередь обеспечивало его поступление от периферийных точек к центру и т. д. Для обозначения этого экономического явления лучше всего подходит широко используемый в этноэкономической литературе термин «редистрибуция». Соответственно такого рода систему можно было бы назвать редистрибутивной.

Важно подчеркнуть, что встречное движение по линиям, связывающим центр системы с периферией, было не обменом, а распределением, вначале дачеделением, а затем и помогодачей. А это означает отсутствие требования эквивалентности между продуктом, поступающим в центр, и продуктом, идущим от центра. Между доходами, т. е. поступлениями от периферии к центру, и расходами, т. е. поступлениями от центра к периферии, могло быть раз – личное соотношение. Доходы могли равняться расходам, могли превышать расходы, могли быть меньше расходов. При последнем варианте система прекращала функционировать, ибо не могла обеспечить реализации цели, для которой была создана.

При первом варианте функционирование системы было возможным. Но оно предполагало создание большого количества продукта в центре системы. Продукт, созданный в центре системы

вместе с продуктом, полученным с ее периферии, мог составить большую массу, которая будучи розданной на дароторжестве, обеспечивала человеку, находившемуся в центре, престиж. В свою очередь, получив на дароторжестве, устроенном бывшим гостем, соответствующее количество пищи и вещей, человек, являвшийся центром системы, мог направить все это на периферию. Это в свою очередь обеспечивало готовность периферийных членов системы помочь ему при подготовке к новому дароторжеству.

Самым интересным из упомянутых выше вариантов является тот, при котором доходы превышали расходы. По существу мы сталкиваемся здесь не с чем иным, как своеобразным методом эксплуатации человека человеком, который можно было бы назвать редистрибутивным. Он не предполагал существования частной собственности.

Редистрибутивные системы могли быть как эксплуататорскими, так и неэксплуататорскими. Могла возникнуть такая система, которая охватывала всех членов общины. В таком случае она была единственной в социально-историческом организме (социоре). Ее можно было бы назвать пансоциорной. Естественно, что человек, стоявший в центре этой системы, был единоличным лидером общины.

Судьба одних редистрибутивных систем была связана с определенными конкретными лицами. Человек создавал определенную систему и она существовала, пока он был жив. Это – персонализированная система. Но при определенных условиях редистрибутивная система могла теснейшим образом срастись либо с общиной в целом, либо с более или менее очерченной группой внутри ее. В таком случае положение центра системы становилось общественной должностью. И когда один носитель такой должности умирал, она переходила к другому человеку. Такую систему можно было бы назвать объективированной. Наибольшей прочностью отличались системы, которые были одновременно эксплуататорскими, пансоциорными и объективированными.

В процессе дальнейшего развития таких систем могло произойти превращение земли общины из собственности только самой общины в собственность одновременно и самой общины и вождя этой общины. Собственность вождя общины была частной собственностью, но особого рода. Она была собственностью должностной, титульной. Человек был частным собственником земли, которая одновременно принадлежала и общине, только в силу того, что был вождем этой общины.

С появлением должностной частной собственности под присвоение вождем прибавочного продукта была подведена прочная база. Редистрибутивный

[33]

метод эксплуатации превратился в особый образ (или способ) эксплуатации, который может быть назван преполитарным. В процессе дальнейшего развития на основе преполитарного образа эксплуатации возник протополитарный способ эксплуатации.

10. Основные варианты раннего предклассового общества

Если обратиться к самому раннему этапу в развитии предклассового общества, то можно выделить пять основных вариантов его социальной структуры, которые все связаны с престижной экономикой и обладанием престижными ценностями (см. Семенов, 1993а. 4. 1-2.).

Первый вариант характеризуется наличием преполитарного образа производства. Он может дополняться доминантным способом производства. Один лишь преполитарный способ эксплуатации существовал, например, у полинезийцев о. Тикопия (Firth, 1939). У индейцев северо-западного побережья Северной Америки и маори Новой Зеландии кроме преполитарного образа эксплуатации бытовали также рабство и приживальничество (Аверкиева, 1961; Firth, 1929).

Для второго варианта специфично наличие формальных лидеров – позднейших чифменов, использующих наряду с редиистрибутивным методом эксплуатации доминантный образ эксплуатации. Пример – эскимосы чугачи (Birket-Smith, 1953).

Третий вариант предполагает существование неформальных лидеров – позднейших бигменов, применяющих, кроме редиистрибутивного метода эксплуатации, доминантный и реже магнатный образы присвоения прибавочного продукта. Примеры – мелпа (Strathern, 1977), мазэнга (Meggitt, 1974), чимбу (Brown, 1970), катауку (Pospisil, 1963) Новой Гвинеи, сиауи Бугенвиля (Oliver, . 1955), атна Аляски (Laguna and MacClellan, 1981).

В четвертом варианте в качестве ведущих фигур выступают преплутаристы – наследственные владельцы престижных ценностей, которые использовали помогодоминантный и доминантный образы эксплуатации. Последний выступал в двух формах: прижи-вальчество и кабальничество. Примеры – юроки и толова Северной Америки (Kroeber, 1925. С. 1-52; Ducker, 1937; Gould, 1966).

И наконец, пятый, вероятно самый редкий – геронтократический» для которого характерно брако-приживальчество вместе с приживальчеством. Пример – тиви Северной Австралии (Hart and Pilling, 1960)

11. Пракрестьянское, протодоминомагнатное и парapolитарно-доминомагнатное общества

В процессе дальнейшего развития престижная экономика столь характерная для позднепервобытного и раннего предклассового общества постепенно исчезла. Возникли, по меньшей мере, четыре основных типа позднего предклассового общества (см. Семенов, 1993б). Один из них мы уже детально рассмотрели. Это протополитарное общество, которое возникло из преполитарного. Наряду с протополитарными отношениями в этом обществе могли существовать доминатные и магнатные, что однако не меняло его природы.

Второй тип – предклассовое общество, в котором шел процесс формирования крестьянских домохозяйств и крестьянской общины, но где отношения эксплуатации не достигли сколько-нибудь значительного развития. Он будем называть такое общество пракрестьянским.

Третий тип – общество, в которых пракрестьянско-общинный уклад сочетался с развитыми доминатными и магнатными отношениями. Примером может послужить общество ифугао о. Лусон (Филиппины) (Barton, 1919; 1922). У них все свободные члены общества подразделялись на три основные категории: кадангианги (богачи и одновременно аристократы), натумок (люди среднего состояния) и наватват (бедняки). Последние нередко работали на богачей. Одни бедняки за содержание (пищу, одежду) трудились в хозяйстве эксплуататора. Другие брали в аренду у богачей поля. Хозяин давал землю и половину семян для посева. Другую половину семян обеспечивал работник. Урожай делился пополам между хозяином и арендатором. В некоторых местностях арендатор не был обязан вносить половину семян, но тогда он получал лишь обеспечение на год и животное для жертвоприношения. Практически он был не столько арендатором, сколько работником в хозяйстве эксплуататора.

Практиковались займы под залог полей и детей. В первом случае кредитор получал право пользоваться полем должника как собственным вплоть до уплаты долга. Во втором случае ребенок поступал в распоряжение кредитора, существовало и рабство. Рабами могли стать как несостоятельные должники, так и люди, захваченные в плен. Практиковалась продажа в рабство детей должниками. Хозяин имел право на жизнь и смерть раба. Когда ребенок-раб подрастал, то хозяин мог выделить ему участок земли для обработки. Невозможно точно установить, работали ли сами эксплуататоры, У Р. Бартона имеется лишь указание, что даже богатые люди, когда располагали временем, брались за лопату,

У апатани Гималаев существовали и доминатные отношения в трех разновидностях (рабство, кабальничество, наймитство) и магнатно-рабовладельческие (Furer-Haimendorf, 1962. С. 22, 44, 49, 76-78, 81). К числу подобных обществ, которые можно назвать протодоминомагнатными, должны быть также отнесены тораджи Сулавеси (Volkman, 1985. С. 22, 60-68) и, по-видимому, якуты XVII-XVIII веков (см. Токарев, 1945).

Примером четвертого типа предклассового общества могут послужить карачаевцы XIX века (до реформы). Они подразделялись на четыре основных сословия, из которых два первых считались свободными.

Первое свободное сословие составляли таубии (горские князья). В 1867 г. они составляли 3,7 % населения Карачая. Для них считалось недопустимым и неприличным заниматься физическим трудом. Второе свободное сословие – карауздени. Их было 67,7 %. Но они, хотя и считались вполне свободными, тем не менее несли некоторые повинности в пользу таубиев. В основе данной формы эксплуатации лежит верховная собственность таубиев на землю караузденей. Эта форма эксплуатации обычно характеризуется как феодальная, хотя здесь полностью отсутствует основная ячейка феодализма – вотчина. В действительности она очень напоминает преполитарную и, скорее всего, возникла в результате эволюции последней. Ее можно было бы назвать парapolитарной (от греч. пара – возле, около).

Два зависимых сословия – юльгюлькулы (12,4%) и башзыскулы (3,3%). Первые были людьми, которые получали от других лиц землю и скот, сами вели хозяйство и отдавали часть своего труда владельцам земли и скота. Чаще всего это были люди, захваченные в плен. Но в таком положении могли оказаться и ранее свободные члены общины. Один путь – задолженность, другой – аренда земли из-за доли урожая. Таким образом у карачаевцев существовали магнатно-рабовладельческие, магнатно-кабальные и магнатно-арендные отношения. Башзыскулы были рабами, которые трудились в хозяйстве владельца.

В роли магнатов и доминатов могли выступать не только таубия, но и зажиточные карауздени. Более того, даже юльгюлькулы в свою очередь могли иметь и магнатно-зависимых и рабов. Особое место занимали азаты – вольноотпущенники из числа бывших магнатно-зависимых и рабов (12,9 %). Формально они считались свободными, но фактически продолжали нести некоторые повинности в пользу бывших владельцев (Студенецкая, 1937; Невская, 1986. С. 92-128).

[36]

Точно такие же отношения существовали у балкарцев (Кучмезова, 1972).

Удивительно сходную структуру мы находим у народа цюйно Ляншаня (провинция Сычуань, Китай). Они также делились на четыре слоя: носу – аристократов (7%), цюйно – свободных рядовых (55 %), ацзя – магнатно-зависимых (30%) и сяся – рабов (8%) (Итс, Яковлев, 1967; Итс, 1982). Подобного рода общества мы будем называть парapolитарно-доминомагнатными.

Парapolитарные и доминомагнатные отношения существовали у адыгов, принадлежащих к т. н. «аристократическим» племенам. Мы у них обнаруживаем те же самые четыре основные группы: знать (пши, тлекотлеши и деженуго), свободные рядовые (тфокотли), магнатно-зависимые (оги и лагунапыты или пшитли), рабы (унауы). У части адыгских племен в конце XVIII в. произошли своеобразные «революции», направленные против знати. В результате их были уничтожены парapolитарные отношения. Но доминомагнатные сохранились. Общество этих т. н. «демократических» племен не было парapolитарно-доминомагнатным. Оно было протодоминомагнатным (см. Покровский, 1958. – С. 102-135; Гардгнов, 1967. С. 123-236, 246-262).

Адыгские антиаристократические «революции» не представляют собой абсолютно уникального явления. У части качинов Мьянмы (Бирмы) в конце XIX в. также отмечены «революции», но направление против протополитарных отношений. Результатом их было превращение протополитархий (вожеств) в конгломераты независимых пракрестьянских общин. Первые общества характеризуются исследователями как «автократические», вторые – как «демократические» (Leach, 1964. СЛ97-212).

В свою очередь описанные выше три типа предклассового общества существовали в разных вариантах. Один из них характеризуется тем, что основной ячейкой была община. Это однообщинные предклассовые общества. Множество примеров однообщинных пракрестьянских обществ дает Африка. Это бвамба Уганды (Winter, 1955, 1958), тив Нигерии (Bohannan, 1968), логоли, вугуси и других банту Кавирондо (Wangner, 1969), таллензи Ганы (Forter, 1969), конкомба Того (Tait, 1958), кпе Камеруна (Ardner., 1956). В Азии такого рода общество существовало у ангами нага (Butter, 1969; Moffat-Mills, 1969) и каупуис (кабуис) нага (Hodson 1911; Watt» 1969) Индии, части чинов (Stevenson, 1944. С 13, 89-91) и качинов Мьянмы (Leach, 1964. С. 576 124,198, 206, 260). У последних данный тип организации носил название гумлао Однообщинным

[37]

было протодоминомагнатное общество у ифугао, тораджей, апатани, и парapolитарно-доминомагнатное у карачаевцев и балкарцев,

В обществах описанных трех типов довольно отчетливо прослеживается тенденция к возникновению все более крупных социальных образований. Она проявляется по-разному. Одно направление – укрупнение размеров общин. Оно могло быть осуществлено двумя основными способами. Один – объединение ранее независимых общин, превращение последних в подразделения одной общины. Среди общин особое место занимают деревенские, в которых; все члены общины живут в одном селении. Объединение деревенских общин сопровождается их сселением в одном месте. Вывшие самостоятельные общины становятся кварталами одной деревенской общины. Были селения, в которых кварталы играли большую роль, чем деревня в целом. В таком случае деревня в целом была не столько общиной, сколько надобщиной. Но в целом развитие шло по пути становления одной единой общины.

Другой способ – прекращение деления общины. Обычно общины, разрастаясь, делились. Возникали дочерние общины, которые сразу или со временем становились самостоятельными. Когда возникла тенденция к укрупнению общин, последние разрастаясь, долгое время не делились. В результате размеры общин возрастали. По пути укрупнения общин шло, например, развитие карачаевцев. Численность населения их аулов превышала 4 тысячи человек (Невская, 1960. С. 17, 47).

Другое направление – возникновение социально-исторических организмов, состоявших из несколько общин. Разрастаясь, общины делились, но старые и вновь возникшие общины продолжали образовывать один социально-исторический организм. Таким образом сами общины переставали быть социально-историческими организмами, становясь частями одного более крупного социора. Такие надобщинные социально-исторические организмы часто именуют племенами. Наиболее ярким примером могут послужить гуроны первой половины XVII в. У них существовало четыре племени. Одно из них занимало 14 деревень, два – по 7 деревень, одно племя полностью жило в единственной деревне (Trigger, 1969. С. 15-16), Самый простой способ возникновения более крупных социальных формирований – образование союзов. В союзы могли объединяться общины. В отличие от племен, которые были едины ми социально-историческими организмами, союзы были такими образованиями, в которых каждая община продолжала оставаться социором.

Возникновение и исчезновение союзов пракрестьянских общин наблюдалось, в частности, у бвамба (Winter, 1958). Но самый, пожалуй, яркий пример дает Дагестан, в котором к началу XIX в. бок о бок с многообщинными социально-историческими организациями существовало множество однообщинных. И, как правило, все эти общины входили в состав тех или иных союзов, которые в литературе нередко именуется вольными обществами. Их насчитывалось несколько десятков.

Примерами могут послужить Кабо-Дарго, в который в разное время входило от 10 до 15 общин, Томсуда (11 общин), Кос (7), Технуцал (9), Карлал (8), Богулал (5), Чамалал (5), Анди (6), Ах-ты-Пара (12), Богос (5), Андалал (9), Салатавский (13) (см. Брюханов, 1947; Магомедов, 1957; Хашаев, 1961; Алиев, 1972; Магомедов, 1981; Агларов, 1988).

Начавшись, процесс возникновения крупных социальных формирований мог идти и дальше. Вольные общества Дагестана, в свою очередь могли объединяться в союзы. Наиболее известным из таких союзов был Акуша-Дарго, в состав которого входило 5 вольных обществ (Магомедов, 1981. С. 29).

Образовывать союзы могли и племена. Так, например, все четыре племени гурунов образовывали конфедерацию (Тоокег, 1964; Trigger, 1960). Другой хорошо известный пример – знаменитая Лига ирокезов, которая объединяла вначале пять, а затем шесть племен (Морган, 1983).

Одни однообщинные общества Дагестана относились к числу пракрестьянских, другие являлись протодоминомагнатными, третьи – парapolитарно-доминомагнатными (Алиев, 1972. С. 141; Гаджиев, 1981. С. 12-23; Магомедов, 1981. С. 37-42; Агларов, 1988. С. 133-142). Ирокезы скорее всего относились к пракрестьянским обществам. Хотя у них и существовало рабство, но оно не играло сколько-нибудь значительной роли (Stites, 1905. С. 118-119). Что же касается гурунов, то их общество было очень близко к позднепервобытному.

У «демократической» части адыгов в конце 46-х годов XIX в. возникла крупная конфедерация, включавшая абадзехов, шапсугов и натухайцев (Гарданов, 1967. С. 287). Своеобразные объединения общин существовали и у «аристократической» части адыгов там же. СЛ57-166).

Существование в предклассовом обществе нескольких параллельно существующих качественно отличных друг от друга социально-экономических типов не позволяет ни отнести его к какой-либо определенной общественно-экономической формации, ни

выделить в качестве особой общественно-экономической формации. Это – межформационный период.

12. Типы обществ и характер войны

Предклассовые общества разного типа жили далеко не одной и той же жизнью. Многое в них отличалось. В частности, разный характер носила в них и война. Кроме того нужно учесть, что войны могли вестись не только между обществами одного и того же типа, но и обществами разных типов.

Главным типом предклассового общества было протополитарное. Именно через него пролегла дорога к первой классовой общественно-экономической формации – политарной. Поэтому мы прежде всего попытаемся нарисовать картину войн в протополитарном и раннем политарном обществе. Этому будет посвящен весь второй раздел второй части. В третьем разделе будут рассмотрены войны в остальных предклассовых обществах, исключая, разумеется, кочевые народы Азии и Африки, речь о которых пойдет в следующей, третьей части монографии.

Войны в раннеклассовых обществах иного типа, чем ранние политарные, в данной, т. е. второй части специально не рассматриваются. Тому несколько причин. Одна из них – ограниченный объем. Поставленные перед выбором: либо дать более чем беглый обзор войн во всех раннеклассовых обществах, либо нарисовать более или менее обстоятельную картину войн в раннеклассовом обществе одного определенного типа (раннеполитарном), опустив при этом все остальные, мы предпочли пойти по второму пути.

Это освободило нас и от необходимости дать характеристику социально-экономических структур и иных, кроме раннеполитарного, раннеклассовых обществ, что само по себе было очень непростой задачей. Никакого единого взгляда по этому вопросу не существует. Одни такие общества характеризуются как раннерабовладельческие (например, социально-исторические организмы Архаической Греции). Однако известно, что рабство в них не играло сколько-нибудь существенной роли. Другие общества именуется раннефеодальными (например, варварские королевства Западной Европы). При этом нередко подчеркивается, что феодальные отношения в них только начали складываться, да и то не сразу. Во всяком случае господствующими они не были. На наш взгляд, социально-исторические организмы Архаической Греции, Этрурии и раннего Рима были доминомагнатными, а варварские королевства Западной Европы – политарно-доминомагнатными. В дальнейшем

[40]

развитии доминагнатное общество Архаической Греции и раннего Рима трансформировалось в рабовладельческое, а политарно-доминантные социально-исторические организмы Западной Европы превратились в феодальные, (см. Семенов, 1992; 1993, № 2). Весь этот вопрос очень сложен и требует специального исследования. Что же касается войн в названных выше и других раннеклассовых обществах, то в принципе они ничем не отличались от тех, что велись в раннем политарном обществе. Это можно наглядно видеть на материалах третьей части монографии, где в числе прочих рассматриваются раннеклассовые общества иного типа, чем ранние политарные.

II

ВОЙНА В ПРОТОПОЛИТАРНОМ И РАННЕМ ПОЛИТАРНОМ ОБЩЕСТВЕ

1. Тробрианцы

Самым примитивным из известных нам протополитарных обществ является общество меланезийцев островов Тробриан. Это общество является во многом еще переходным от преполитарного к протополитарному. На главном острове архипелага – Киривина (Бойова) существовало несколько формирующихся протополитар-хий, самыми известными из которых были Киривина со столицей в деревне Омаракана и Тилатаула со столицей в деревне Кабуаки.

У тробрианцев не существовало охоты за головами. Не предпринимались у них и ночные набеги на соседние деревни. Войны велись с соблюдением строгих правил. Ни одна из них не начиналась без предупреждения. Причины войн: ссоры членов различных вожеств из-за женщин, огородов, свиней, подозрения в колдовстве. В начале происходили схватки с применением легкого оружия (палок, дубин, легких копий), которое постоянно носили с собой. Результат: либо примирение, либо настоящая война.

В последнем случае правители вожеств призывали своих подданных собраться к определенному дню в столицах. На полдороге между двумя столицами выбиралось и расчищалось место. Единственное оружие, которое применялось на войне: копья и щиты. Битва продолжалась, пока обе стороны держались. Когда воины одной из сторон обращались в бегство, открывался путь к дерев-

ням побежденных. Победители убивали мужчин, женщин, детей, сжигали деревни, вырубали деревья. Побежденные покидали деревни и бежали в соседнее вождество.

Как правило, подавляющему большинству удавалось спастись. Последняя серьезная битва между вождествами Киривина и Ти-латаула произошла в 1899 г. Победа была за Тилатаулой. Победители разрушили около 12 деревень. Главная деревня Киривина – Омаракана не была восстановлена до тех пор, пока не состоялась формальная церемония примирения.

Как подчеркивает Б. Малиновский, войны у тробрианцев скорее «дуэли», целью которых является приобретения славы для себя и унижение врагов, а не приобретение каких-либо преимуществ, включая экономические (Malinowski, 1920. С. 10-12).

Во вполне сформировавшихся протополитарных обществах войны играли более серьезную роль.

2. Нгуни (мтетва, ндвандве, темба, нгвааны, хлуби, батлоква, кумало и др.)

Выше уже шла речь о южноафриканских банту, какими они были в конце XIX – начале XX вв. Такими же были общественные отношения у них и в конце XVIII – начале XIX вв. Они подразделялись на множество вождеств, т. е. протополитархий. Имеются основания полагать, что такая организация существовала у них уже тогда, когда они пришли в эти края (Hammond-Tooke, ed, 1974. С. 248). Произошло это довольно давно. Район современного Наталя, который нас прежде всего интересует, был заселен банту, вероятно, в середине XV в. (Gluckman, 1969. С. 25). Большинство их относилось к группе, которую было принято именовать нгуни. Только на территории, которая в дальнейшем получила название Зулуленда, в начале XIX в. существовало около 50 независимых вождеств (Vryant, 1929. С. 6-7).

Одни и те же исследователи буквально на одних и тех же страницах называют эти социальные единицы и родами (кланами), и племенами, и государствами (Krige, 1965. С. 1, 6, 9; Риттер, 1989. С. 24-26, 43, 76-79).

Первая характеристика связана с тем, что в каждом вождестве один из родов был доминирующим. К нему принадлежал правитель. Имя доминирующего рода обычно использовалось как название вождества в целом (Krige, 1965, С. 217). Например, вождество, в котором доминировал род Зулу, носило название Зулу.

[42]

Характеристика вождества как племени имеет несколько причин. Одна из них состоит в том, что члены этой социальной единицы обычно имели общую культуру и говорили на одном языке. В результате название вождества было одновременно названием совокупности людей, составлявших его население. Жители вождества Мтетва назывались мтетва. Другая заключалась в том, что вождество в своей исходной форме было не геосоциальным, а де-мосоциальным организмом (об этих понятиях см. Семенов, 1982а). Хотя оно всегда и занимало определенную территорию, однако не было намертво связано с ней. Вождество могло перемещаться по земле, сохраняя свою структуру.

Вождество было формирующимся государством (прагосударством), что и давало исследователям основание характеризовать его как государство.

По мнению А. Т. Брайанта, население «кланов», находившихся на территории Зулуленда, в 1816 г. колебалось от несколько сот до несколько тысяч человек (Bryant, 1929. С. 6-7). Однако эти цифры находятся в известном противоречии с утверждениями ряда исследователей о том, что социально-исторические организмы нгуни начала XIX в. имели не двухзвенную (общины – вождество), а трехзвенную (общины – округа – вождество) систему управления (Krige, 1965. С. 217; Риттер, 1989, С. 24-26).

И в XVIII в. отношения между вождествами нгуни были далеко не всегда мирными. Частым явлением были набеги с целью захвата скота (Gluckman, 1969. С. 25). Имели место и формальные войны между вождествами. Они возникали по разным причинам. Когда выяснялось, что какие-либо противоречия между членами разных вождеств нельзя разрешить мирным путем, назначался день и определялось место схватки. Собирались все взрослые члены обоих прагосударств. Каждая сторона выставляла 20-40 воинов, которые вступали в сражение друг с другом. Побежденные обращались в бегство, а победители кидались ловить мужчин, женщин, а также скот врага. Людей в последующем возвращали за выкуп, а скот оставляли у себя (Krige, 1965. С. 8; Риттер, 1989. С. 32-33).

Но войны с целью подчинения других вождеств до конца XVIII в. по-видимому, были неизвестны. Положение изменилось с началом XIX в., что, вероятно, в определенной степени связано с европейским влиянием.

Один из сыновей правителя вождества Мтетва Нгодонгвана в силу ряда причин был вынужден покинуть родину. Во время своих странствий он имел контакты с европейцами. В 1806 или

1808 г. он вернулся, захватил власть и начал править Мтетва под именем Дингисвайо (Bryant, 1929. С. 86-95; Krige, 1965. С. 6-8).

Население Мтетва составляло немногим более 4 тысяч человек, из которых 500 были способны носить оружие (Bryant, 1929. С. 97). С этим небольшим отрядом Дингисвайо начал свои завоевания. За сравнительно короткий срок он подчинил себе значительное количество ранее самостоятельных вожеств. Он провел военную реформу. На базе возрастных разрядов им была создана более или менее стройная система полков. В результате в его распоряжении оказалась настоящая армия (Krige, 1965. С. 8). Одни вожества бы ли им завоеваны, другие подчинились добровольно.

Однако единой крупной протополитархии Дингисвайо не создал. Подчиненные вожества сохранили большую степень самостоятельности. Их зависимость от Дингисвайо ограничивалась уплатой дани и предоставлением в его распоряжение отрядов воинов. Они не входили в состав новой, более крупной протополитархии в качестве округов или провинций, а по-прежнему оставались протополитархиями, но только теперь вассальными. Такого рода объединение, состоящее из одной господствующей и нескольких вассальных протополитархий, некоторые исследователи называют федерацией (Hammond-Tooke, ed., 1974. С. 248, 268, 371). Мы будем называть его державой. Соответственно господствующую протополитархию мы будем обозначать как державную. Державная протополитархия является ядром державы, вассальные составляют ее периферию.

Дингисвайо не был одинок в своих замыслах. Одновременно или почти одновременно с ним завоевательную политику начал проводить правитель вожества Ндвандве – Звиде. Он тоже подчинил себе немалое число ранее самостоятельных вожеств. Столкновение Дингисвайо и Звиде было неизбежным. Дингисвайо трижды побеждал Звиде, брал его в плен и освобождал после того, как тот признавал его верховенство, В 1818 г. Дингисвайо предпринял новый поход против Звиде, но был предательски убит последним. После этого Звиде продолжал создавать свою державу. Однако он столкнулся с новым соперником. Им оказался Чака – правитель вожества Зулу.

Родившийся в 1787 г. Чака был сыном вождя зулу – Сензанга – коны. В семилетнем возрасте он вместе с матерью был изгнан отцом. В конце концов он оказался в вожестве Мтетва, где проеда вился как воин и стал любимцем Дингисвайо. Еще находясь на службе у Дингисвайо, Чака изобрел новый вид оружия – асsegай с массивным клинком и прочным коротким древком, что привело к

изменению тактики боя. В 1816 г. Сезангакона, признавший к тому времени власть Дингисвайю, умер и при поддержке верховного правителя Чака стал вождем зулу.

Владения Чаки составляли 100 квадратных миль. В войске его насчитывалось 500 человек (Риттер, 1989. С. 83). Не отказываясь от подчинения Дингисвайю, Чака начал проводить активную самостоятельную политику. Он начал с подчинения вождества Э-Лангени в результате чего удвоил свои силы. Затем в зависимости от него оказались еще с три вождества: Гунгебени, Сибийя и Газини. Следующим шагом Чаки был беспощадный разгром вождества Бутелези. Часть его жителей была истреблена, часть слита с зулу, элангени и гунгебени. Пустующие земли были заселены зулу и их союзниками. Захваченный скот был отослан Дингисвайю, который значительную его часть вернул своему протеже.

В течение года Чака подчинил себе 6 вождеств. Территория, контролируемая им выросла в 4 раза, а армия увеличилась до 2 тысяч человек. К этому времени его воины были вооружены ас-сегаями нового Типа и научились соблюдать боевой порядок и строжайшую дисциплину. В 1817 г. Чака принял участие в походе Дингисвайю против вождества нгваанов, который закончился успехом.

Убив Дингисвайю, Звиде попытался покончить с Чакой. Вспыхнула война. В апреле 1818 г. произошла кровопролитная битва на холме Гокли, в которой войска Чаки одержали победу. Ндвандве потеряли 7,5 тысяч человек. Из воинов Чаки было убито 1,5 тысячи человек и 500 ранено.

Этот успех обеспечил дальнейшее расширение влияния Чаки. Многие вождества признали его власть. В конце 1818 г. было покорено крупное вождество Гвабе. Подчинилось его власти и ранее державное вождество Мтетва. К концу 1818 г. под властью Чаки оказалось более 80 вождеств. Его господство распространялось на территорию более чем в 7 тысяч квадратных миль (Риттер, 1989. С. 165),

В 1819 г. началась новая война между Чакой и Звиде. 18-тысячная армия ндвандве во главе с Сошангааном вторглась в страну Чаки. В решающей битве она была наголову разгромлена. После этого войска Чаки смертоносным смерчем пронесли по стране ндвандве, уничтожая людей, угоняя скот, сжигая хижины. Звиде с частью жителей своего вождества бежал и поселился далеко от родины,

В 1820 г. Чакой была разгромлена еще одна держава нгуни, которую возглавлял верховный вождь тембу – Нгози. К концу 1821 г. господство Чаки распространилось на область в 11,5 тысяч квадратных миль, простиравшуюся от реки Тугела на юге до Понголы

[45]

на севере и от реки Баффало на западе до Индийского океана Эту территорию Э. А. Риттер называет Великой Зулусией (1989, С. 191). Именно ее прежде всего имеют в виду, когда говорят о Зу-луленде. По подсчетам А. Т. Брайанта население Зулуленда в 1816 г. составляло 74898 человек (Bryant, 1929. С. 81-82). К 1821 г. в армии Чаки насчитывалось более 20 тысяч воинов (Риттер, 1989. С. 284).

Еще более возросло могущество Чаки за последующие годы. По подсчетам Э. А. Риттера к 1828 г. под его властью находилась территория в 200 тысяч квадратных миль. Армия его к этому времени выросла до 50 тысяч человек (Риттер, 1989. С. 342).

22 сентября 1828 г. Чака был убит заговорщиками. Власть перешла к его брату – Дингаану, при котором территориальная экспансия прекратилась. После войны с бурами в 1838 г. произошло сокращение подвластной зулусам территории. В 1840 г. Дингаан был свергнут братом – Мпанде. После смерти последнего в 1872 г. правителем стал его сын – Сетвайо. В 1880 г. зулусы потерпели поражение от англичан. Их земля была вновь разделена на множество вожеств (Gluckman, 1969. С. 26-27).

Политическое образование, созданное Чакой, довольно отчетливо делилось на две части. Первая часть – ядро, называемое Э. А. Риттером Великой Зулусией. Вторая часть – вся остальная территория, находившаяся в зависимости от Чаки. Собственно Зулусия не была объединением, состоявшим из одной господствующей протополитархии и многих вассальных. Чака последовательно проводил политику централизации. С подчинением его власти ранее самостоятельные вожества на этой территории превращались не в вассальные протополитархии, а становились частями – провинциями новой крупной единой протополитархии.

Во главе этих провинций нередко оставались старые правители, но права их при этом значительно урезывались. Ни один из них не мог вести самостоятельной политики, как это делал Чака при Дингисвайо. Огромную роль в создании политического единства играла армия. Вся жизнь зулусов при Чаке была милитаризована. Продолжая линию Дингисвайо, Чака создал стройную систему полков, сформированных по возрастному принципу. Эти полки подчинялись непосредственно верховному правителю. Они жили в специальных военных краалях, сконцентрированных вокруг столицы. Правители провинций не имели над ними никакой власти.

В результате централизаторской деятельности Чаки все население Великой Зулусии образовало одну этническую общность, за которой закрепилось название зулу или зулусов. Если в начале деятельности Чаки под зулусами понимали лишь членов вожества

Зулу, то к ее концу зулусами считали себя все население этой территории.

В отличие от вожеств, которые были демосоциальными организмами, созданная Чакой единая крупная протополитархия была организмом уже геосоциальным. Она прочно срослась с территорией. Качественно отличие протополитархий подобных тем, что была создана Чакой с одной стороны, от обычных вожеств, с другой, – от объединений, стоящих из господствующих и вассальных протополитархий, т. е. держав, осознается многими исследователями. Они их именуют «нациями» или «королевствами». В некоторых ранних работах о южноафриканских банту термин «королевство» применялся иногда и для обозначения вожеств. Однако в более поздней литературе отчетливо проводится различие между вожеством, федерацией (т. е. державой) и королевством (Hammond-Tooke, ed., 1974. С. 246-248, 268-272).

Все сказанное выше дает основание для подразделения протополитархий на два основных вида. Первый – ранние протополитархии. Их обычно именуют вожествами. Второй – поздние протополитархий. Именно их обычно называют королевствами. Учитывая, что речь здесь идет о предклассовом обществе, мы вместо слова «королевство» будем употреблять несколько иное – «пракоролевство». Пракоролевство зулусов во времена Чаки было ядром обширной державы, в которую входили вассальные вожества.

События, развернувшиеся в Натале в начале XIX в. имели своим следствием не только образование пракоролевства зулусов и вообще державы Чаки. Они привели и к другим результатам.

Мы уже говорили о походе, который предпринял Дингиевайо против вожества нгваанов. Их вождь Мативаан признал верховенство Дингисвайо после чего конфликт был разрешен. Но готовясь к войне с Дингисвайо Мативаан укрыл весь скот своего вожества во владениях Мтимкулу – вождя хлуби. Когда войско Дингисвайо ушло, Мативаан потребовал у Мтимкулу свой скот и получил отказ. В это время на нгваанов обрушился уже известный нам правитель ндвандве Звиде. Нгвааны были вынуждены спешно покинуть родину. Их войско, вместе с которым шли женщины и дети, напало на главное селение хлуби, уничтожив всех тех, кто там находился, включая Мтимкулу. Уничтожены были и другие селения хлуби. Победители удалились, гоня с собой и собственный скот, который удалось вернуть, и чужой.

Однако значительная часть хлуби спаслась бегством. Их объединил под своей властью брат убитого вождя – Мпангазита. Под его руководством они перешли Драконовы горы и напали на

вождество Батлоква, находившееся на территории нынешнего Свободного Оранжевого государства. Им в то время управляла Мантати зи – мать малолетнего вождя Сиконьелы. Захватив весь скот батлоква, Мпангазита пошел на юго-запад, уничтожая все на своем пути. При этом пострадали народы, населявшие запад Васутолен да и большую часть Свободного Оранжевого государства.

Ограбленные батлоква во главе с Мантатизи двинулись на юго-запад, оставляя после себя столь же страшные следы. Они на не ели поражение бафукенгам, махвава, баквена. Ими была одержана победа над знаменитым Мшвешне (Мошешу) – будущим основателем праторолевства Басутоленд.

Что же касается нгваанов во главе с Мативааном, то разгромив хлуби, они двинулись на юг, сжигая на своем пути селения и истребляя всех без разбора: детей и женщин, стариков и больных. Переправившись через реку Тугела, Мативаан со своими людьми поселился в 1818 г. у подножья Драконовых гор. Однако спустя четыре года он потерпел поражение от одного из полководцев Чаки – Мдлака и, потеряв весь скот, был вынужден уйти на территорию Свободного Оранжевого государства. Грабя и уничтожая все на своем пути нгвааны прошли по восточной части Свободного Оранжевого государства к северо-западным районам Басутоленда. В 1828 г. в восточной части Капской провинции Мативаан был разбит объединенными силами англичан, коса и тембу. С горсткой воинов он избежал гибели и вернулся в страну зулусов, где был убит по приказу Дингаана (Bryant, 1929. С. 135-158; Риттер, 1989. С. 122-126, 236-237, 286-287).

В случае с Мпангазита, Мантатизи и особенно Мативааном мы сталкиваемся с очень своеобразным явлением – мигрирующим или подвижным вождеством. Так как подобное вождество почти непрерывно находилось в движении, что не давало возможность заниматься нормальной хозяйственной деятельностью, то в основном оно жило грабежом народов, по территории которых проходило. Если исключить бесчисленные зигзаги, то нгвааны во главе с Мативааном за несколько лет прошли, грабя и уничтожая все на своем пути, почти тысячу миль по неизвестной местности (Риттер, 1989. С. 125). После поражения в войне с Чакой мигрирующим вождеством стали тембу, мбата и кузе во главе с Нгози. В подвижное вождество превратились в 1821 г. цуну, возглавляемые Ма цингване. Они также сеяли на своем пути смерть и разрушения (Bryant, 1929. С. 252-273; Риттер, 1989, С. 226, 229).

В одних случаях мы имеем дело с настоящими подвижными вождествами, т. е. протополитархиями, с других – просто с

вооруженными отрядами. Впрочем грань здесь весьма условна. Мигрирующие вождества могли превращаться в обыкновенные отряды, а отряды в подвижные вождества.

Во главе образований, природа которых не вполне ясна, оказались после полного разгрома ндвандве бывший главнокомандующий их армией Сошангаан, его заместитель Звангендаба, а также один из подчиненных ему полководцев – Нкаба. Эти образования постоянно пополнялись за счет народов, которые оказывались на их пути. В 1821-1822 гг. Сошангаан, Звангендаба и Нкаба порознь двинулись на север от своей родины. Победоносно продвигаясь вперед, Сошангаан разгромил португальцев, подчинил себе множество вождеств и основал державу Шангаан (Газа), простиравшуюся по побережью Индийского океана от бухты Делагоа до Замбези (Bryant, 1929. С. 4. 46-458). По своим масштабам это образование было не меньшим, чем держава Чаки.

Звангендаба за 20 лет прошел путь более 2 тысяч миль и к 1840 г. достиг Танганьики. Если при начале движения его сопровождало несколько сот человек, то к этому времени он был главой вождества, насчитывавшем в своем составе много тысяч членов. Из них только 10 % были нгуни по происхождению. Остальные 90 % были абсорбированы во время движения из среды народов, по территории которых проходило это вождество. Эта новая общность людей получила название – ангони. Во время движения от подвижного вождества Звангендабы откалывались группы, возглавляемые теми или иными честолюбивыми руководителями. В конце концов они оседали в том или иной районе. Всего возникло 16 вождеств ангони. Самые южные из них обосновались в области озера Ньяса, самые северные – возле озера Виктория (Bryant, 1929. С. 458-471; Риттер, 1989. С. 356).

Участь Нкабы была печальной. Вначале, подчинив себе ндаву, он стал правителем довольно крупного вождества на территории нынешнего Мозамбика. Затем он, будучи изгнан Сошангааном, двинулся на запад и, в конце концов, погиб (Bryant, 1929. С. 446, 460-462, 471-472).

Одним из самых удачливых завоевателей, вышедших из числа нгуни, был Мизиликази (Моселекатсе). Он был сыном правителя вождества Кумало, находившегося в зависимости от Звиде. Отец его был вероломно убит последним. После битвы у Гокли Мизиликази перешел на службу к Чаке. Когда ндвандве были разгромлены, он был восстановлен в должности вождя кумало. Будучи послан Чакой в поход на север, он захватил богатую добычу, которую решил оставить себе. Узнав об этом Чака послал к нему гонца

[49]

с требованием отдать захваченный скот. Мзиликази отказался. Против него была направлена карательная экспедиция, которая оказалась безуспешной. В результате следующей, предпринятой в 1823 г., Мзиликази потерпел поражение и бежал. По одним данным его сопровождало 300 молодых воинов и много женщин и детей, к которым потом присоединились и некоторые другие люди из числа кумало (Bryant, 1929. С. 423; Риттер, 1989. С. 238-239). Другие утверждают, что он увел с собой более 2 тысяч воинов с женами и детьми (Потехин, 1951. С. 237).

Двигаясь на север Мзиликази разгромил зависимое от Чаки вождество Ньюка. Многие ньюка были убиты, весь их скот захвачен. Сея смерть и разрушение, он прошел по вождествам басуто в Восточном Трансваале. Женщин он захватывал, молодых мужчин забирал себе на службу. Образовавшаяся вокруг Мзиликази общность людей получила название матабеле.

Вслед за басуто наступила очередь бечуанов, которые ничего не могли противопоставить матабеле с их зулусской военной организацией, новым оружием и новой тактикой рукопашного боя. Часть бечуанов была перебита, часть бежала в пустыню Калахари, а оставшиеся признали власть Мзиликази. Последний основал свою резиденцию вблизи нынешней Претории. Отсюда он распространил свое влияние на большую территорию между реками Ваал и Лимпопо. Здесь матабеле прожили 13 лет.

В 1836 г. их начали теснить бурские поселенцы. После двух лет борьбы матабеле снялись с места и ушли на север. Они поселились на территории нынешнего Зимбабве. Мзиликази создал огромную державу, простиравшуюся от реки Ваал на юге до реки Замбези на севере и от озера Нгами на западе до Мозамбика на востоке. Ее территория превышала 500 тысяч квадратных миль. На этом обширном пространстве кроме матабеле жили бечуаны, мошона, мокололо. По европейским данным, войска преемника Мзиликази Лобенгулы в 1889 г. включали в свой состав 11500 матабеле и 10000 воинов из вассальных вождеств. В 1893 г. матабеле потерпели поражение в борьбе с англичанами и оказались под их властью. Держава матабеле прекратила существование.

На основе обобщения приведенного материала можно сделать несколько выводов.

Когда существует бок о бок множество сравнительно равных по силе протополитархий, то такая система долгое время может оставаться стабильной. Но стоит только одной протополитархий выделиться и подчинить себе несколько других, как равновесие сил резко нарушается. Наступает эффект снежного кома. Подчинение

все новых и новых протополитархий делает первую все более могущественной, а могущество в свою очередь делает возможным новые захваты. Одновременно рост могущества одной из протополитархий делает настоятельно необходимым объединение тех протополитархий, которые еще не завоеваны и не желают подвергнуться такой участи. В результате наряду с одной расширяющейся протополитархией возникают и другие не менее могущественные. Между ними разгорается борьба, которая решается в пользу одной из них. Поражение одного из соперников снимает преграды на пути территориальной экспансии победителя.

В результате буквально за несколько лет может радикально измениться политическая карта. На смену множества независимых вожеств приходит либо одна крупная протополитархия, либо держава, а иногда и то и другое одновременно.

Толчок, нарушающий первоначальное равновесие, нередко приходит извне. Особенно наглядно это можно видеть тогда, когда на данную территорию вторгается кочующая протополитархия. Она первоначально подчиняет себе несколько местных, а затем начинается эффект снежного кома. Вторгнуться извне может не только кочующая протополитархия, но просто крупный вооруженный отряд, отправившийся на поиски новой родины.

Завоевания Чаки состояли в присоединении новых территорий к ранее существовавшему социальному образованию. Они привели к возникновению, во-первых, пракоролевства зулусов, во-вторых, крупной державы, ядром которой это пракоролевство являлось. Внутри пракоролевства не было различий между завоевателями и покоренными. Все его жители в равной степени являлись зулусами. В пределах державы различие между завоевателями и покоренными было различием между жителями зулусского пракоролевства и жителями вассальных вожеств.

В случае Мзиликази завоеватели пришли извне и поселились на территории покоренных народов. В результате, наряду с протоклассовой стратификацией возникла и иная, не совпадающая полностью с первой.

Кумало, вообще все нгуни, пришедшие из Наталя, и их потомки образовали высший слой, получивший название абензанзи («Те, кто с юга»). Представители басуто, бечуанов, которые были инкорпорированы во время пребывания в Трансваале и в той или иной степени усвоили зулусский язык, образовали второй слой – абенхла («Те, кто с севера»). Остальные, прежде всего мошона, принадлежали к низшему слою – амахоле (Потехин, 1951. С. 244-245; Риттер, 1989. С. 239). Это различие не совпадало не только с

[51]

классовым, но и с различием между жителями доминирующей протополитархии и жителями вассальных.

Различие между завоевателями и коренным населением особенно долго сохраняется, когда первые и вторые не только относятся к разным этническим общностям, но и ведут различный образ жизни.

Все южноафриканские банту, о которых шла речь, была земледельцами и животноводами. У всех у них существовали протополитарные отношения. В результате завоевания их общественный строй не претерпел сколько-нибудь существенных изменений. Единственное, что произошло, это возникновение наряду с вождествами пракоролевств и держав.

3. Баньянколе

В XII-XIII вв. некоторые районы нынешней Уганды, в которых обитали земледельцы – баиру были завоеваны скотоводами – бахима. Возникло довольно крупное образование, которое принято именовать Китара. Трудно сказать, каким был общественный строй баиру и бахима до этого события. Согласно легендам, у бахима ко времени завоевания не было ни вождей, ни королей. У них существовали лишь важные и богатые люди, которые улаживали конфликты. Об общественных порядках у баиру предания молчат. Можно предполагать, что и общество баиру было предклассовым.

В XVI-XVII вв. империя Китара рухнула. От нее отпали Анколе (Нкоро), Торо, Карагве. Оставшаяся часть получила название Буньоро. Все эти единицы сохранялись до XIX в. и детально описаны во многих работах. В качестве примера рассмотрим Анколе.

Каким бы ни был общественный строй баиру и бахима до завоевания, Анколе в XIX в. представляла собой типичную протополитархию. Многие исследователи считают, что такого рода отношения возникли в результате завоевания. Бахима образовали правящий класс, баиру – подчиненный. Так из общества без классов возникло общество с классами.

Действительно различия между бахима и баиру были различиями между людьми не разных социально-исторических организмов: державного и вассального, а одного единого социора. Бахима действительно образовывали привилегированный, а баиру лишенный привилегий слой. Между ними были воспрещены браки.

Но хотя число бахиму было в 10 раз меньшим, чем числе баи ру, не все они относились к классу протополитаристов. Рядовые бахима, занимавшиеся скотоводством, не только жили за счет

собственного труда, но и обязаны были давать правителю Анколе – мугабе скот. С другой стороны, некоторые люди из числа баиру выступали в качестве должностных лиц, в частности сборщиков налогов. Рядовые баиру рассматривали их как вождей. Но в целом подавляющее число протополитаристов состояло из бахима (См. Roscoe, 1923. С. 1-22, 34-58, 94-107; Oberg, 1969. С. 121-150; Годинер, 1982. С. 56-59, 88-89).

4. Баганда

Пракорольства и державы на юге Африки возникли в XIX в. буквально за считанные годы. В дальнейшем их развитие было прервано в результате европейской экспансии. В Буганде, расположенной на территории «современной Уганды, подобного рода процессы делились в течение веков.

Устные хроники баганда рассказывают о времени, когда существовали независимые роды во главе со своими старейшинами (батака). Судя по всем данным, в действительности это были не роды, а ранние протополитархии, вожества. Предания говорят также и о существовании объединения этих «родов» с сабатакой (старейшиной старейшин) во главе.

Затем, согласно традиции, с востока или северо-востока на территорию Буганды вторглись мигранты во главе с Кинту. Последний захватил власть и стал верховным правителем. Под его господством объединилось около 22 «родов». Это произошло, вероятно, в XIII-XIV вв.

В XVI-XVII вв. в Буганду с запада во главе 10 родов пришел Кимера, к которому перешла верховная власть. Согласно устойчивой традиции Кимера разделил Буганду на провинции (саза), поставив во главе их наместников. При Кимере началась военная экспансия Буганды (Годинер, 1982. С. 57-93).

Одной из важных целей войны был грабеж. Как писал Дж. Роско, баганда – храбрый и воинственный народ. Они всегда готовы начать войну с тем или иным из окружающих народов. Малейший инцидент используется как повод для начала военных действий. Надежда на добычу побуждает каждого мужчину стремиться принять участие в карательной экспедиции.

Когда верховный правитель Буганды – кабака решал начать войну, он обращался к богам. Они должны были дать совет, как вести войну и кого назначить командующим войсками. Жрецы от имени богов называли имя главнокомандующего и посылали благословение. Затем правитель советовался со своими ближайшими

помощниками относительно того, какое количество воинов послать в поход. Все держалось в секрете до тех пор, пока не происходил сбор вождей для обсуждения деталей ведения войны. Объявлял; лось имя главнокомандующего. Следующий шаг состоял в том, чтобы начать бить в большой военный барабан, что находился при дворе кабаки. На этот звук откликались все более и более далекие барабаны и вскоре в них били по всей стране. Это был сигнал к сбору войск.

Армия Буганды представляла собой народное ополчение. Каждый воин имел собственное оружие: 2-3 легких копья для метания и одно тяжелое для рукопашного боя. В левой руке он держал щит. Не существовало централизованного обеспечения солдат продовольствием. Поэтому они жили за счет местного населения. Их призывали не грабить в своей стране, но разрешали брать плоды в огородах и птицу. На деле воины занимались грабежом и на своей территории, не говоря уже о вражеской.

Армия собиралась в течение 4 дней после начала барабанного боя и через 10 дней части ее прибывали на границу, где лагерем стоял главнокомандующий. Впереди высылались разведка. Предпринимались отвлекающие удары. Перед битвой главнокомандующий решал, какие войска послать в атаку, а какие держать в резерве. Во время боя он находился на возвышенном месте, чтобы иметь возможность наблюдать его ход и в случае нужды послать помощь туда, где она была нужна.

Когда добычи было захвачено много, армия возвращалась на родину. Часть добычи шла кабаке, остальное делилось Между участниками войны Люди, отличившиеся в сражениях, получали на – граду: женщин, скот. Война была важным средством социальной мобильности. Человек из простого народа, проявивший храбрость в боях, мог пробиться в среду правящего класса (Roscoe, 1911. С. 346-364).

Войны велись не только с целью грабежа, но и захвата и прочного освоения территории. Правители Буганды не ограничивались сбором дани. В завоеванные районы назначались наместники. За местными вождями, если они проявляли лояльность к победителю, оставлялась некоторая доля власти. Сопrotивление жесточайшим образом подавлялось. Когда присоединенные земли более или менее прочно осваивались, происходило сближение гражданского статуса их населения с нормами действовавшими в центре.

По всей Буганде была проложена сеть прекрасных дорог, которые позволяли быстро перебрасывать войска. Состояние дорог позволяло гонцам кабаки достигать самых отдаленных окраин за

несколько дней. Организация войны и дорожные работы относились к числу важных функций нарождающегося государства в Бугаде.

К XVII в. Вуганца удвоила свою территорию. К началу XIX в. территория Буганды равнялась примерно 26 тысячам км². Население ее составляло от 1 до 3 млн. человек. В сфере влияния прако-ролевства Буганда находились все пограничные с ней области, одни из которых представляли собой протополитархии, а другие – местные системы небольших протополитархии (Бусога, Анколе, Торо, Коки, Кизиба, Бухайя, Карагве, Ихангиро). В 1893 г. Буганда стала английским протекторатом. Ее самостоятельное развитие оборвалось (Roseoe, 1911; Годинер, 1982).

Нельзя сказать ничего определенного относительно того, как именно объединились протополитархии в Буганде в эпоху до появления Кинту. Возможно, что одна протополитархия подчинила себе другие. Но не исключено, что бугандийские протополитархии объединились на добровольной основе, образовав союз. Последнее представляется более вероятным.

5. Акань (ашанти и фанти)

Такой ход событий наблюдался, в частности, у аканов Западной Африки (ашанти, фанти и др.), численность которых 10 млн. человек. Возникновение союзов (федераций) у аканов не было результатом завоевательных войн. Однако эти события были теснейшим образом связаны с войнами. Протополитархии объединялись для ведения войн. Один из самых известных таких союзов носил название Асанте, что буквально означало: «объединение для войны, военный союз» (Попов, 1990. С. 119).

В жизни аканов огромную роль играла внешняя торговля, прежде всего обмен с европейцами. Объектами были золото, слоновая кость, перец, черное дерево. С конца XVII в. главным товаром стали невольники, которых европейские работорговцы поставляли в Америку. В обмен акань получали огнестрельное оружие. Войны у аканов были постоянным явлением. Они велись ради грабежа, захвата рабов, получения контрибуций, увеличения числа данников. По одной из важнейших целей войн было установление контроля над торговыми путями, ведущими от побережья к внутренним районам.

Значение внешней торговли и войн у аканов было столь велико, что В. А. Попов характеризует их социальные образования как паразитические военно-торговые организмы (1990. С. 212). Как утверждает он, общество аканов зиждилось прежде всего на внешней

эксплуатации: военном грабеже, контрибуциях, данничестве, пенсреднической торговле (С. 184). Для него был характерен африканский (военно-торгово-даннический) способ производства (С. 224. Именно на его базе возникло государства. Что же касается антагонистических классов, то их в обществе аканов не существовало. Политогенез у них опережал классогенез (С. 209-210)

Прежде всего следует отметить, что В. А. Попов ставит знак равенства между понятиями «способ эксплуатации» и «способ производства». Но существуют такие способы эксплуатации, который способами производства не являются. К ним относятся и военный; грабеж, и посредническая торговля, и данничество. Никакого военно-торгово-даннического способа производства не существует и существовать не может. Но ни одно общество не может жить без какого-либо способа производства.

Основная социальная единица у аканов называлась оман. Ее; возглавлял оманхене. Данные свидетельствуют о том, что оман; был типичной протополитархией, а оманхене – типичным протополитархом. Оманхене считался хозяином земли омана (Попов, 1990 С. 106). Оман подразделялся на округа, а последние состояли из общин с населением от 500 до 1000 человек (С. 90-91, 104).

Часть созданного продукта общинники отдавали главе общины (одекуро). Последний из полученного использовал на свои нужды, а остальное передавал оманхене (С. 175). Последний получал дары, подношения от общин во время праздников Оджиры и Адаэ (С. 178-179). Оманхене имел право на часть мяса и шкуры ряда диких животных, убитых на территории вожества, а также часть рыбы. Охотник на слонов был обязан отдавать ему один бивень и хвост (С. 176). Оманхене получал значительную долю золотых самородков и золотого песка, добываемого на подвластной территории (С. 175-176). Правителю шли дани, штрафы, пошлины, а также часть военной добычи (С. 179, 180). Долю прибавочного продукта получали и другие должностные лица. Размеры ее зависели от их места в иерархической системе. Например, сборщики податей пошлин и штрафов получали собранного (С. 179).

Существование протополитарной эксплуатации, а тем самым и протополитаристов у аканов несомненно. Но наряду с ней бытовали и другие формы извлечения прибавочного продукта. Кроме упомянутых выше у них существовало также рабство и кабальничество (С. 184-186, 193-196).

Одни оманы могли себе подчинять другие. В ряде случаев побежденные оманы становились частями победившего, т. е. происходило укрупнение последнего. Так в XVIII в. оман Кумаси победил

и влил в свой состав оманы Амакон, Каасе, Тафо, Дормаа (С. 120). В других случаях побежденные оманы, сохраняя внутреннюю самостоятельность, становили вассалами-данниками победителя (С. 121). Возникли объединения, которые мы назвали державами. Оман Акваму в XVII-XVIII вв. имел 10-12 вассальных оманов (СИ 4).

С этими мы уже сталкивались на примере нгуни. Новое для нас явление – образование союзов протополитархий. Один из самых известных таких союзов – конфедерация Ашанти (Асанте Нгабом), возникшая, вероятно, в начале XVIII в. Она была образована для ведения войны с оманом Денчира, который был в дальнейшем разгромлен и влился в состав омана Кумаси.

Согласно устной традиции этот союз состоял первоначально из 5 оманов, хотя трудно сказать, насколько это соответствует действительности. В дальнейшем число полноправных членов союза, которые назывались аманто, выросло. Однако на протяжении двух столетий в союз никогда не входило одновременно более 12 аманто.

Главой союза был правитель омана Кумаси. Он был не только кумасихене, но и асантехене. Все аманто были независимы в решении своих внутренних проблем, Асантехене не имел права вмешиваться в их дела и обладал реальной властью только в своем омане Кумаси. Первоначально он был первым среди равных оманхене (С. 126).

Все аманто вместе взятые образовывали союза – Асантеман. Но вскоре состав конфедерации Ашанти перестал совпадать с Асантеманом. В результате непрерывных войн Асантеман к середине XVIII в. подчинил и обложил данью более 20 вожеств. Еще около десятка добровольно приняли его протекторат.

Все эти зависимые протополитархий не стали аманто. Они делились на две категории, Первая из них – амансин. К ней относились оманы, населенные аканами, или те, где при смешанном населении правили аканские роды. Они были тесно связаны с Кумаси, но пользовались независимостью в своих внутренних делах. Их жители участвовали в войнах в составе ашантийской армии. Амансин входили в состав конфедерации Ашанти, но не Асантемана (С. 128-130).

Вторая категория – аматеасе. В их столицах, в отличие от амансин, находились вооруженные отряды ашантийцев и представители асантехене, которые собирали дань. Их жители не участвовали в войнах в составе ашантийской армии. Состав аматеасе был нестабильным. Некоторые из них входили в конфедерацию Ашанти не прямо, а в силу того, что были данниками вожеств – амансин (С. 130).

Таким образом конфедерация Ашанти со временем превратилась в своеобразную державу, ядром которой была не одна

протополитархия, а союз, состоящий из нескольких протополитархий (Асантеман). К началу XIX в. Асантеман контролировал примерно 150 тысяч км² с населением в 2-3 млн. человек.

Во второй половине XVIII в. асантехене начали проводить политику централизации. Усилился контроль над амансин, куда стали назначаться резиденты из числа кумасийских военачальников. Это вело к усилению позиции Кумаси как центра ашантийской державы. Начались попытки поставить в зависимость от Кумаси другие аманто. Все это вызвало недовольство со стороны их правителей. Появились сепаратистские настроения, которые использовали англичане. В конце концов раздираемая внутренними противоречиями конфедерация не смогла оказать серьезного сопротивления во время последней англо-ашантийской войны 1895-1896 гг. и прекратила существование (С. 131-134).

Другой известный союз протополитархий у аканов – конфедерация Фанти. Она возникла в начале XVIII в. и состояла, примерно, из 20 оманов. Как и конфедерация Ашанти, конфедерация Фанти была вызвана к жизни необходимостью объединения военных усилий. Главными врагами были ашантийцы. Никакого центрального аппарата конфедерация Фанти не имела. Это был аморфный военно-политический союз (С. 112-113).

Важным является вопрос о том, какая судьба ждала бы возникшие в результате войн крупные протополитарные образования в случае, если бы их естественное развитие продолжалось. Материалы, приведенные выше не дают на него ответа. Державы зулусов и матебеле были уничтожены европейцами. Буганда стала английским протекторатом. Конфедерация Ашанти развалилась в немалой степени в результате воздействия англичан, хотя это во многом стало возможным вследствие процессов, протекавших внутри ее. Чтобы понять закономерности развития подобного рода образований нужны дополнительные данные. И их в изобилии дает та же сама Африка, в этом отношении характерна судьба державы Конго.

6. Баконго

На территории, населенной баконго, к XIII в. существовало несколько мелких и средних протополитархий. Одна из них находилась на реке Бунгу. У ее правителя было много сыновей. Один из них – Нтину Вене (Ними а Лукени), не надеясь унаследовать власть, собрал вокруг себя большой отряд молодежи и вместе с ним переправился на южный берег реки Конго.

[58]

Он начал с объединения под своей властью мелких протополитархий, расположенных между левыми притоками Конго – Луву и Луньонзо. Эта область называлась Мпемба Кази. Затем были присоединены протополитархии, расположенные в области, получившей название Нсунди. В результате владения Нтину Вене вплотную подошли к границам довольно крупной протополитархии Мпемба, где правил мани (глава, вождь) Кабунга. Нтину Вене предложил ему союз, скрепив его женитьбой на дочери мани. Он предложил и своим воинам вступить в брак с местными девушками. Как сообщают предания, знатные женились на знатных, простые воины – на девушках из простонародья.

Затем Нтину Вене добровольно подчинилась протополитархия Мбатта, пришедшая в упадок из-за раздоров в среде знати. В последующем были завоеваны Мпангу, Сойо и Мбамба. Так возникла крупная протополитархия, состоящая из 6 провинций: Мпемба, Нсунди, Мбатта, Мпангу, Сойо и Мбамба. Возникшее в 70-80 гг. XIII в. прагосударство Конго стало ядром большой державы. Согласно преданиям еще при жизни Нтину Вене его власть признали протополитархии Нгойо, Каконго и Лоанго. В дальнейшем вассалами Конго стали Ангола, Матамба и некоторые другие прагосударства (См. Орлова, 1968. С. 41-54; Орлова, Львова, 1978. С. 54-57).

Расцвет державы Конго приходится на XV в. К этому времени ее площадь составляла около 300 тысяч км (Орлова, Львова, 1978. С. 57). В конце XV в. в правление Нзинга а Нкуву в Конго начали проникать португальцы. Влияние их было значительным. В 1491 г. Нзинга а Нкуву крестился и принял имя Жуана I. Его примеру последовали и многие другие представители знати. Затем миссионеры начали совершать массовые обряды крещения. Распространение новой веры проходило не гладко. Вспыхнуло недовольство простого населения. Все это побудило Жуана отречься от христианства. Но его преемник Афонсу (1506-1543) продолжал политику христианизации.

В Конго португальскими мастерами возводились храмы. Афонсу проявил большую заботу о европейском образовании знатного юношества. Молодые люди посылались для обучения в Португалию. В первые годы правления Афонсу в столице Мбанза-Конго (Сан-Салвадоре) была создана школа на 400 человек, в которой учились прежде всего близкие родственники короля (Орлова, 1968. С. 62-75, 235-236; Орлова, Львова, 1978. С. 59-66).

В XVI-XVII вв. образование в Конго было распространено достаточно широко. Возникла прослойка собственной интеллигенции, по происхождению связанная с высшими слоями общества. Современники

пишут о широком распространении грамотности в Сан-Салвадоре и необычайной тяге молодежи к образованию. Автор «Истории Конго» (конец XVI в.) писал, что «почти все среди них умеют читать... Они продают все, что имеют, чтобы купить рукопись или книгу» (См. Орлова, 1968. С. 237). По сообщению Питера ван Брука в XVII в. в столице провинции Сойо было 8 или 10 школ. «Все дети, – пишет он, – знают португальский язык и получают образование на этом языке. В течение всего дня их можно видеть с маленькой книжечкой в руках» (см. Орлова, 1968. С. 237).

В городах Конго были сооружены церкви. В 1648 г. в Сан-Сальвадоре было 6 действующих храмов. Все они были выстроены из камня. Королевский дворец и португальский квартал были окружены стенами из камня и глины. Для XVII в. существует описание королевского дворца, целиком построенного из кирпича (Орлова, 1968. С. 188-192).

Таким образом, в Конго XVI-XVII вв. присутствовали все признаки цивилизации: монументальные каменные и кирпичные сооружения и письменность. Поэтому данная страна относится не к предклассовому, а уже к классовому обществу. Конечно, появление монументальных строений и письменности было не результатом самостоятельного внутреннего развития, а внешнего влияния. Но ведь и в Руси X в. монументальное зодчество и письменность были привнесены извне, что ни в малейшей степени не мешает характеризовать ее общество как уже классовое.

Однако наряду с таким стремительным взлетом в области материальной и духовной культуры в Конго с XVI в. начинают обнаруживаться признаки упадка. Уже первые годы правления Аффонсу характеризовались серьезными народными волнениями. То нарастая, то затухая, они длились в течение всего его царствования (Орлова, Львова, 1078. С. 64-65). В последние 10-15 лет пребывания Аффонсу на троне страну раздирали междоусобицы, Центральной власти пришлось вести войны с местными правителями (Орлова, 1964. С. 79).

После смерти Аффонсу началась борьба за трон, которая длилась несколько лет. В конечном результате королем стал его внук – Диогу I. После его смерти в 1561 г. начался один из самых «смутных» периодов истории Конго. На престол сел ставленник португальцев Аффонсу II. В октябре 1561 г. группа знати при поддержке простолудинов столицы свергла и казнила Аффонсу II. Это послужило сигналом к началу всеобщего восстания, направленного прежде всего против португальцев. Народное движение не утихло и после воцарения Бернарду I.

К этому смутному времени относятся все более частные вторжения в Конго народов, живших за его пределами. В начале 60-х годов на восточных границах королевства появились яга. Этот народ, пришедший из глубин Экваториальной Африки, жил в непрерывном движении. Яга не имели ни постоянных жилищ, ни селений. Они разбивали военный лагерь там, где приказывал остановиться вождь. Европейские наблюдатели описывают яга как «варваров, людоедов». Некоторые сравнивают их с варварскими народами раннего европейского средневековья – готами, вандалами.

Английский моряк А. Беттел, проживший среди яга около двух лет, сообщает о огромной власти их военных вождей. Подобно туче саранчи яга все истребляли и опустошали на своем пути. Женщины яга, как и мужчины, владели оружием и участвовали в сражениях. Согласно обычаю они не могли иметь детей. Каждого новорожденного убивали. Чтобы восполнить потери, которые они несли в непрерывных войнах, яга включали в свой состав мальчиков, подростков и девушек тех народов, на территорию которых вторгались и чье взрослое население безжалостно истребляли (Орлова, 1968. С. 86-87; Орлова, Львова, 1978. С. 69-70).

Если до сих пор мы рассматривали войны, которые велись между социально-историческими организмами, находившиеся на одних и тех же стадиях эволюции и с одинаковой социальной организацией, то здесь мы сталкиваемся с борьбой между народами, отличавшимися друг от друга уровнем общественной эволюции.

Яга вторглись в Конго во время правления Алвару I, который пришел ко власти в 1568 г. Первый их удар обрушился на провинцию Мбатта. Разбив войска местного правителя, яга стали продвигаться во внутренние районы страны. После разгрома королевской армии они подошли к столице. Вышедшие навстречу остаткам конголезского войска были разбиты и бежали. Сан-Салвадор был разгромлен. После этого яга разделились на отряды и направились во все провинции Конго, сея смерть и разрушение. Оставшиеся в живых жители бежали в горы. В стране начались голод и эпидемия чумы.

И государство Конго несомненно бы погибло, если бы не внешнее вмешательство. Алвару обратился к королю Португалии Себастьяну за помощью. В 1571 г. в устье реки Конго высадился португальский вооруженный отряд во главе с Франциску ди Говейа. К нему присоединились остатки королевской армии. Говейа быстрым маршем направился к лагерю яга, неожиданно напал на них и обратил в бегство. Большую роль сыграло в этом

[61]

огнестрельное оружие, особенно бамбарды. При первых залпах пушек яга в панике бежали.

Тем не менее война продолжалась еще четыре года. За это время португальцы вместе с присоединившимся к ним баконго изгнали яга за пределы государства. Король вернулся в разграбленную и сожженную столицу. В благодарность за помощь он пригласил себя вассалом Португалии (Орлова, 1968. С. 88-30; Орлова, Львова, 1978. С. 70-72).

Но изгнание яга не прекратило процесс упадка страны. В XVII в. распад Конго принял угрожающие масштабы. Усилились центробежные силы. Во второй половине XVII в. внутренние смуты и войны раздирали на части некогда могущественное государство. Местные правители отказывались подчиняться центральной власти. В 30-40 гг. XVII в. три северных государства-данника (Нгойо, Каконго, Лоанго) после победоносных войн, развязанных правителем провинции Сойо, признали свою зависимость от него, Глава этой провинции открыто отказывался признать власть короля, претендуя на роль союзника (Орлова, Львова, 1978. С. 77).

Междоусобицы, которые не прекращались ни на один год, переросли в большую войну в 1665 г. Правители двух больших областей, вассалов Сойо, восстали против короля. Им на помощь пришли португальцы. 29 октября 1665 г. у селения Амбуила произошло решающее сражение. Вначале португальцы разбили 20 – тысячный авангард армии баконго. Однако основные силы короля численностью в 70 тысяч человек предприняли успешное наступление. И лишь когда король – Антониу был убит, его армия обратилась в беспорядочное бегство. В сражении погибла значительная часть высшей знати баконго. Снова началась борьба за престол.

Но прежде чем продолжать историю Конго остановимся на организации военного дела в этом государстве. Как свидетельствуют ранние из документов (конец XVI в.) армия Конго представляла собой в то время ополчение, созываемое по приказу короля по провинциям и другим территориально-административным подразделениям. Иногда король сам определял, какое количество людей ему было нужно от каждой провинции, и правители строго следовали этим приказаниям. Общую численность войск Конго наблюдатели конца XVI а определяли в 100 тысяч человек. Наиболее отборные войска поставляла провинция Мбамба. В конце XVI – начале XVII вв. она давала 40 тысяч человек. Ее правитель был главнокомандующим королевской армией.

Не существовало централизованного обеспечения солдат продовольствием. Его брали с собой минимум. Все прочее войны

забирали у местного населения. Войны – а они были часты в XVI-XVIII вв. – были бедствием для населения самой страны, безжалостно обираемого голодными солдатами.

Помимо ополчения верховный правитель Конго имел в своем распоряжении отряды королевской гвардии. Они несли охраны во дворце и в столице. Позднее, в XVII в., в армии появились отряды мушкетеров. Обученные португальскими инструкторами солдаты африканцы умели прекрасно пользоваться этим оружием.

Традиционное вооружение рядовых воинов состояли из лука и стрел, ассега – метательного копья с древком длиной от 1,5 до 1,8 м и широким лезвием, тяжелого ударного копья, кинжала, ножа длиной около 0,5 м, топора из железа или стали. Наконечники стрел и копий были отравлены. Огромные щиты, прикрывавшие все тело целиком, были обтянуты такой прочной кожей, что копье ее не пробивало. В XVI-XVII вв. получила распространение сабля и тяжелые мечи, ввезенные португальцами.

Все войско передвигалось пешком. Лишь изредка командиры пользовались носилками. Короля, если он совершал марш вместе с войском, несли на носилках. Марш совершался под грохот барабанов и звуки рожков. С помощью различных инструментов подавались команды. В соответствии с сигналами войска начинали сражаться, направлялись налево, направо, смыкали ряды или рассыпались.

Сражение начинал отряд, состоящий из молодых людей. Тучи отравленных стрел летели с обеих сторон. Когда воины уставали, их заменял следующий отряд. Так продолжалось, пока все подразделения не вступали в бой. Затем оба войска сходились для рукопашного боя. Если при этом хотя бы одно подразделение дрогнуло, и обратилось в бегство, все войско в панике бежало с поля боя. Сражение проиграно.

Раз в год король проводил своим войскам смотр. Вся армия, разделенная на несколько частей, устраивала военные игры, имитирующие подлинные сражения. В годы расцвета государства армия Конго была грозной силой, с которой считались и друзья и недруги (Орлова, 1968. С. 219-224).

После битвы при Амбуила победил в борьбе за трон Алвару VII, но вскоре он был убит в войне с правителем Сойо. Да эти же годы приходится разорительные войны между правителями Сойо и Мбамба (Орлова, 1968. С. 124-126). Королям Конго с трудом удавалось удержать реальную власть над столичной провинцией, которую все чаще стали называть «королевством Конго». Были годы, когда в Конго одновременно правило несколько «законных» королей, которые вели между собой нескончаемые войны. Все

провинции и области страны за пределами столичной провинции пользовались фактической самостоятельностью (Орлова, Львова, 1978. С. 82). Сан-Салвадор – столица государства – в 1684 г. Была «совершенно покинута вследствие злополучных войн и превратилась в логово диких зверей» (См. Орлова, Львова, 1978. С. 82). Лишь в последующем король вернулся в этот город.

Ставшие самостоятельными провинции в свою очередь распались на составные части (Weeks, 1914. С. 60). С середины XVIII в. территории Конго сократилась до небольшого района в центре бывшей столичной провинции (Орлова, 1968. С. 138). Хотя оно по-прежнему считался независимым государством, но практически целиком находился в сфере влияния португальцев. После раздела Экваториальной Африки между Францией, Португалией и Бельгией почти вся территория средневекового Конго вошла в состав Анголы.

По мере нарастания упадка государства Конго шел процесс массового отхода от христианства и возрождения традиционных культов. Во второй половине XVII в. христианство было на грани полного исчезновения (Орлова, Львова, 1978. С. 76). К концу XIX в. у баконго не сохранилось никакого следа довольно длительного влияния католической церкви (Орлова, 1968. С. 282). Прекратилось строительство монументальных каменных и кирпичных сооружений. Исчезла письменность.

Дж. Уикс, побывавший в 1882 г. Сан-Салвадоре, увидел лишь каменные руины кафедрального собора, монастыря и крепости. Он был принят королем домом Педро V в его жилище, которое представляло собой деревянное строение шириной в 5,5 и длиной около 8 м, покрытое соломенной крышей (Weeks, 1914. С. 32-34). На месте некогда могущественного государства Дж. Уикс застал множество не очень прочных вожеств (Weeks, 1914. С. 36-37, 100-102). Баконго вернулись таким образом на стадию предклассового общества.

Конечно, к распаду Конго приложили руки португальцы. Но все же основные причины были внутренними. Такая же участь постигла и соседние протополитархии, такие как Лоанго, Куба, Луба.

7. Вили (лоанго)

Единая протополитархия Лоанго возникла, вероятно, в XVI в. в результате объединения нескольких вожеств под властью одного правителя. Но к 70-ым годам XIX в. все местные правители снова обрели полную самостоятельность. Верховный правитель Лоанго утратил всякую власть над страной. Лишились значительной доли власти и правители провинций. Если раньше только они именовались

«мфуму-нси», т. е. «господа земли», то с течением времени так стали называть и деревенских старост (Томановская, 1980. С. 105, 109, 125-131).

8. Бакуба

Протополитархия Куба сложилась, вероятно, в начале XVI в. Ее возникновению предшествовала ожесточенная борьба между отдельными вождествами бакуба (бушонга). Во второй четверти XVII в. начался расцвет Кубы, длившийся несколько десятилетий. Это был период завершения территориальных захватов и формирования аппарата власти. К Кубе были присоединены земли, населенные нгомбе, идинг и бакеле. После ожесточенных войн были покорены пьанг, бьенг, бакете.

Конец XVII-XVIII вв. характеризуются усилением центробежных тенденций. Поднимаются на борьбу нгонго, пьанг, кайювенг, кофа, нгедди. Их выступления жестоко подавляются. Восстания нгенде, пьанг, кель, шова, нгонго продолжаются и в XIX в. К ним добавляются междоусобицы. Особенно яростная борьба за престол развернулась после смерти ными (верховного правителя) Мбоп а Мабайнка. В начале XX в. Куба потеряла независимость, войдя в состав Независимого государства Конго, которое фактически было бельгийской колонией (Орлова, Львова, 1978. С. 137-144).

9. Балуба

К началу XVI в. на территории, населенной балуба, существовало множество вождеств, наиболее крупными среди которых были Каниок и Колундве. К северу от них находилась страна, населенная бакаланга. Согласно преданиям один из них по имени Конголо, собрав вокруг себя сверстников, отправился на юг и подчинил себе вождества, расположенные на территории между Луала-бой (так называется река Конго в верхнем течении) и рекой Ву-шимаи на западе. Так образовалось ядро прагосударства Луба. В своей экспансии Конголо столкнулся с вождеством Киконджи, правители которого стремились расширить свои владения за счет соседних протополитархий, и одержал победу.

Конголо правил железной рукой. Это вызвало недовольство среди населения, которое использовал племянник Конголо – Калала Илунга, Конголо был убит. Захватив власть, Калала Илунга основал новую столицу. Это произошло примерно в 1585 г. При двух преемниках Калала Илунга к Лубе были присоединены новые земли.

[65]

Затем наступила эпоха неудач. В конце XVII в. от Луба отделилось несколько областей. Положение осложнялось частыми смутами. Определенный перелом наступил, когда ко власти пришел Илунга Сунгу. Он совершил множество удачных походов в районы между Луалабой и озером Танганьика. Его сын – Кувимба Нгомбе (приблизительно конец XVIII – начало XIX в.) предания характеризуют как самого великого воина и завоевателя из числа правителей Луба. При нем держава Луба раскинулась с востока на запад более чем на 600 км и с севера на юг почти на 560 км. Площадь ее равнялась 36 тысяч км². Но во второй половине XIX в. страна фактически распалась на множество мелких самостоятельных протополитархий между которыми шли непрерывные войны (Орлова, Львова, 1978. С. 145-150).

Таким образом везде мы наблюдаем одну и ту же картину: возникновение в результате войн более или менее крупной протополитархий, становящейся ядром державы, ее расцвет, а затем упадок, выражающийся как в отделении вассальных владений, так и распаде самой державной протополитархий. И такое на одной и той же территории могло происходить несколько раз. Наиболее яркий пример дает нам в этом отношении Западный Судан.

10. Мандинги

В IV в. в верховьях рек Сенегал и Нитер зародилась крупная держава Гана. Расцвет ее относится к IX – середине XI вв. В 1076 г. она была завоевана Альморавидами. Тем самым был положен конец могуществу Ганы (Давидсон, 1962. С. 83-92).

Около VIII в. в Западном Судане образовалось государство мандингов – Мали. Некоторое время оно находилось в вассальной зависимости от Ганы, в конце XII – начале XIII вв. от государства Сосо (Сусу). В 1235 г. правитель Дали Сундитата Кейта разгромил Сосо и начал завоевания, которые продолжались и при его преемниках. Возникла новая могущественная держава, которая поглотила всю Гану, Во время своего наивысшего расцвета – первая половина XIV в. – территория Мали простиралась от Атлантического океана до плато Адрар-Ифорае. До с 60-х годов XIV в. начался быстрый упадок военно-политического могущества Мали (Куббель, 1963).

11. Сонгаи

Он сопровождался прежде всего освобождением из под власти центра вассальных владений. В последней четверти XIII в. одним

из данников Мали была сонгайская протополитархия Гао. Около 1400 г. правитель Гао – Мухаммед Дао, не отказываясь прямо от вассальной зависимости от Мали, совершил поход на малийские владения. Спустя некоторое время другой сонгайский государь Сулейман Дама (или Денди) опустошил одну из областей, находившуюся под властью мандингов. К середине XV в. Мали фактически распалась на множество мелких протополитархий. Мандинги утратили контроль над такими городами, как Томбукту и Араван, захваченными в 1433 г. туарегами. Была полностью дезорганизована внешняя торговля, прежде всего золотом и солью, которая имела огромное значение для экономики Западного Судана. Набеги кочевников наносили огромный ущерб и правителям множества западносуданских протополитархий и купечеству, которое И лишилось большей части «доходов. Существовала объективная нужда в новом политическом объединении Западного Судана.

Выполнение этой задачи взяли в свои руки правители Гао. В 1464 г. главой этой протополитархий стал Али Вер. Им были захвачены Томбукту, Дженне и Араван. Тем самым в руках сонгаев был сосредоточен контроль над важнейшими узловыми точками торговых связей Судана с Северной Африкой.

Но завоевательные походы продолжались и дальше. Были разгромлены моей, фульбе. Ши Али Вер стал основателем великой Сонгайской державы. Она, как и все державы, состояла из ядра «крупной протополитархий и вассальных владений.

После смерти Али и захвата в 1492-1495 гг. власти аскией Мухаммедом продолжались походы в западном и юго-западном направлениях. В первые годы XVI в. была предпринята серия походов на юго-восток.

На первых порах армия сонгаев представляла собой народное ополчение. Но по мере расширения границ державы вооруженные силы этого типа становились все менее пригодными для того, чтобы обеспечивать гегемонию на все более расширявшейся территории. Ополчение было слишком громоздким и слишком привязано к сельскому производству. Необходимостью было создание профессионального войска., Этот шаг был сделан аскией аль-Хадж Мухаммедом I, разделившем сонгаев на войско и «подданных», Новое войско, состоявшее из профессионалов и находившееся на государственном обеспечении, оказалось на много более боеспособным и главное мобильным, Но чтобы не слишком зависеть от военной знати, сонгайские правители в дальнейшем создали части нового типа, состоящие из рабов-евнухов. Они не только служили в

[67]

личной охране аскии, но и участвовали в военных действиях (Куб-бель, 1974. С. 306-317).

До последнего десятилетия XV в. Сонгаи развивалась как военная держава, живущая в первую очередь за счет ограбления более слабых соседей. В дальнейшем наметилось стремление не только завоевать и получить дань, но и экономически освоить покоренные земли, включить их в состав ядра державы (Куббель, 1974, С. 103, 110).

Важнейшей целью военных походов аскии Мухаммеда и его преемников был захват все новых и новых масс людей. Часть невольников продавалась. На север ежегодно поставлялось до 20 тысяч человек. Но основная масса захваченных использовалась иначе. Их сажали на землю. Создавались поселки, во главе которых стояли начальники – фанфа. Поселенцы сами вели хозяйство, выплачивая подать в казну правителя.

Исходя из того, что поселки с такого рода работниками могли жаловаться отдельным представителям знати, Л. В. Куббель характеризует эту форму эксплуатации как феодальную (Куббель, 1974. С. 136, 164, 165, 167). В действительности мы имеем дело с тем вариантом политарной эксплуатации, который мы обозначили как политарно-магнатный. В подавляющем большинстве поселки с живущими в них людьми находились в распоряжении верховного правителя. И «пожалованные» отдельным лицам селения не становились их собственностью. Верховный правитель по своему произволу отбирал поселки у одних приближенных и «жаловал» их другим (Куббель, 1974. С. 136-137).

Кроме такого рода эксплуатации существовала и обычная политарна-общинная. Рядовые свободные сонгаи, жившие общинами, несли традиционные повинности в пользу верховного правителя. По их эксплуатации была более умеренной, чем эксплуатация описанных выше зависимых людей. Однако уже в середине XVI в. дала себе знать тенденция к слиянию рядовых свободных общинников сонгаев и магнатно-зависимых людей в один класс (Куо – бель, 1974. С. 175, 176, 179).

Поселение пленных на землю широко практиковалось в странах Древнего Востока. Существование такого обыкновения отмечено в Египте, Хеттской державе, Ассирии, Урарту (см, Мелики-швили, 1951. С. 27-28; Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства, 1952. С. 285; Дьяконов, 1952; 1963. С. 62; Тюменев, 1957. С. 65; Лурье, 1955. С. 25-26; Стучевский, 1960. С. 18). И там же на – блюдалась тенденция к слиянию посаженных на землю пленных и местного населения в одну общую массу (Тюменев, 1957. С. 54-57;

[68]

Стучевский, 1960. С. 8). Особенно наглядно это можно было видеть на примере Ассирии, которую историки часто характеризуют как военную державу (Дьяконов, 1949. С. 148).

Огромную роль в истории Западной Африки играли контакты с мусульманским миром. Правителями Согайской державы был принят ислам. Вместе с ним в страну пришло монументальное зодчество и письменность. В одном Томбукту существовало 80 или даже 150 коранических школ. Аския Дауд (1549-1583 гг.) создал книгохранилище и держал переписчиков, которые копировали для него рукописи (Куббель, 1974. С. 328-330). Все это дает основание ; относить Сонгайскую державу не к предклассовым, а уже классовым обществам.

Уже во второй половине XVI в. обнаружилось признаки упадка государства Сонгаев. Начались широкие народные волнения. В этой обстановке в страну в 1591 г, вторглись войска марокканского султана Ахмеда аль-Мансура. В битве при Тондиби сонгайская армия была разгромлена. В конце XVII а сонгайская держава окончательно прекратила существование (Куббель, 1974. С. 180-186, 373, 376).

Выше был рассмотрен один из вариантов развития протополитарного и политарного обществ, который условно может быть на-3 зван деревенским. В полной мере это применимо к державам зулусов и матебеле, Анколе и Буганде, где никаких городов вообще не существовало. Даже их столицы не могут быть названы городами. Сложнее обстоит дело с Конго и Сонгаи, Там несомненно были города. В языке баконго существовали различные термины для обозначения деревни – либбата и города – мбанза. Столица Конго – Мбанза-Конго (Сан-Салвадор) в эпоху расцвет а страны насчитывала 60-100 тысяч жителей (Орлова, 1968, С. 189-190). Но города *и* Конго образовались прежде всего как административно-управленческие центры. Все они были столицами провинций и округов, на которые последние делились, В состав Согайской державы входили города, которые были важными торговыми центрами: Томбукту, Дженне, Араван, По они были своеобразными инородными вкраплениями. Они прежде всего играли роль посредников в транссахарской торговле.

Иное дело – вариант развития протополитарного и политарного общества, который можно было бы назвать городским, В этих обществах города не просто существовали, а были основными социальными единицами. Город был не столицей протополитархии или политархии, а самой протополитархией или политархией К таким протополитархиям термин «вождество» как правило не применяется. Их обычно называют городами-государствами,

[69]

12. Йорубы

Наиболее яркий пример таких протополитархий дают йорубы Западной Африки. В XVI-XVII вв, наиболее крупные йорубские города насчитывали 20-50 тысяч жителей, в середине XIX в. – 20-70 тысяч, в начале XX в. – до 85-60 и даже 175 тысяч (Кочакова, 1986. С. 252). Но одновременно в том же XX в. в подчинении города Адо (25 тыс. жителей) находилось 17 городов с общим населением всего лишь 35 тысяч человек (Lloyd. 1960. С. 231). Все города – илу были окружены крепостной стеной и рвами. В них были царский дворец и рынок.

Низовой единицей города был агболе. Это слово буквально означает «куча домов». Классический агболе состоял из множества домов или точнее комнат, смежных друг с другом боковыми стенами, так что строение в целом образовывало четырехугольник, огораживавший внутренний двор. На улицу агболе был обращен глухими стенами, высота которых достигала 2 м. Многие агболе состояли из целой серии внутренних дворов.

Люди, населявшие агболе, назывались ара-иле (дословно «дети дома»). Ядром агболе являлись омоле («жители дома»). В идеале все омоле относились к одному идиле – экзогамному объединению, принадлежность к которому считалась по отцу. Иначе говоря, идиле являлась отцовским родом или патрилиниджем. Этот род считался собственником земли. Но хотя в идеале ядро агболе должно было совпадать с ядром одного идиле, в реальности дело обстояло сложнее. В одном агболе могли жить вместе несколько идиле, в то время как одна идиле могла быть расселена в нескольких агболе. Агболе играл огромную роль. Человек мог быть членом той или иной социально-политической общности только через членство в агболе.

О численности агболе в литературе ничего не сообщается. Размер идиле в XX в, колебался от нескольких десятков до 500 человек. Все члены агболе подчинялись старшему мужчине омоле – старейшине, что носил титул бале («отец земли»). Несколько более или менее родственных агболе составляли квартал – адугбо. Во главе его стоял вождь. Он управлял кварталом и представлял его население в городском совете. Во главе города стоял правитель – оба. Он считался собственником всей земли города (Кочакова, 1968. С. 73-77).

Все население города несло подати и повинности в пользу его правителя. Подати в натуральной форме (ямс, зерно, пальмовое масло, вино) собирались с глав семейств главой идиле и далее по иерархической цепочке доходили до правителя, Подобным же образом

собирались поборы, носившие нерегулярный характер, но осуществлявшиеся постоянно по разным поводам (покупка оружия, возмещение потерь от стихийных бедствий). Как и в случае с податями, часть собранных средств оседала в руках людей, представлявших все инстанции между рядовым общинником и царем. И главы агболе и вожди кварталов присваивали в свою пользу часть прибавочного продукта. Являясь добровольными по форме, подношения нижестоящих лиц вышестоящим, были в сущности обязательными и регулярными (Кочакова, 1968. С. 78, 80-81, 87; 1986. С. 262).

Нетрудно заметить, что агболе соответствует сельской общине народов, развитие которых шло по деревенскому варианту, квартал – округу, а весь город в целом – вождеству. Жители городов в основном занимались земледелием, в небольших городах основной массив обработанных полей был удален от крепостных стен на 7-8 км. Для населения очень крупных городов это расстояние возрастало до 30 км и больше. На время полевых работ горожане, занятые в земледелии, переселялись ближе к своим участкам. Так возникли деревни – аба. Каждый более или менее значительный город был окружен сотнями, даже тысячами аба. Деревни были естественным продолжением города.

Многие горожане проводили в аба большую часть своей жизни, появляясь в городе лишь на время. Хотя большую часть населения аба составляли горожане илу, в аба было какое-то количество постоянных жителей. Правитель (оба) никогда не жил в аба. Свадьбы, похороны проводились только в городских жилищах. Только в стенах города происходил сбор податей, торговля, отправление важнейших религиозных ритуалов (Кочакова, 1968. С. 68-71; 1986. С. 253).

Для характеристики общества йорубов часто применяется термин «цивилизация» (Кочакова, 1968. СП; 1986). Действительно определенные основания для этого имеются. В одном из древних городов йорубов – Ифе были найдены каменные памятники. Среди них особо выделяется гранитная колонна высотой в несколько метров, украшенная вбитыми в нее железными гвоздями (Кочакова, 1968. С. 35). Крепостные стены вокруг Старого Ойо возвышались на 6 м. Они образовывали неправильную окружность длиной примерно в 15 миль. За стеной тянулся ров, который во время дождя наполнялся водой. Некоторые города имели несколько линий таких укреплений. Город Игбохо был опоясан тройной стеной длиной примерно в 20 миль. В Старом Ойо было по крайней мере две стены, а в некоторых местах три. Но стены не были сложены из Камней или кирпичей. Они были земляными или глинобитными

(Кочакова, 1968. С. 44, 69-70; 1986. С. 252). В Иле Ифе мощные глинобитные стены толщиной в 1 м и высотой в 5 м окружали дворец правителя города (Кочакова, 1968. С. 106).

Интересным явлением материальной культуры йорубов были мостовые из керамики. Материалом для них служили глиняные черепки трех типов. Землю мостили поставленными на ребро грубыми черепками, а сверху это основание покрывалось слоем тонких и изящных черепков. Это требовало огромных затрат труда (Кочакова, 1965. С. 53-34). Возможно, что эти мостовые имели не столько утилитарное, сколько ритуальное значение.

Но письменности у йорубов не было. Лишь во второй половине XIX в. христианскими миссионерами были созданы на латинской основе системы письма для местных жителей (Кочакова, 1968. С. 168). Все это вместе взятое позволяет считать, что общество йорубов было не классовым, а еще только предклассовым.

Кроме протополитарной формы эксплуатации у йорубов существовали и другие. Человек взявший в долг, должен был наряду с работой в собственном хозяйстве часть времени трудиться на кредитора (Кочакова, 1968. С. 123-124). Такого рода отношения были нами названы заемнодоминатными. У йорубов существовало рабство. Часть рабов трудились в хозяйствах владельцев. Они жили вместе с хозяевами и питались вместе с ними из одного котла. Другая часть рабов наделялась средствами производства. Такой раб получал в пользование участок земли, на котором строил дом и вел самостоятельное хозяйство для содержания своей семьи. При этом часть времени он должен был работать на господском поле (Кочакова, 1968. С. 120-122). Это – магнатно-рабовладельче-ские отношения.

Как и в случае с вожествами одни города-протополитархии могли путем войн подчинять себе другие. В результате возникали более крупные протополитархии, включавшие в себя несколько городов, и державы.

Центром одного из первых крупных протополитарных образований среди йорубов был город Ифе. Политическая гегемония Ифе распространялась и за пределы Йорубы. В зависимости от него находился, в частности, Бенин. Период расцвета Ифе относится, вероятно, к XIV в. Далее начался упадок (Кочакова, 1968. С. 12-14, 35, 46),

Значительно более известна другая крупная держава йорубов – протополитарное образование во главе с Ойо. По устным преданиям начало завышения Ойо связано с правлением четверного ала-фина – Шанго. Он вел войны во всех направлениях и отличался жестокостью. Его преемник – Аджака согласно традиции умертвил

1060 оба (правителей городов). Но затем для Ойо наступили тяжелые времена. В первых десятилетиях XVI в. в страну вторглись войска Нупе и разрушили город. Столица была перенесена в Ойо-Игбохо. Восстановлена она была на новом месте лишь при алафине Абине в начале XVII в.

С этого времени начался новый период в истории Ойо – период экспансии на юг и создания державы. Целью войн был грабеж, захват территории и обложение данью и установления контроля над торговыми путями. Большую роль в жизни Ойо играла работорговля. С конца XVII в. держава стала крупным поставщиком рабов (Кочакова, 1986. С. 99).

В течение всего XVII в. в первой половине XVIII в. расширение территории державы Ойо продолжалось, хотя и с перерывами. Этот период характеризуется постоянными завоевательными войнами и карательными экспедициями против бунтующих окраин. В первой четверти XVII в. образовалось прагосударство Дагомея, которая стала главным соперником йорубов. В 40-х годах XVIII в. Дагомея признала верховенство Ойо. Согласно договору 1748 г. Дагомея теряла значительную территорию. Устанавливалась ежегодная дань, включавшая 41 мужчину, 41 молодую женщину, 41 ружье, 400 мешков каури и 400 кораллов (Кочакова, 1968. С. 52-53; 1986. С. 265).

Ко второй половине XVIII в. алафины Ойо контролировали огромную территорию, простиравшуюся от реки Нигер на севере и северо-востоке до современной Ганы на западе. По некоторым данным дань Ойо платили Нупе и Боргу. Ядром Ойо были земли населенные собственно йорубами – ойо-йоруба. Они включали в себя столичный город и подчиненные города. Подчиненные города имели своих наследственных правителей – оба или бале. Они избирались на трон в соответствии с местными обычаями, но должны были ехать в Ойо за одобрением алафина.

Подчиненные города должны были платить подать Ойо и поставлять воинов в его армию. Во внутренних делах города пользовались большой самостоятельностью. Внешняя их политика находилась под жестким контролем центра.

Метрополия была разделена на четыре провинции (Экун Оси, Экун Отуп, Ибоко, Эно) во главе с правителями, которые были промежуточным звеном между алафином и главами других провинциальных городов. В свою очередь между алафинами и правителями провинций стояли столичные «патроны». Главной функцией последних был контроль над сбором дани. В провинциальных городах находились официальные царские наблюдатели и сборщики дани – илари и аджеле. Последние рекрутировались из

числа доверенных рабов или слуг правителя Ойо. Они обеспечивали мир в подчиненном городе и его лояльность центру (Кочакова, 1968. С. 53; 1986. С. 263-265),

Вокруг ядра – крупной протополитархии группировались земли, населенные другими этническими группами йорубов (згбо, эгдадо) и нейорубскими народами (бароба, фон и др.).

Вторая половина XVIII в. характеризуется ростом народного недовольства поборами, войнами, а также раздорами в правящей верхушке. Начинается распад державы. В 80-х годах отпала юго-западная окраина – Эмба. В конце XVIII в. прекратила уплату дани Дагомея, а вслед за ней Нупе и Боргу. Затем начался распад метрополии. Около 1817 г. в результате восстания отделилась самая богатая область – Илорин,

Самые печальные последствия для Ойо имело объединение под эгидой фульбе городов-государств хауса и других земель северных народов в мощное и агрессивное государство – Сокото. Около 1836 г. войска фульбе захватили и разграбили Ойо. Затем были разрушены многие города Северной Йорубы. Держава Ойо пала. На ее территории образовалось несколько новых независимых прагосударств: Эмба, Кету, Иджебу, Ибадан, Иджеме, Ифе, которые вели друг с другом постоянные войны. В дальнейшем к концу XIX в. земля йорубов оказалась под властью англичан. (Johnson, 1966. СЛ 78-651; Кочакова, 1968. С. 55-64; 1986. С. 67-70).

Войны были регулярным видом деятельности у йорубов. В ежегодном годовом их цикле сухой сезон года отводился для ведения наступательных войн. Согласно обычаю в Ойо царь раз в три года должен был планировать военный поход. Поэтому объявление и ведение войны обставлялось различного рода церемониями. Прежде всего запрашивали оракула. Военные действия начинались лишь в случае благоприятного ответа. Затем главнокомандующий организовывал религиозные церемонии, имеющие целью обеспечить успех военных действий.

Военачальники выработывали план операций, который в общи чертах доводился до сведения городского совета. Тогда же назначался день начала похода, Затем главнокомандующий публично объявлял народу решение о войне. Торжественно выносились боевые штандарты, которые освящались жертвенной кровью. Кровью приносимого в жертву раба окроплялись и мечи участников похода.

В городах-протополитархиях йорубов не было регулярной армии. От каждого мужчины, способного носить оружие, ожидалось, – что он примет участие в войне. Бале – главы агболе были ответственны за выполнение военной повинности ее членами. Но

последняя считалась обязательной лишь в случае оборонительной войны. Однако, если правителю требовались воины, а боеспособные мужчины отказывались воевать, он посылал карательные отряды, которые уничтожали дома и посеvy непокорных.

Считалось, что об оружии и пропитании воины должны заботиться сами, хотя часть оружия они могли получить из городских арсеналов. Узаконенным средством снабжения воинов в походе был грабеж окрестного населения. Если военные действия затягивались, нападающие возделывали поля вокруг осажденного города.

Традиционное войско йорубов состояло из пеших воинов, вооруженных копьями, мечами или топорами и щитами, лучников и конницы. Последняя была привилегированной частью армии, так как лошадьми владела только знать. Широко пользоваться огнестрельным оружием йорубы начали лишь в XIX в.

Строение йорубского войска было производным от политической структуры города-протополитархии с ее четким делением на агболе и адугбо. Система соподчинения в армии в общем соответствовала субординации в городе. Правитель города сам непосредственно в битвах не участвовал.

Кроме ополчения существовали своего рода гвардейцы. Наряду с исполнением обязанности дворцовой охраны, они принимали участие в войнах. Многие из рядовых солдат таких частей были рабами. Определенные изменения в структуре йорубского войска произошли во второй половине XIX в. (Кочакова, 1968. С. 160-164; 1986. С. 263-236; Smith, 1969. С. 20-129).

До сих пор мы рассматривали в основном протополитарные общества, хотя в двух случаях (Конго, Сонгаи) они под внешним воздействием превращались в политарные. Однако их существование в таком качестве было непродолжительным. Имеет смысл остановиться и на таких обществах, которые были протополитарными, стали политарными и продолжали быть такими более или менее продолжительное время. Важным фактором обусловившим их превращение из протополитарных в политарные были войны. Примеры таких обществ дает нам доколумбовая Америка. Первое из них общество инков, второе – ацтеков.

13. Инки

Империя инков – Тауантинсуйу была далеко не первым классовым обществом на территории современных Перу и Боливии. Первая археологическая культура, для которой характерны монументальные каменные строения, получила название Чавин. Она

[75]

появилась на грани II—I тысячелетий до н. э. Ее чаще всего именуют цивилизацией. Возможно, что общество Чавин было уже не предклассовым, а классовым (Башилов, 1972. С. 17, 181, 190). Расцвет культуры Чавин приходится на 800-500 гг. до н. э. Просуществовав несколько веков, она бесследно исчезла (С. 193).

Другими древними цивилизациями Южной Америки были культуры Мочика, Паракас, Наска. Цивилизация Мочика просуществовала с по VII (VIII) вв. н. э., когда совершенно исчезла. По-видимому государство Мочика рухнуло (Башилов, 1872. С. 181, 195; Березкин, 1983). Огромные каменные сооружения характерны для цивилизации Тиауанако, расцветшей в тысячелетии н. э. В дальнейшем она исчезла, не оставив следов в материальной культуре более позднего населения (Башилов, 1872. С. 58). В конце или начале II тысячелетий н. э. возникла империя Чиму или государство Чимор, которое просуществовало до 70-х годов XV в. (Башилов, 1872. С. 199; Karen, 1975, С. 55-56).

История инков начинается с поселения их в долине Куско. Произошло это во II тысячелетии н. э. В середине тысячелетия н. э. долина Куско входила в состав государства с центром в Уари. Там был построен провинциальный центр – Пикильякту. В VII в. город был покинут также как и все другие центры культуры Уари. Тогда же или несколько позднее погибла цивилизация Тиауанако.

Некоторые исследователи полагают, что государство инков унаследовало социально-политическую организацию от Уари. Другие считают подобный взгляд ошибочным. Они указывают, что культура Уари и инки разделены 3-4 «темными» веками, в течение которых городская жизнь в горных районах южного и цен трального Перу угасла. Поэтому, заключают они, инки никакого прямого отношения к древним цивилизациям не имели. Скорее всего они были близки к народам, которые их разрушили (Березкин, 1886. С. 254-255).

До переселения в долину Куско инки обладали сравнительно § малоразвитой культурой и занимались охотой, собирательством, примитивным земледелием и скотоводством. Когда они переселились в долину Куско, то смешались с покоренным населением, восприняв его более высокую культуру (Березкин, 1936. С. 256). Но скорее всего они и тогда продолжали оставаться на стадии предклассового общества. Они составляли одно небольшое вождество, состоявшее из нескольких общин – айлью (Congrad, Demarest, 1984. С. 99).

Согласно преданиям инки пришли в долину Куско во главе с Манко Капаком. Он является первым в традиционном списке правителей инков, первым Инкой. Манко Капак и его жена Мама

Окльо Вака являются персонажами легендарными. Во многом легендарными являются и последующие шесть правителей: Синчи Рока, Льоке Юпанки, Майта Капак, Капак Юпанки, Инка Рока и Яу-ар Уакак. Некоторые исследователи считают этот список фиктивным. О делах всех этих правителей мы знаем лишь по туземным преданиям, изложенным в испанских хрониках. Так как никаких других источников не существует, попытаемся изложить раннюю историю инков, какой она вырисовывается в туземной традиции (Вега, 1974. С. 49-87, 106-113, 140-184, 221-244; Стингл, 1986. С. 50-57).

Если при первых трех правителях под властью инков находилась лишь центральная часть долины, то согласно преданиям, при Майта Капаке они установили свое господство над всей долиной.

В результате завоевательных походов Майта Капак подчинил себе все находившиеся в «ней» вожества. При пятом Инке – Капаке Юпанки началась экспансия инков за пределы долины. Завоевательные походы продолжались и при Инка Роке.

С восьмым инкой – Инка Виракоча мы вступаем из области легенд в область истории. Он занял престол в начале XV в. Некоторые исследователи утверждают, что только при нем начались завоевательные походы. Что же касается его предшественников, то они занимались лишь грабежом соседних деревень. Именно при Инке Виракоче была подчинена вся область вокруг Куско. Политическое образование, созданное им, называют уже не вожеством, а королевством. Границы его неясны (Conrad, Demarest, 1984. С. 106-107). Одни утверждают, что Инка Виракоча подчинил себе кана и другие народы (Стингл, 1986. С. 68). Другие считают, что эти народы были не подданными, а союзниками инков (Conrad, De-marest, 1984. С. 107),

В борьбе за господство в области Центральных Анд инки столкнулись с несколькими соперниками, из которых наиболее могущественными были чанки. Последние тоже непрерывно расширяли свою территорию. В 1438 г. чанки вторглись в страну инков. В их армии, по утверждению авторов позднейших хроник, находилось до 100 тысяч человек (Стингл, 1986. С. 72). Организатором обороны стал один из сыновей престарелого Инка Виракоча – Ку-си Юпанки. В битве у Ичупампы чанки были разгромлены. Как утверждается, в ней погибло 30 тысяч воинов со стороны инков и их союзников. Чанки потеряли во много раз больше. Однако эти цифры являются, скорее всего, преувеличенными.

После победы над чанками Куси Юпанки стал правителем под именем Пачакути Инки. При нем политика территориальной экспансии продолжалась. На очереди было столкновение с державой

аймара – Колья, которая простиралась от западных границ Боливии до берегов Тихого океана и от Атакама в Чили до перуанского города Пуно. Аймара были разгромлены и войска инков вышли к океану. Держава инков увеличилась в два раза. Далее был предпринят поход на север, в ходе которого было подчинено царство Кахамарка. В результате под властью инков оказалась значительная часть Перу и некоторые районы Эквадора.

Трудно сказать точно, когда именно общество инков из предклассового превратилось в классовое. По мнению некоторых исследователей воцарение Пачакути Инки было поворотным пунктом в превращении вожества инков в супервождество, а затем, еще при его жизни, в государство (Schaedel, 1973. С. 290). Во всяком случае имеются определенные основания полагать, что общество инков при Пачакути Инке было уже классовым. При нем была заново перестроена столица инков – город Куска Были воздвигнуты грандиозные каменные сооружения – храмы и дворцы Была построена самая большая во всей Америке крепость – Саксауаман.

Большое внимание уделял Пачакути Инка совершенствованию кипу – «узелкового письма». Был создан своеобразный государственный архив – Пукинканча. В его стенах хранились полотна, на которых была запечатлена история инков. Пачакути Инка ввел обязательное обучение сыновей элиты империи в своего рода «университете» – ячауаси.

Преемник Пачакути Инки – Тупак Юпанки (1571-1593 гг.) предпринял несколько грандиозных походов. В 70-х годах им была Ц завоевана переживавшая к тому времени упадок знаменитая империя Чиму, покорено царство Киту (Кито). В состав державы инков вошли юго-запад Боливии, северные районы Чили, северо-запад Аргентины. Еще несколько областей в Перу и Эквадоре было завоевано при Уайна Капаке (1493-1525 гг.).

В пору своего наивысшего могущества империи Тауантинсуйу В охватывал территорию более чем в 1 млн. км . Численность ее населения достигала и может быть превышала 6 млн. человек (Rowe, 1946, С. 185; Стингл, 1986. С. 15-16, 34, 97; Березкин, 1992., С. 78). С определенного времени экспансия стала идеалом, главным 1 девизом государства инков и его правителей. Войны велись непрерывно, В империи существовала всеобщая воинская повинность. В период мобилизации в армию мог быть призван любой подданный. Приобщение к военной службе для простого народа начиналось с раннего детства. К началу XV в. была введена обязательная воен ная подготовка, охватывавшая всех людей мужского пола в возрасте от 10 до 18 лет. Подготовкой руководили профессиональные

[78]

военные. После ее завершения юношами сдавался своеобразный экзамен по военному делу. Только тот, кто удачно его выдержал, считался взрослым.

Существовавшая в империи десятичная система делала легким мобилизацию в армию. Одно селение выставляло отряд в 10 человек, десять селений направляло на службу 100 человек и т. д. В случае необходимости в течение нескольких дней формировалось войско в 300 тысяч человек. Это была самая многочисленная армия в доколумбовой Америке.

Солдаты были вооружены топорами, дубинами-палицами с каменным или металлическим наконечником. Применялись пики и – гораздо реже – лук со стрелами. Пращи делались из шерсти, кожи, волокон растений. Бросались камни величиной с куриное яйцо. Такой камень, брошенный с помощью пращи, на небольшом расстоянии пробивал даже металлические шлемы испанцев. Основным оборонительным оружием был квадратный или круглый щит, обтянутый кожей оленя или тапира. Специального обмундирования не существовало. Только на голову одевался шлем из кожи или прутьев. На ноги одевались прочные сандалии, на тело – толстые стеганные куртки.

Боевые успехи инков основывались не только на численном превосходстве войска, но и на высокой организованности. Великолепным было тыловое обеспечение армии. Повсюду располагались склады, из которых войны получали необходимую провизию. Одновременно с войсковыми частями на завоеванную территорию вступали многочисленные отряды водоносов и носильщиков продуктов. Двигались караваны лам, нагруженные запасами продовольствия и оружия.

Быстрому продвижению войск в пределах империи способствовали великолепные, мощные камнем или кирпичом дороги. В армии инков царил строжайшая дисциплина. Никто из воинов под страхом смерти не смел отлучиться от части. Солдатом было запрещено причинять какой-либо ущерб местным жителям, сблизиться с женщинами селений, через которые проходили войска. Впрочем войны и не останавливались в селениях. Они ночевали в лагерях, состоящих из полотняных палаток.

Кроме ополченцев существовали профессиональные воины. Их численность не превышала 10 тысяч человек. Они прежде всего несли охрану Инки.

Когда Инка принимал решение о присоединении новой территории, то к ее царю или вождю направлялось посольство. Вручив богатые дары, посланцы предлагали хозяевам мирно и

[79]

добровольно признать власть «сыновей солнца». Если местные правители соглашались, Инка оставлял за ними их прежние должности. Они входили в состав знати. Если следовал отказ, начиналась война.

Когда воюющие стороны сходились, первыми наносили удар пращники. Масса камней обрушивалась на головы врагов. Затем в дело шли пики и в заключение палицы. Известную роль играло психологическое оружие. По мере приближения к позиции врага воины инков начинали дико кричать, трубить в раковины, бить в барабаны. Поднимался невероятный шум, который нередко повергал врагов в ужас.

Солдаты, отличившиеся в бою, получали награды: различные металлические, иногда золотые пластинки. Но главное – доблесть в сражениях открывала для рядового человека путь вверх. Он мог про – двинуться по иерархической лестнице и войти в состав правящего класса (Rowe, 1946. С. 274-280; 1984. С. 123; Стингл, 1986. С. 157-163).

Подчинив себе те или иные народы, вожества, царства, инки не ограничивались взиманием дани. Они стремились инкорпорировать их в состав своего государства. На них распространялась единая для всей державы десятичная система. Для укрепления своего господства во вновь завоеванные области посылались большие группы колонистов – митимае, говоривших на языке кечуа. Митимае должны были способствовать насаждению институтов инков и распространению языка кечуа. В результате их деятельности были безвозвратно забыты сотни различных языков доколумбового Перу, исключая лишь языки аймара и уру. В настоящее время на языке кечуа – бывшем государственном языке империи инков говорит больше индейцев, чем на всех остальных туземных языках Южной, Центральной и Северной Америки.

С целью обеспечения военной экспансии, поддержания своего господства и централизации державы в империи инков была создана совершенная для своего времени сеть дорог. Они были вымощены камнем или кирпичом. Главной из них была «королевская дорога». Она пересекала Таунтинсуйу с севера на юг, длина ее составляла 5200 км. Вторая главная магистраль империи «Уайна Капак Ньян» составляла 4 тысячи км. Ширина ее на всем протяжении равнялась 8 м, Иногда инки прокладывали дороги в направлении будущих, пока еще только планируемых походов. Через реки были переброшены сотни мостов различных конструкций. Некоторые из них дожили до XIX в.

При дорогах были созданы специальные станции – тарбы, где могли отдохнуть путники. Дороги империи, общая протяженность f которых составляла 20-30 тысяч км, использовались для

[80]

государственной почтовой службы, ее курьеров. На расстоянии 2 км были расположены почтовые посты, на каждом из которых всегда дежурили два курьера. Один из них отдыхал, другой находился в полной готовности. Когда он замечал приближающегося курьера, то выбегал ему навстречу и принимал сообщение. Затем он бежал с ним до следующего поста.

В результате такой организации информация передавалась с огромной скоростью. Так, например, от Куско до Кито, расположенных друг от друга на расстоянии в 2 тысячи км, известия доходили через 5 дней. Основная задача инкской курьерской службы состояла в передаче информации военного характера. Подобно тому как пороги предназначались прежде всего для передвижения войск, почтовая служба служила главным образом для военных целей.

В течении нескольких дней, а то и часов курьеры доставляли из столицы приказ о мобилизации и указания о том, куда должны быть направлены отряды воинов. Через курьеров командиры пограничных отрядов сообщали в Куске о концентрации войск на границах империи и о возможности нападения на нее. Инкские наместники в недавно присоединенных областях информировали центр о готовящихся восстаниях и других проявлениях недовольства. Это давало возможность немедленно направлять воинские части и тем погашать намечающиеся очаги сопротивления (Rowe, 1946. С. 229-233; Стингл, 1986. С. 164-171).

Так функционировала военная система Тауантинсуйу. Но она не спасла империю от новой угрозы, на этот раз со стороны европейцев. В 1532 г. в государство инков вторглись испанцы. 19 августа 1533 г. ими был казнен последний Инка – Атауальпа. Империя инков исчезла с лица земли.

14. Ацтеки

Если инки дают нам классический пример «деревенского» варианта развития протополитаризма и политаризма, то ацтеки – типичного «городского». В отличие от инков, у которых политарная форма эксплуатации господствовала почти что безраздельно, у ацтеков в период расцвета их общества наряду с доминирующими политаризмом существовали и играли довольно важную роль магнатно-кабальные и магнатно-арендные отношения. Отмечено также бытование у них доминатно-рабовладельческих, доминатно-кабальных и доминатно-приживальческих связей (Borah, Cook, 1963; Hicks, 1974; Гуляев, 1982).

[81]

Ацтекское общество не было первым классовым на территории Мезоамерики. Самые ранние цивилизации появились здесь почти; одновременно на рубеже нашей эры. Наиболее известны среди них цивилизации ольмеков, майя, Теотихуакана, Монте-Альбана (Гуляев, 1972. С. 97, 105, 112-118, 234, 260).

К концу тысячелетия н. э. старые центры классической мезоамериканской культуры рушатся. Гибель Теотихуакана относится, вероятно, к началу VII в., Монте-Альбана к концу IX в. или началу X в. В IX-X вв. приходят в запустение классические города майя центральной зоны расселения этого народа. Во всех случаях имело место вторжение извне народов, стоящих на более низких ступенях развития (Гуляев, 1972. С. 227-230; 1983. СП, 18). В долине Мехико на смену классической цивилизации Теотихуакана пришла постклассическая цивилизация тольтеков. Столицей империи тольтеков был город Толлан (Тула). Господство этой державы длилось с 950 до 1200 гг. (Congrad, Demarest, 1984. С. 5-17).

После тольтеков настала очередь ацтеков. Одной из групп ацтеков были теночки. Согласно их хроникам, они начали свои скитания в 1168 г. Однако дата эта является чисто произвольной (Вайян, 1949. С. 75). Как утверждает Дж. Вайян, с 1168 по 1248 г. В теночки представляли собой простое первобытное племя. Затем они перешли к оседлости (там же. С. 84-85). В начале или середине 5 XIV в. они основали город Теночтитлан.

По всем данным ранний Теночтитлан был городом – протополитархией. Об этом можно судить по структуре позднего Теночтитлана, который был уже политархией. Население его составляло по разным данным от 120 до 300 и даже более тысяч человек (Kurtz, 1978. С. 171; Гуляев, 1982. С. 197). Низовыми единицами были калпулли, которые соответствовали агболе йорубов. Каждое калпулли занимало малый квартал. В XIV в. их было 14. Во главе калпулли стоял лидер, который избирался ее членами из состава одной определенной семьи (Congrad, Demarest, 1984. С. 24-25). Калпулли были сгруппированы в большие кварталы, которые соответствовали адугбо йорубов. Каждый большой квартал имел своего лидера, сборщиков налогов и других должностных лиц. Еще до поселения в Теночтитлане теночки имели общего правителя. В годы основания города им был Теноч (Kurtz. 1978. С. 171, 173).

В 1370 г. (1375 или 1376 гг.) теночки обратились к городу государству Кулуакан с просьбой дать им правителя тольтекской кровей. Им стал Акамапичтли, который считается первым тлатоани Теночтитлана

К началу XIV в. в долине Мехико существовали две аморфных – державы: тепанеков с центром в Аскапоцалко и аколхуа, центром которой в конце концов стал Тескоко. Теночки были данниками тепанеков, К началу XV в. они стали скорее союзниками, чем вассалами.

В 70-х годах XIV в. правителем Аскапоцалко стал Тесосомок. С помощью теночков, возглавляемых вторым тлатоани – Уицилуитлом, он разгромил аколхуа. Правитель Тескоко – Иштлилшочитл был убит. Господство Тесосомака над долиной Мехико длилось до его смерти в 1427 г. Его преемник – Маштла умертвил преемника Уицилуатла Чималпопоку и увеличил дань. Это вызвало возмущение. Новый правитель Теночтитлана – Ицкоатл вступил в союз с сыном убитого правителя Тескоко Несауалкойотлом и с городом Тлакопан (Такуба). Так возник тройственный союз Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана. В 1428 г. союзники одержали победу над тецанеками. Теночтитлан стал независимым.

В течение всего XIV в. теночки активно перенимают культуру окружающих их народов. В результате они переходят со стадии предклассового общества на стадию классового. Трудно сказать, когда этот переход завершится, но несомненно, что во времена Ицкоатла мы имеем дело уже не с протополитархией, а политархией. С именем четвертого тлатоани связаны крупные реформы, затронувшие все стороны жизни общества. Он начал воздвигать каменные храмы. Была сооружена дамба, соединившая остров, на котором находился город, с материком. При нем уже несомненно : существовала иероглифическая письменность (Вайян, 1949. С. 79), Захваченные земли не были разделены между калпулли. Большая часть земли и право на дань перешли к правителю и военной элите (Вайян, 1948. С. 79; Conrad, Demarest, 1984. С. 33).

После 1428 г. история Теночтитлана – рассказ о бесконечных завоеваниях. Формально сохранялся тройственный союз, но Тлакопан вскоре исчез со сцены, а Тескоко постепенно отошел на второй план. Но военное сотрудничество между этими двумя городами сохранялось. Ицкоатл одержал победу над могущественными чалками и шочемилками и заставил признать его власть.

После смерти Ицкоатля в 1440 г. ему наследовал Монтесума I, призванный Илуикамина, что значит «гневный». На востоке он перешел через горы, совершил набеги на Пуэблу и Вера-Крус, а на юге проник в Морелос и Гереро. В 1469 г. на престол вступил сын Мотесумы – Ашаякатл. Он распространил господство Теночтитлана до района Матлацинки на западе и до Оахаки и Теунтепека на юге, В 1478 г. Ашаякатл пытался покорить союз городов-государств – Тараско, но потерпел сокрушительное поражение. Более

20 тысяч ацтекских воинов погибло. Это обеспечило независимость тарасканцев вплоть до прихода испанцев. Далее Ашаякатл подчинил себе соседний город Тлалтелолко.

В 1479 г. правителем стал Тисок, а в 1486 г. Ауитцотл. В своих военных походах последний доходил до Гватемалы, а на севере достиг области Уаштеки в штате Вера-Крус. Ему постоянно приходилось подавлять сопротивление покоренных народов.

Обычаем ацтеков было приносить во время религиозных церемоний и особенно ритуалов, связанных с военными набегами, в жертву богам пленных. По некоторым данным в центральной Мексике приносились в жертву каждый год 15 тысяч человек (Cook, 1946, С. 81-101). После воцарения Ауицотла была завершена работа по постройке большого храма, начатая еще его предшественника ми. Для церемонии завершения храма требовались человеческие жертвы. Ауицотл в союзе с правителем Тескоко – Несауалпилли предпринял двухгодичный поход в Северную Оахаку. При этом было захвачено по одним данным 10, по другим – 20 тысяч плененных. Все они были принесены в жертву. Обреченных поставили в два ряда и оба правителя занялись страшным делом – вырыванием сердец у жертв. Правителей в порядке старшинства сменяли должностные лица. Длилось это четыре дня (Вайян, 1949. С. 83; Conrad, Demarest, 1984. С. 47).

Человеческие жертвоприношения являются настолько бросающейся в глаза чертой в жизни ацтеков, что некоторые исследователи считают, что все их войны велись главным образом с целью захвата достаточного количества жертв. Экономические и политические причины были на втором плане (Conrad, Demarest, 1984. С. 44).

В армию ацтеков входили все мужчины, способные носить оружие. Основной единицей была группа в 20 человек. Несколько таких групп объединялись в более крупные единицы – от 200 до 400 человек. Специальные отряды в 4-6 человек выделялись для разведки. Воины, принадлежавшие к одному калпулли, образовывали соединение, которым командовал его глава. Калпулли одной фратрии были объединены под командованием ее руководителя. Высшее командование находилось в руках военачальников всей политархии.

В домах молодежи, куда поступали мальчики в возрасте 15 лет, их учили владеть различного рода оружием. Во время ежемесячных больших церемоний происходили военные занятия и учебные маневры. В сражении каждый новичок шел вслед за опытным воином.

Оружием служили деревянные дубины, обсаженные острыми кусками обсидиана, и дротики, бросаемые с помощью метательных

дощечек. Использовались также пращи, лук и стрелы и копья. Для защиты использовались плетенные щиты, покрытые кожей. Ацтеки одевали также стеганные хлопчатобумажные панцири, вымоченные в рассоле. Эта одежда хорошо предохраняла от ударов дубин в метательных снарядах.

В каждом малом квартале был устроен «дом дротиков», т. е. арсенал, в котором хранились военные запасы. Он находился возле храма, который был центром общинной жизни. В случае призыва к оружию лидеры калпулли могли быстро собрать и вооружить своих людей.

Сложным предприятием была наступательная война. Вьючных животных не было. Каждому воину приходилось нести на себе продовольствие. Войска не имели права брать что-либо у местного населения. Поэтому еще до войны стремились создать запасы и сосредоточить войска в пункте, расположенном возможно ближе к району нападения.

Обычно исход войны решало одно единственное сражение, поскольку нападающие не могли продержаться в поле дольше нескольких дней. Ведя войну на большом расстоянии, ацтеки формировали свои войска, по-видимому, из местных жителей, хотя ядро их составляли отряды теночков и тексокцев.

Война имела в основном полевой характер. Осадные операции фактически не производились. Во время сражения одна толпа воинов пыталась одолеть другую. Сторона, обратившаяся в бегство, проигрывала битву. Забрав пленных, спалив храм и обложив побежденных данью, победители оставляли бывших противников в покое.

Теночки и их союзники нередко прибегали к дополнительным приемам ведения войны. Небольшой отряд воинов совершал нападение. При первом натиске врага он обращался в бегство. Главные силы выжидали в засаде. Когда показывался противник, они атаковали его и часто опрокидывали.

В период мира организовывалась «война цветов», Это был турнир, в котором встречались лучшие воины из нескольких государств. Одна прославленная «война цветов» длилась несколько лет. Победители пожинали славу. Убитых – сжигали. Пленных приносили в жертву богу солнца (Вайян, 1949. С. 154-157).

Держава ацтеков была довольно аморфным объединением большого числа политархий и, может быть, протополитархий под властью тройственного союза, в котором главную роль играл Теночтитлан. На трон завоеванного государства сажали правителя чаще всего из той же династии, что правила до поражения. Не предпринималось никаких попыток ассимиляции завоеванных

народов – ни культурной, ни политической. Оставив власть на местах нетронутой, ацтеки легко решали все административные проблемы, но тем самым они увеличивали возможность восстаний.

Выступления против власти ацтеков, которые начинались обычно с убийства присланных сборщиков дани, были самым обычным явлением. Покоренные народы приходилось завоевывать снова, причем не по одному разу.

Положение державы осложнялось тем, что внутри ее территории находились многочисленные независимые анклавы. Стремясь сохранить свою независимость, их правители поощряли восстания против ацтекского господства. Когда мятежи подавлялись, они давали убежище лидерам выступлений, которые затем снова возобновляли свои попытки. Таким независимым анклавом было горное государство Тлашкада, а также Теотитлан и Метцитлан. Большая опасность угрожала со стороны оставшегося независимым Тара-сканского союза городов-государств.

К концу правления Ауицотла держава ацтеков достигла пределов своих завоевательных возможностей. Неизбежным стал внутренний кризис. Преемник Ауицотла – Монтесума II, вступивший на престол в 1503 г. стремясь найти выход из создавшегося положения, повел политику централизации власти. Он стремился к консолидации и стабилизации в пределах всей державы. Им были предприняты попытки ликвидировать независимые анклавы. Но большого успеха они не принесли. Победы были, но они являлись пирровыми. Еще больше было поражений. Единственное, что ему удалось, – практическое подчинение старого союзника – Тескоко (1515 г.). Это вызвало недовольство среди населения этого города – государства.

Результатом реформ, проводимых в самом Теночтитлане, было увеличение роли высшей знати, уменьшение социальной мобильности. Возмущение мерами, принятыми Монтесумой II, разочарование в результате его походов, периодические нехватки продуктов создало напряженную атмосферу, и в этих условиях в 1519 г. на сцене появились испанцы. В результате их вторжения империи ацтеков пришел конец.

15. *Майя*

Испанцы же окончательно покончили и с цивилизацией майя, существовавшей к этому времени более 1,5 тысяч лет. В области расселения майя выделяются три крупных культурно-географических зоны: северная (полуостров Юкатан), Центральная (Северная Гватемала

Белиз, Табаско и Чьяпас в Мексике) и Южная (горная Гватемала). Эти три зоны имели различную историческую судьбу.

Центральная область – это территория, где цивилизация майя достигла в тысячелетии н.э. вершины своего развития. Здесь находилось большинство крупнейших городских центров майя. Уже с рубежа нашей эры здесь присутствуют все признаки классового общества: монументальные каменные сооружения и иероглифическая письменность.

Вся эта территория подразделялась на значительное число сравнительно небольших политических образований, каждое со своим центром. Каждый из них характеризовался наличием монументальных каменных сооружений: пирамид с храмами и дворцов. Расстояние между этими центрами в среднем равнялось 50 км. Отсюда следует, что территория этих образований не превышала 500 км (Уилли, 1991. 110-112). О природе центров этих образований и самих этих образований идут споры.

Одни исследователи утверждают, что у майя этого периода не было настоящих городов. Существовали лишь ритуальные центры, где жила элита, ее слуги и небольшая группа ремесленников, обслуживавшая нужды влиты. Что же касается основной массы населения, то она обитала в разбросанных по округе селениях. Эти жившие в деревнях земледельцы снабжали элиту всем необходимым и участвовали в строительстве храмов и дворцов. Такого мнения придерживались Э. Томпсон, И. Фогт, Т. Я. Калберт, М. Д. Ко, У. Сандерс, Г. Р. Уилли. Последний прямо характеризовал общество майя классического периода как «цивилизацию без городов» (Willey, Bullard, 1965. С. 376).

В дальнейшем все в большей степени стало выясняться, что «ритуальные центры» были окружены сотнями и даже тысячами небольших домов, т.е. что у майя классического периода были настоящие города. В последнее время это признал и Г. Р. Уилли. Как указывает он сейчас, некоторые из этих городов имели население от 10 до 75 тысяч человек (Уилли, 1991. С. 106-107).

Но все это еще не дает ответа на вопрос о том, с каким вариантом развития политаризма мы имеем здесь дело: с «городским» или «деревенским». Ведь города существовали и при «деревенском» варианте. Но они являлись не политархиями, как при «городском» варианте, а лишь столициями политархий.

К настоящему времени стало известно, что на территории политического образования у майя, центром которого являлся город⁵ были и другие селения, причем некоторые из них исследователи называют не деревнями, а городками. Это дало основание для

гигантской «регионального государства», противостоящей концепции «города-государства» (см. Уилли, 1991 С/108-109).

Советский исследователь В. И. Гуляев, отстаивая концепцию города-государства применительно к древним майя, в то же время пишет, что территория майяского государства включала в себя столицу и подвластную ей округу, состоявшую из сельских общин (Гуляев, 1984, С. 62). Так, например, районы сплошной застройки вокруг ритуально-административного центра в Тикале занимают около 6-7 км. Остальные 100-150 км приходятся на сельскохозяйственную округу с целым рядом городков и селений: Чикин – Тикаль, Волантун, Вобаль, Коросаль, Канмуль и др. Население собственно Тикаля составляло 11-12 тысяч человек, округи – 40-42 тысячи (Гуляев, 1979, С. 115; 1984, С. 58).

Это отнюдь не значит, что майя безусловно относятся к «деревенскому» варианту. Кроме чистого «городского» варианта, представленного йорубами, где все полноправные жители прагосударства входили в состав низших ячеек города – агболе и где отсутствовали деревенские общины, и «деревенского» могут существовать промежуточные формы. Так, например, город и сам мог быть по своей структуре политархией и в то же время являться столицей окружающей его политархии. Не исключено также, что политические образования майя могли быть объединениями, стоящими из одного большого города и нескольких подчиненных городов. Последние не просто платили дань первому, но составляли с ним единое целое. Во всяком случае ясно одно: описанные политические образования майя были обособленными политархиями, были государствами.

Между этими политархиями шли непрерывные войны. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует искусство майя. Знаменитые фрески Бонампака (Чьяпас, Мексика), относящиеся к VIII в., изображают в числе других сюжетов набеги на чужие селения, принесение пленных в жертву (Гуляев, 1991. С. 93). На одной из расписных ваз, относящихся к 600-900 гг., изображена сцена битвы, Одиннадцать персонажей, разделенных на два отряда, столкнулись в ожесточенной схватке. Более многочисленный отряд (слева), судя по всему, проиграл битву и отступает. Три воина из его состава попали в плен и их уводят торжествующие победители (Гуляев, 1979. С. 262; Гуляев, 1991. С. 101).

Один из наиболее распространенных мотивов классического искусства майя – изображение царя в образе воина-победителя. Существует несколько разновидностей: «царь на поле брани», принимающий участие в военных действиях (как правило, он показан

[88]

берущим в плен поверженных врагов), «царь в сценах триумфа», когда победоносный правитель с оружием или символом власти в руках показан рядом со связанными пленными у его ног. Иногда царь топчет ногами тело пленника или стоит на нем, как на пьедестале (Гуляев, 1984. С. 11-112).

В верхней части стелы 12 из Пьедрас-Неграса изображен правитель в пышном костюме и сложном головном уборе. Правой рукой он сжимает копье, а левой упирается в бедро. У подножья – трона стоят военачальники или сановники, а еще ниже помещена группа из восьми фигур: скорченные, обнаженные пленники со связанными за спиной руками. Их головы подняты вверх, они с ужасом ожидают решения своей участи (Гуляев, 1984. С. 112-113).

О войнах между политархиями майя известно и из иероглифических летописей. Город Киригуа находился некоторое время под юрисдикцией Копана. Но в 737 г. правитель Киригуа «Двуногое небо» поднял восстание, а затем взял в плен и принес в жертву правителя Копана, известного по иероглифическим текстам как «XVIII Кролик». В 378 г. правитель Тикаля одержал победу над независимым городом Вашактун. Неизвестно, какие именно отношения сложились между этими двумя городами после этого события. Но после второй войны Вашактун вошел в состав Тикальского государства.

На рубеже VII-VIII в. город Дос Пилос заключил прочный союз с городом Агуатека. После этого союзники встали на путь экспансии. К 731 г. они овладели двумя ближайшими центрами. В 735 г. был разгромлен правитель города Сейбалья, а сам город включен в состав растущего государства Дос Пилос-Агуатека. К 771 г. владения последнего простирались на 80 км с юга на север и 50 с запада на восток, т. е. составляли территорию около 4600 км². Около 790-800 гг. это государство начало клониться к упадку и, наконец, в 810 г. он наступил (Уилли, 1991. С. 113-115).

Как мы видим, державы у майя классического периода возникали, но, как считают исследователи, никогда не образовывалась такая, которая охватывала бы большинство городов Центральной области. Насколько такое заключение верно, покажут будущие исследования.

В IX-X в. в Центральной области майя произошла катастрофа. На ослабевшее в силу внутренних причин общество обрушились завоеватели из центральной Мексики и со стороны Мексиканского залива. Жертвой массированного вторжения центрально-мексиканских племен – тольтеков оказались и города Северной области – полуострова Юкатан. Однако население Юкатана не только выжило, но смогло приспособиться к новым условиям. В итоге

спустя короткое время на Юкатане возникла культура, сочетающая майяские и тольтекские черты. В истории юкатанских майя « наступил новый период, получивший название «мексиканского» (X-XIX вв.).

В течение его политическая и культурная гегемония на всем полуострове принадлежала городу Чечен-Ица, в котором обосновались тольтеки. Но в дальнейшем гегемония Чечен-Ицы начала вызывать недовольство в других городах Юкатана. В XIII в. объединенные силы Майяпана, Ицмаля и Ушмаля во главе с правителем первого из них – Хунак Кеелем разгромили войска Чечен – Ицы и разрушили город.

В последующий период (XIII-XV вв.) резко усилилась роль Майяпана и его правящей династии Кокомов. Майяпан стал столицей крупного государства, включавшего в свои пределы почти весь Северный Юкатан. Но влияние Кокомов оказалось непрочным. В XV в, в результате ожесточенных войн Юкатан бьет разделен на полтора десятка мелких государств (Гуляев, 1983. С. 173 – 175; 1984. С. 159-161).

«Ни один правитель, – писал Ч. Г. Галленкамп (1966. С. 182), – не обладал силами, достаточными для объединения провинций, которые разделили теперь Юкатан на несколько враждующих военных лагерей. Но каждый царек надеялся осуществить подобное объединение под собственно эгидой. И вот наступила драматиче – § екая развязка. На всем полуострове свирепствовали войны. Мирные селения подвергались непрерывным набегам с целью захвата будущих жертв и крепких юношей, годных для воинской службы. Часто нападающие поджигали окрестные поля кукурузы для того, чтобы лишить пищи местных жителей и подчинить тем самым алчному властителю. Одним за другим появлялись и исчезали мелкие царьки, которых устранили обычно путем дворцовых пере воротов или просто убивали. Человеческая жизнь потеряла всякую ценность... Искусство и наука пришли в упадок». И в этой ситуации в 1517 г, появились испанцы. После двадцатилетней войны Юкатан был покорен.

В свете всех приведенных выше данных более ясным представляется становление классового общества в Египте и Шумере.

16. Древние египтяне

В случае с Египтом мы сталкиваемся с «деревенским» вариантом политарного общества. Египет довольно отчетливо разделен на две части: Верхний Египет и Нижний Египет. Каждая из них

состояла из небольших областей, которые носили название номов. В период Нового царства на территории Верхнего Египта насчитывалось 22 нома, в Нижнем – 20 номов.

Номы, вероятно, возникли очень рано и первоначально представляли собой протополитархии или вожества. В дальнейшем номы в каждой из названных частей Египта были объединены. Произошло это не без войн. Имеются различного рода данные, свидетельствующие о войнах между отдельными номами и их небольшими объединениями (Авдиев, 1948. С. 20-21),

В конце концов возникли две сравнительно крупные протополитархии: верхнеегипетская и нижнеегипетская. В последующем между ними разгорелась борьба, которая привела к тому, что верхнеегипетское политическое образование подчинило себе нижнеегипетское. Объединение Египта обычно связывают с именем фараона Мины или Хора Бойца, который основал Мемфис и стал родоначальником 1 общеегипетской династии.

Но как свидетельствуют данные, подчинение Нижнего Египта Верхнему произошло еще при его предшественниках. Уже цари нулевой династии Хор Скорпион, Хор Двойник и Хор Сом были правителями всего Египта (Перепелкин, 1988. С. 295-304).

Обитатели Нижнего Египта долго не могли смириться с потерей независимости. Они неоднократно восставали. На одной стороне сланцевой плиты непосредственный предшественник Мины – Хор Сом (Нармер) изображен в короне Верхнего Египта. Он замахнулся одной рукой, держащей булаву, и готов поразить ею поверженного врага, которого другой рукой он держит за волосы, Божественный покровитель царя – бог Гор (Хор) держит веревку, опутывающую символическое изображение Нижнего Египта. На другой стороне изображены связанные и обезглавленные враги (Перепелкин, 1983. С. 304, 308; Кузищин, ред., 1988. С. 3).

Последнее известное восстание Низовья произошло при фараоне II династии Хоре, Воссиявшем жезлом (Хасемхеме). Оно было жестоко подавлено. Было убито более 47 тысяч повстанцев (Перепелкин, 1983. С. 315).

Первые общеегипетские правители вели грабительские войны с народами, жившими по соседству с Египтом. Вероятно Хору Скорпиону принадлежит каменная плита, на которой с одной стороны показано, как олицетворяющие царя сокол, лев, и скорпион «разоряют» крепости, а на другой изображены деревья, быки, ослы и бараны, и все это названо словом «Ливия», обозначающим местности непосредственно к западу от долины Нила. На одном изделии Хор Сом изображен в виде одноименной рыбы, опускающей

[91]

свою палицу на толпу связанных пленников-ливийцев, как сообщает приписка (Перепелкин, 1968. С. 306-307). На булаве, по – жертвованной в храм в Гиераконоле, Хор Сом сообщает о 400 тысячах голов крупного рогатого скота и 1422 тысячах мелкого. Упоминание вслед за тем о 120 тысяч пленных показывает, что речь идет о добыче, захваченной на войне, возможно, в Нижнем Египте (Перепелкин, 1988. С. 306). Хор боец (Мина) предпринял поход в Эфиопию, т. е. в современный Судан, фараон этой же династии – Хор Простиратель – на восток (Перепелкин, 1988. С. 309, 312).

Трудно сказать, когда именно в Египте предклассовое общество сменилось классовым, но несомненно, что фараоны нулевой династии жили уже в классовом обществе. В их время существовала довольно развитая иероглифическая письменность (Перепелкин, 1988. С. 308).

Период царствования фараонов нулевой, первой и второй династий объединяют под названием Раннего царства (XXXI – XXIX вв. до н. э.). На смену ему пришел период Древнего или Старого царства (XXVIII-XXIII вв. до н. э.). К нему относится огромное количество документов, свидетельствующих о войнах с целью грабежа и завоевания, которые вели египетские правители (Струве, Редер, ред., 1963. С. 29-35; Перепелкин, 1988. С. 376-377).

Армия в то время в основном комплектовалась из свободных египтян. Новобранцы подвергались специальному военному обучению. Воины были вооружены медными боевыми топорами, каменными или медными кинжалами, копьями, луком со стрелами. Орудием защиты был деревянный щит (Авдиев, 1948. С. 46-47, 53-56).

Наивысшего расцвета достигло Старое царство во время правления IV династии. В царствование фараонов V и VI династий начался упадок. Страна распалась на номы или небольшие объединения номов, которые находились во враждебных отношениях. Наступил Первый переходный период, который длился с середины XXIII в. до середины XXI в. до н. э. Внутренним упадком страны воспользовались соседние народы (ливийцы на западе, кочевники на востоке), которые начала опустошать Нижний Египет.

Спустя некоторое время началось движение за объединение Египта. На севере его возглавили правители Гераклеополя, на юге – правители Фив. Северные правители даже объявили себя царями Верхнего и Нижнего Египта (IX-X династии). Однако их власть никогда не простиралась на всю страну. Южные номы, сплотившиеся вокруг Фив, не признавали их гегемонии, Результата – ;; том ожесточенной борьбы между Гераклеополем и Фивами была победа правителя последних – Ментухотепа. Он объединил

[92]

разрозненные номы в единое централизованное государство. Наступил период Среднего царства (2050-1750 гг. до н. э., XI – XIII династии).

Снова возобновились завоевательные походы против соседей. Была завоевана Нубия. Границы страны были передвинуты от Асуана до второго порога. Власть египетских фараонов распространилась не только на Синайский полуостров, но и на южную часть Палестины и некоторые города Финикии. Во время войн захватывалась масса скота, пленных, материальных ценностей, была организована и систематическая эксплуатация завоеванных стран. В XVIII в. обострились социальные противоречия в Египте.

Страна снова начала клониться к упадку. Вспыхнуло народное восстание против существующего строя. Возникшим тяжелым положением воспользовались внешние враги. В конце XVIII в. гиксосы заняли всю Дельту, а затем подчинили и Верхний Египет. Наступил Второй переходный период (вторая половина XVIII – XVII вв. до н. э.).

Реальная власть в это время находилась в руках местных правителей – номархов. Верхний Египет представлял собой совокупность практически самостоятельных номов. Их зависимость от завоевателей ограничивалась формальным признанием их власти и уплатой определенной дани. А на юге Египта власть гиксосов вообще была ничтожной.

После смерти гиксосского царя Хиана (XVII в.), которому на короткое время удалось подчинить весь Египет, гиксосское государство стало слабеть, а самостоятельность египетских номов, особенно Фив, возрастать. Именно Фивы стали центром движения за освобождение Египта от гиксосов и одновременно объединения страны. Их правители провозгласили себя фараонами и основали XVII династию, которая правила одновременно с гиксосскими царями.

Один из фараонов этой династии – Камесу стал во главе борьбы за изгнание гиксосов. Его брат – Яхмос завершил ее. Он не только изгнал гиксосов, но уничтожил их державу. Было восстановлено египетское централизованное государство и начался новый период в истории этой страны – эпоха Нового царства (1580 – 1085 гг., XVIII-XX династии).

Снова начались завоевательные походы. Была реорганизована армия. Если раньше все воины были пешими, то теперь были созданы отряды колесничих. Одновременно пехота была снабжена новыми видами оружия. Были приняты на вооружение два типа меча: массивный прямой и более легкий серповидный. На вооружение части солдат поступил пластинчатый панцирь. Кроме тяжеловооруженных воинов существовали подразделения

легковооруженных копейщиков и лучников. Был создан военно-морской флот. Согласно новой системе набора от каждых десяти взрослых мужчин выделялся один воин. Увеличилась роль наемников чужеземцев. При XIX династии они стали составлять не менее половины состава армии (Кузищин, ред., 1988. С. 46-47).

Используя мощь реформированной армии, фараоны XVIII династии вели активную внешнюю политику. Только за 22 года своего единоличного правления Тутмос III совершил 15 победоносных походов. Его предшественниками и им были захвачены Палестина, Сирия, Финикия. На юге были покорены земли вплоть до четвертого нильского порога. Образовалась великая Египетская держава (Авдиев, 1959. С. 97-148). Египтяне теперь уже не ограничивались простым взиманием дани с местных правителей. Была создана постоянная египетская администрация, управляющая захваченными территориями.

При последних фараонах XVII династии положение начало ухудшаться. Великая военная держава стала разваливаться. Возрождение ее произошло при фараоне XIX династии Рамсесе II (1301-1235 гг. до н. э.). Самым серьезным соперником Египта было могущественное Хеттское государство. Длительное военно-дипломатическое противоборство двух великих держав Ближнего Востока в конце концов завершилось заключением в 1280 г. до н. э. мирного договора между Рамсесом II и хеттским царем Хаттуси-ли III. Это первый дошедший до нас мирный договор. Его текст обнаружен на стенах Карнакского храма и Рамессеума в Фивах и в архиве хеттских царей в их столице Хаттусе (совр. Богазкей). Два государства договорились об отказе от применения силы друг против друга, об установлении прочного мира, решении спорных вопросов мирными средствами, разделе сфер влияния в Восточном Средиземноморье. В договоре предусматривались оказание помощи друг другу в случае нападения третьей стороны и восстания покоренных народов и выдача перебежчиков. Соглашение было скреплено браком Рамсеса II и дочери хеттского царя, клятва – ми богам и взаимными дарами. Этот договор на целое столетие определил мирные отношения Египта и Хеттского государства и стал важным фактором международных отношений XIII в. до н. а (Струве и Редер, ред., 1963. С. 126-130; Кузищин, ред., 1988. С. 60-61).

При Рамсесе II для укрепления господства на захваченных территориях строились крепости, где стояли постоянные гарнизоны в местные города поселялись коренные египтяне. Но успехи были недолговечными. Снова проявились признаки упадка. Начались волнения и смуты внутри страны. Была потеряна

значительная часть прежних владений. Дельта стала ареной постоянных набегов ливийцев. После временного улучшения положения при Сет-нахте – основателе XX династии и его сыне Рамсесе III произошел политический распад государства. Наступил Третий переходный период (1085 – середина X в.).

Около 950 представителю одного из знатных ливийских родов – Шешонку удалось снова объединить страну, но не надолго. В IX-VIII вв. до н. э. Египет снова оказался раздробленным, что дало возможность правителям Куша (Нубии) ее завоевать. В 671 г. Египет был покорен ассирийцами и разделен между 20 местными правителями – номархами, В середине VII в. Псамметих объединил страну под своей властью и вытеснил ассирийцев. На троне утвердилась XXVI династия (664-525 гг. до н. э.). В 525 г. Египет вошел в состав Персидской державы. В 332 г. в страну вступили войска Александра Македонского. После распада его державы Египет оказался под властью греко-македонской династии Птолемеев.

Не продолжая историю Египта дальше, отметим, что на его примере особенно наглядно можно видеть циклический характер развития. Он присущ не только протополитарным, но еще в большей степени политарным обществам. Чередование периодов расцвета и упадка протополитарных и политарных обществ невозможно объяснить внешними причинами. Причина состоит вовсе не в природных факторах. Этот цикл происходил во всех протополитарных и политарных обществах, в каких бы природных условиях они не существовали. И дело также не в самих по себе вторжениях варваров или других более могущественных государств. Пока государство находилось в периоде расцвета, оно грабило варваров, брало их в плен, превращало их в своих подданных, захватывало территории других государств. И только когда оно слабело, на него обрушивались внешние враги: и варвары, и другие государства и оно становилось их легкой добычей.

Упадок державы выражался не просто в отделении ранее захваченных областей, хотя это всегда происходило. Распадалась на составные части и протополитархия, которая была ядром державы. Это наглядно можно было видеть на примере Египта.

Кризис охватывал и такие общества, которым, по существу, и распасться было не на что. Это можно видеть на примере государств майя классического периода. Видимо, все же не существовало единой державы майя, которая бы охватывала всю центральную область их расселения. Были отдельные небольшие государства. Но упадок все же наступил. Он вытекал из особенностей

развития протополитарных и политарных социально-экономических отношений.

Наступивший после расцвета политархии упадок мог иметь различную глубину. В одних случаях он приводил к тому, что классовое общество разрушалось. Исчезали все признаки цивилизации. На развалинах бывшего классового общества возникали общества предклассовые. Именно такие случаи имеет в виду, когда говорят о гибели цивилизации.

Выше уже были приведены материалы, относящиеся к такому варианту развития: история государства Конго. Были упомянуты, хотя и не рассмотрены подробно, другие более или менее бесспорные случаи: судьбы цивилизаций Мочика, Тиауанако в Андской области, Теотихуакана в Мезоамерике. Но самые знаменитые примеры относятся к истории Индии и Греции.

Цивилизация Хараппы, возникнув в XXIX-XXVIII вв. до н. э., исчезла в XVII-XVI вв. до н. э. С ее гибелью произошел возврат на стадию предклассового общества. Исчезли монументальное зодчество и письменность. Вновь классовое общество на территории Индии зародилось лишь в начале тысячелетия до н. э. На территории материковой Греции классовое общество сложилось первоначально в XVII-XVI вв. до н. э. В XII в. до н. э. оно погибло. Прекратилось монументальное строительство, исчезла письменность. Снова классовое общество в Греции, но уже не политарное, а рабовладельческое, возникло лишь около 800 г. до н. э.

Однако не везде упадок был столь глубок. В Египте и во время ? Первого, Второго и Третьего переходных периодов продолжали сохраняться и монументальное зодчество и письменность. Поэтому можно говорить лишь об упадке, но не гибели цивилизации. Номы, которые до возникновения верхнеегипетского и нижнеегипетского образований были вождествами, после распада общеегипетского государства не превратились снова в протополитархии. Они стали хотя и самостоятельными, но политархиями.

17. Шумеры

Если для Египта был характерен «деревенский» вариант развития, то для другой ранней цивилизации – шумерской – «городской». Египет перешел на стадию классового общества скорее всего после того, когда возникло политическое объединение в масштабах всей долины Вила. Крупная протополитархия превратилась в крупную же политархию.

Иначе обстояло дело в Двуречьи, К моменту перехода на стадию классового общества на этой территории существовало множество небольших протополитарных социально-исторических организмов. Именно они и превратились в столь же небольшие политархии. Большинство исследователей называют эти социально-исторические организмы городами-государствами, И. М. Дьяконов, исходя из того, что на территории такого организма существовал обычно не один город, а несколько, из которых один был главным, предпочитает называть его «номом» или «номовым государством» (Дьяконов, ред., 1983. С. 139 и др.). Название это является не очень удачным, ибо египетские номы связаны с «деревенским» вариантом развития, а эволюция шумерских протополитархий, а затем и политархий шло либо по чисто «городскому», либо по близкому к этому пути.

Здесь, как и в случае с майя, возникает два предположения. Первое: перед нами объединение, состоящее из одного главного и нескольких подчиненных городов. Второе: мы имеем дело с политархией, сочетающей в себе особенности и «деревенского» и «городского» путей развития. Какое из них является верным, выяснится в процессе дальнейших исследований.

По мере перехода от предклассовой стадии к классовой все более частым явлением становились войны между данными социально-историческими организмами. Когда этот процесс завершился, войны стали вестись непрерывно (Дьяконов, ред., 1983. С. 110, 185).

К концу раннединастического периода (XXVIII – XXIV вв. до н. э.) сложилась определенная организация войска. Существовали отряды колесничих. Основную ударную силу составляла тяжеловооруженная пехота с хорошей строевой подготовкой. У всех этих воинов было одинаковое вооружение, которое они получали со складов. Оно состояло из медного шлема, длинного копья и длинного войлочного плаща с нашитыми на нем медными бляхами. В последующем эти плащи были заменены огромными обитыми мелью щитами. Сражалась тяжелая пехота в сомкнутом строю. Третьим видом войска была легковооруженная пехота. Она была снабжена короткими дротиками или медными топориками на длинной рукояти. Все воины имели также медные кинжалы. (Дьяконов, ред., 1983, С. 184-186).

Одной из самых известных является война между Лагашем, правителем которого был Эанатум, и Уммой, где правил Уш (XXIV в. до н. э.). Победа Лагаша была увековечена на знаменитой «Стеле коршунов». На ней изображено шествие лагашского войска во главе с правителем и трупы поверженных врагов, терзаемые

коршунами. Надпись сообщает, что в битве было убито 3600 не – приятельских воинов. (Дьяконов, ред., 1983. С. 195-196; Кузицин, ред., 1988. С. 115).

Целью войны был не только грабеж. Почти каждый правитель политархии стремился установить свою власть над остальными государствами. В результате войн возникали как военные союзы между политархиями, так и сравнительно небольшие державы. Однако все они были недолговечными. В конце раннединастического периода правитель Уммы Лугальзагеси объединил под своей властью почти весь Шумер. Но он потерпел поражение от правителя Аккада – Саргона (2316 – 2261 гг. до н. э.), который создал могущественную державу, простирающуюся от Персидского залива до Сирии.

В XXII в. до н. э. Аккадское царство вступило в период упадка и рухнуло под ударами кутиев. Вся последующая история Двуречья, как и история Египта, непрерывное чередование периодов подъема и упадка: Царство Шумера и Аккада при III династии Ура и вторжение амореев – Старовавилонское царство и вторжение касситов – Касситское царство и вторжение эламитов – расцвет при Навухоносоре и ассирийское владычество – Нововавилонское царство и персидское завоевание. И все это сопровождалось непрерывными войнами. Войны были органическим моментом истории всех политарных обществ, как ранних, так и поздних.

III

ВОЙНЫ В ПРОЧИХ ПРЕДКЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВАХ

1. Вводные замечания

Из пяти вариантов раннего предклассового общества три (геронто-кратический, преплутарный и вариант с позднейшими чифменами) известны лишь среди охотников, рыболовов и собирателей. У геронтократических тиви Северной Австралии и преплутарных толова и юроков Калифорнии войны по своему характеру мало отличались от тех, что велись в позднем первобытном обществе (Hart and Pilling, 1960. P. 83-86; Kroeber, 1925. P. 83-86). У эскимосов чугачей, у которых существовали позднейшие чифмены и рабство, войны носили характер грабительских набегов. Пленные становились рабами (Birket-Smith, 1953. P. 102)

[98]

Вооруженные столкновения у этих и других подобных им народах настолько подробно, насколько позволял фактический материал, описаны в первом томе монографии (2 и 3 подразделы второго раздела первой части).

Оставшиеся два варианта раннего предклассового общества известны как у охотников, рыболовов и собирателей, так у земледельцев. Мы ограничимся одними лишь земледельцами, да и то не всеми. Бигмены, использовавшие доминантный и магнатный образ эксплуатации, существовали у таких, например, земледельческих групп, как энга, чимбу, мелпа, капауку гор Новой Гвинеи. Но войны у горных папуасов, одна часть которых уже достигла стадии раннего предклассового общества, а другая продолжали жить в позднем первобытном обществе, были уже в целом детально рассмотрены в первом томе (5 подраздел второго раздела первой части).

Таким образом из всех вариантов раннего предклассового общества остается лишь преполитарный. В принципе вооруженные столкновения в этом обществе должны были бы быть описаны прежде войн в обществе протополитарном, ибо последнее возникло из преполитарного. Однако о войнах в обществах, где были лишь одни преполитарные отношения, почти ничего не известно. Имеются более или менее обстоятельные данные лишь о тех обществах, где преполитарные отношения сосуществовали с рабством и приживальчеством. А такие общества в ряде аспектов были развиты более, чем социально-исторические организмы, в которых существовали одни лишь протополитарные отношения.

2. Маори

Примером могут послужить маори Новой Зеландии, у которых преполитаризм сочетался с рабством и приживальчеством. Институт войны у них был более развит, чем у тробрианцев. Вообще маори славились как воины. Воины у маори в большинстве своем представляли кратковременные набеги.

Важнейшей социальной ячейкой у маори была амбилатеральная родственная группа – хапу. Как правило, хапу составляла одну деревню. Иногда в одной деревне жило несколько таких групп. В таком случае каждая хапу занимала особый квартал, отделенный от остальных изгородью. Бывало, что крупная хапу населяла несколько деревень. Несколько родственников хапу составляло племя – иви. Иви не было сколько-нибудь прочным объединением, Хапу одного племени могли сражаться друг с другом.

[99]

Хапу была основной единицей в войне. Именно на базе хапу образовывался вооруженный отряд, который мог соединяться с отрядами других хапу. Число воинов в нем – от 100 до 400 человек. Каждый взрослый мужчина, способный носить оружие, был морально обязан присоединиться к отряду. К этому принуждала его сила общественного мнения.

Каждый имел свое оружие. В качестве его выступали деревянные копья, длинные дубины из дерева и короткие из дерева, кости, камни. Применение метательного оружия – метательных копий было ограничено. Щиты отсутствовали. Для защиты тела применялись военные плащи. Мальчиков с детства готовили к деятельности воина. Юношей учили пользоваться оружием.

Вопрос о войне решался на собрании. Когда объявлялась война или приближался враг, то на много километров звучала труба или гонг. К союзникам посылали вестников с просьбой о помощи.

Во главе отряда обычно становился вождь хапу. И в дни мира, и в дни войны вождь был скорее лидером, чем командиром. Он вел за собой, а не командовал. Действовал пример, а не приказ. Военная дисциплина с подчинением приказам отсутствовала. Если в военной экспедиции участвовали несколько хапу, то каждый отряд со своим вождем действовал, как хотел.

Главный расчет делался на внезапность. Прибегали к хитростям и даже прямому вероломству. Бывали случаи, когда людей приглашали на пир и там убивали. Иногда, наоборот, гости набра сывались на хозяев. Но главное, конечно, – внезапные набеги на чужие деревни. Они производились ночью и на рассвете, под прикрытием плохой погоды. Для защиты от нападений деревни укреплялись. Выставлялись часовые. Вооруженные отряды передвигались пешком или на каное. При этом старались остаться незамеченными. При приближении к намеченному объекту посылали разведчиков с тем, чтобы обнаружить слабые места. Затем отряд или отряды шли на штурм деревни. Если он был отбит, то нападающие чаще всего удалялись. Но бывало, что деревня осаждалась несколько дней.

И нападающие и обороняющиеся использовали различные приемы. Иногда обороняющиеся покидали крепость, а затем внезапно нападали на врагов, проникших в нее. Нападающие практиковали ложные атаки, а также производили отступление с целью внезапного нападения из засады.

Когда нападавшие одерживали победу, деревня подвергалась грабежу. Захватывали добычи столько, сколько можно было увести с собой. Брали пищу, маты, украшения, рыболовное

снаряжение, корзины, сосуды. Все, что не могли унести, разрушали. Деревню сжигали. Пленных частично убивали и съедали, частично превращали в рабов.

Иногда вооруженные отряды сталкивались в открытом сражении, но это было редко.

Причины войн были различными. Чаще всего поводом были обиды, нанесенные членам одной группы членами другой: убийства, использование вредоносной магии, прелюбодеяния. Ответные действия могли быть отложены надолго, Каждая группа имела счеты к другим, которые копились поколениями. При желании всегда можно было найти предлог для набега, который диктовался стремлением к добыче и приобретению рабов. К числу причин относятся споры из-за права на землю и рыболовные места. Чаще всего после успешного набега нападающие стремились поскорее вернуться домой. Но серия побед могла привести к захвату территории. Ее прежние жители истреблялись, захватывались в плен или изгонялись. Изгнанные в свою очередь могли вторгнуться на территорию более слабых групп и побудить их бежать. Развертывалась целая цепная реакция.

А. П. Вайда в одной из своих работ склоняется к тому, что истинной причиной всех войн у маори являлась борьба из-за земли. Все остальное – поводы. По это слишком упрощает картину. Жизнь была сложнее.

В некоторых случаях между враждующими сторонами заключался мир. С просьбой о мире обращалась слабейшая сторона. Условием мира могла быть уступка права на часть территории. Иногда побежденные обязывались давать в определенные сезоны в качестве подарков победителям особые виды пищи (птицу, крыс, угрей). Но подобного рода данничество было редким явлением. Когда «данники» восстанавливали силы, то прекращали уплату. Мирные соглашения никогда не отличались прочностью, даже когда подкреплялись взаимными браками (Vayda, 1970; 1976. С. 75-87). Социально-экономический строй земледельцев маори был очень сходен с тем, что был характерен для индейцев северо-западного побережья Северной Америки, основными занятиями которых были рыболовство и охота, У последних, как и у маори, преполитар-ные отношения сосуществовали с рабством и приживальчеством. Войны у индейцев северо-западного побережья были детально рассмотрены в первом томе монографии (3 подраздел второго раздела первой части), И нельзя не заметить поразительного сходства между ними и тем, что наблюдалось в этой сфере у маори

[101]

3. Ирокезы

Переходя к поздним предклассовым обществам иным, чем протополитарные, а именно к пракрестьянским, протодоминомагнатным и парapolитарно-доминомагнатным, нельзя не обратить внимания на наметившуюся в них тенденцию к возникновению все более крупных социальных образований. И в немалой степени это было связано с войнами.

В условиях постоянных войн возникновение одного объединения общин вызывало образование других, способных ему противостоять. С особой силой тенденции к укрупнению проявлялась тогда, когда рядом с обществами рассматриваемых типов образовывались протополитарные. Вождества, как правило, включали в свой состав несколько общин. Поэтому по численности населения они превосходили общества указанных выше трех типов, пока они оставались однообщинными. Кроме того вождества всегда были лучше организованы. В них существовал формирующийся государственный аппарат, который отсутствовал в обществах указанных трех типов по крайней мере до тех пор, пока они оставались однообщинными.

Особенно угрожающим становилось положение, когда рядом с однообщинными обществами указанных типов, появлялись крупные протополитарии или державы, состоящие из протополитархий, не говоря уже о возникновении подлинных политархий и вообще классовых обществ. Своеобразным случаем является колониальная экспансия европейцев.

Если начать с пракрестьянских обществ, то прежде всего следует остановиться на ирокезах. Мы не знаем, когда у них появились надобщинные образования – племена. Несколько больше известно о конфедерации пяти их племен – знаменитой Лиге ирокезов. Одни авторы считают, что она возникла в середине XV в., другие относят ее образование к концу XVI в. (Фентон, 1978. С. 114).

Первоначально Лига возникла не для ведения наступательных войн. Суть ее заключалась в прекращении войн между пятью вошедшими в нее племенами. Она была «Лигой мира» (Фентон, 1978. С. 23). Прекращение вражды между племенами, вошедшими в Лигу, сделало возможным объединение их усилий для обороны от соседей, а затем и для нападения на них.

Традиционное вооружение ирокезов состояло из лука и стрел, духового ружья, копья с кремневым наконечником, деревянной дубины. В качестве оборонительного оружия использовались деревянные щиты: большие прямоугольные, защищавшие воина с головы

до ног, и меньших размеров, круглые. Но уже в начале XVII в. каменные наконечники были заменены железными. Затем появились топоры и металлические секиры. Позднее ирокезы получили огнестрельное оружие. Значительного развития достигла у ирокезов фортификационная техника. Селения ирокезов XVI в. описаны как окруженные несколькими рядами палисадов (Аверкиева, 1974. С. 228-227).

Как и у маори, у ирокезов все боеспособные мужчины были воинами. Но не существовало никакой организации, которая принуждала бы участвовать в походах. Участие в войне было делом добровольным. Когда советом Лиги или советом племени объявлялась война против какого-либо народа, то в каждом селении состояние войны возвещалось ударом томагавка по военному столбу. После этого каждый был волен собрать отряд и совершить набег. Впрочем формальное объявление войны не было обязательным. Ирокезы всегда находились в состоянии войны со всеми племенами, которые не состояли с ними в союзе.

Человек, желавший набрать добровольцев и возглавить военную экспедицию, в полном праздничном одеянии проходил по селению, испуская военный клич, после чего подходил к военному столбу и, ударив томагавком по нему, начинал военную пляску. Вокруг него собиралась толпа и, так как пляска возбуждала военный дух, мужчины один за другим присоединялись к нему. Таким образом быстро набирался отряд. Женщины во время пляски готовили воинам еду в дорогу. После пляски воины покидали селение и направлялись в страну врага. Отряды из разных селений могли соединяться, но каждый оставался под командованием собственного вождя (Морган, 1983. С. 44-45, 179-180).

В дальнейшем для обеспечения единства действий были установлены должности двух высших военачальников Лиги, избираемых из числа выдающихся воинов племени сенека.

Существуют ориентировочные подсчеты военной силы ирокезов. Иезуит Дж. Лалемант писал, что 1659-1660 гг. в пяти племенах, входивших в лигу насчитывалось 2200 воинов. По племенам они распределялись следующим образом: могауки – около 500 воинов, онейда – 100, онондага – 300, кайюга – 300, сенека – 1000. Иезуит Ф. ДеМуан в 1660-1661 гг. оценивал силы ирокезов в 2000 воинов, В. Гринхалг в 1677 г. в 2150 воинов (300 могауков, 200 онейда, 350 онондага, 300 кайюга и 1000 сенека) (см. Аверкиева, 1974. С. 226).

Европейское влияние начало особенно сильно оказываться на ирокезах начиная с XVII в. Меха торговля европейцев с индейцами началась еще в XVI в. Около 1600 г. в нее были

вовлечены гуроны и ирокезы. Вскоре меховая торговля стала для ирокезов жизненной необходимостью.

Пушнина для индейцев была единственным товаром, на который можно было выменивать европейские вещи, очень быстро вошедшие в их быт. Уже в начале XVII в. Л. А. Лаонтан подчеркивал жизненно важное значение пушнины для индейцев. «Ирокезы, – писал он, – без бобровых шкурок, на которые они могли бы выменивать ружья, порох, пули, серпы, умерли бы с голода...» (цит.: Аверкиева, 1974. С. 223).

Но уже к 1640 году пушное богатство на территории расселения ирокезов было истощено. Поиски новых охотничьих угодий, новых источников мехов были, как убедительно показал Дж. Хант в работе «Воины ирокезов. История межплеменных торговых отношений» (Hunt, 1940) главной причиной военной экспансии ирокезов. Войны, которые вались ирокезами на протяжении XVII в. в литературе иногда называются «бобровыми войнами». И важнейшим инструментом завоевательных войн ирокезов была Лига.

В 1649 г. объединенное войско сенека и могауков, состоявшее из 1000 воинов, разгромило конфедерацию гуронов. В 1651 г. сенека и могауки частью уничтожили, частью захватили в плен и рассеяли индейцев, входивших в состав конфедерации ирокезоязычных племен, известной под названием «нейтральной». В 1654 г. объединенными силами сенека, онейда, онондага и кайюга были покорены и рассеяны ирокезоязычные эри. В 1656 г. ирокезы начали набеги на оттава, вынудив их оставить свои земли и переселиться на запад. В 1675 г. были разбиты сусквеханноки, часть которых вошла в состав сенека. В 1677 г. начались походы ирокезов на индейцев Мэриленда и Виргинии, Северной и Южной Каролины. В 1684 г. сенека и кайюга напали на иллинойсов.

В результате завоеваний XVII в. ирокезы подчинили себе огромную область включающую территорию современных штатов Нью-Йорк, Делавэр, Нью-Джерси, Пенсильвания, Мэриленд, большую часть Виргинии, Огайо, Кентукки, северную часть Теннесси, часть Иллинойса, Индианы, Мичигана, часть штатов Новой Англии и прилегающие районы юго-восточной Канады (Аверкиева, 1974. С. 223-224; Морган, 1983. С. 14-16). Впрочем Дж. Хант считает, что реальная власть ирокезов распространялась на гораздо меньшую территорию (Hunt, 1940. С. 161).

Для осуществления контроля над завоеванными землями ирокезы основывали на них свои колонии. Для надзора над покоренными племенами выделялись специальные надсмотрщики. Покоренные народы облагались данью. Племена Новой Англии, например, платили дань

вампумом. Сборщиками дани были могауки. Большое число покоренных индейцев ирокезы влили в свой состав, чтобы восполнить военные потери. Часть пленников становились рабами. В целом в ходе завоевательных войн ирокезы сделали шаг по пути от пракрестьянского общества к протодоминомагнатному.

4. Индейцы центральной полосы степей Северной Америки

У аборигенов Северной Америки встречались и настоящие протодоминомагнатные общества. К числу их относятся социально-исторические организмы индейцев центральной полосы степей североамериканского материка. Обитатели этой зоны разводили лошадей. Однако отнести их к числу народов с производящим хозяйством было бы неверным. Основным источником их существования была охота на крупных животных, прежде всего бизонов. Лошади использовались в основном для охоты. У этих племен существовали и доминатные (рабство, приживальчество) и магнатно-аренд-ные отношения (Аверкиева, 1970. С. 34, 44-55).

Воины у этих народов были обычным явлением. С этим связано существование у них племен как определенных социальных образований и союзов племен. Сами индейцы различали два типа войны: 1) военные походы с целью мести за смерть соплеменника или захвата территории; 2) набеги с целью грабежа. Кайова обозначали их разными терминами (Mishkin, 1940. С. 28).

Военные походы с целью мести, получившие название «походов за скальпами», предпринимались большими (от 100 до 1000 человек) отрядами и носили чаще всего общеплеменной характер. Иногда они состояли из воинов целого союза племен. Предводителями были выдающиеся военачальники. Во второй половине XIX в. таких войн почти не было. Сражения велись с солдатами армии США.

Набеги с целью угона лошадей в XIX в. были обычным явлением. Они предпринимались небольшими отрядами в 10-12 человек, формировавшимися в рамках общины по инициативе того или иного опытного воина (Аверкиева, 1970. С. 104-109). Дж. Гриннелл в работе о чейенах писал, что у них было много «храбрых и удачливых воинов, которые у своих походах избегали близкого контакта с врагами и не стремились их убивать. Такие люди шли в поход с единственной целью увеличить свое богатство путем угона лошадей: это значило, что они занимались войной как ремеслом, ради прибыли» (Grinnell, 1962. V. 2. С. 2).

Войны способствовали экономической и социальной дифференциации, а тем, где расслоение было в зачатке, давали ему мощный толчок. Последнее особенно наглядно видно там, где покоренное население облагалось данью.

5. Аварцы

Примером может послужить Дагестан. Вольные общества его были не только оборонительными, но и наступательными союзами. В этом отношении особенно выделяется одно из аварских вольных обществ – Джарское, состоявшее из 7 селений с 1500 дворами.

Джарцы и их соседи совершали постоянные набеги на прилегающие области Азербайджана и Грузии. Важнейшей их целью был захват людей. За них требовали выкуп или продавали в раб – ство. Вплоть до начала XIX в. Джар был одним из самых значительных невольничьих рынков на Кавказе.

Но этим джарцы не ограничивались. Они подчинили своей власти и обложили данью 22 ингилойских (грузинских) и мугальских (тюркских) селения. Формально дань платилась всему вольному обществу, но с течением времени она стала поступать в руки верхушки общества. Наличие такого источника дохода в немалой степени способствовало процессу социального расслоения, которое становится заметным во второй половине XVIII в. Представители правящей верхушки начали использовать труд рабов, часть которых сажалась на землю. Иначе говоря у джарцев стали возникать и магнатные отношения (см. Петрушевский, 1934. С. 4-5, 19, 21-28, 33-58).

6. Адыги

Грабительские войны были характерны и для парapolитарно доминамагнатных обществ. Их, например, постоянно совершали карачаевцы. Главная цель – захват пленных и скота (Студенецкая, 1937. С. 54). Но особое развитие такие войны получили у адыгов.

Военный грабеж был основным занятием и одним из главных источников доходов адыгской знати. «Самые знатные из них, – писал о черкесах в конце XVII в. Я. Витсен, – не обрабатывают землю, а стараются набрать небольшую кучку людей и ночью грабят и угоняют скот и похищают людей как у друзей, так и у врагов» (Витсен, 1974. С. 89) . Положение не изменилось и концу XVIII в. «Весь предмет жизни их, – писал в 1784 г. П. С. Потемкин о кабардинских князьях, – состоит только в грабительстве. Первое правило каждого владельца есть отнять и украсть, что в глаза может

представиться. Сие правило, так сказать, всасывают они с молоком матери» (цит.: Гарданов, 1967, С. 169).

Грабительские набеги продолжались и в XIX в. Объектами их были и аулы адыгов, и селения других горских народов, и казачьи станицы, и русские деревни. В XVIII в. и первой половине XIX в. набеги совершались в основном весной и летом (апрель – июнь) и осенью (сентябрь – октябрь). Таким образом шесть месяцев в году адыгская знать занималась систематическим грабежом.

В грабительских экспедициях принимали участие в основном князья (пши) и знатные люди меньшего ранга (урки). По в них вовлекалась и некоторая часть свободных общинников, В XVIII в. это делалось путем превращения вольного адыга в княжеского уорка самой низшей степени.

Для адыгов были характерны бесконечные междоусобицы. Одни князья и группировки князей постоянно враждовали с другими. Целью при этом была земля. Методы – захват и разорение поданных своих соперников, захват скота и т. и. (Гарданов, 1967. С. 169-180).

7. Древние германцы

Сведения об общественном строе германцев эпохи Цезаря и Тацита фрагментарны. Поэтому определить его можно только предположительно.

Самостоятельный социально-исторический организм древних германцев, включавший в свой состав много пракрестьянских общин, принято именовать племенем. Племена могли объединяться в союзы, конфедерации.

В германском обществе существовало три основных слоя. Первый – аристократы, которые были полностью освобождены от физического труда. Второй – рядовые свободные. Они составляли большинство населения. Третий – т. н. сервы – люди, которые сидели на чужой земле, более или менее самостоятельно вели хозяйство и выплачивали хозяевам оброк, Кроме того существовали домашние рабы У фризов и саксов люди, сидевшие на чужой земле, назывались литами. Они сами могли иметь рабов.

Характерная особенность германского, общества заключалась в его военном характере. Аристократия германцев прежде всего была военной знатью. В каждом племени было несколько человек, которые имели собственные вооруженные отряды – дружины. Их обычно именуют вождями или князьями. Они сами по себе были должностными лицами, хотя могхш становиться ими Дружины были их частным достоянием,

В каждом племени было народное собрание, которое избирало , из среды знати должностных лиц, творивших суд по округам и селам. Избирало оно также и короля, который был главным военачальником племени, верховным судьей и руководил народным собранием. В племенах, где не было королевской знати, лидерство могло принадлежать нескольким равноправным могущественным ; лицам,

В целом развитие древнегерманского общества шло по линии возникновения и утверждения королевской власти. Она возникла из власти особо могущественного князя, избранного военным вождем и стремившегося сохранить свое положение и в мирное время.

Настоящих налогов внутри германского племени не существовало. Однако по крайней мере в некоторых племенах все их рядовые члены по форме добровольно приносили в дар князьям определенное количество крупного рогатого скота и зерна. Скорее всего мы имеем здесь дело с паразитарной формой эксплуатации.

Но главным источником доходов знати были не подарки членов племени и не труд сервов и рабов, а военная добыча. В обществе германцев огромную роль играла такая форма эксплуатации человека человеком как военный грабеж. Именно с этим связано существование дружины.

Для древних германцев было характерно частное переселение в : поисках удобной для обработки земли. Это приводило к вооруженным столкновениям с соседями. Если в набегах участвовали наиболее боеспособные члены общества, то во время переселений в военных столкновениях принимали участие все свободные, способные носить оружие.

Пока переселяющееся германское племя сталкивалось лишь с сородичами – другими германскими племенами, находившимися на том же уровне развития, то влияние войны на их политическую организацию было сравнительно ограниченным. Столкновение германских племен довольно быстро завершалось победой той или иной стороны. Картина резко менялась, когда германское племя вторгалось в область, подвластную римлянам. В таких случаях германские племена либо погибали, либо сплачивались в грозные военные союзы (Неусыхин, 1929; 1956. С. 213-214).

Эти социально-исторические организмы или объединения социально-исторических организмов были подвижными, мигрирующими. Вторжение германских племен и союзов племен на территорию Римской империи было составной частью Великого переселения народов., в котором участвовали и другие этнические группы: гунны, сарматы, славяне и т. д.

Пролог Великого переселения народов относится к II-III вв. . В конце II – началу III вв. с северо-запада Европы к Черному морю двинулись восточногерманские племена: готы, бургунды, вандалы. Переселившись в причерноморские степи готы вошли в состав обширного союза, объединявшего кроме них местные гетофракийские и славянские племена. В середине III в. союз начал опустошительные вторжения в восточные провинции Римской империи. Варварами были наводнены Фракия и Македония.

Почти одновременно к границам Римской империи начали передвигаться западногерманские племена. Алеманны переселились на территорию между верхним Рейном и Дунаем и начали совершать частные нападения на Галлию. В 261 г. они захватили римскую провинцию Рецию и, двинувшись в Италию, дошли до Ме-диолана (Милана). В 258-260 гг. в Галлию вторглись франки.

В IV в. началось собственно Великое переселение народов. Толчком к нему послужило вторжение пришедших из Приуралья кочевых скотоводов – гуннов. Перейдя Дон они в 375 г. разгромили державу Эрманриха, ведущую роль в которой играли остготы, и двинулись дальше на запад, где в конце концов обосновались в Паннонии. В течение многих десятков лет они опустошали Переднюю Азию и Европу, пока не были в 451 г. разбиты на Каталаунских полях (Галлия) объединенными силами римлян, вестготов, франков и бургундов, возглавляемы Аэцием.

Не рассматривая Великое переселение народов в целом, остановимся лишь на передвижениях германских племен.

В конце IV в. теснимые гуннами вестготы перешли Дунай и с разрешения римских властей поселились в Цезии. Первое их восстание против притеснения римлян было в конце концов подавлено. В начале V в. они вновь восстали и двинулись в Италию. В 410 г. ими был взят и разграблен Рим. Затем они дошли до Южной Галлии, где в 418 г. и основали первое на территории Западной Римской империи варварское королевство – Тулузское. В дальнейшем вестготы завоевали Испанию, но при этом утратили почти все свои владения в Галлии.

Вандалы, поселившиеся в начале V в. вместе с аланами в Испании под натиском вестготов в 429 г. переправились в Северную Африку и основали там свое королевства Алеманны, перейдя Рейн, овладели территорией современной Юго-Западной Германии, Эльзаса и большей части Швейцарии. Бургунды, заняв около 45? г. весь бассейн Роны, образовали Бургундское королевство. Франки, продолжая свои завоевания в Галлии, положили в конце V в. начало Франкскому государству. Будучи господствующей

[109]

этнической группой, франки составляли в Галлии незначительное меньшинство и в дальнейшем были ассимилированы местным галло-римским населением.

В V в. началось переселение англов, саксов и ютов в Британию. Большинство прежних насельников страны – бриттов было истреблено, порабощено или вытеснено в Шотландию, Уэльс и на § континент (в Бретань). В результате к концу VI в. на территории § Англии образовалось несколько варварских королевств (Уэссекс, Суссекс, Эссекс, Мерсия, Нортумбрия, Восточная Англия, Кент).

В 438-493 гг. остготы, жившие по этому в Паннонии, куда они пришли вместе с гуннами, двинулись в Италию и завоевали ее. Возникло обширное королевство, которое в дальнейшем было уничтожено Византией. В 568 г. в Италию во главе большего племенного союза вторглись лангобарды. Образовалось Лангобардское В королевство.

В результате варварских нашествий Западная Римская империя рухнула. В 476 г. она и формально прекратила свое существование – был низложен последний римский император Ромул Августул. Образование на развалинах Западной Римской империи варварских королевств означало переход германцев со стадии предклассового общества на стадию классового. Об этом свидетельствует сохранения монументального зодчества и письменности.

Возникнув, эти государства во многих случаях вели активную завоевательную политику. Примером может послужить история Франкского королевства. При основателе государства – Хлодвиге и его ближайших преемниках были подчинены алеманны, бургунды, тюринги, бавары, отчасти саксы. После временного упадка государства в VII в. наступила эпоха новых успехов. В 752 г. правитель королевства Карл Мартелл разбил в битве при Пуатье арабов и тем самым остановил их продвижение в Западную Европу. При нем и его преемниках была восстановлена власть франков над Аквитанией и Провансом, вновь подчинены Алеманния, Тюрингия и Бавария, завоеваны Саксония, Италия и территория к югу от Пиренеев. Вершины своего могущества франкское государство достигло при Карле Великом, который в 800 г. был коронован в Риме как император.

8. Норманны

Как уже отмечалось, о социально-экономическом строе древних германских племен известно немного. Несколько больше мы знаем о социально-экономических отношениях у северных германцев, (

населявших территорию современных Норвегии, Швеции и Дании во время, предшествующее эпохе викингов (конец VIII – вторая половина XI вв.) и в начальный период этой эпохи.

Они были не только и подчас не столько земледельцами, но также скотоводами, охотниками, рыболовами, китобоями. У них существовали все виды доминантных отношений: рабство, приживальничество, кабальничество и наймитство. Развиты были у них и магнатные отношения. Рабам и вольноотпущенникам давались участки земли. Обнищавшие свободные люди арендовали землю у богатых, уплачивая им долю урожая (Гуревич, 1966. С. 20, 24; Ковалевский, 1977. С. 85-88).

Особое место в скандинавском обществе занимала знать. Она играла ведущую роль в военном деле. Вождь стоял во главе ополчения, состоявшего из всех боеспособных свободных мужчин. Существовало понятие «народное оружие», т. е. такое, которое должен иметь каждый свободный человек. В его состав входили боевой топор или меч, копье, лук со стрелами, щит. Так как войны часто шли на море, то население было обязано на свои средства строить и снаряжать боевые корабли, поставлять провиант и служить на них.

Вождь жил в окружении дружины, в которую входили молодые люди, жаждавшие добычи и славы. Дружинники были привязаны к личности вождя. Власть последнего над ними была чрезвычайно велика. Племя, во главе которого стоял вождь, опиравшийся на дружину, частично содержала его и дружинников на свой счет. Усадьба вождя была местом, куда окрестное население свозило продукты для него самого и его свиты. Эти поборы назывались вейцлой, т. е. кормлением, угощением, пиром. Данную форму эксплуатации нельзя назвать иначе, как парараполитарную. Вождь, имевший несколько усадеб, расположенных в разных частях возглавляемой им области, перемещался со своей дружиной из одной в другую и кормился за счет приношений.

Но главным источником доходов знати была не столько эксплуатация местного населения, сколько военная добыча. Поэтому скандинавская знать всегда была необыкновенно мобильной, готовой отправиться в дальние походы для захвата добычи и даже переселения в другие страны. Мобильностью отличалась и часть простого населения. Особое место занимают т. н. «морские конунги» Они не имели земли. Все их подданные входили в дружину и охотно отправлялись в море за добычей (Гуревич, 1966. С. 26-35).

Экспедиции северных германцев – викингов – начались в VIII в. Об одной из их целей уже сказано – стремление знати к обогащению. Походы викингов во всех их проявлениях и на всех ступенях

[111]

возглавлялись знатью. В результате торговли и других контактов норманны ознакомились с богатством более культурных народов. Другая важная причина походов викингов – нехватка земли. Это приводило в движение значительный слой рядовых свободных общинников. Состояние феодальной раздробленности, характерное в то время почти для всех стран Западной Европы, облегчало и на бег и завоевания.

Экспансия норманнов в VIII-IX вв. происходила в разных формах. Одна из них – пиратство, морской разбой. Другая – сезонные нападения разрозненных дружин на другие страны с целью грабежа. Третья – нападение на другие страны объединенных отрядов с целью захвата добычи и занятия территории для последующего заселения.

В эпоху викингов складывались скандинавские королевства. шел процесс превращения предклассового общества в классовое. Короли Дании, Швеции и Норвегии, пресекая разбой в собственных странах, направляли, а нередко и возглавляли походы на соседние государства. Поэтому четвертой формой экспансии викингов были походы больших армий, возглавляемых нередко скандинавскими государями, на другие страны с целью обложения их данью, колонизации или даже установления над этими странами своего государственного верховенства.

Наряду с этими четырьмя формами А. Я. Гуревич указывает также на мирную колонизацию незаселенных земель, морскую торговлю и наемничество (1966. С. 78).

Под ударами викингов находились многие страны Западной Европы. С конца VIII в. викинги обрушились на Британские острова. Норвежцы разграбили, а затем захватили значительные территории юго-западной Шотландии и северной Англии. Первый их набег на Ирландию относится к 795 г. Вскоре разрозненные нападения норвежцев сменяются систематическим переселением в захваченные районы. Ими был основан Дублин. Затем появились датчане. Началась борьба между ими, норвежцами и порабощенными ирландцами.

Норманны обрушились также на Германию и Францию. Датские и норвежские викинги вновь и вновь нападали на Руан, Париж, Шатр, грабили, жгли, убивали. В результате западно-франкский король Карл Лысый вынужден был откупаться серебром. Так началось выкачивание предводителями норманнских отрядов «датских денег» из стран Запада (Гуревич, 1966. С. 32-33, 88-92).

Со второй половины IX в. наряду с набегам разрозненных отрядов начались походы больших армий. В 851 г. большое датское

[112]

войско, состоявшие из отрядов независимых предводителей, вторглось в Англию. К 871 г. большая часть страны оказалась в руках викингов. Сохранил свою независимость лишь Уэссекс. Восточные районы Англии начали заселяться норманнами. Они получили впоследствии название Денло – область датского права.

Началась колонизация скандинавами и некоторых районов Северной Франции. В начале X в. один из предводителей норманнов

Роллон получил от французского короля Карла Простоватого в лен полуостров Котантен. Так возникло герцогство Нормандия. В последующем скандинавы смешались с местным населением.

Во второй половине IX в. викинги разграбили некоторые города Испании и Португалии. Их корабли появились в Средиземном море, где объектами нападения стало побережье Испании, Италии, Марокко (Гуревич, 1966. С. 96-101, 107-111). В середине XI в. выходец из Нормандии Роберт Гвискар заложил основы норманнского государства – Сицилийского королевства, которое кроме Сицилии включало в себя Южную Италию.

В конце X в. Англия была объединена под властью королей Уэссекса. Но в 991 г. на ее побережье снова высадилось огромное войско норманнов, которое разгромило армию англосаксов. При заключении мирного договора скандинавы получили огромную сумму – 22 тысячи фунтов золота и серебра. Началось систематическое выкачивание из Англии колоссальных контрибуций – «датских денег».

В последующие годы нашествие викингов продолжалось. В 1016 г. брат датского конунга Харальда – Кнуд взшел на престол Англии. Вскоре, в 1018 г., он стал королем Дании, а затем в 1028 г. и Норвегии.

Последнее крупное нашествие скандинавов на Англию произошло в 1066 г. В этом году умер английский король – Эдуард Исповедник. Королем Норвегии был Харальд Хардрад – знаменитый викинг, ходивший в 30-е годы походами в Восточную и Южную Европу, воевавший в качестве наемника византийского императора в Италии и Сицилии. Он снарядил огромный флот (по сообщениям саг – 200 кораблей, по словам Адама Бременского – 300) и отплыл к берегам Англии. В экспедиции приняли участие ярлы Оркнейских и Шетландских островов и острова Мен. На сторону Харальда перешло население Нортумбрии.

22 сентября 1099 г. армия Харальда была разбита войсками английского короля Гарольда Годвинссона. Убит был и сам конунг последний викинг на престоле Норвегии. Остатки норвежского войска покинули берега Англии, причем сын погибшего короля – Олиф дал клятву никогда больше не нападать на эту страну, И

[113]

Англия действительно навсегда была избавлена от нападения норвежских викингов.

Но 14 октября 1066 г. в битве при Гастингсе англосаксонское войско было разбито армией герцога Нормандии Вильгельма. Последний стал королем Англии.

Во второй половине XI в. походы викингов прекратились. И на севере Европы на смену предклассовому обществу пришло подлинное классовое. Как свидетельствуют материалы, по крайней мере в Норвегии и Швеции на основе парapolитарных отношений возникли политарные. Наряду с ними получили развитие и магнатные отношения (см.: Ковалевский, 1977; Гуревич, 1977).

IV

ФОРМЫ ВОЙНЫ И ЕЕ РОЛЬ В ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПРЕДКЛАССОВЫХ И РАННИХ КЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВАХ

1. Вводные замечания

Война – одна из форм насилия. Сейчас в нашей печати принято осуждать всякое насилие. Но как бы к этому явлению ни относиться, оно в прошлом человечества играло огромную роль, причем совершенно не обязательно только отрицательную.

Были эпохи, когда вооруженное насилие являлось важным фактором прогресса человечества. Это особенно относится к переходным периодам его истории. Важнейшим переломом в развитии сформировавшегося человечества была смена первобытного общества классовым. Это не был кратковременный акт. Существовала длительная эпоха перехода от первобытного общества к классовому – период предклассового общества. Его в нашей литературе когда-то называли периодом военной демократии.

Название не самое удачное, ибо в большинстве предклассовых обществ никакой демократии не существовало. Это прежде всего относится к протополитарным обществам. По если демократия в этих обществах, как правило, отсутствовала, то иначе обстоит дело с войнами. Наличие постоянных войн характерно для многих, если не большинства предклассовых обществ.

[114]

2. Грабительские войны

И это отнюдь не случайно. В период предклассового общества шел процесс имущественного и социального расслоения. Он сам по себе не был вызван к жизни войнами. Но последние были важным фактором, ускорившим его течение. Они способствовали накоплению богатств в руках немногих.

Было бы ошибкой видеть в войнах причину возникновения эксплуатации человека человеком. Основные способы и образы эксплуатации возникли независимо от войны. Но были и такие формы эксплуатации, которые были неразрывно связаны с войнами. Это прежде всего военный грабеж и взимание контрибуции. Как результат войн возник такой метод эксплуатации, как данничество. Из образов и способов эксплуатации с войнами всегда было связано рабство. Рабы рекрутировались прежде всего из числа захваченных во время войны пленных. Война была, если не причиной, то во всяком случае необходимым условием существования рабства. Войны и рабство взаимно обуславливали друг друга. Войны вели к увеличению числа рабов и упрочению рабства. В свою очередь рабство создавало могучий стимул для ведения войн.

Война на стадии предклассового общества носила разнообразный характер. На ранних его этапах в обществах, где не существовало рабства, они были очень сходными с теми, что велись на предшествующем этапе. Основная их цель – наказать людей другого социально-исторического организма за действительные или мнимые обиды. Так обстояло, например, на островах Тробриан, где уже складывались протополитарные отношения, но отсутствовало рабство.

Но у маори Новой Зеландии, у которых существовало рабство, различного рода обиды зачастую являлись не столько подлинными причинами, сколько поводами для войн. Реальным же движущим мотивом во многих случаях являлось стремление к грабежу и захвату рабов. И на всем протяжении предклассового общества стремление к обогащению за счет членов других социально-исторических организмов представляло собой важнейшую причину войны.

Многие войны, которые велись на стадии предклассового общества, имели своей основной целью грабень имущества и захват рабов. Ограбив побежденных, победители с добычей возвращались домой. Такие войны были чисто грабительскими. Они не предполагали захвата или удержания чужих территорий

3. Завоевательно-переселенческие войны

Но в предклассовом обществе широко были распространены и такие войны, целью которых было завоевание новых земель. Завоевательные войны чаще всего были одновременно и грабительскими, однако они отличались от чисто грабительских.

Простейшей формой завоевательных войн были такие, когда в силу тех или иных причин территория, которую занимал тот или иной социально-исторический организм, переставала его удовлетворять. Основной целью войны был в таком случае захват новой территории для ее хозяйственного использования. Эту территорию освобождали от тех людей, которые на ней раньше жили. Их либо уничтожали, либо изгоняли, а чаще всего – частично уничтожали, частично изгоняли. При этом могло захватываться имущество прежних обитателей, их могли обращать в рабов, но все это не было главной целью войны. Захват новой территории, сопровождаемый изгнанием ее прежних обитателей не является специфическим для предклассового общества. Он мог иметь место и на стадии первобытного общества.

Завоеванная таким образом территория могла быть присоединена к той, которой уже раньше располагал социально-исторический организм. Происходило расширение территории, на которой он обитал, Другой вариант состоял в том, что на вновь завоеванную территорию переселялась часть членов социально-исторического организма, которые со временем образовывали новый социор.

И, наконец, весь социально-исторический организм мог переселиться на завоеванную территорию, покинув старую. Это вполне могло произойти, ибо многие предклассовые общества были не геосоциальными, а демосоциальными организмами. Они могли, не теряя своей целостности и идентичности, передвигаться с места на место. Проще всего это происходило тогда, когда была свободная, незаселенная земля. Если таких земель не было, то прежних обитателей занимаемой территории уничтожали или изгоняли.

На стадии предклассового общества, наряду с войнами, направленными на захват исключительно лишь территории, появились войны и иного типа. Для части таких войн захват новых территорий для их хозяйственного использования продолжал оставаться одной из главных целей. Но коренное население при этом не уничтожалось и не изгонялось (или уничтожалось и изгонялось лишь частично). Пришедшие извне победители, которые представляли собой либо целостный демосоциальный организм, либо оторвавшуюся от своего социально-исторического организма

[116]

значительную группу людей, включающую в себя представителей социальных низов, поселялись среди побежденных. В конечном счете они оказывались в составе одного единого социально-исторического организма, включавшего в себя как пришельцев, так и автохтонов. Результаты взаимодействия пришельцев и коренных жителей зависели от уровня социального разбития, образа жизни, численности тех и других. Различия между пришельцами и автохтонами могли очень долгое время сохраняться, но могли сравнительно быстро исчезнуть. Могли взять верх язык и культура пришельцев, однако могло произойти и обратное: пришельцы могли раствориться в массе автохтонного населения.

4. Завоевательно–покорительные войны

Кроме завоевательно-переселенческих войн существовали и такие, главной целью которых было завоевание не просто территории, а населенной территории, покорение населения тех или иных земель. В результате этих войн один социально-исторический организм подчинял себе другие социоры. Это в особенности характерно для протополитарных и политарных обществ.

В одних случаях победивший и побежденные социально-исторические организмы сливались воедино, образуя новый, более крупный, чем исходные, социально-исторический организм. В других случаях покоренные общества продолжали оставаться социально-историческими организмами. Их зависимость от победителя ограничивалась в основном лишь выплатой дани. Возникали державы, состоящие из господствующего и нескольких вассальных социально – исторических организмов.

Но чаще всего наблюдалось сочетание того и другого вариантов. Одни побежденные социоры сливались с победившими в один социально-исторический организм, являвшийся ядром державы, а другие сохранялись как социально-исторические организмы, становясь при этом периферийными частями державы.

В период подъема ядро державы обычно расширялось за счет периферии. Все новые и новые социально-исторические организмы переставали быть таковыми, вливались в единый социально-исторический организм, являвшийся ядром державы. В период упадка наблюдалась картина прямо противоположная.

Важнейшей причиной завоевательно-покорительных войн между протополитархиями было стремление их правящего слоя к богатству и могуществу. Чем крупнее была протополитархия, тем большим был доход протополитарха, тем обеспеченнее было

существование всех протополитариев. Чем крупнее была держава, тем большим было богатство, которое поступало в форме дани в распоряжение правящего слоя державной протополитархии. Кроме того, чем крупнее была протополитархия, тем больше она была гарантирована от внешней опасности, в частности от угрозы быть покоренной другими социально-историческими организмами.

Стремление к расширению пределов власти существовало во всех протополитархиях. Но чтобы оно реализовалось, нужны были определенные условия. В любой системе протополитархии обычно существовало определенное равновесие сил. Конечно, одни протополитархии могли быть крупнее других. Но это обстоятельство нередко уравнивалось готовностью одних протополитархий прийти на помощь другим. Чтобы начался процесс завоевания, нужно было возникновение хотя бы легкого перевеса сил на стороне одной из протополитархий. Этот перевес мог проистекать из разных причин, включая личные достоинства главы той или иной протополитархии. Но стоило только одной из протополитархий покорить другую, как начинал действовать эффект снежного кома, который выше уже достаточно подробно рассматривался.

Равновесие могло быть нарушено вмешательством со стороны. В одном случае это был приход кочующей протополитархии, в других – просто отряда вооруженных людей, причем не обязательно очень крупного. Все это было выше продемонстрировано на примере протополитарных обществ. Но подобная картина наблюдалась и в предклассовых обществах иных типов.

Трудно сказать, какими именно были по своему типу социально-исторические организмы восточных славян в эпоху до образования Древней Руси. Как известно, возникновение этого вначале прагосударства, а затем и государства связывают нередко с приходом варягов – легендарного Рюрика и вполне реального Олега. Одно из возражений против подобного взгляда состоит в том, что возникновение государства не может быть связано с именем одного или даже двух человек. Становление государства есть процесс, длившийся беками.

При этом смешиваются воедино два разных вопроса. Сам термин «государство» имеет по меньшей мере два разных, хотя и тесно связанных значения. Первое из них – государство как определенный общественный институт, как машина организованного насилия, при помощи которой один класс держит в повиновении другой. Второе значение – определенная территория с населением, находящаяся под властью одной из таких конкретных машин. Именно второй смысл вкладывается в термин «государство», когда

[118]

называют государствами Великобританию, Францию, Венгрию, Бразилию и т. п.

Процесс становления государства в первом смысле действительно длился много веков. Он завершился с переходом к классовому обществу. В применении к классовому обществу говорить о возникновении государства в первом значении этого слова не имеет смысла. В классовом обществе государство не возникает и не исчезает. Оно в нем существует и развивается. Что же касается государства во втором смысле слова, то такие государства возникали и исчезали на всем протяжении истории классового общества.

В применении к предклассовому обществу нужно говорить о прагосударстве и прагосударствах. Конкретные прагосударства тоже возникали и исчезали. И возникновение многих таких праго-сударств связано с именами определенных людей. С именем Чаки связано возникновение крупного прагосударства зулусов. Он был создателем этого прагосударства. Конечно, оно возникло не ни пустом месте. Оно было создано в результате объединения под властью одного правителя множества мелких прагосударств.

Мизиликази, перейдя во главе небольшого кочующего вожества на территорию населенную другими народами, создал державу матебеле. Точно также Соншангаан создал державу Газа (Шанга-ан), Нтину Вене, вторгнувшийся извне во главе вооруженного отряда и область, где существовало несколько небольших протополитархий, объединил их в огромное прагосударство Конго. Точно так же и варяг Олег вполне мог стать создателем Древней Руси, которая возникнув как прагосударство, в дальнейшем превратилась в подлинное государство.

Различия между разными типами войн носит во многом условный характер. Трудно провести жесткую грань между завоевательно-переселенческими и завоевательно-покорительными войнами. Войны, имевшие основной целью покорение других социально-исторических организмов, почти всегда были одновременно и грабительскими.

Наряду с грабежом, захватом территории, покорением других социально-исторических организмов, в определенных регионах, особенно тех, что находились в контакте с цивилизациями, важной целью войн было установление контроля над торговыми путями, по которым шел поток богатства, и областями, которые были основными источниками туземных ценностей.

5. Роль войны в становлении классового общества

Война была важным средством укрупнения социально-исторических организмов. Именно в результате войн возникали все более

и более крупные социально-исторические организмы. Но война могла быть не только средством, но и причиной возникновения все более крупных социальных образований. Потребности в защите от нападений побуждала социально-исторические организмы объединяться. Объединялись в союзы социально-исторические организмы разных типов; общины, племена, протополитархии. Возникшие для обороны союзы могли в дальнейшем использоваться и для ведения наступательных войн. А некоторые союзы и сразу создавались как инструменты агрессии.

Укрупнение социально-исторических организмов было важным условием прогресса общества. Чтобы произошел переход к классовому обществу, возникла цивилизация, размеры социально-исторических организмов должны были превысить определенную меру. Этот предел был различным для разных вариантов развития. Он был меньшим для протополитарных социально-исторических организмов, развивавшихся по «городскому» пути. Для перехода к цивилизации протополитарных социоров, развивавшихся по «деревенскому» пути, этот предел был большим.

Таким образом, войны во всех отношениях были важнейшим фактором становления классового общества. Без них переход к цивилизации был невозможен.

Войны продолжались и в классовом обществе. В раннем политарном и других раннеклассовых обществах они велись ради грабежа и покорения соседних народов. В результате завоевательно-покорительных войн возникали крупные политархии и державы, состоявшие из господствующей и вассальных политархий. Все это имело своим следствием рост богатства и могущества господствующего класса. Часть полученных средств использовалась для развития духовной и материальной культуры правящего слоя общества. Но в целом для эпохи раннеклассового общества отрицательные последствия войн перевешивали положительные.

[120]

ЛИТЕРАТУРА

- Авдиев В.М. 1948.* Военная история Древнего Египта. Т. 1. М.
- Авдиев В.И. 1959.* Военная история Древнего Египта. Т. 2. М.
- Аверкиева Ю.Л. 1961.* Разложение родовой общин и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев Северо-западного побережья Северной Америки // ТИЭ. Т. 70. М.
- Аверкиева Ю.Л. 1970.* Индейское кочевое общество XVIII-XIX вв. М.;
- Аверкиева Ю.Л. 1974.* Индейцы Северной Америки. М.
- Агларов М.А. 1988. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVIII начале XIX вв. М.
- Алиев Б. Г. 1972.* Кабо–Дарго в X,VIII – XIX вв. Махачкала.
- Башилов В. А. 1972.* Древние цивилизации Перу и Боливии. М.
- Березкин Ю. Е. 1983.* Мочика. Цивилизация индейцев Северного побережья Перу в I-VII вв. Л.
- Березкин Ю. Е., 1986.* Послесловие // Стингл М. Государство, инков. Слава и смерть «сыновей солнца». М.
- Березкин Ю.Ж. 1991.* Инки. Исторический опыт империи. Л.
- Брюханов А.Л. 1947.* Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в 1-ой четверти XIX в. // Сборник трудов Пятигорского гос. пед. ин-та. Вып. 1. Ставрополь.
- Вайян Дж. 1949.* История ацтеков. М.
- Васильев Л.О. 1961.* Аграрные отношения и община в древнем Китае. М.
- Beta Инка Гарсиласо де ла. 1974.* История государства инков. Л.
- Витпсен Н. 1974.* Северная и Восточная Татария или сжатый очерк нескольких стран и народов // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик.
- Гадокиев В. Г. 1981.* Союзы сельских общин Дагестана (проблемы, история изучения, перспективы) // ОСССОД
- Галленкамп Ч. 1966.* Майя. Загадка исчезнувшей цивилизации. М.
- Годинер Э. С. 1982.* Возникновение и эволюция государства в Бутанде. М.
- Гуляев В.М. 1972.* Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М.
- Гуляев В.М. 1979.* Города-государства майя (структура и функция города в раннеклассовом обществе), М. *Гуляев В.М. 1982.* Город и общество в Центральной Мексике накануне конкисты // Археология Старого и Нового Света. М.-Л.
- Гуляев В.М. 1983.* Древние майя. Загадки погибшей цивилизации. М.
- Гуляев В.М. 1984.* Забытые города майя. Проблемы искусства и архитектуры. М.
- Гуляев В.М. 1991.* Второе открытие цивилизации майя // ВДИ. № 2.
- Гуревич А.Л. 1986.* Походы викингов. М.
- Гуревич А.Л. 1977.* Норвежское общество в ранне средневековье. Проблемы социального строя и культуры. М. *Давидсон В. 1962.* Новое открытие древней Африки. М.

- Джонс Р. 1937a* Опыт о распределении богатства и об источниках налогов // Экономические сочинения. М.
- Джонс Р. 1937b*, Политическая экономия народов // Экономические сочинения, М.
- Дьяконов И.М. 1949*. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л.
- Дьяконов И.М. 1952*, К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту // ВДИ. № 1.
- Дьяконов И.М. 1952*. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства // ВДИ. № 3.
- Дьяконов И.М. 1962*. Некоторые данные о социально-экономическом устройстве Урарту // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М. -Л.
- Дьяконов И.М. 1983*, История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. 4. 1. Месопотамия. М.
- Итис Р.Ф. 1982*, Об общественном устройстве ляншаньских и (ицзу) // Страны и народы Востока. Вып. 23. М.
- Итис Р. Ф., Яковлев А. Г. 1967*. К вопросу о социально-экономическом строе ляншаньской группы народа и // Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии, Л.
- Кобищанов Ю.М. 1966*. Феодализм, рабство и азиатский способ производства // Общее и особенное в истории развития стран Востока. М.
- Ковалевский С. Д. 1977*. Образование классового общества и государства в Швеции. М.
- Кочахова Я. Б. 1968*. Города-государства йорубов. М.
- Конакова Я. Б. 1986*, Рождение африканской цивилизации. Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея. М,
- Крюков М. В. 1967*, Формы социальной организации древних китайцев, М.
- Крюков М. В. 1968*. Социальная дифференциация в древнем Китае // Разложение родового строя и формирование классового общества. М.
- Куббель Л. Е. 1963*. Из истории древнего Мали // ТИЭ. Т. 76. М. -Л,
- Куббель Л.Е. 1974*. Сонгайская держава Опыт исследования социально-политического строя. М.
- Кузицин В. И. (ред.) 1988*. История Древнего Востока. М.
- Кучмезова М. 1972*. Имущественное и наследственное право балкарцев // Вестник Кабардино-Балкарского НИИ. Вып. 6, Нальчик.
- Магомедов Д.М, 1981* Некоторые особенности социального развития союзов сельских общин Западного Дагестан в XV-XVIII вв. // ОСССОД.
- Лурье И.М 1955*. Рабы – держатели храмовой земли (по материалам Нового царства) // ВДИ. № 1.
- Магомедов Р.М – 1957*. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала.
- Маркс К. 1957*, Военный вопрос. – Парламентские дела. Индия // К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., изд. 2. Т. 9. М

- Маркс К. 1959* К критике политической экономии // К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2 Т. 13. М.
- Маркс К. 1960.* Капитал, Т. 1 // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2. Т. 23. М.
- Маркс К. 1961.* Капитал. Т. 3. Кн. 3. 4. 1 // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2. Т. 25. 4. 1. М.
- Маркс К. 1982.* Капитал, Т. 3. Кн. 3. 4. 2. М. // К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., изд. 2. Т. 25. 4. 2. М.
- Маркс К. 1980.* Экономическая рукопись 1861-1863 годов // К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2. Т. 48. М.
- Меликишвили Г.Л. 1951.* Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту // ВДИ. № 4.
- Моргам Л. Г. 1983.* Лига ходенсауни, или ирокезов. М.
- Невская В. 1960.* Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке (дореформенный период). Черкесск.
- Неусыхин А. 1929.* Общественный строй древних германцев. М.
- Неусыхин А.М. 1956.* Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI-VIII веков. М.
- Орлова А. С. 1908.* История государства Конго (XVI-XVIII вв.). М.
- Орлова А. С., Львова Э. С. 1978.* Страницы истории великой саванны. М,
- Перепелкин О.Л. 1988.* Древний Египет // История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. 4. 2. Передняя Азия. Египет. М
- Перишц А. И. 1973.* Данничество. М.
- Петругиевский И. 1934.* Джаро-Белаканские вольные общества в первой трети XIX столетия // АН СССР. Закавказский филиал. Труды научно-исследовательского института кавказоведения. Т. 1. Тифлис.
- Покровский М. 1958.* Адыгские племена в конце XVIII – первой половине XIX века // ТИЭ. Т. 46. М.
- Попов В.Л. 1990.* Этносоциальная история аканов в XVI-XIX веках. М.
- Потехин И.М. 1951.* Военная демократия матабеле // ТИЭ. Т. 14. М.
- Риттер Э.Л. 1989.* Зулус 4ака. Возвышение зулусской империи. М.
- Семенов Ю.М. 1976.* Первобытная коммуна и крестьянская соседская община // Становление классов и государства. М.
- Семенов Ю.М. 1982а.* Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // СЭ. № 2.
- Семенов Ю.М. 1982б.* Общественно-экономические уклады // Теория общественно-экономической формации. М.
- Семенов Ю.М. 1985,* Об особенностях развития производительных сил докапиталистических классовых обществ // Философские науки. № 1.
- Семенов Ю.М. 1992.* Возникновение классового общества: вариативность и инвариантность // Исследования по первобытной истории. М
- Семенов Ю.М. 1993а.* Экономическая этнология. Первобытное и ране предклассовое общество. 4. 1-3. М.

- Семенов Ю.М. 1936.* Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития // Этнографическое обозрение. № 1 и №2.
- Стингл М. 1986,* Государство инков. Слава и смерть «сыноией солнца». М.
- Струве В.В., Редер Д. Г. 1963.* Хрестоматия по истории Древнего Востока М.
- Студенецкая Н. 1937.* К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае // СЭ. № 2-3,
- Стучевский И.Л. 1960,* О специфических формах рабства в Древнем Египте в эпоху Нового царства //ВДИ. № 1.
- Тер-Акопян Н.Б. 1973.* Маркс и Энгельс об азиатском способе производства и земледельческой общине // Из истории марксизма и международного рабочего движения. М.
- Токарев С.Л. 1933.* Родовой строй в Меланезии // СЭ. № 5-6.
- Токарев С.Л. 1945.* Общественный строй якутов в XVI-XVII вв. Якутск.
- Томановская О. С. 1980.* Лоанго, Каконго и Нгойо. Историко-этнографический очерк. М.
- Тюменев А.М. 1957.* Передний Восток и античность // Вопросы истории. № 6.
- Уилли Г. Р. 1991.* Политическая жизнь древних майя // ВДИ. № 2.
- Фентон У. Н. 1978.* Ирокезы в истории // Североамериканские индейцы. М.
- Хашаев Х.М. 1961.* Общественный строй Дагестана в XIX в.
- Энгельс Ф. 1961.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, Т. 21. М,
- Ancient Hawaiian civilization. 1933.* Honolulu.
- Ardner E. 1956.* Coastal Bantu of the Cameroons. London.
- Barton R. F. 1919.* Ifugao Law // UCRAAE. V. 15, № 1. Berkeley.
- Barton R. F. 1922.* Ifugao Economics // UCRAAE. V. 15. № 5. Berkley.
- Birket-Smith K. 1953.* The Chugach Eskimo. Kobenhan,
- Bohannan P. and L. 1968.* Tiv Economy. Evanston.
- Borah W., Cook S. F. 1963.* The Aboriginal Population of Central Mexico on the Eve of the Spanish Conquest // Xbero-Amerieana. V. 45,
- Brown P. 1970.* Chimbu Transactions // Man. V, 5. № 1.
- Bryant A. T. 1929.* Olden Times in Zululand and Natal Containing earlier Political History of the Eastern-Nguni Clans, London etc.
- Butter . 1969.* Rough Notes on Angami Nagas // NNC.
- Conrad G. W. and Demarest A.J. 1984.* Religion and Empire The Dinamics of Aztek and Inka. Expansionism. Cambridge, etc,
- Cook S. F. 1946.* Human Sacrifice and Warfare as Factrs in the Demography of Pre-Colonial Mexico // Human Biology, V. 18 – № 2.
- Draucker Ph. 1937,* The Tolowa and their Southwest Oregon Kin // UCRAAE V. 36. № 4. Berkeley.
- Evans-Pritchard E. E. 1971,* The Azande, History and Political Institutions, London,

- Fallers JI. 1956. Bantu Bureaucracy, A Study of Integration and Conflict in the Political Institutions of East African People, Cambridge.*
- Ferguson A. 1767. An Essay on the History of Civil Society Edinburgh*
- Firth R. 1929. Primitive Economics of New Zealand Maori London.*
- Firth R. 1939. Primitive Polynesian Economy. London,*
- Forbes HO, 1884, On some of the Tribes of the Island of Timor // AI V. 13. № 4.*
- Forde D. and Kaberry P.M., eds, 1971 West African Kingdoms in the Nineteenth Century. London*
- Fortes M. 1969. The Political System of the Tallensi of the Northern Territories of the Gold Coast // APS.*
- Furer-Haimendorf Ch. von. 1962. The Apa Tanis and their Neighbours. A Primitive Civilization of the Eastern Himalayas. London, New York.*
- Furer-Haimendorf Ch. von. 1969. The Konyak Nagas. New York.*
- Gluckman M. 1969. The Kingdom of the Zulu of South Africa // APS.*
- Goldman L. 1970, Ancient Polynesian Society. Chicago.*
- Gould R.A. 1966. The Wealth Quest; among Tolowa Indians of Northwestern California // Proceedings of the American Philosophical society. V. 110. № 1.*
- GrinneU. G. B. 1962. The Cheyenne Indians. Their History and Ways of Life, Vol. 2. New York.*
- Hammond-Tooke W. D. ed. 1974, The Bantu-Speaking Peoples of Southern Africa. London and Boston.*
- Hart M. W. and Puling A. R. 1960. The Tiwi of North Australia. New York*
- Hguen Tu Chi. 1972. A Muong Sketch . // Vietnamise Studies. № 32. Hanoi.*
- Hicks F. 1974. Dependent Labor in Prehispanic Mexico // Estud. Cult. Nahuatl. V. II.*
- Hodson T. C. 1911. The Naga Tribes of Manipur. London.*
- Hunt G. T, 1940. The Wars of the Iroquois. A Study in Intertribal Trade Relations. Madison.*
- Johnson S. 1966. The History of Yorubas. From Earliest Time to the Beginning of the British Protectorate. London (1 ed – 1921).*
- Karen R. 1975. Kingdom of Sun. The Inca: Empire Builders of the Americas. New York.*
- Krige E.J. 1965. The Social System of the Zulus. Pietermaritzburg (1 ed. – 1936).*
- Kroeber A.J.L. 1925. Handbook of the Indians of California // SIBAEB. 79.*
- Kroeber A. L. 1946. The Chibcha // HSAL V. 2. Andlan Civilizations. SIBAEB. 143.*
- Kurtz D. V. 1978. The Legitimation of the Aztek State // ES*
- Laguna F. de and MacClellan C 1981. Ahtna // Handbook of North American Indians. V. 5. Subarctic. Washington.*
- Leach E. R. 1964. Political Systems of Highland Burma. London (1 ed. – 1954).*
- Lloyd P. 1960. Sacred Kingship and Government among Yoruba // Africa. V. 30. № 3.*

- Malinowski B. 1920.* War and Weapon among Natives of the Trobriand Islands // *Man*. V. 20. №1, №5.
- Mason A. 1961.* The Ancient Civilizations of Peru. Harmondsworth.
- Meggitt M.J. 1974.* «Pigs are Our Hearts!» The Te Exchange Cycle among the Mae Enga // *Oceania*. V, 44. № 3.
- Mishkin B. 1940.* Rank and Warfare among the Plains Indians // *MAES*. V. 3
- Moffat-Milles A.J. 1959.* Report on the Province Assam // *NNC*.
- Morgan L. H. 1877.* Ancient Society or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization, New York.
- Oberg K. 1969.* The Kingdom of Ankole in Uganda // *APS*.
- Oliver D.X. 1955.* Solomon Island Society. Kinship and Leadership among the Siuai of Bougainville. Cambridge, Mass.
- Oliver D.J.L. 1970.* Ancient Tahitian Society. V. 2.
- Pospasil L. 1963.* Kapauku Papuan Economy // *YUPA*. № 67.
- Richards A. I. 1939.* Land, Labor and Diet in North Rhodesia. An Economic Study of Bemba Tribe. London.
- Richards A., ed. 1960* East African Chiefs, A Study of Political Development in some Uganda and Tanganyika Tribes. London.
- Roscoe J. 1911.* The Baganda. The Account of Their Native Customs and Beliefs. London
- Roscoe J. 1923.* The Banyankole. Cambridge.
- Rouse L. 1948.* The Arawak // *HSAI*. V. 4, The Circum-Caribbean Tribes, SIBAEB. 143.
- Rowe J. H. 1946.* Inca Culture at the Time of the Spanish Conquest // *HSAI*. V. 2. Andean civilization. SIBAE. 143.
- Sahlins M. D. 1950.* Social Stratification in Polynesia. Seattle.
- Schaedel R. P. 1978.* Early State of the Incas // *ES*.
- Schapera I., ed. 1937.* Bantu-Speaking Tribes of South Africa. London.
- Schapera I. 1956.* Government and Politics in Tribal Society. London.
- Smith R. S. 1969.* Kingdoms of the Yoruba // *Studies in African History*. 2. London.
- Stevenson H.J.V. C. 1944.* The Economics of the Central Chin Tribes. Bombay,
- Steward J. H., Faron L. C. 1959.* Native Peoples of South America. New York.
- Stites S. H. 1905.* Economics of Iroquois // *Bryn Mawr College Monographs, Monographs Series*. V. 1. № 3. Lancaster.
- Strathern A. 1971.* The Rope of Moka. Big-Men and Ceremonial Exchange in Mount Hagen, New Guinea // *Cambridge Studies in Social Anthropology*. № 4. Cambridge.
- Tait D. 1958.* The Territorial Pattern and Lineage System of Konkomba // *TWR*.
- Swanton . R. 1911.* Indian Tribes of the Lower Mississippi Valley and Adjacent Coast of the Gulf of Mexico // *SIBAEB*. 43.
- Swanton J.R. 1946,* The Indians of Southwestern United States. New York.
- Tooker E. 1964.* An Ethnography of the Huron Indians. 1615-1649 // *SIBAEB*. 190.

- Trigger B. G. 1969. The Huron Farmers of North. New York etc.*
- Vayda A. P. 1970. Maori Warfare // Polynesian Society Monographs. № 2. Wellington (1 ed – 1960).*
- Vayda A. P. 1976 War in Ecological Perspective. Persistence, Change, and Adaptive Processes in Three Oceanian Societies, New York, London.*
- Volkman T.A. 1985 – Feasts of Honor, Ritual and Change in the Toraja Highlands // Illinois Studies in Anthropology. № 16. Chicago.*
- Wagner G. 1969. The Political Organisation of the Bantu of Kavirondo // APS.*
- Watt G. 1969. Aboriginal Tribes of Manipur // NNC.*
- Wtuey G. R. and Bullard W. R. 1965. Prehistoric Settlement Patterns in the Maya Lowlands // Handbook of Middle American Indians V. 2. Austin.*
- Winter E. H. 1955 Bwarnba Economy. Kampala.*
- Winter E.N. 1958 The Aboriginal Political Structure of Bwamba // TWR.*
- Wiser W. H. and Wiser Ch. V., 1951. Behind Mud Walls. New York.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	Вестник древней истории
ОСССОД	Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – на Махачкала, 1981.
СЭ	Советская этнография
ТИЭ	Труды Института этнографии, новая серия
APS	African Political Systems. Ed. by MFortes and E.E. Evans – Pritchard, L., 1969
ES	The Early State. Ed. by H.J. M. Claessen and P. Skalnik. The Hague etc., 1978.
HSAI	Handbook of South American Indians, Washington.
JAI	The ournal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland.
LNNC	The Nagas in Nineteenth Century. Ed. by V.J. Elwin, Oxford, 1969.
SEBAEB	Smithsonian Institution Bureau of American Ethnology Bulletin, Washington.
TWR	Tribes Without Rulers. Ed. by . Middleton and D. Tait. L., 1958.
UPCAAЕ	University of California Publications in American Archaeology and Ethnology.
YUPA	Yale University Publications in Anthropology, New Haven.

Часть третья

А. И. Першиц

ВОЙНА И МИР
НА ПОРОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ.
КОЧЕВЫЕ СКОТОВОДЫ

СОДЕРЖАНИЕ

Часть третья

А.Л. Першиц ВОЙНА И МИР НА ПОРОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

КОЧЕВЫЕ СКОТОВОДЫ.....	129
I. Введение	131
II. Общая характеристика кочевых обществ.....	135
1. Хозяйство	135
2. Социальная организация.....	141
3. Политическое устройство.....	149
4. Военное дело	154
5. Военизированность быта: некоторые черты психологии и идеологии.....	161
III. Факторы войны и мира	166
1. Предварительные замечания	166
2. Личная и групповая безопасность.....	167
3. Движимое имущество	169
4. Земельные владения	172
5. Политическая гегемония	176
6. Причины кочевнических нашествий.....	181
IV. Виды войны и способы поддержания мира	185
1. Постановка проблемы	185
2. Родовая месть как война.....	187
3. Грабительские набеги.....	191
4. Войны	198
5. Механизмы умиротворения	206
V Военная и мирная деятельность кочевников как факторы исторического процесса	211
1. Вопрос о роли кочевников в истории.....	211
2. Древность и средние века: <i>bellum nomadicum</i>	215
3. Новое время: <i>raja nomadica</i>	226
4. Общие выводы.....	229
Литература.....	232
Список сокращений	245

I

ВВЕДЕНИЕ

Самостоятельный интерес представляют война и мир в предклассовых и раннеклассовых обществах кочевых скотоводов. Выделившись в эпоху классообразования в процессе одного из крупных общественных разделений труда, главным образом из общей массы земледельцев-скотоводов, они составили во многом своеобразные группы населения, обладающие, в частности, особым военным потенциалом.

Уже древние авторы приписывали кочевникам исключительную воинственность и непобедимость. Вспомним сентенцию Геродота о скифах: «Все они конные лучники и промышленяют не земледелием, а скотоводством; их жилища – в кибитках. Как же такому народу не быть непобедимым и неприступным?» (Her. IV. 46). Или же отзыв Овидия о сарматах: «Враг, сильный конем и далеко летящей стрелой» (Ovid. Trist. 111. 10). Или еще предостережение одного из китайских министров против войны с хунну: они легкие, быстрые и яростные воины. Они возникают, как ураган, и исчезают, как молния... На них лучше не нападать» (Jagchid, Sy-mons,-1989, С. 60). Да и намного позднее такие ученые, как А. Смит, не сомневались в том, что частые завоевания кочевников «достаточно показывают превосходство ополчения варваров над ополчениями цивилизованных народов» (Смит, 1935, 4. 1. С. 246).

Разделяется это мнение и многими современными исследованиями, объясняющими особую воинственность кочевников экстенсивной природой их скотоводческого хозяйства и легкостью насильственного перераспределения его продукции, а их военное превосходство – динамизмом, привычкой к контролю за обширны

[131]

ми территориями, отношением к вооруженным столкновениям как к постоянному состоянию общества и т. д. «Кочевники всегда побеждают», – пишет французский этнолог Ж. -П. Дигар (1989, С. 47), напоминая о монгольских, тюркских, арабских завоеваниях и ссылаясь на другие кочевниковедческие авторитеты.

Разумеется, эту точку зрения не следует абсолютизировать, но она не лишена серьезных оснований. Как бы то ни было, общеизвестные миграции и завоевания кочевников, их военные или мирные, но по большей части своеобразные контакты с оседлыми соседями, их специфический, в значительной степени военизированный образ жизни, – все это требует особого рассмотрения в плане раскрытия нашей темы.

Кого мы называем кочевыми скотоводами или, короче, кочевниками, номадами? За истекшее столетие создан не один десяток очень различных классификаций, охватывающий весь спектр хозяйственной деятельности скотоводов от «чистого» номадизма до стойлового содержания скота. В основу их положены самые различные критерии: соотношение подвижного скотоводства и земледелия, состав стада, амплитуда перекочевок, направление миграций, образ жизни и особенности материальной культуры, иерархическое соподчинение всех этих аспектов кочевничества и т. д. (Bernat, Lacroix, 1906; Patai, 1951; Vacon, 1954; Руденко, 1961; Rudenko, 1969; Barth, 1962; Johnson, 1969; Симаков, 1978; Кали-новская, Марков, 1983; Khazanov, 1984, и др.). Изложить их здесь сколько-нибудь подробно значило бы предпринять самостоятельное историографическое исследование. Ограничимся тем, что от-несем читателя к последним по времени содержательным сводкам данных (Digar, 1983; Андрианов, 1984). В то же время отметим, что большинству современных классификаций свойственно выделение двух основных таксонов: 1) кочевого (или кочевого и полукочевого) скотоводства как преимущественно скотоводческой ориентации в хозяйстве в соединении с особым образом жизни – передвижением всего населения со стадами и 2) пастушества, предполагающего передвижение со стадами только пастухов, в то время как основная масса скотоводов-земледельцев живет оседло.

При таком подходе не имеет большого значения различие между собственно кочевничеством, при котором скотоводство сочетается только с караванным извозом, торговлей и т. п., и полукочевничеством, допускающим также ограниченное по масштабам земледелие (в обоих случаях возможно к тому же вспомогательное присваивающее хозяйство). Эта же генерализация (не исключая выделения в случае надобности более низких таксонов – «чистого»

[132]

кочевничества и полукочевничества) лежит в основе сравнительно недавно сформулированного А. М. Хазановым в своей превосходной книге развернутого определения кочевого скотоводства. В нем выделены пять признаков:

1) преобладание данной формы хозяйственной деятельности; 2) круглогодичный выпас скота; 3) периодический характер подвижности на определенных пастбищных территориях; 4) передвижение со скотом всего населения; 5) ориентация производства на непосредственные потребности в противоположность капиталистическому хозяйству (Khazanov. 1984. С. 16). Среди этих признаков определяющими нам представляются первый и четвертый, остальные же – скорее производными или уточняющими, но с этой оговоркой приведенная классификация соответствует современному состоянию разработки проблемы и принята нами в дальнейшем изложении.

Понимаемое таким образом кочевое скотоводство было в прошлом очень широко распространено в Старом Свете. Исследователи выделяют значительный ряд более или менее крупных регионов его бытования, каждый со своей спецификой номадизма. Это главным образом Северная Евразия с ее преимущественно тундровым оленеводством, практикуемым многими народами от Лапландки до Чукотки. Это, далее, засушливая зона Евразии, простирающаяся от венгерских степей до северных границ Китая, где получили преобладающее развитие овцеводство и коневодство. Южнее, на азиатских высокогорьях у тибетцев и в прошлом у киргизов главным направлением кочевого скотоводства стало разведение яков, дополнительным – мелкого рогатого скота с применением для транспортных целей яков и местами овец, а для военных – лошадей. На Среднем Востоке, в засушливых областях Ирана, Афганистана и Индостана, распространились овцеводство и козоводство с использованием и качестве транспортных животных верблюдов и лошадей. Крупнейшим, наряду с засушливым поясом Евразии, регионом номадизма стали степи, полупустыни и пустыни Передней Азии, которые с такими же аридными зонами Северо-восточной и Северной Африки, включая Сахару, нередко объединяют в один – Ближневосточный регион. Для него характерен диапазон от верблюдоводческой моноспециализации у одних, «чисто» кочевых племен до разведения главным образом мелкого рогатого скота, а верблюдов и лошадей – только для транспортных целей у других, полукочевых, племен. Еще одним регионом номадизма исследователи (хотя и не единодушно) считают Африку южнее Сахары, где объектом скотоводства стал в основном

[133]

крупный и в меньшей степени мелкий рогатый скот, а транспортным средством, да и то не везде, – быки или ослы .

Новому Свету кочевое скотоводство, видимо, осталось неизвестным. Бывает правда, что к нему относят ставшее возможным в послеколумбово время коневодство индейцев прерий (см., например: Mishkin, 1940. С. 9; Аверкиева, 1970. С. 14 сл.). Но оно легло и основу не столько кочевого скотоводства, сколько конной охоты. Разведение лам и альпак в Андах, по-видимому, имело не кочевнический, а пастушеский характер (Webster, 1973; Шнирельман, 1980. С. 171).

Не все перечисленные регионы номадизма представляют интерес для нашей темы. Оленеводы Северной Евразии вообще не достигли заметно выраженной предклассовой ступени исторического развития. Кочевые скотоводы других регионов этой ступени в своем подавляющем большинстве достигли, но часть их не приобрела той специфики, из-за которой целесообразно рассматривать их отдельно от оседлых и полуседлых земледельцев. Эту специфику мы видим в двух взаимосвязанных чертах: кочевании на большое или менее значительные расстояния (обычно от нескольких сотен до нескольких тысяч километров) и в использовании в качестве транспортных, и прежде всего, верховых, таких животных, применительно к которым можно говорить о всадничестве, т. е. лошади и верблюда. Стало быть многие кочевники Африки с их сравнительно небольшой амплитудой передвижений и использованием быка или осла в качестве верхового животного едва ли представляют для нас интерес. Ограниченный интерес представляют и тибетцы с их обычно небольшим количеством лошадей, но они все же могут быть приняты во внимание.

Другое дело кочевые скотоводы степей, полупустынь и пустынь умеренного пояса Евразии и жаркого пояса Среднего и Ближнего Востока. Овцы и козы в отличие от крупного рогатого скота достаточно подвижны, а лошади и верблюды не только очень мобильны, но и делают таковыми самих скотоводов. Именно коневодство (преимущественно в степях) и верблюдоводство (преимущественно в полупустынях и пустынях) позволилиномадам стать всадниками. Большие массы номадов-всадников, которые передвигались на значительные расстояния, имея в походе подножный корм, и к тому же из-за широкой практики угона скота находились в состоянии постоянной боевой готовности, получили возможность легко настигать пешего врага и легко от него ускользать. Значение массового всадничества у определенных групп номадов и его существенных военных преимуществ по сравнению с другими группами

[134]

номадов, а до появления огнестрельного оружия – и с некоем населением мира уже нашло отражение в ряде этнологических [ ], работ (Першиц, 1961. С. 133; Першиц, 1976. С. 289; Плетнева, 1967. С. 180; Jetmar, 1966; S. 17 ft; Bonte, 1977. С. 42; Khazanov, 1984. С. 222). Именно такого рода кочевники в их военных и мирных отношениях между собой и с оседлыми соседями будут рассмотрены в этой главе.

II

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ

1. Хозяйство

Характеризуясь в общем виде экстенсивным скотоводством в соединении с кочеванием всего населения, хозяйство кочевников все же заметно варьировалось в различных регионах в зависимости главным образом от их природных условий. Экология определяла и состав стад, и характер кочевания, и особенности разделения труда как между самими кочевниками, так и между ними и другими группами населения, и формы сочетания основного и дополнительных хозяйственных занятий.

Наиболее выраженным было кочевое скотоводческое хозяйство на Ближнем Востоке. Этот регион особенно богат пустынями: величайшая пустыня в мире Сахара, крупнейшая пустыня Аравии Руб-эль-Хали («пустая четверть» мира), севернее – Большой и Малый Нефуды, переходящие в Сирийскую пустыню. Нет здесь недостатка также в полупустынных и степных районах. В соответствии с этой природной средой на Ближнем Востоке сложились

два типа кочевого скотоводства – «чисто» кочевой, или бедуинский в собственном смысле слова, и полукочевой, который в литературе также называют бедуинским, однако лишь в более широком значении.

Бедуины (арабск, бадавйун – обитатели пустыни) разводили исключительно или хотя бы преимущественно верблюдов. Отсюда их второе арабское название – ахль аль джамаль (люди верблюда). Верблюд меньше всех других домашних животных нуждается в водопоях: зимой – раз в 3-4 недели, а то и реже, весной – раз в неделю и только летом и в начале осени – почти ежедневно,

[135]

Поэтому верблюдоводство позволяет осваивать аридные зоны, не доступные при других видах кочевого скотоводства, и совершать зимой и весной большие по своей протяженности перекочевки.

Будучи едва ли не самым универсальным из всех домашних животных, верблюд находил у бедуинов самое разнообразное применение. Его молоко, мясо и сало шли в пищу, шерсть – на изготовление тканей, кожа – для выделки бурдюков и обуви, навоз – на топливо и т. д. Не менее важно то, что в песчаных и каменистых пустынях верблюд был единственно пригодным средством передвижения: самцы использовались под выюк, самки (реже кастрированные самцы) – как верховые животные, особые породы – как животные беговые, покрывающие до 15, а на короткие расстояния – до 20 км в час.

Обеспеченность бедуинской семьи верблюдами варьировала по племенам и по имущественному состоянию. В начале XIX в. в одном из процветающих племен Северной Аравии – руала состоятельный кочевник имел 30-40 верблюдов (Burckhardt, 1831. С. 56). У кабабиш Судана считалось достаточным для обеспечения существования иметь 25-30 верблюдов (Asad, 1970. С. 52), у туарегов Сахары ахаггары обходились приблизительно 15-20 животными (Benhazera, 1908. С. 133 ss.; Lhot, 1951. С. 9). По подсчетам кочевни-коведов (Dahl, Hjort, 1976. С. 266), семье для безбедной жизни требовалось примерно 30 верблюдов, и те кочевники, которые не располагали таким стадом, в той или иной степени совмещали верблюдоводство с другими занятиями. К числу последних относились караванный извоз, посредническая торговля и т. п. Другие виды скота верблюдоводы, как правило, не разводили, так как не могли брать с собой в глубину пустынь овец и коз, которые даже в зимнее время каждые 3-4 дня нуждаются в водопоях. Исключение делалось только для немногочисленных лошадей, которых богатые люди держали для престижных и военных целей, поя их при отсутствии водных источников верблюжьим молоком. Бывало, что состоятельные верблюдоводы обзаводились мелким рогатым скотом, но тогда его отдавали на выпас полукочевникам. Тем более это относилось к земледелию: если «чистые» номады владели землей, то ее обрабатывали вольноотпущенники, пришлые крестьяне и т. п.

Полукочевники Ближнего Востока разводили преимущественно овец или коз, откуда их арабское название ахль аль-ганам (люди мелкого рогатого скота), туарегское – кель улли (люди коз) и т. п. Они занимали экологическую нишу между пустынными владениями «чистых» номадов и районами земледельческой оседлости. Поздней осенью, зимой и весной они кочевали в степях и

полупустынях, держась у дождевых луж или колодцев, лето всегда заставляло их в хорошо обводненных местах – на берегах рек или на границах оазисов, у принадлежавших им обрабатываемых земель. Обычно перекочевки полуномадов занимали до полугода и совершались не более, чем километров на 200-300. Транспортными животными им служили те же верблюды, реже – лошади, которых они держали в большем, чем у «чистых» номадов, количестве, хотя и худшего качества, и только уже на стадии деградации полукочевничества и перехода к полuosедлому хозяйству – ослы или мулы.

Овца или коза играли в жизни полукочевника почти такую же роль, как верблюд в жизни бедуина. Они давали молоко и молочные продукты, мясо, сало, шерсть, кожи и навоз. Количество овец и (или) коз в хозяйстве обычной семьи варьировало от 50, составлявших прожиточный минимум, до 100, обеспечивавших безбедное существование (Asad, 1970; С. 52 о кабабиш; Silberman, 1959. С. 569; Lewis, 1961. С. 58 о сомалийцах). Это последнее число и рассматривается как вполне достаточное для семьи состоятельного полукочевника (Dahl, Hjort, 1976. С. 266). Но при этом учитывается и вторая составляющая полукочевого хозяйства – земледелие. Правда, земледельческое хозяйство полукочевников всегда было невелико: в одних случаях финиковые пальмы, в других – зерновые, редко – и то, и другое вместе. Как правило, оно было неполивным, что в условиях большинства областей Ближнего Востока давало лишь мизерные и ненадежные урожаи. Соответственно полуномады прочно сохраняли кочевые традиции и, в частности, даже в районах своей земледельческой оседлости, продолжали жить в бедуинских шатрах.

Кочевое и полукочевое хозяйство на Ближнем Востоке могло как совпадать, так и не совпадать с племенным делением номадов. Это зависело от характера принадлежавших племенам земель. Так, например, крупнейшая арабская соплеменность аназа до своего переселения из внутренней Аравии в Сирийскую пустыню в) массе занималась верблюдоводством, а после переселения разделилась на верблюдоводческие и овцеводческие племена и внутри-племенные подразделения (Oppenheim, 1939. Bd. I, С. 125. Musil; 1928. С. 44-45; Raswan, 1930. С. 497). Сходным образом обстояло дело у других номадов Передней Азии и Северной Африки.

Предпринятое рассмотрение ближневосточного региона кочевого скотоводства во многом облегчает характеристику соседнего очага – средневосточного. Пустыни и полупустыни (Деште-Лут и Деште-Кевир в Иране, Дашти-Маркох и Регистан в Афганистане, Тар в Индостане) здесь не так велики, как на Ближнем Востоке,

[137]

но часто еще более безводны, и соответственно «чистый» номадизм практически отсутствовал. Только немногие племена, как, например, афганцы акахель, были известны в качестве преимущественно верблюдоводов. Зато в обширных горных массивах Среднего Востока издавна сложилось полукочевое скотоводство значительной части населения этого региона – кашкайцев и других племен Фарса, курдов, луров и бахтиаров, патанов Афганистана и пуштунов Пакистана, белуджей и брагуев, а также некоторых тюркских групп на севере Ирана и Афганистана. Преобладало скотоводство горного или близкого к нему типа с проведением летнего выпаса на яйлажных пастбищах, а зимнего – в горных долинах или в приморских низинах. Дальность перекочевки обычно ограничивалась сотней – другой и только у некоторых патанов и пуштунов достигала 1-1,5 тыс. км (Рейснер, 1954. С. 41-42).

В составе стада у полукочевников Среднего Востока основное место занимали овцы и козы, но местами довольно заметную долю стад составляли также лошади (например, у племен Фарса и курдов) или верблюды (например, у патанов, пуштунов, белуджей и брагуев). Обеспеченность мелким рогатым скотом здесь меньшая, чем на Ближнем Востоке: скажем, на небогатую семью у бахтиаров зафиксировано 50 голов (Digard, 1973. С. 37), у племен Фарса -60 голов (Barth, 1964. С. 16-17). Соответственно большее значение в хозяйстве имело земледелие, а местами и отхожие промыслы. В этой связи интересна мысль, развиваемая вслед за Ф. Бартом А. М. Хазановым. Ни в одном другом регионе кочевого скотоводства не было такого его тесного переплетения с земледельческим хозяйством. Оно объясняется тем, что большинство номадов проникло сюда только в средние века, частью заняв, а частью искусственно создав (нередко путем разрушения ирригационных систем) экологические ниши, перемежающиеся с нишами оседлых земледельцев (Khazanov, 1984. С. 62).

Очень своеобразно хозяйство номадов центральноазиатских высокогорий – кочевых тибетцев, а в прошлом также и части киргизов Памира. Кочевое скотоводство в Тибете получило развитие там, где уже невозможно земледелие – преимущественно в северных областях массива на высоте свыше 3 км. Здесь имелись как «чистые» кочевники, так и полукочевники. Первые разводили яков и овец, вторые – также коров; и у тех и у других, кроме того, в составе стада заметное место занимали более кроткие, чем як, цзо помесь яка и коровы и цзумо – помесь ячихи и быка. Яки, цзо, цзумо и овцы были не только продуктивными, но и транспортными животными: яков использовали под вьюк, более смирных цзо –

[138]

под верховую езду, овец (главным образом в Западном Тибете) также под вьюк. Лошадей тибетские номады, как и «настоящие» бедуины, обычно держали в небольшом количестве и только в престижных или военных целях. Однако кочевники Восточного Тибета в имели хозяйстве не только от 20 до 50 яков и от 100 до 300 овец, но и по 3-4 лошади (Рерих, 1967. С. 41). Кочевание носило вертикальный характер, подчиняясь, хотя и не особенно строго, определенным сезонным циклам. Полукочевники, не имевшие возможности подниматься со своими коровами высоко в горы, занимались также и земледелием. Заметное место в хозяйстве тибетских номадов занимала охота на диких яков, горных баранов, антилоп, медведей и т. д. (Потанин, 1950. С. 308; Кычанов и Савицкий, 1975. С. 122 сл.; Downs, Ekvall, 1965. С. 176 ff.).

В последнем из рассматриваемых нами ареалов кочевого скотоводства – засушливой зоне Евразии, не уступающем по размерам ближневосточному ареалу, «чистые» кочевники по численности оставались далеко позади полукочевников. Правда, здесь также имеется широкий пояс пустынь и полупустынь (наиболее аридные Гоби, Кызылкумы и Каракумы), но намного обширней массив степей, и у скотоводов, как правило, не возникало необходимости в экстремальных формах номадизма. Возможно, впрочем, что в данном случае дело не сводится к одной только экологии. Высказано мнение, что в древности в средние века соотношение кочевников и полукочевников по политическим причинам могло быть иным, особенно в периоды массовых кочевнических миграций и завоеваний. Но одно дело – обычная хозяйственная жизнь, а другое – чрезвычайные ситуации, и сам автор этой идеи признает, что проблема еще требует дальнейшего изучения (Хазанов, 1975. С. 11; Khazanov, 1984. С. 45; ср. Марков, 1976. С. 282).

В новое время «чистыми» кочевниками была значительная часть монголов (преимущественно во внешней Монголии), казахов (в частности, на Мангышлаке и в пустынях центрального Казахстана) и туркмен (более всего в Прибалханье). Но они отличались от ближневосточных номадов тем, что природные условия обычно позволяли им совмещать верблюдоводство с коневодством и разведением мелкого рогатого скота, особенно овец, которые и преобладали в их стадах (Пржевальский, 1875. Т.1. С. 39 сл.; Вланкеннагель, 1858. С. 92; Оразов, 1964. С. 2 сл.). Вернее местные природные условия, заставлявшие опасаться не только засух, но и снежных заносов и гололедов, ориентировали на разведение не столько верблюда, сколько животных, умеющих тебеньковать, т. е. лошадь и в меньшей степени овцу. В то же время имеются сведения, что

[139]

еще лет 100-200 навал у туркмен верблюдоводство преобладало над овцеводством (Марков, 1958. С.171). То же относится к амплитуде перекочевок, которая у туркмен в прошлом была несравненно шире. Но это, вероятно, говорит лишь об отличии верблюдоводов–туркмен тропических Каракумов от основной массы других «настоящих» кочевников засушливой зоны Евразии.

У кочевых казахов во владении средней семьи находилось 15-20 верблюдов, 4-5 лошадей и 100-150 голов мелкого рогатого скота (Толыбеков, 1959. С. 131). Протяженность перекочевок у них составляла от 1 до 1,5 тыс. км (Народы Средней Азии и Казахстана, 1963. Т. 2. С. 354). Как уже отмечалось в литературе, такого рода смешанный состав стада делал границу между кочевниками и полукочевниками более размытой, чем на Ближнем Востоке (Сооп, 1976. С. 224). Не эта граница все же существовала. У полукочевников в состав стада обычно входил еще и крупный рогатый скот и, следовательно, амплитуда кочевания была меньше. Состав и размер стада их средней семьи определялся, например у калмыков, примерно в десятке лошадей и в такое же количество голов крупного рогатого скота (Паллас, 1773. Т. I. С. 226), у казахов в 15 лошадей, 2 верблюда, 50 овец и 6 голов крупного рогатого скота (Народы Средней Азии и Казахстана, 1963. Т. 2. С. 330), у монголов в 14 лошадей, 3 верблюда, 90 голов мелкого и 13 – крупного рогатого скота (Майский, 1959. С. 140). Соответственно и перекочевки у здешних полукочевников совершались в диапазоне от 20 до 200 км (Оразов, 1975. С. 216 сл.; Lattimor, 1967. С. 73). Однако еще в большей степени, как и повсюду, полукочевников отличало от кочевников ограниченное по масштабам примитивное земледелие. У западных монголов, по наблюдениям В. Я. Владимирцова (1911. С. 335-336), оно было, хотя и побочным, но все же немаловажным занятием значительной части населения; оно не изменило кочевой жизни и не создало оседлых поселений, но ограничивало кочевание. У казахов земледелие как побочное занятие получило известное распространение на южных границах степей, по Сырдарье и ее притокам (Извлечение... 1816. С. 112, 115). У туркмен разные их группы занимались земледелием в различной степени, но у полукочевников, например в Прикаспии, оно неизменно присутствовало как вспомогательное хозяйственное занятие (Оразов, 1962. С. 286).

Таким образом, в разных регионах распространения кочевого скотоводства последнее обладало различной степенью выраженности. Но при этом нигде оно не было единственным и самодостаточным занятием населения. «Чистые» кочевники в той или иной мере совмещали его с отхожими промыслами, охотой и т. п.,

[140]

полукочевники, главным образом, с ограниченным земледелием. Хозяйство номадов не было автаркичным еще и потому, что они в той или иной степени нуждались в земледельческой продукции, а также в таких городских изделиях, получение которых не могло быть обеспечено их собственными домашними промыслами.

Правда, в литературе встречается противопоставление верблюдоводческой и даже овцеводческой моноспециализации значительной части кочевников Ближнего Востока самообеспечивающему скотоводческо-земледельческому хозяйству кочевников Средней и Центральной Азии (Myres, 1941; Patai, 1951; Bacon, 1954). Но оно верно лишь в том отношении, что в первом из этих регионов «чистых» номадов было больше, чем во втором. Соответственно можно говорить о разной степени хозяйственной несамодостаточности, но не о ее наличии или отсутствии в целом. На торговом обмене между кочевниками и оседлыми, равно как и на его военной альтернативе, мы остановимся дальше.

2. Социальная организация

В литературе (более всего в советской и постсоветской, но не только в ней) вот уже более полувека идет все еще не оконченный спор об общественном строе кочевых скотоводов. Достигали ли они в своем самостоятельном развитии уровня классового общества? Каким оно могло быть: только раннеклассовым или также сложившимся классовым? Что лежало в основе отношений эксплуатации: собственность на скот или также собственность на пастбища? Если кочевники в своем самостоятельном развитии не шли дальше предклассового строя, то что было социальной основой их государств? По всем этим вопросам высказаны как крайние, так и промежуточные точки зрения (см. обзоры: Першиц, 1971. С. 3 сл.; Першиц, 1976. С. 280 сл.; Федоров-Давыдов, 1973. С. 4 сл.; Хазанов, 1975. С. 32 сл.; Khazanov, 1984. С. 123; Дигар, 1989. С. 34-35; Крадин, 1990б). В свое время мы также приняли участие в разработке этой проблемы, придя к трактовке общественного строя номадов только в широком контексте их связей с социальной макросредой, но, видимо, переоценив уровень их собственного развития. В последние годы развитие науки сделало возможными дальнейшие уточнения. Коротко остановимся на этом вопросе, имеющем непосредственное отношение к нашей теме.

Можно считать установленным, то во всех кочевых обществах существовала индивидуальная или семейная частная собственность на скот, причем всем им было свойственно резкое

[141]

неравенство в скотовладении. У бедуинов-аназа в начале XIX в. некоторые шейхи имели до 300 верблюдов, богатые кочевники – до 60, состоятельные – 30-40, бедняки – порядка 10 (Burckhardt, 1831, С. 56). У кочевых казахов Казалинского и Перовского уездов в начале XX в. у крупных баев насчитывалось не меньше 400 верблюдов и лошадей и от 2000 голов мелкого рогатого скота, у баев средней руки – соответственно 150 и 1000, у мелких баев – 100 и 500, у средних кочевников – 20-25 и 100-150 (Толыбеков, 1971. С. 157-158). У тибетцев богатым считался тот, кто имел 100 яков, 3000 овец и 20 лошадей, бедным – имевший 6 яков, 50 овец и 1 лошадь (Casinelli, Ekvall, 1969. С. 266). Вывали и совсем малоскотные кочевники, например, туареги, «жившие лишь молоком нескольких тощих коз» (Foureau, 1905. С. 839).

Менее бесспорен характер собственности на племенные территории с их пастбищами, водоемами, охотничьими угодьями, караванными путями, а подчас и обрабатываемыми землями. Известны разные формы такой собственности: абсолютно преобладавшая общеплеменная; формально провозглашенная собственность вож-деств (например, у туарегов Сахары) или государств (во владениях Сельджукидов, Джунгарии, Саудовском королевстве и т. д.); установленная государством собственность глав племен (в каджарском или пехлевийском Иране, хашимитской Иордании). Однако при всех обстоятельствах кочевые племена или их подразделения владели и пользовались большей частью своей территории и прежде всего пастбищами сообща. Поэтому сторонники той точки зрения, что собственность кочевников на пастбища в действительности не была коллективной, аргументируют ее не юридическим, а фактическим положением дела.

Не без оснований указывают, что те, у кого было больше скота, использовали и большие пространства пастбищ. Важное значение придают многочисленным сообщениям о том, что верхушка номадов, организуя кочевание, фактически распределяла пастбища (Владимирцов, 1934. С. 160-161 о монголах; Зиманов, 1058. С. 143 сл. о казахах; Иванов, 1961. С. 82-83 о племенах Фарса; Пикулин, 1959. С. 25 о белуджах; Першиц, 1961. С. 22 о бедуинах Аравии; и др.). При этом, естественно, самой кочевнической верхушке доставались земли получше, а тем, кто оказывался неугоден, – похуже. Так, исследовательница кашкайцев Улленс де Шоотен описала случай, когда один из их ханов на год лишил непослушное подразделение хороших пастбищ, приказав выделить им худшие (Ullens de Schooten, 1956. С. 90, 101-102). Больше того, нередко кочевническая верхушка захватывала самые лучшие пастбища в

[142]

постоянное пользование, превращала их в заповедные для других номадов места – курук и хориг у тюрков и монголов (Вартольд, 1963. С. 29, 34; Владимирцов, 1934. С. 112, 160), хадр, или хима, у арабов (Philby, 1922. V. 2. App, 2; Dickson, 1951. С. 51, 394; Негря, 1981. С. 94 сл.). Можно спорить о том, насколько во всем этом выражена тенденция к становлению раннеклассовой (раннефеодальной?) собственности на пастбищные земли, однако очевидно, что здесь перед нами всего лишь тенденция.

Сходным образом обстояло дело с водными источниками. Естественные водоемы, как правило, были собственностью крупных пастбищных коллективов, искусственные принадлежали тем, кем (или чьими предками) они были сооружены. Первые распределялись вместе с пастбищами, вторые находились в групповой или индивидуальной частной собственности обычно сильных родов или могущественных семей (см., например: Burckhardt, 1831. С. 185; о бедуинах; Марков, 1976. С. 226 о туркменах).

В собственности номадов, в том числе и «чистых» кочевников, нередко находились пригодные для обработки земли. Полукочевники могли обрабатывать такие земли и сами, но «настоящие» кочевники делали это очень редко, лишь став, по образному определению одного из бытописателей аравийских бедуинов, «банкротами пустыни» (Doughty, 1888. V. 2. С. 115). Обычно они сажали на землю своих вольноотпущенников или передавали ее другим арендаторам (Capot-Rey, 1953. С. 168, 226; Lhote, 1955. С. 207 о туареггах Сахары; Doughty, 1888. V. 2. С. 234, 344, 346; Musil, 1908. С. 23; Jaussen, 1908. С. 243-244 о бедуинах Аравии и Сирии. Рейснер, 1954. С. 110 сл.; Ferdinand, 1969. С. 144 об афганцах; и др.). Такая обрабатываемая земля могла считаться собственностью целой кочевой группы, а доход с нее даже поровну делиться между всеми владельцами, как это отмечено, например, у недждеких шаммаров (Huber, 1891. С. 671, 674; Montagne, 1932. С. 71 ss.). Но так бывало лишь тогда, когда она была только недавно освоена или завоевана. Как правило, это была собственность кочевнической верхушки. Множество сообщений об этом имеется применительно к бедуинам Аравии, Сирии и Ирака (Першиц, 1961. С. 137-138; Васильев, 1982. С. 49-50), племенам Фарса (Иванов, 1961. С. 83 сл.), казахам (Зиманов, 1958. С. 46-47), туркменам (Марков, 1976. С. 231-232). Такое же положение наблюдалось при превращении кочевников в полукочевников. «С конца XVIII – начала XIX в., когда началось оседание казахов, каждый род занимал известную территорию, причем полу-феодалы-родоправители сильных родов захватывали лучшие места, а более слабые – что похуже», – отмечал С. В. Толыбеков (1971. С. 424).

[143]

Через территории кочевых племен часто проходили караванные пути, связывавшие между собой разделенные этими территориями земледельческие области и торгово-ремесленные центры. Через арабские земли, помимо того, проходили пути паломничества мусульман в священные города Хиджаза – Мекку и Медину. За свободный проход по таким путям взималась пошлина. Кроме того, контроль над этими путями создавал номадам и другие источники дохода: сдачу внаем транспортных животных, сопровождение и охрану караванов, собственную посредническую торговлю. Соотношение этих источников дохода у разных групп номадов варьировалось в значительном диапазоне. Окажем, в Аравии и Сирии сильные бедуинские племена ограничивались получением путевой пошлины, предоставив обслуживание караванов особой корпорации верблюдо торговцев и караванщиков, члены которой с конца средневековья рекрутировались в основном из племени укайль (Rousseau, 1809. В. 5, 40, ss; Grant, 1937. С. 137 ff.). Так же обстояло дело у туарегов Сахары, у которых ахаггарские племена взимали путевую пошлину, а племена профессиональных караванщиков исеккемарен и ифорас специализировались на обслуживании караванной торговли (Richardson, 1848. V. 2. С. 12113; Du-veyrier, 1864. С. 359, ss.; Benhazera, 1908. С. 67 ss.). Белуджи в основном только контролировали караванные пути (Coop, 1976. С. 195), а соседние афганцы сами занялись посреднической торговлей, уже в XIII в. выдвинув из своей среды группы профессионалов-повин-да (Рейснер, 1954. С. 50, 65, 68; Азимджанова, 1971. С. 44).

Хотя караванные пути располагались на территории, считавшейся достоянием всего племени, путевую пошлину или ее львиную долю забирала себе кочевническая верхушка. Например, у туарегов пошлина поступала главам вожеств – аменукалам (Benhazera, 1908. С. 53; Briggs, 1960. С. 136), у казахов – правителям орд (Левшин, 1832. Ч. 3. С. 232).

Существовавшие у кочевников формы эксплуатации могут быть подразделены на внутренние (эндэксплуатация) и внешние (экзоэксплуатация).

Эндэксплуатация была связана прежде всего с неравенством во владении скотом. Богачи передавали обедневшим кочевникам скот «на подой», «в настриг», «под съезд» либо безвозмездно, но с обязательством отдачи, если сам богач оскудеет, либо на условиях издольщины. Даже безвозмездное наделение скотом позволяло крупным собственникам рассредоточить свой скот и создать как бы страховой фонд, пользуясь даровой рабочей силой. Более откровенной эксплуатацией была издольщина. Такие отношения,

[144]

известные у монголов как сурук, у казахов как саун, у киргизов как саан, у племен Фарса как дендани и тераз, у арабов как вадия, у туарегов как маниха и т. д., получили в отечественной этнологии название саунных. Их долго рассматривали в качестве феодальных или полуфеодальных, но затем было показано, что здесь перед нами не специфическая для какого-либо способа производства, а межформационная кабальная эксплуатация (Потапов, 1954. С. 85; Семенов, С. 250 сл.; Першиц, 1973а. С. 106 сл.). Однако сколько-нибудь значительного распространения саунная экзоэксплуатация не имела.

Другой вид эндоэксплуатации был связан с организационно-управленческой деятельностью кочевнической верхушки. Рядовые кочевники делали ей различные внешне добровольные приношения, связанные с издержками по приему гостей, дорогой покупкой, утратой из-за каких-либо бедствий скота и т. п. Здесь также существовал значительный диапазон от более или менее спорадических «даров» и возмещения за медиаторский суд, как у бедуинов Аравии или Сирии (Burckhardt, 1931. С. 198, 255; Jaussen, 1908. С. 143) до фиксированных податей и судебных штрафов, как у племен фарса (Lambton, 1977. С. 288, 351) или у туарегов Сахары (Першиц, 1968. С. 339 сл.). Однако не только «дары», но и подати были невелики. Достаточно оказать, что даже в монгольской державе при Угедее, по данным китайских источников, «монголы ежегодно платили со ста лошадей одну кобылицу, с рогатого скота и овец со ста по одной голове» (Владимирцов, 1934. СП4; ср. Мун-куев, 1965. С. 137-138).

Экзоэксплуатация существовала в самых различных формах. Простейшими из них были военный грабеж или заменявшая его единовременная контрибуция, более упорядоченной – данническая эксплуатация кочевниками полукочевников, теми и другими -оседлого и подоседлого населения. Под данничеством здесь понимается межформационная форма эксплуатации, состоящая в регулярном насильственном отчуждении продукта победителями у по- бежденных, но в основном не утративших прежней экономической и социально-политической организации коллективов (подробнее см.: Першиц, 1978б). К военному грабежу, контрибуциям и данничеству мы еще вернемся дальше. Экзоэксплуатацией были также уже рассмотренные нами путевая пошлина и рента с обрабатываемых земель.

Промежуточное положение между эндо- и экзоэксплуатацией занимает рабовладение, но у номадов оно ближе к экзоэксплуатации, так как рабы у них, как правило, были иноплеменниками. По

[145]

вопросу о рабовладении у кочевников имеются существенно различные взгляды, однако с середины 1950-х годов стало высказываться и теперь, пожалуй, возобладает мнение что рабовладение у кочевников как выраженная форма эксплуатации невозможно. При этом справедливо указывается, что кочевое скотоводство не требовало больших трудовых затрат, что потребность в рабочих руках могла быть относительно легко восполнена за счет внутренних ресурсов, что в степи нелегко было предотвратить бегство рабов и т. п. Это, разумеется, не означает, что в кочевом скотоводстве вообще не было места для рабского труда – он находил применение и отчасти в выпасе стад, и в устройстве водоемов, и в тяжелых домашних работах. Все же, как правило, рабство, во-первых, не было производственным, а во-вторых, даже в качестве домашнего, не получало широкого развития (см. в особенности: Семенюк, 1959. С. 164 сл.; Семенюк, 1969. С. 266 сл.; Лашук, 1967. С. 108; Хазанов, 1976). Может быть, единственное исключение из этого правила – рабство у туарегов Сахары, у которых оно было очень развито, во-первых, из-за высокоаридных условий Сахары, не позволявших социальной верхушке туарегов – верблюдоводам-ахаггарам – кочевать вместе с зависимыми от них козоводами-амгидами и, во-вторых, из-за активнейшего участия сахарских туарегов в ближневосточной торговле рабами-неграми (Першиц, 1968. С. 352).

Доходы от экзоплуатации в своей большей части (при, набегах и взимании дани) или почти целиком (при получении земельной ренты и использовании рабского труда) поступали кочевнической верхушке. И эти доходы имели для нее первостепенное значение, нередко далеко превосходя доходы от эндоплуатации (Петрушевский, 1960. С. 30; Першиц, 1968. С. 343-344; Першиц, 1973а; С. 300 сл.; Хазанов, 1975. С. 163). В результате возникали две противоположных тенденции. С одной стороны, внешние доходы усиливали кочевническую верхушку, что облегчало ей эксплуатацию соплеменников. С другой стороны, для успешной внешнеэксплуататорской деятельности этой верхушке необходимо было иметь надежную опору в соплеменниках, что затрудняло и ограничивало их эксплуатацию. Более того, чтобы приобрести или сохранить социальную опору, приходилось вуалировать отношения эндоплуатации, а главное, делить с соплеменниками значительную часть плодов экзоплуатации, оказывать широкое гостеприимство, устраивать престижные пиры и одаривания (Толыбеков, 1971. С. 121 сл. о казахах; Douglas, 1952. С. 142 о кашкайцах; Рейс-нер – 1954. С. 343 о пуштунах; Dickson, 1951. С. 53 о бедуинах Аравии; и др.). Все это замедляло процессы классовобразования в

кочевом племени, поддерживало его относительную сплоченность и солидарную заинтересованность во внешне эксплуататорской деятельности. При этом кочевническая верхушка выступала как бы в двух ипостасях. По отношению к соплеменникам она практиковала лишь очень ограниченную эксплуатацию кабального (саунные отношения) типа, но за пределами племени эксплуатация была несравненно более жесткой – в диапазоне от дани до настоящей земельной ренты.

Одним из последствий замедленности классообразования в кочевнических обществах было устойчивое сохранение в них генеалогических и отчасти сопряженных с ними общинных структур.

Обычно их система насчитывала значительное количество звеньев. Семьи (у кочевников преимущественно малые, у полукочевников часто большие) объединялись в патрилиниджи (у туарегов матрилиниджи), по большей части включавшие родственников четвертой-шестой степени родства, те – в более широкие родственные образования, из которых составлялись подплемена, племена и объединения племен. В основных звеньях этой иерархии существовала определенная общность, проявлявшаяся в совместном выпасе стад, в материальной взаимопомощи и физической взаимозащите, в экзогамных или эндогамных порядках, в наличии родовых глав и племенных вождей, в реальных или фиктивных родословиях, тамгах, военных кличах и т. п. При этом в низших звеньях иерархии была хорошо выражена экономическая общность, что придавало им также и общинный характер, в высших же преобладала общность военно-политическая (Абрамзон, 1951; Krader, 1968; Агаджанов, 1969 о тюрке-монгольских кочевниках; Першиц, 1961; Першиц, 1968 о бедуинах Аравии и туарегам Сахары; Марков, 1971; Першиц, Хазанов, 1979 в более широком плане).

Социальная стратификация у кочевников имела несколько форм, которые могли существовать самостоятельно, хотя чаще соединялись вместе. Простейшей из них была имущественная дифференциация, представленная, например, расслоением тюркских кочевников Средней Азии и Казахстана на зажиточных или богатых баев и других – рядовых или недостаточных – скотоводов. Другая форма социальной стратификации может быть определена как функциональная: это разделение кочевников на управителей, или должностных лиц, и управляемых. Среди первых дифференцировались управители высшего, среднего и низшего рангов (скажем, ага манапы, орта манапы и чала манапы у киргизов, ханы, бии и старшины у казахов, ильхани, калантары и кедхуда у каш-кайцев и т. д.). Еще одна форма была связана с наследственными

[147]

статусами, предполагавшими принадлежность к определенным сословиям, кастам или другим общественным слоям. У монгольских и тюркских кочевников существовало деление на «белую кость» -потомков Чингис-хана и всех остальных, по которому даже аристократы-нечингисиды попадали в категорию «простого», «черного» народа и поэтому не могли быть избраны ханами (Владимирцов, 1934. С. 153; Зиманов, 1958. С. 183 сл.). Неравными считались статусы членов сильных племен, облагавших своих соседей данью, и членов племен или других групп населения, обложенных данью (Марков, 1978. С.233 о туркменах; Першиц, 1961. С. 135 сл.; Иванов, 1965. С. 192 об арабах Юго-западной Азии и Северной Африки). Повсеместно различались своими статусами свободорожденные и несвободорожденные, так же как и их потомки. На Ближнем Востоке, где социальная стратификация нередко была связана также и с хозяйственной специализацией, она имела полусословные-полукастовые черты. Так, у арабских кочевников помимо основного деления на благородных шейхов и неблагородных пастухов, существовала и такая иерархия статусов всех членов племен: благородные верблюдоводческие племена, неблагородные племена овцеводов и козоводов, податные полуоседлые племена, низшие племена малоскотных скотоводов, охотников и бродячих ремесленников (Першиц, 1961. С. 145 сл.).

Социальная стратификация была закреплена особыми обычно - правовыми нормами. В разных слоях общества придерживались разных брачно-регулирующих правил, платили разный брачный выкуп и разную пеню за кровь, социальная верхушка часто обзаводилась особыми, отличными от общеплеменных генеалогиями (Зиманов, 1958. С. 187 сл.; Иванов, 1961. С. 88 сл.; Першиц, 1961. С. 147 сл.; и др.).

Можно ли рассматривать эти слои кочевого общества в качестве классов? Внутри только кочевого общества, учитывая все сказанное раньше, едва ли. Но там, где кочевники устанавливали господство над некочевым населением, кочевническая верхушка, по-видимому, нередко складывалась в особый класс, широко и открыто присваивавший прибавочный продукт, производимый соседями (наряду с собственным господствующим классом последних, в результате чего складывалась как бы «двойная элита» – см. в особенности: Barth, 1964. С. 80; Ahmed, 1973; Salzman, 1978. С. 137 ff). В могущественных государствах кочевников, каким, например, была монгольская держава, в виде исключения мог складываться и собственный класс непосредственных производителей (см. дальше). Здесь, однако, надо учесть, что одно дело классы в развитых

[148]

и другое – в ранних, или архаических, классовых обществах, где еще сильно наследие первобытности и грань между общественными слоями вообще и общественными классами в частности пока еще остается недостаточной четкой.

3. Политическое устройство

То же в значительной мере относится к политическому устройству кочевников. Провести четкую грань между племенем и вождеством и особенно между вождеством и ранним государством не всегда проще, чем между слоем и классом в архаическом обществе. Имеющиеся на этот счет взгляды значительно варьируют, и только с известной долей упрощения можно отметить, что специфику вождества как промежуточной политической структуры чаще всего видят в таких признаках, как наследственная стратификация общества, редистрибуция общественного продукта, сохранение родственного принципа организации, централизованный, хотя и не всегда сильный и обеспеченный аппаратом принуждения, характер власти. В числе признаков государства называют такие, как наличие классов или регулярного прибавочного продукта, необходимого для поддержания политической организации, взимание фиксированных налогов, существование централизованного, сильного и специализированного государственного аппарата, замена родственной организации территориальной и другие менее существенные (Service, 1975. С. 15, 81; Claessen, Skalnik, 1978. С. 21; Cohen, 1975. С. 55; Khazanov, 1984. С. 164 сл.; и др.). Заметим, что сюда, как правило, входят и признаки, сформулированные Энгельсом: территориальная организация, отделенная от народа публичная власть и взимание налогов. Однако у кочевников в этом отношении существовали свои особенности.

Распространено мнение, что кочевым обществам в большей степени свойственна сегментарная, или ацефальная, организация, под которой чаще всего понимают совокупность иерархически соподчиненных родственных и (или) общинных структур; на каждом из своих уровней они выполняют одинаковые функции и равноправны («симметричны», сбалансированы» и т. п.) (Evans-Pritchard, 1949; Lewis, 1961; Cole, 1975, Дигар, 1990; и др.). Основанием для этого, видимо, послужили разветвленность у кочевников таких структур и относительная демократичность принятых у них порядков. Но «симметричными» или «сбалансированными» все сегменты общественной, в том числе родственной, организации кочевников все же не были. Напротив, для них было очень

[149]

характерно наличие доминирующего рода наследственных правителей. А.Ж. Хазанов (Khazanov. 1984. С. 145), отмечая вслед за рядом других исследователей это обстоятельство, предлагает называть такую организацию стратифицированной сегментарной системой. Однако при данном уточнении не вполне ясно, зачем нужно само понятие сегментарной организации.

Кочевое племя управлялось вождем, как правило, происходившим из такого наследственно правившего аристократического рода, но среди членов этого рода нередко выборного. В одних племенах функции управления были дифференцированы, в других слитны. Так, у арабских бедуинов почти всегда существовали шейхи для мирного времени, акыды для военных действий и арифы для отправления медиаторского суда. Напротив, белуджам или туарегам Сахары известны были только вожди вообще (соответственно сардары и амгары), совмещавшие роли организаторов хозяйственной жизни, военных предводителей и судей. Можно думать, что, во-первых, второй порядок старше первого, а во-вторых, у кочевников вожди племен, в отличие от глав родов и внут-риродовых подразделений, первоначально были по преимуществу военными предводителями. У тех же арабских бедуинов в древности во главе племен стояли только военные предводители – сейиды (Негря, 1981. С. 67, 103 и др.). В. Я. Владимирцов (1934. С. 80) считает, что вожди древнемонгольских племен – хааны ставились главным образом на время войны. Преобладает мнение, что киргизские вожди – бии и туркменские вожди – ханы также выросли из военачальников – батыров (Ильясов, 1963. С. 353-354; Марков, 1978. С. 232). Да и там, где, как у бедуинов, существовало разделение функций, нередко случалось, что удачливые военачальники сперва отодвигали на задний план других вождей, а затем и занимали их место (Musil, 1928. С. 201; Braunlich, 1933. С. 110).

Главы племен регулировали сезонные перекочевки, организовывали торговые и военные экспедиции, распределяли добычу и другие доходы извне племени, следили за соблюдением порядка и обычаев. Их судебные функции варьировали от посредничества до разбора дел по собственной инициативе с последующим установлением пени потерпевшим или штрафа в свою пользу. Там, где в племени не было особых служителей культа (как, например, шаманов – беки у монголов), вожди выполняли и эту роль. В отличие от власти глав родовых подразделений власть вождя племени обычно имела принудительный характер. Опираясь на дружину, состоявшую из ближайшей родни, свободных сподвижников и зависимых вольноотпущенников, а подчас и рабов, вожди племен

[150]

заставляли соплеменников считаться со своей волей. Так, у бедуинов бывало, что шейхи отбирали у соплеменников награбленное теми имущество и подвергали их своего рода заключению в гостевом отделении собственного шатра; у туарегов не только налагали штрафы в свою пользу, но и держали в колодках и даже подвергали битью палками (Musil, 1903. С. 336-337; Guarmani, 1938. С. 114; Nicolaisen, 1963. С. 396); у бассери также практиковали телесные наказания (Barth, 1964. С. 80). В то же время власть главы племени обычно была ограничена советом родовых глав, отсутствием твердо установленных правил наследования, статуса и более всего той относительной легкостью, с которой недовольные подразделения могли откочевать, объявив себя независимыми или примкнув к другому племени. Пример – отложение от Чингиса Джамуги, в котором В. В. Бартольд усмотрел демократические тенденции, а В. Я. Владимирцов – просто соперничество двух предводителей (Влади-мирцов, 1934. С. 84-65).

С добровольным или чаще насильственным объединением нескольких племен вокруг самого сильного из них могло возникнуть кочевое вожжество. Такими вождествами были, например, казахские Орды-жузы и туркменские ханства до начала и туарегские теджехе до конца XIX в., а некоторые бедуинские шейхства еще в первой четверти XX в. Имеется мнение, что кочевым вождествам, как и вождествам вообще, свойственна ограниченность функций и слабость власти правителя, отсутствие у него аппарата принуждения (Khazanov, 1984. С. 165). Такие сведения действительно есть, например, о казахских ханах, но едва ли следует придавать им универсальный характер. Главы туарегских вождеств – аменука-лы, не будучи единовластными правителями, тем не менее представляли свои вождества во всех внешних сношениях, предводительствовали на войне, утверждали вновь избранных глав племен и вершили высший суд. Имелся у них и зачаточный политический аппарат: ближайшие помощники, считавшиеся советниками и чрезвычайными представителями на местах, и младшие служащие – писцы, вестники, телохранители и даже исполнители экзекуций (Першиц, 1968. С. 349-350). Последний из правителей созданного племенем руала западноаназского вождества Шааланов, не считаясь ни с какими адатами, забирал себе любое понравившееся ему имущество, применял телесные наказания и деспотически распоряжался не только в своем, но и в других племенах вождества. «Все боялись его и подчинялись ему», – писал хорошо знавший его знаменитый разведчик Т. Лоуренс (Lawrence, 1935. С. 174). Четвертый по значению «князь пустыни» (после шерифа

[151]

Мекки и эмиров Неджда и Джебель-Шаммара), он в 1912 г. перестал довольствоваться наследственным званием шейха шейхов и провозгласил себя эмиром.

О сложении у кочевников пусть раннего, но все же настоящего государства можно говорить лишь с определенной долей условности – только имея в виду не кочевнические общества, взятые отдельно, а оседло-кочевническую систему в целом. Подобно тому, как общественные классы у номадов, как правило, были представлены только господствующим классом, которым становилась их верхушка по отношению к эксплуатируемому, преимущественно оседлому, населению, государство у них возникало лишь в результате завоевания оседлых областей и образования такой системы (Першиц, 1961. С. 166; Першиц, 1968. С. 351; Rosenfeld, 1965. Pt. 2. С. 190; Irons, 1979. С. 362). Исходя, хотя и не без оговорок, из такого понимания генезиса кочевнических государств, А. М. Хаза-нов (Khazanov, 1984. С. 228 ff), а за ним В. Я. Крадин (1990а) даже классифицируют их в основном по степени интеграции кочевого и оседлого компонентов. Но при этом в разряд кочевнических государств попадают и такие, в которых преобладают оседлые земледельцы и даже правители которых в основном перешли к оседлому образу жизни. Поэтому государствами кочевников мы будем считать: 1) целиком или почти целиком кочевнические политические образования, правящая верхушка которых держит в даннической зависимости оседло-земледельческое население, и 2) политические образования, в составе населения которых преобладают номады, а правящая верхушка которых хотя бы частично сохраняет кочевой образ жизни и использует кочевые племена в качестве своей основной военной силы.

Один из наиболее характерных примеров государств первого типа – Монгольская держава при Чингис-хане и его непосредственных преемниках, обязанная своим возникновением ограблению и даннической либо феодальной эксплуатации как кочевых, так и в особенности оседлых соседей. Но надо учесть и то, что активная внешнеэксплуататорская деятельность позволила колоссально усилившимся монгольским ханам упорядочить поборы также и с самих монголов, обязанных теперь не только военной службой и долей военной добычи, но и различными натуральными повинностями. Возможно, что в результате этого слой пастухов и воинов - аратов начал перерастать в класс непосредственных производителей. Для нас в данном случае не имеет значения, какой облик при этом стало принимать Монгольское государство – феодальный как

[152]

считают В. Я. Владимирцов (1934) и Л. Крэйдер (1978) или «азиатского» типа, как, по-видимому, считает АМ. Хазанов (1984. С. 240).

Примером государств второго типа может служить аравийский эмират Джебель-Шаммар приблизительно до середины XIX в., когда преобладающей частью его населения были кочевые шаммары и они же составляли военную опору эмиров. С их помощью последние покорили ряд соседних оазисов и нешаммарских кочевых племен и установили контроль за торгово-пелигримским путем из Ирака в Хиджаз. С оседлого населения взималась установленная шариатом подать – закят, а со значительной его части также и земельная рента, с кочевников – только закят, который они, однако, платили неохотно и нерегулярно. Вообще, установить прочную власть над бедуинами, в особенности над присоединенными нешаммарскими племенами, не удавалось, и, считаясь с этим, эмиры старались поменьше вмешиваться в их внутренние дела. Последние эмиры Джебеля уже стали опираться главным образом на ополчение осевших шаммаров, обуздывая с их помощью кочевых соплеменников и других бедуинов. Однако и тогда они продолжали подчеркивать свое кочевническое происхождение, одеваясь по-бедуински, проводя несколько месяцев в году не во дворце, а в бедуинском шатре в пустыне и титулуясь не только эмирами, но и шейхами шейхов (Першиц, 1961. С. 178 сл.; Rosenfeld, 1965. Pt2, С. 174 ff; ср.: Montagne, 1947. С. 142).

Кочевые государства располагали сравнительно развитым, хотя и сохранявшим ряд архаичных черт, аппаратом управления и принуждения. Об этом можно судить даже по такому небольшому государству, каким был тот же Джебель-Шаммар. Ядро его государственного аппарата составляла эмирская дружина из вольноотпущенников и чужаков, в которой различались простые воины и «мужи шейха шейхов». Воины охраняли эмира, сопровождали караваны и сборщиков податей, несли гарнизонную службу; из их среды выходили тюремщики и палачи. Среди «мужей» отмечены офицеры, старшие служащие домена и дворца, конюший, заведующий верблюдами, главный пастух, главный надсмотрщик за рабами, заведующий гостевыми помещениями и руководители таких ведомств, как канцелярия и казначейство. Управление оазисами и племенами, как правило, оставалось в руках местных шейхов. Важным признаком развития государственности было постепенное вытеснение бедуинских адатов шариатом, который олицетворялся мусульманским кади, восседавшим рядом с эмиром в его суде (подробнее см.: Першиц, 1961. С. 175 сл.). Сходным по уровню развития был аппарат других кочевнических политий (Владимирцов, 1934. С. 90 сл., 140 сл.; Ахмедов, 1965. С. 98 сл.)

[153]

4. Военное дело

Боевая конница, известная уже в древних цивилизациях (середина II тыс. в Закавказье, начало I тыс. до н. э. в Ассирии – Ковалевская, 1975. С. 33, 66) старше всадничества даже в древнейших из собственно кочевых обществ. Соответственно многие черты военной техники и тактики кочевников общи у них с конницей древних, а затем и средневековых цивилизаций. В то же время и сами кочевники внесли немалый вклад в военную технику и тактику регулярной конницы. Детальное рассмотрение всех этих вопросов – тема особого исследования. Здесь мы в основном постараемся показать то, что наиболее специфично для военного дела у самих кочевников.

Главными элементами экипировки верховых животных являются приспособление для управления ими и седло. И то, и другое появилось задолго до возникновения кочевничества. Для управления лошадью были изобретены недоуздки с особым ремнем, давящим на чувствительный край носового хряща, а затем узды с сыромятными, позднее металлическими удилами. Верблюдом управляли с помощью того же недоуздки или продетого через носовой хрящ кольца. Кочевники-всадники усвоили эти приспособления, но воспитываемое у них с раннего детства искусство верховой езды позволило им дольше, чем оседлым народам, обходиться менее строгой уздой, а то и одним недоуздкой. Еще проще обстояло дело у ливийских кочевников Северной Африки, управлявших лошадью с помощью ошейника и небольшой палки (Lhote, 1953. С. 215 ss). Что касается верблюда, то устройство его зубов вообще не допускает взнуздывания.

Конское седло у древних кочевников, как и у еще более древних кавалеристов, было мягким (чепрак, кожаная подушка) и без стремян. Лишь в середине I тыс. н. э. появилось седло на жесткой основе с двумя стремянами, прототипом которых явилось только одно стремя, служившее в качестве подножки. Жесткое седло со стремянами позволяло дольше оставаться на коне и тем самым увеличивало дальность походов; кроме того, оно создавало лучший упор для тела при применении оружия. Изобретателями такого седла были сами кочевники, по-видимому, древние тюрки (Вайн-штейн, Крюков, 1984). Седло со стремянами широко распространилось в Старом Свете, и лишь немногие кочевники, как, например, арабские бедуины, не приняли этого усовершенствования. Верблюжье седло также поначалу было мягким, располагавшимся сперва позади, а затем поверх горба, и только к концу I тыс. до н. э., когда появилось перекидывавшее горб жесткое так называемое

[154]

североаравийское седло, дромедар стал более пригодным для военных действий. Это, как считают, даже сыграло известную роль в арабских завоеваниях (Bulliet, 1975; Hill, 1975).

Правда, как боевое животное лошадь намного удобнее – быстрее и маневреннее – верблюда. Там, где это допускалось природными условиями и если для этого имелись материальные возможности, бывало, что воины отправлялись сражаться верхом на верблюдах, ведя в поводу лошадей, на которых и пересаживались перед боем. Недаром своего рода культ коня, который многие авторы связывают с расцветом всадничества, существовал не только у тюрке-монгольских степняков Центральной и Средней Азии, но и у бедуинов-верблюжатников Ближнего Востока (Липец, 1984. С. 124 сл.; Першиц, 1961. С. 32). Однако в песках таких пустынь, как Сахара или Рубэль-Хали, лошадь бесполезна. Поэтому даже европейская колониальная администрация Северной Африки использовала в Сахаре верблюжью «кавалерию»- мехаристов. Кроме того, пусть и уступая лошади как боевое животное, верблюд при всех обстоятельствах обеспечивал задействование крупных всаднических масс.

Основным оружием верховых кочевников был лук со стрелами, которым они пользовались для дальнего боя до распространения ручного огнестрельного оружия и даже позже, так как последнее было дорого и поначалу (до появления ударных замков) недостаточно эффективно. Уже кочевники древности применяли в основном сложные, например, так называемые скифский и гуннский луки с основой из нескольких видов дерева, роговыми и костяными накладками и обмоткой из сухожилий. В принципе не отличались от них и луки средневековых кочевников, скажем, так называемый монгольский. Различия состояли главным образом в том, что вначале сила натяжения достигалась за счет увеличения общих размеров лука, а затем за счет увеличения размеров его гибких частей при уменьшении этих общих размеров. Длина «скифского» лука достигала 80, «гуннского» – 160, «монгольского» – 140 см. Во при этом по своей мощности «монгольские» луки не уступали «гуннским», равно как и знаменитым длинным лукам английских стрелков, показательно, что они даже вытеснили в Китае арбалеты. В то же время они были удобнее для стрельбы с коня или верблюда (Хазанов, 1971. С. 29 сл.; Ермолов, 1987. С. 151; Chambers, 1979. С. 57; Morgan, 1986. С. 91). Не исключено, что возможность применения таких луков – меньших по длине, но мощных – достигалась благодаря не только увеличению размеров гибких частей лука, но и наличию упора для стрелка в жестком седле со стремянами.

[155]

Мощные сложные луки с тяжелыми стрелами получили очень широкое распространение в связи с тем, что на рубеже нашей эры также и у кочевников стали применяться защитные доспехи. Но такие луки изготовлялись годами, стоили недешево, а панцирным было далеко не все воинство как оседлых, так и кочевых обществ. Поэтому наряду со сложными луками оставались в ходу и простые луки с легкими стрелами, а также дротики, например, у кара-киданей или бедуинов Аравии (Пиков, 1983. С. 108; Morgan, 1897. С. 131 ff, Hess, 1938. С. 104).

Оружием среднего боя были пики, применявшиеся всеми кочевниками – от скифов в древности до арабских бедуинов и туарегов Сахары в конце XIX в. Деревянные пики всадников достигали в длину трех – четырех, а бамбуковые – даже пяти метров. Они, как например, у сарматов могли крепиться цепочками к конской шее, чтобы в удар вкладывалась вся сила движения коня со всадником. Это оружие было настолько эффективно, что даже вытеснило в римской кавалерии ее первоначальные короткие копья. Другим, специфически кочевническим оружием среднего боя были арканы, которыми опутывали и опрокидывали врага (Гумилев, 1960. С. 247; Хазанов, 1971. С. 50-51).

В ближнем бою верховые или спешенные кочевники первоначально пользовались мечами, которые с развитием всадничества претерпели эволюцию от коротких (до 70 см) к более длинным (свыше 70 см) и от двулезвийных собственно мечей к однолезвийным палашам. Дальнейшее развитие этого оружия, в основном совпадающее с появлением жесткого седла и стремян, повело к превращению палаша в изогнутую саблю с рукоятью, несколько наклонной к линии клинка; удар ею, усиленный тяжестью воина на мчащемся коне, давал больший эффект при меньшей затрате сил (Плетнева, 1958. С. 118; Федоров-Давыдов, 1966. С. 24; Савинов, 1989. С. 310-311). Сохранявшиеся мечи или палаши также часто делались с рукоятью, наклонной к линии клинка, хотя были и исключения (например, у туарегов). Реже применялись кинжалы, палицы, боевые топоры или секиры (Пиков, 1983. С. 108; Абрамзон, 1944. С. 170; Федоров-Давыдов, 1966. С. 24, 32; Гаудио. 1985. С. 40; Doughty, 1888. V. 2. С. 35-36; и др.).

В раннеклассовых, а подчас и предклассовых обществах кочевников существовали также и осадные орудия, заимствованные у оседлых цивилизаций. В частности, половцы использовали катапульты, а монголы наряду с ними туры и стенобитные орудия китайского изготовления (Федоров-Давыдов, 1966. С. 36; Morgan, 1986, С. 91). Что касается огнестрельного оружия, то мушкеты

[156]

проникали к кочевникам на протяжении всего позднего средневековья и в более заметном количестве появились у них в новое время, пушки же по понятным причинам даже в новое время встречались только в укрепленных центрах государств, основанных кочевниками. Так, в конце XIX в. эмиры Джебель-Шаммара могли вооружить старинными ружьями значительную часть своего войска, но располагали лишь несколькими пушками, доставшимися им от египтян (Першиц, 1961. С. 181).

Известно было защитное оружие: во всех кочевых обществах -щиты, почти во всех – также панцири и шлемы. Наиболее доступными и распространенными были неметаллические панцири, сделанные из мягких материалов – толстой кожи, войлока, ткани, обычно в несколько слоев и простеганные шерстью или ватой, либо из таких жестких материалов, как сыромятная кожа, склеенная смолой в несколько слоев, роговые или костяные пластинки, чешуйки и т. п. Дорогие металлические панцири и кольчуги, как правило, были достоянием лишь кочевой аристократии и ее окружения. Существовали и панцири промежуточного типа: к мягкой основе пришивались элементы металлического бронирования. Шлемы, забрала, бармицы также бывали неметаллическими и металлическими; то же относится к таким деталям доспеха, как поножи, в то время как наручи и зеркала делались только из металла. Материал и конструкция щитов варьировали в очень широком диапазоне: кожаные, кожаные на деревянном или металлическом каркасе, плетенные из прутьев или бамбука с металлическим умбоном и нередко также оковкой по краю, целиком металлические. Особенность кочевнического, как и вообще всаднического, щита -его небольшие размеры, так как верховому воину большой щит только бы мешал. Но в некоторых кочевнических обществах, например в туарегском, существовали щиты побольше для пешего боя мечами, а у монголов также большие станковые щиты, применявшиеся при осаде городов и создании полевых укреплений. На вооружении имелись и конские доспехи. Как и воинские доспехи, они могли быть мягкими и жесткими, неметаллическими и металлическими. Использовались они, по-видимому, реже, чем воинские, но все же довольно часто. Применение уже древними кочевниками воинских и конских доспехов повело к появлению у них двух видов кавалерии – легкой, ориентированной преимущественно на дальний бой, и тяжелой, обычно игравшей решающую роль в среднем и ближнем бою. Как правило, к первой принадлежала основная масса кочевников, ко второй – кочевническая верхушка с ее непосредственным окружением (Горелик, 1957. С. 163

[157]

сл.; Федоров-Давыдов, 1966. С. 32 сл.; Ковалевская, 1977. С. 114; Jacob, 1897. С. 135-136; Dickson, 1951. С. 63 fl).

Можно говорить о некоторых особенностях военной тактики кочевников, связанных прежде всего с широким использованием ими легкой кавалерии лучников. Последние на всем скаку забрасывали неприятеля тучей стрел, чтобы расстроить его ряды, а если это не помогало, то применяли знаменитую тактику, получившую название «скифской». Они притворно отступали, что опять-таки позволяло расстроить неприятельские ряды, а затем поворачивались и атаковали. К этому близок другой прием ложного бегства, при котором конные лучники скакали назад, но, поворачиваясь корпусом в седле, забрасывали неприятеля стрелами. Многие в военной тактике кочевников связано со спецификой кочевого скотоводства: поход рассеянным строем, чтобы хватало корма животным, возвращение всегда другими путями, чтобы не передвигаться по уже стравленным пастбищам. Еще больше, по-видимому, связано с приемами облавных охот: наступление рассыпным строем, окружение с помощью двух крыльев или двух крыльев и центра, а позднее крыльев и арьергарда при намеренно ослабленном авангарде, широкое использование засад, стремление любыми средствами запугать врага, парализовать его волю. Не раз высказывалось мнение, что, например, Чингисхан часто устраивал во время походов облавные охоты не только чтобы пополнить запасы провианта, но и чтобы провести маневры (Кун, 1947. С. 27 сл.; Блаватский, 1954. С. 22; Пиков, 1983. С. 110; Morgan, 1986. С. 91). Некоторые эффективные приемы военной тактики кочевников были заимствованы земледельческими цивилизациями, например, печенежские хитрости – византийцами (Сокращенное сказание. 1859. С. 24, 30 сл.).

Однако появление в войнах с оседлым земледельческим населением тяжеловооруженной конницы уже в скифское время вызвало к жизни и другие тактические приемы: ближний или средний бой защищенных доспехами воинов иногда в самом начале схватки или после того, как легковооруженная конница расстраивала ряды противника. Такая тактика боя стала особенно широко использоваться сарматами и подчас даже называется «сарматской». И «скифская», и «сарматская» тактика имела свои преимущества и свои недостатки. Поэтому атака сплошной лавой постепенно сменялась координированными действиями отдельных крупных отрядов, в том числе и одновременными действиями отрядов легкой и тяжелой конницы, решавших самостоятельные тактические задачи. Получили распространение военные значки таких отрядов – стяги, бунчуки или наверхия на шестах, внушавшие

[158]

страх и позволявшие лучше ориентироваться на поле боя (Федоров-Давыдов, 1966. С. 35; Хазанов, 1971. С. 89; Липец, 1984. С. 83-84).

В принципе военная тактика кочевников была рассчитана на сражения в открытых местах, с разведкой и авангардными и арьергардными боями. Их традиционные защитные приемы не шли дальше выставления дозоров и устройства круговых лагерей, например, монгольских куреней, сооружаемых из юрт и телег-кибиток (Владимирцов, 1934. С. 37), или арабских дуаров из шатров с далеко вытянутыми веревками-растяжками, служившими препятствием для верховых врагов (Dickson, 1951. С. 51). В осаде настоящих укреплений, в частности городских стен, кочевники были несильны (см., например: Бартольд, 1963. Т. I. С. 401, 421). Но такие могущественные кочевые государства, как монгольское, уже без особого труда справлялись и с этой задачей. Как уже упоминалось, применялись различные осадные орудия: для опасных осадных работ использовались пленные; велся непрерывный штурм сменными пехотными (обычно спешенными) отрядами – у монголов китайскими или другими, а, скажем, у древних киргизов, как считает С.М. Абрамзон вслед за А. В. Бернштамом, своими собственными (Абрамзон, 1944. С. 170).

Основу военной организации составляли дружина предводителя, в раннеклассовом государстве превращавшаяся в лейб-гвардию правителя, и племенное ополчение, перераставшее в ополчение всех вошедших в состав такого государства племен.

Дружина, которой мы уже отчасти касались раньше, в разных кочевнических обществах не была однотипна. У монголов ее особенность состояла в том, что дружинники-нукеры служили вождям других, хотя порой и родственных, родов, причем не за вознаграждение, а только за военную добычу. У киргизов в состав традиционных сорока дружинников-чоро могли входить также и близкие родичи предводителя, и служба их была безвозмездной. У арабских бедуинов дружинниками – «людьми», или «всадниками», предводителя были и все его многочисленные родичи, и верные рабы или вольноотпущенники, и вольнонаемные слуги-телохранители, как правило, хотя и не всегда, из других племен (Владимирцов, 1934. С. 87; Абрамзон, 1944. С. 172; Першиц, 1961. С. 155-156). Таким образом, при всех различиях дружины обладали одной общей чертой: они если не целиком, то частично состояли из чужаков, на которых можно было опереться не только за пределами, но и внутри племени. В случае нужды для крупных военных действий собиралось общеплеменное ополчение, отдельные подразделения которого возглавлялись своими предводителями. В

[159]

него входили все боеспособные мужчины, составлявшие, как это видно на многочисленных примерах от хунну древности до афганцев нового времени, пятую часть соплеменников (Таскин, 1973. С. 5; Huffman, 1951. С. 43).

Подчас уже в предклассовых, но главным образом в раннеклассовых обществах военная организация кочевников принимала более упорядоченный и эффективный характер. Это, в частности, относится к тюрко-монгольским кочевникам Центральной и Средней Азии, в военной организации которых сочетались кочевнические черты с чертами, заимствованными у древних цивилизаций Китая и Передней Азии (см. в особенности: Allsen, 1987. С. 7 ff.). Войско не только разделено на центр и крылья – правое и левое, или не только на крылья, но и построено по десятичному принципу. У монголов это тюмены (десятки тысяч), мингганы (тысячи), ягуны (сотни) и арбаны (десятки) во главе с темниками, тысячниками, сотниками и десятниками. Принцип подсчета здесь был приблизительным, и десятичные подразделения более или менее совпадали с родоплеменными, особенно тогда, когда они составлялись из членов родственных или дружественных племен (Владимирцов, 1934. С. 102 сл.; Марков, 1976. С. 76-77). В то же время ясно, что потребность в таком членении могла возникнуть только при условии участия в военных действиях больших масс воинов, когда все бое способные мужчины считались военнообязанными. Например, у тех же монголов при завоевании Хорезма в армии насчитывалось 700-800 тыс. воинов (Morgan, 1986. С. 87). Всадники должны были являться с запасными (заводными и вьючными) животными – от двух у кара-киданей до пяти-шести у монголов, а также с собственным вооружением, хотя несостоятельным воинам могло выдаваться оружие из ханских, эмирских и т. п. арсеналов и, вообще, оказываться помощь. Последняя выделялась у монголов из специальной военной подати – кубчура, у арабских бедуинов после распространения у них ислама из налога для бедных – закята и т. д. Провиант для похода также должны были припасать сами воины. В случае необходимости пускали в пищу запасных животных, а монгольским кочевникам был известен и такой прием, как питьё крови из проколотой вены коня.

В раннеклассовых обществах кочевнические правители уже практиковали регулярные смотры войск и в первую очередь их ядра – собственной гвардии, проводили состязания и учения (Ахмедов, 1975. С. 104; Пиков, 1933. С. 109).

В составе войска кочевников выделялись не только крупные и мелкие предводители, которыми могли быть как традиционные

[160]

родоплеменные главы или особые военачальники, так и посаженные на их места старшие дружинники. Существовали, например у киргизов, представители особых, говоря современным языком, служб, такие, как вестники и проводники, кузнецы и оружейники, знатоки верховых животных и знахари, предсказатели и служители культа (Абрамзон, 1944. С. 171). О том, какое им придавалось значение, можно судить на примере службы связи. Если в таком догосударственном обществе, как казахское, обходились традиционными институтами хабарласу (обмен информацией) и узун-ку-лак (передача информации на расстояние), то в монгольской державе была введена регулярная почтовая повинность (Толыбеков, 1971. С. 129 сл., Morgan, 1986. С. 100).

5. Военизированность быта: некоторые черты психологии и идеологии

Как бы ни часты были у кочевников военные действия, они не были непрерывными. Но и паузы между ними нельзя назвать вполне мирными, так как они почти всегда использовались для подготовки к новым военным столкновениям. Постоянная угроза встречи с кровниками, повседневная необходимость защиты собственных стад и частое участие в грабительских набегах на чужаков или в вооруженных конфликтах из-за пастбищ и водоемов, – все это заставляло кочевников чувствовать себя воинами и быть готовыми к сражению всегда и везде. Можно сказать, что весь быт кочевника был военизирован, причем начиналось это а самом детстве и продолжалось до глубокой старости.

Одна из немногих дошедших до нас статей «Великой Ясы» Чингис-хана предписывала армейским бекам «хорошо обучать мальчиков стрельбанию из лука и верховой езде и упражнять их в этом искусстве и делать их смелыми и храбрыми» (Гурлянд, 1904. С. 68). И такие порядки существовали не только в военно-кочевых; империях. Так, у киргизов уже 6-7-летние мальчики учились ездить верхом сперва на баранах, а затем на жеребятках, для чего существовали специальные детские седла, позволявшие самостоятельно учиться верховой езде. Из детских луков стреляли птиц, позднее начинали охотиться на мелких зверьков, одновременно закаляясь ночевками в горах, вдали от селения. В системе воспитания подростков очень много внимания уделялось владению оружием, воинскому умению и мужеству. Достигнув лет в 14-15 совершеннолетия, киргизский юноша уже считался обычным всадником и воином (Абрамзон, 1944. С. 179). Кочевья свои киргизы

еще в середине XIX в. располагали так, чтобы можно было в короткое время подготовить целое войско к нападению или защите; у каждой юрты были воткнуты в землю пики (Radloff. 1893. С. 527).

О соседних тибетских кочевниках их исследователь Р. Б. Эквалл даже написал специальную работу, в которой он характеризует весь их образ жизни как подготовку к войне. Он выделяет в их быту следующие компоненты милитаризованности. Разведка – непрерывные поиски информации о возможной опасности или поживе путем личных наблюдений, опроса встречных и использования платных осведомителей. Мобилизованность – постоянно поддерживаемая готовность к бою лошади, сбруи и оружия, натренированность самого кочевника в применении сабли, пики и ружья, разбивке и снятии лагеря, а при возникновении военного конфликта мгновенное появление на месте сбора. Дозорная деятельность – окарауливание территории, каждодневное, но особенно тщательное при перекочевках на новые пастбища, когда оно ведется и на уровне племени, и на уровне лагеря, и на уровне каждой семьи. Другие приемы обеспечения безопасности – в частности, выбор наименее уязвимого места для стоянки, ночное окарауливание загнанного внутрь кругового лагеря скота, осторожность в разговорах с посторонними, которые могут оказаться осведомителями неприятеля и т. п. Мобильность – быстрота в сборах, передвижении, прогоне стад, выборе безопасного пути. Умеренность и неприхотливость в пище – привычка обходиться только самым необходимым и даже в холодном виде. Корпоративный дух – развитое чувство солидарности и долга, предполагающее дисциплинированность, надлежащие волевые и нравственные качества и безукоризненное знание своих товарищей по лагерю, их способностей и навыков, их лошадей и оружия, что также является одним из важнейших компонентов подготовки к предстоящей войне (Ekvall, 1961).

Есть немало других сообщений о значении, придаваемом военной подготовке и общей военизированной быта кочевников. У племен Фарса не только мужчины, но и женщины постоянно практиковались в верховой езде и умении владеть оружием; много внимания уделялось охоте, которая рассматривалась как репетиция боевых действий. «Человек, не искусный в этих занятиях, не пользуется уважением, и к нему относятся свысока» (Иванов, 1961. С. 96). Арабские бедуины при выпасе стад выставляли вооруженные дозоры, а при перекочевках разбивали лагерь так, чтобы поместить скот внутри лагеря; старались не расставаться с оружием и совершенствовались во владении им во время частых спортивных игр и состязаний; всегда были начеку, опасаясь

[162]

встречи с кровниками или грабителями. Даже и теперь из-за угрозы кровной мести бедуин «невероятно подозрителен и замкнут», и «уже детям внушают, что надо скрывать свое имя и название своего племени» (Штайн, 1981. С. 125).

Значение в жизни кочевников войны и общая военизированность их быта не могли не сказаться на их психологии и идеологии. Уже у скифов, как сообщает Геродот, удачливым воинам оказывался особый почет. «Раз в год каждый правитель в своем округе prepares сосуд для смешения вина. Из этого сосуда пьют только те, кто убил врага. Те же, кому не довелось еще убить врага, не могут пить вина из этого сосуда, а должны сидеть в стороне, как опозоренные. Для скифов это постыднее всего. Напротив, всем тем, кто умертвил много врагов, подносят по два кубка, и те выпивают их разом» (Нер. IV. 66). Близкий к этому обычай существовал у хунну (Таскин, 19686. С. 41). Такое отношение к воинской доблести и разбойной удаче сохранилось до нового времени. «Разбой, – писал М. С. Иванов о кашкайцах, – обычно считается не преступлением, а проявлением удалества и племенной доблести. Набеги совершались не только с целью получения добычи, но также и для того, чтобы доказать свою храбрость». Он же приводит свидетельство иранского исследователя племен Фарса М. Бахманбеги, по словам которого у них ограбление «посторонних даже поощряется как искусство и доблесть» (Иванов, 1961. С. 96). У аравийских бедуинов и по данным фольклора, и по наблюдениям путешественников XIX в. участвовать в военных набегах, быть харами (разбойником) считалось завидным и почетным (Burckhardt, 1831. С. 127; Hess, 1938. С. 98). Для туарегов в этом отношении показательна народная этимология названия высшего сословия – ахагга-ров: от ахег – грабитель (Duveyrier, 1864. С. 318; Foucauld. V. 2. С. 665). Престиж кочевника был настолько связан с его участием в военных предприятиях, и это участие настолько часто определялось одними только соображениями престижа, что некоторые авторы даже стали рассматривать бедуинские или туарегские грабительскиенабеги как подобие «спорта» или национального «развлечения» кочевников (Rodd, 1926. С. 187, 193; Montagne, 1947. С. 89; Rutter, 1930. С. 513, 515; Hitti, 1956. С. 33). На наш взгляд, вопрос здесь несколько упрощен. Набеги все же имели в основе социально-экономические мотивы, но, видимо, было бы одинаково неверно как сводить их только «к этим мотивам, так и абсолютизировать значение спортивно-развлекательных побуждений.

Сходные тенденции отмечены в области идеологии. Все народы, кочевавшие к северу от Великой Китайской стены, гордились

своей подвижностью и свободой и с презрением смотрели на тех, кто «трудится на коленях» (Jagchid, Symons, 1989. С. 175-176). О казахах В. К. Мейендорф (1975. С. 38) писал, что по их древним представлениям они «потеряют свою свободу с того времени, как поселятся в домах и предадутся земледелию». У арабов воинственные и независимые кочевники-бедуины с молоком матери впитывали презрительное отношение к полукочевникам, не говоря уже о полуоседлом и оседлом населении, которое они высокомерно называли райя (быдло). Себя они именовали ашраф, или асилин (благородные), и считали недопустимыми браки с райя, а коль скоро такие браки случались, детей от них называли ублюдками (Musil, 1928. С. 60. 136-137; Dickson, 1951. Gill). Издавна распространившееся среди бедуинов представление о превосходстве и благородстве настоящих кочевников вместе с кочевой знатью даже проникло в среду средневекового городского патрициата, приписывалось самому пророку Мухаммеду (Ibn Khaldun, 1863. V. I. С. 297) и отразилось в таких арабских поговорках, как «с оседлостью – конец славе». Сходное положение имело место у сомалийцев, у которых северные верблюдоводы с пренебрежением относились к саб – южным земледельцам и коровопасам, смешавшимся с автохтонным населением Африки. Первые считались знатью, вторые – чернью и даже были ущемлены в некоторых правах (Lewis, 1955. С. 16, 67; Калиновская, 1989. С. 147-148). У туарегов Сахары верб-люжатники-ахаггары, считавшие себя по преимуществу профессиональными воинами, свысока смотрели на козоводов-амгидов, традиционно рассматривавшихся как основные труженики в туарегском обществе и также ущемленных в некоторых правах (Lhote. 1955. С. 199, 373-374), Тем более презирали кочевые туареги оседлых земледельцев (Rodd, 1926. С. 127, 134, 173, 360).

В кочевниковедческой литературе на раз обращалось внимание на воинственность, даже агрессивность номадов и то особое место, которое занимала в их системе ценностей воинская доблесть. Эти черты кочевнической психологии получили различные объяснения уже в работах ученых конца прошлого и начала нашего века. Так, Л. Кржевицкий (1896. С. 123) связывал их с военизированным из-за постоянной охраны скота образом жизни, Ф. Ратцель (1902. Т. 1. С. 27) – с подвижностью и повышенной способностью к массовым действиям, немецкий географ Ф. фон Рихтхофен (Richthofen, 1908. С. 137) – с постоянной жаждой добыть то, чего кочевники не могли произвести сами. Эти объяснения, как и более современные (легкость захвата скота, недостаточная дискретность пастбищных земель – см., например: Cohen, 1968. С. 235 it; Goldschmidt, 1968.

[164]

С. 240) не исключают друг друга и каждое из них не лишено резона. Однако исторический подход к вопросу требует также учета того, что были номады и номады. Одно дело кочевнические общества более или менее независимые и даже господствовавшие в своем регионе и совсем другое – уже давно вошедшие в состав сильных централизованных государств. Говоря о военизированной-сти быта, воинственной психологии и идеологии, мы имеем в виду первые из этих обществ. В замиренной среде исчезла необходимость в повседневной милитаризованности быта и как следствие постепенно менялась психология. Так обстояло дело, например, с кочевниками Центральной Азии, Нижнего Поволжья или Средней Азии после того, как они длительное время входили в состав Китая, Российской империи или среднеазиатских ханств. Вот почему во второй половине XIX в. монголы характеризуются как «мирные» и «боязливые» (Потанин, 1985. Вып. 4. С. 659; Позднеев, 1894. С. 158-159; Роборовский, 1898. С. 39-40, 43), калмыки – как «миролюбивое племя людей, чрезвычайно по существу добродушных» (Воробьев, 1903. С. 6), кара-калпаки – как «миролюбивые» (Семенов, 1865. С. 496), туркмены . – как «безобидные» (Шевченко-Красногорский, 1910. С. 173) и т. д. И поэтому же в старой кочевниковедческой литературе даже можно встретить такие неправомерные обобщения: «пастушеский быт располагает к лени. ., вызывает инертность, отсутствие предприимчивости и воинственности... Как обитаемая кочевниками безграничная ровная степь, монотонна и однообразна их жизнь, лишенная жажды и привычки к военным приключениям» (Тутковский, 1915. С. 8-9).

Соответственно менялась система идеологических представлений. В государствах, в которых номады не занимали главенствующего положения и отодвигались на вторые роли, они уже не рассматривали себя как цвет общества, а окружающие видели в них маргинальные группы населения, часто «дикарей» и «варваров» (Pastner, 1971. С. 173 it; Дигар, 1989. С. 52-53). Классический и многократно приводившийся пример – эволюция значения слова тюрк в основанных тюркскими номадами государствах Малой Азии: из обозначения завоевателя оно в результате антикочевнической политики сельджукских и османских султанов превратилось в обозначение деревенщины, увальня, неуча.

Непреходящая военизированность быта и специфические черты психологии кочевников там, где их общество не эволюционировало в замиренной среде сильных оседло-земледельческих государств, заставляет сдержанно отнестись к выдвинутой Г. В. Марковым идее двух перемежающихся состояний общественной

[165]

организации номадов. Суть этой идеи в том, что в относительно мирное время интересы хозяйства способствовали автономизации кочевых общин и ослаблению племенных институтов власти, т. е. «общинной-кочевому» состоянию; в годы же войн и больших переселений хозяйственные интересы оттеснялись на второй план военными интересами, укреплялись высшие звенья племенной структуры, усиливалась власть вождей и вся организация переходила в «военно-кочевое» состояние (Марков, 1976. С. 3П-312). Разумеется, мирная и военная ситуации не могли не иметь своих особенностей хозяйственного быта, порядка кочевания, организации власти и т. п., и эти лежащие на поверхности особенности уже отмечались в литературе (см., например: Гумилев, 1961. С. 20-21). Но в том то и дело, что в кочевом обществе всякий мир был относительно и недолговременным: ежедневно приходилось ожидать если не большой войны, то заурядного военного набега. Номады всегда ощущали себя воинами и жили, хотя и с различной интенсивностью, военно-кочевой жизнью. Это очень удачно сформулировал уже А. Смит: «выступают ли они в поход как армия, кочуют ли они как пастухи, образ жизни их одинаков, хотя поставленные перец ними цели весьма различны» (Смит, 1935. 4. 2. С. 246).

III ФАКТОРЫ ВОЙНЫ И МИРА

1. *Предварительные замечания*

В этнологической литературе уже привлекалось внимание к тем или иным факторам войны (значительно реже – мира) в скотоводческом кочевье. Имеются и отдельные классификации таких факторов. Одна из последних и наиболее полных принадлежит английскому монголисту Дж. Флетчеру, который выделяет следующие причины военной деятельности кочевников: 1) алчность и хищническая природа номадов, 2) высыхание степи, 3) перенаселение, 4) разрыв торговых связей с оседлыми земледельцами, 5) потребность номадов в пополнении своих скудных жизненных ресурсов земледельческой продукцией, 6) стремление кочевой верхушки к созданию надплеменных политических образований и 7) престижные и идеологические соображения (Fletcher, 1986). Как мы увидим дальше, многие из перечисленных здесь факторов

обоснованны, но в целом этот перечень представляется недостаточно систематизированным. В частности, алчность или идеологические соображения всегда сопрягались с другими, более глубокими мотивами, а разрыв торговых связей и потребность в недостающей продукции – едва ли не одно и то же.

Мы здесь будем исходить из другой классификации, в основу которой положен предмет военных или мирных отношений как между самими кочевниками, так и между ними и их оседлыми соседями.

2. Личная и групповая безопасность

Как и во всяком другом обществе, в обществе кочевников человек не был избавлен от посягательств на его личность, честь и собственность. Сюда относились убийство и причинение увечий, соблазнение, изнасилование и похищение женщин, порча и кража имущества. Разумеется, уже в предклассовых кочевнических обществах существовали отработанные механизмы обычно-правового регулирования последствий подобных действий, и речь о них будет дальше. Кочевническая специфика состояла в том, что в условиях рассредоточения кочевников на широких пространствах степей и пустынь и замедленного складывания политической организации приходилось больше рассчитывать на собственные силы и солидарность близких. Соответственно на этой почве постоянно возникали вооруженные конфликты, из индивидуальных часто перераставшие в коллективные. Наиболее острые из них принимали характер кровной, или родовой, мести, на правомерности включения которой в рамки нашей темы мы остановимся при характеристике видов войны.

Вооруженные конфликты чаще всего возникали из-за убийств и причинения увечий, которые в рассматриваемых обществах были, можно сказать, обычным делом. Многие из них были непредумышленными и являлись прямым следствием общей военизированной быта: наличия большого количества оружия, поголовной вооруженности мужчин, военных игр детей и состязаний взрослых, частых облавных охот, грабительских набегов и т. п. (см., например: Иванов, 1961. С. 112). Но и умышленные преступления такого рода были достаточно часты, что А. Я. Гуревич применительно к варварским обществам вообще, видимо, правильно связывает со своеволием личности в переходном обществе, где рвутся и перестраиваются социальные связи (Гуревич, 1970. С. 119-120, 122-123).

Сравнительно более редкими были конфликты из-за соблазнения, изнасилования или похищения женщин, что во многих

обществах номадов, если дело не улаживалось полюбовно, приравнивалось к убийству и влекло за собой кровную месть. Столкновения возникали в результате нарушения брачных правил – как экзогамных (например, у ногайцев – Гаджиева, 1979. С. 60), так и эндогамных (например, у арабских кочевников – Burton, 1893. V. 2. С. 84; Daghestani. 1932. С. 21; и др.), вследствие похищения невесты у ее родни по соглашению с ней самой или настоящего насильственного умыкания, которое нередко сопровождалось изнасилованием. Случались изнасилования и при грабительских набегах, в частности, в туарегских вождествах, где это, вопреки запрету рыцарственных ахаггаров, позволяли себе простолюдины-амгиды (Rodd, 1926. С. 187).

Имущественные конфликты по большей части возникали из-за кражи чужого скота, и если стороны не приходили к соглашению, могли иметь далеко идущие последствия. Например, обиженная сторона прибегала к особому обычно-правовому институту, называвшемуся у казахов и киргизов барымта, широко практиковавшемуся и у других тюркских народов (и не только у них – у калмыков, народов Кавказа, племен Южного Ирана и т. д.) и известному в русской литературе как баранта, или барантование. Баранта заключалась в демонстративном захвате стада, реже другого имущества, как бы аресте этого имущества, чтобы принудить обидчиков выполнить положенное, включая сюда решение медиаторского суда (Небольсин, 1852. С. 129; Левшин, 1832. Т. III. С. 170 сл.; Зима-нов, 1958. С. 133-134; Иванов, 1961. С. 100). Она требовала соблюдения определенных правил, например должна была происходить, по одним данным, только в дневное время, по другим – с обязательным объявлением о содеянном. В то же время баранта могла сопровождаться насилиями (скажем у казахов пастухов привязывали к деревьям, бросали в воду и т. д.), повлечь за собой ответную баранту и тогда она принимала новые формы, мало чем отличаясь от войны (Гродеков, 1689. Т. I. С. 171; Толыбеков, 1971. С. 360).

По общему правилу эти и им подобные конфликтные ситуации по-разному складывались внутри и за пределами политий, во внутригрупповой и межгрупповой среде. Правда, даже внутри определенной политий, в условиях сегментарной организации дифференцировать внутригрупповые и межгрупповые отношения не всегда просто. Групповая солидарность часто могла определяться только *ad hoc*. Скажем, если конфликт происходил в максимальном линидже, то выступали друг против друга большие линиджи, если в большом линидже, то малые линиджи и т. д. При этом чем уже был родственный или общинный коллектив, тем больше он был заинтересован во внутреннем мире. В самых узких

[168]

коллективах – минимальных линиджах даже по большей части не существовало кровной мести или композиций, и главным фактором мира была сама солидарность. В коллективах пошире личная и групповая безопасность в той или иной мере обеспечивались либо кровной мезтью и композициями, либо с возникновением на стадии вождеств более или менее сильной публичной власти, штрафами и другими наказаниями. Менее всего личная и групповая безопасность могла быть обеспечена за пределами своей политики, хотя и в этом случае действовали такие сдерживающие факторы, как кровная мезть или наличие могущественного покровителя.

3. Движимое имущество

Чаще всего объектом военных столкновений у кочевых скотоводов было их основное имущество – скот. Скот отчуждается настолько легко, а причины поправить свои дела за счет чужих стад настолько многочисленны, что взаимный грабеж скота у номадов считался самым обычным и естественным делом. «Скот принадлежит лютому бурану и сильному врагу», – гласила казахская пословица (Толыбеков, 1955. С. 82).

Захват чужих стад предпринимался теми, кто терял свои собственные в результате засух, налетов саранчи, гололедец, снежных заносов (джутов), эпизоотии. Чужой скот воровали или грабили и тогда, когда не хватало своего, чтобы уплатить пеню за кровь, выкуп за невесту, устроить праздник по случаю обрезания сына и т. п. Сегодня одна группа номадов поправляет свои дела за счет другой, назавтра они нередко менялись местами. С этой точки зрения можно говорить о своего рода постоянном обмене скотом, однако не «вредном», как определяли его некоторые бытописатели, в частности, казахских или арабских кочевников (Левшин, 1832. 4. 1. С. 85; Doughty, I. С. 345), а скорее необходимым, обусловленным экологически, нередко также и социально.

Подчас противопоставляют грабеж только скота, образец чего видят в арабском газу или в казахской либо киргизской барымте, другим грабежам, не столь избирательным и целенаправленным (Khazanov, 1984. С. 156). Конструкция эта представляется небесспорной. Во время газу бедуинов на бедуинов грабили главным образом скот, но не только скот: не брезговали и оружием, утварью, съестными припасами, рабами (Васильев, 1982. С. 39). Что касается барымты, то не следует смешивать уже известный вам обычно-правовой институт захвата в залог скота с грабительским набегом преимущественно (но также не исключительно) за скотом, хотя

[169]

они и обозначались одним и тем же термином. Во время барымты как грабительского набега, как и во время газу, захватывали все, что представляло ценность и могло быть захвачено (Рычков, 1772. С. 26; Паллас, 1773. Т. I. С. 579-580; Валиханов, 1904. С. 173; Вяткин, 1947. С. 129; Абрамсон, 1971. С. 163).

Предметом грабежей могли быть также полоняники, хотя, как правило, в меньшей степени, чем скот. Здесь, правда, у различных групп номадов не было единообразия, но у большинства их, в соответствии с ролью рабского труда в кочевом скотоводческом хозяйстве, дело обстояло именно так. Недаром имеется немало сообщений о том, что захваченных в плен, в особенности мужчин, кочевники убивали или адоптировали, т. е. поступали с ними так же, как это делалось в классической первобытности (Сокращенное сказание..., 1859. 4. 1. С. 334; Куник, Розен, 1878. 4. 1. С. 60; Путешествия в восточные страны..., 1957. С. 32-33), или в скором времени превращали в вольноотпущенников (Аннинский, 1940. С. 91; Вяткин, 1947. С. 134-135; Першиц, 1961. «С. 102 сл.), или же, чаще всего, отпускали за выкуп либо продавали в земледельческие области (Федоров-Давыдов, 1966. С. 221-222; Першиц, 1968. С. 326; Агаджа-нов, 1973. С. 120). Вероятно, играла свою роль степень социально-политического развития кочевых обществ, варьировавшая от небольших вожеств до кочевых империй, и как производное от нее – количество захватываемых полоняников. В частности, очень широко практиковали захват полоняников монголы со времен Чингис-хана специально для того, чтобы отпустить их за выкуп (Jagchid, Symorts, 1989. С. 185). Тем более в кочевнических политиях имелись достаточно веские причины если не устраивать специальные набеги за полоняниками, то захватывать их во время набегов вообще. Характерно такое приводимое Б. А. Ахмедовым свидетельство летописца Шайбини-хана – Рузбехана о том, что во время междоусобных походов среднеазиатских кочевых правителей не только захватывали скот и другое имущество, но и продавали в рабство полоняников. «Если кто отвергает (подобное), говоря: «Зачем же ты продаешь(в рабство) свой собственный народ?» – то на это удивляются и говорят: «Да этот человек на самом деле сумасшедший Он брезгует военной добычей» (Ахмедов, 1965. С. 86).

Известны примеры того, что в качестве основной добычи грабительских набегов рассматривались именно полоняники. Таковы были туркменские аламань на соседнее как кочевое, так и оседлое население, важнейшим объектом захвата в которых «были пленники (особенно пленницы) и скот» (Росляков, 1955. С. 44). Еще более характерны в этом отношении рейды сахарских туарегов за

[170]

черными невольниками в Судан, где полоняники в большом количестве захватывались как для собственных нужд, так и собственно для перепродажи. Напротив, при набегах туарегов на другие туарегские, тибусские и арабские пленены полоняников брали не всегда, а если брали, то скорее попутно. По-видимому, грабежи специально для захвата полна были связаны с организацией крупномасштабной работорговли. Известно, что этим широко занимались туркменские ханы. Что касается туарегов, то, как мы уже знаем, они играли крупную роль в доставке суданских рабов на побережье Средиземного моря.

Если скот захватывали преимущественно в других кочевых племенах, а полоняников – как у других кочевников, так и у оседлого населения, то такое движимое имущество, как продукция земледелия и ремесла, добывалось главным образом у оседлых соседей. Практика подобных грабежей имела самое широкое распространение. Это и понятно: если кочевье не страдало от стихийных бедствий, то ему больше всего не хватало именно нескотоводческой продукции. Например, древние монголам, по Б. Я. Владимирцову, первую голову не доставало «муки и оружия», а кроме того, всяких «предметов роскоши» и прежде всего тканей (Владимирцов, 1934. С. 43). Прямые сообщения о военных набегах с целью захвата такого рода продукции имеются применительно к монгольским (Владимирцов, 1934. С. 129), тибетским (Ekvall 1968. С. 52-53), белуджским (Никулин, 1959. С. 29; Spooner, 1975. С. 177), арабским (Burckhardt, 1831. С. 234 Я.), туарегским (Lhotl, 1955. С. 224) и другим кочевникам.

Захватку скота и людей по существу не было сколько-нибудь прочной мирной альтернативы: даже уплата дани не гарантировала от грабежей. Иначе обстояло дело с насильственным отчуждением земледельческой и ремесленной продукции, которое заметно сокращалось там, где получал развитие мирный торговый обмен. Обменные связи между степью и оазисом, основанные на общественном разделении труда, завязались уже вместе с возникновением кочевого скотоводства и имели место на протяжении всей древности, средневековья и нового времени. Причем особенно нужны они были именно кочевникам, так как оседлое население в принципе могло довольствоваться своими собственными средствами к жизни.

У Великой Китайской стены где на протяжении двух тысячелетий кочевой мир соприкасался с Поднебесной империей, как правило, сами кочевники добывались пограничной торговли. Китайцы в зависимости от внешней политики тех или иных династий и

[171]

императоров поощряли или запрещали эту торговлю, что вместе с некоторыми другими обстоятельствами в значительной степени влекло за собой войну или мир на границе (Jagchid, Symons, 1989. С. 36). Так же обстояло дело в других областях оседло-кочевнических контактов. В. В. Бартольд даже высказал мысль, что монгольское завоевание Малой Азии было ускорено действиями хорезм-шаха Мухаммеда, который перекрыл торговые пути из степей в Мавераннахр (Бартольд, 1963. Т. I. 4. 1. С. 467-468). Когда в начале XVI в., по словам летописца, со стороны Шейбани-хана «временами следовали августейшие указы, чтобы жители Туркестана не общались с казахскими купцами, между ними и жителями тех городов не было взаимных посещений и не производились торговые сделки», кочевники учащали грабежи (Ахмедов, 1965. С. 110). На Среднем и Ближнем Востоке, где кочевники были еще больше заинтересованы в обмене продукцией, их торговые связи в еще большей степени были фактором поддержания мира. Это показано применительно к кашкайцам (Garrod, 1946a. С. 294), туарегам (Benhazera, 1908. С. 68) и особенно детально – арабским кочевникам. У бедуинов ежегодное появление у городов и селений с целью обмена продукцией называлось мусабила и считалось величайшим делом всего года. Рынки обменных операций были строго разграничены, из-за них могла вестись борьба, недостаточная покладистость оседлых партнеров также могла послужить причиной вооруженных столкновений. Так, Кувейт считался торговой вотчиной мутайр, недждских субаа, хавазим, северных аджман, восточных харб и части шаммаров. Большая часть шаммаров вела обманный торг в оазисах Джебель Шаммара, а после паления этого эмирата и своей эмиграции в Ирак – в городах и селениях по среднему течению Евфрата. Здесь же собирались летом зафир и амарат, в то время как руала вначале приходили к Аль-Джауфу, а позднее – к Дамаску. Вельд Али и фукара являлись в Хейбар, атайба – в Аназу, субаи – в Хурму и т. д. и т. п. (Doughty, 1888. V. I. С. 529; Guarmani, 1938. С. 42; Philby, 1922. V. I. С. 170; Dickson, 1951. С. 49; Dickson, 1956. С. 226 if.).

Торговый обмен способствовал поддержанию мира, но гарантией мира он не был. Подробнее этот вопрос будет рассмотрен дальше.

4. Земельные владения

Как мы видели, земельными владениями кочевников были пастбища с расположенными на них водными источниками, а нередко также обрабатываемые земли и караванные пути. Все это могло

[172]

быть объектом как военных действий, так и мирных контактов кочевых племен между собой и с их оседлыми соседями.

Свидетельства о порядках, относящихся к использованию номадами пастбищ и водоемов, очень разноречивы. С известной долей огрубления они подразделяются на три группы: пастбища -»ничья» земля, находящаяся в распоряжении всех кочевников; пастбища строго разграничены между определенными объединениями кочевников; пастбища – как общие, так и разграниченные владения. То же по большей части относится к расположенным на пастбищах водным источникам.

Вот несколько выразительных свидетельств первой группы. В конце прошлого века русский чиновник И. И. Гейер писал о казахах Сырдарьинской области: «...свободный сын степи, казах, не может еще усвоить себе священного значения межи. Он привык, что трава, вырастающая в степи, составляет общее достояние всех, имеющих скот» (Гейер, 1804. С. 70). По данным Г. Е. Маркова, тогда же у хивинских туркмен «при обширности пастбищ и редком населении землепользование скотоводов в степи никем не регулировалось, и каждая кочевая группа пасла свой скот в тех местах, где было удобнее» (Марков, 1976. С. 22 -226). Наконец, у бедуинов северозападной Аравии, по свидетельству их бытописателя А. Жоссана, в начале нашего века «пастбища принадлежали всем номадам», хотя и с «преобладающим правом для племени, на территории которого они находились» (Jaussen, 1908. С. 240; ср.; Stein, 1967. С. 130).

Намного многочисленнее свидетельства второй группы. У тех же казахов и в тот же самый период, как утверждал другой современник, малейшее уклонение племени от пути, которым ходили его предки, уже «считается достаточным предлогом для войны» (Мак-Гахан, 1975. С. 42). У бедуинов Северной Аравии каждая область «в ходе веков перешла в более или менее исключительную собственность того или иного племени, во владения которого без особого на то разрешения не рискнет вступить ни одно другое племя» (Wallin, 1854. С. 122; ср. Tanisier, 1840. С. 256), Аналогичные сообщения имеются по белуджам (Pehrson, 1966. С. 8), арабским кочевникам Судана (Asad, 1970. С. 13), северным сомалийцам (Lewis, 1955. С. 331-332) и т. д.

Наконец, в третьей и, пожалуй, самой многочисленной группе свидетельств пастбища предстают как общее владение племени, более или менее постоянно разграниченное между его подразделениями. Это относится к монголам (Владимирцов, 1934 С. 47, 56), опять-таки к казахам, у которых никто «не рискнет переступить отведенной для его рода межи» (Завадский-Краснопольский, 1874.

[173]

С. 15), кашкайцам, пастбища которых ежегодно перераспределялись по внутриплеменным группам (Ullens de Schooten, 1956. С. 90, 101, 102), бахтиярам, кочевавшим на земле, выделенной их родам (Трубецкой, 1963. С. 167), большинству бедуинских племен Аравии и сопредельных арабских стран (Першиц, 1961. С. 72), а также к ряду других кочевых обществ.

Противоречивость этих свидетельств может иметь под собой различные основания. В одних случаях не исключена неадекватность в воспроизведении полевой информации, в других могло сказываться неоднобразие принятых у разных групп кочевников обычно-правовых норм, что, в свою очередь, зависело от общей обеспеченности пастбищами, их состояния в разные годы и сезоны, размера племен и родов и т. п. Однако как бы ни характеризовалось пользование пастбищными землями в тех или иных сообщениях, очень многие из последних сопровождаются упоминаниями о раздорах и столкновениях из-за этих земель.

Сведения об этом восходят уже к древности. У Сыма Цяня есть, вероятно, несколько гиперболизированный рассказ о том, как относился к земле первый шаньюй хунну Модэ (Маодунь). Соседние кочевники дунху, узнав о междоусобице у хунну и желая ею воспользоваться, потребовали себе у них лучшего коня. Старейшины хунну стали протестовать, но Модэ сказал: «Разве можно жить рядом с другим государством и жалеть для него одного коня?» и отдал. Затем дунху потребовали одну из шаньюйских жен. Старейшины снова возмутились, но Модэ сказал: «Разве можно жить рядом с другим государством и жалеть для него одну женщину?» и отдал. Тогда дунху потребовали себе полюсу брошенной пограничной земли. На это некоторое из старейшин сказали: «Это брошенная земля, ее можно отдать и можно не отдавать». Но Модэ возразил: «Земля – основа государства, разве можно отдавать ее» и приказал всем, проявившим такое равнодушие, отрубить головы (Таскин, 1984. С. 296). Подобным же образом обстояло дело у средневековых кочевников Евразии: так, по летописным данным, у печенегов и половцев шла острая борьба за передел пастбищ (Иванов, 1936. С. 14). У кочевых узбеков самовольное пользование чужими пастбищами нередко вело к войне (Ахмедов, 1965. С. 91). В новое время у киргизов «война происходила больше всего из-за пастбищных мест» (Семенов, 1911. С. 21), а у казахов из-за пастбищ «никогда не было мира» (Павлов, 1910. С. 5). Борьба за лучшие пастбища шла и у туркменских племен (Марков, 1978. С. 224). На Ближнем Востоке арабским бедуинам уже в древности приходилось защищать хорошие пастбища, а в новое время из-за них

[174]

происходили постоянные конфликты и велись войны. Нарушить границы чужой пастбищной территории, по абсолютно преобладающим сообщениям, можно было только с разрешения ее владельцев, которое обычно давалось лишь дружественным племенам, в определенные сезоны или в случае стихийных бедствий, а также там, кто просил покровительства или платил за выпас особую компенсацию (Jacob, 1897. С. 211-212, Burckhardt, 1831. С. 118, Raswan, 1930. С. 494, Braaunlich, 1933. С. 104, El-Aref, 1938. С123).

На отгонные пастбища и поля своих оседлых соседей номады, как правило, не протанцевали, хотя почти повсеместно пользовались ими, прикочевывая к селениям и городам для торговых операций. Здесь имел место своего рода обмен деятельностью. Кочевники выпасали скот на стерне, или на полях, оставленных под паром, которые зато обильно удабривались навозом. Подчас это даже способствовало смягчению напряженности и установлению добрососедских отношений между кочевым и оседлым населением (Першиц, 1961. С. 31; Дигар, 1989. С. 40).

Так же, как и с пастбищами, обстояло дело с расположенными на них водоемами – и теми, что находились в коллективном, и теми, что были в частном владении. Право пользования ими в зависимости от обстоятельств могло быть преимущественным или исключительным, но, как правило, оно строго фиксировалось, в том числе тамгами владельцев. Нарушение этих прав вопреки существовавшим обычаям, например, у кочевников Аравии, Сирии, Ки-ренаики, Мавритании, влекло за собой те же последствия, что и нарушение прав на пастбищные территории (Burckhardt, 1831. С. 185; Cole, 1975. С. 30; Evans-Pritchard, 1949. С. 36; Stewart, 1973. С. 382).

Мотивом для военных столкновений могли быть также посягательства на принадлежавшие номадам обрабатываемые земли. Такие столкновения не всегда были ожесточенными, например, если они возникали из-за нерегулярных богарных посевов, практиковавшихся сахарскими туарегами в увлажненных руслах дождевых потоков, казахами на зимниках и т. п. Но они могли принимать характер кровопролитных войн, если дело касалось ценных, в особенности орошаемых, земель в оазисах, что имело место, например, у тех же туарегов, арабских бедуинов или пуштунов (Duveyrier, 1864. С. 372; Philby, 1922. V. 2. С. 164; Рейснер, 1954. С. 92).

Там, где через земли кочевников проходили караванные пути, именно они могли стать главным яблоком раздора между племенами или между кочевыми и оседлыми правителями. Показательно в этом отношении положение в Северной Аравии и Сирийской пустыне, где шла борьба за путевую пошлину не только с

[175]

торговцев, но и с многочисленных паломников. На протяжении XVIII и XIX веков турецкие власти не раз пытались прекратить уплату кочевникам этой пошлины, но все их попытки оставались безуспешными. Так, например, когда в 1756 г. дамаский паша обезглавил явившихся к нему за пошлиной шейхов хиджазского племени харб, через короткое время 80-тысячное ополчение бедуинов разбило охрану очередного каравана и принудило турок возобновить выплату денег. Когда в 1897 г. те же харбские шейхи не получили своей пошлины, они блокировали Медину и вызвали в ней жестокий голод (Niebuhr, 1780. V. 2. С. 179; Volney, 1796. V. 2. С. 134 ss.; Давлетшин, 1890. С. 22). Сахарские туареги соперничали между собой и с тиббу за контроль за путями работорговли и торговали солью между Суданом и Северной Африкой (Капо-Рей, 1958. С. 267). Существует мнение, что в Северной Африке, где караванные артерии играли не меньшую роль, чем в Юго-Западной Азии, борьба за них была истинной причиной многих войн, завоеваний и даже возникновения некоторых кочевнических государств (Khazanov, 1984. С-210).

5. Политическая гегемония

Одним из важнейших факторов войны или мира почти всегда была политическая гегемония в регионе. Кочевники боролись за нее как с другими кочевниками, так и с оседлым населением; последнее, в свою очередь, стремилось подчинить себе кочевников.

Борьба за политическую гегемонию между номадами принимала самые различные формы. Это было и соперничество из-за ключевых экономических ресурсов или стратегических позиций, и стремление увеличить размеры и мощь своих политических образований, и подчинение более слабых племен. Такая борьба велась во всех регионах кочевого скотоводства на всем протяжении их истории, имея своим результатом в одних случаях частично истребление или изгнание, частично же – инкорпорацию или ассимиляцию, в других – установление отношений господства-подчинения.

Держава хунну распространила свою власть на огромную территорию благодаря тому, что первый шаньюй Модэ «на востоке разбил дунху, на севере покорил динлинов и предков современных киргизов, а на западе прогнал юэчжи» (Таскин, 1973. С. 5). Скифы в Северном Причерноморье одну часть киммерийцев вытеснили, другую же часть инкорпорировали в свой состав (Хаза-нов, 1975. С. 207). В средние века в южнорусских степях печенеги уступили гегемонию теркам, торки – половцам (кипчакам), половцы – монголам. Даже в XIX в. в Казахстане до утверждения здесь русской

[176]

администрации правители-султаны захватывали чужие владения, расширяя сферу своей власти (Зиманов. 1958. С. 190). И т. д. и т. п.

Не менее общеизвестны примеры установления между кочевыми племенами отношений господства-подчинения. Поэтому остановимся только на очень специфичной ситуации, когда возникновение таких отношений было связано с определенными формами разделения труда между различными группами скотоводов. Эта ситуация отчетливее всего выражена у арабских, сомалийских, туарегских кочевников.

У арабских бедуинов, как мы знаем, собственно кочевники-верблюдоводы в военном отношении были намного сильнее полукочевников-овцеводов. И если набеги первых из них друг на друга в принципе не давали им долговременных преимуществ, то их набеги на полукочевников, как правило, не грозили ответными набегами. Поэтому за беспрепятственную пастьбу скота и защиту от грабежей со стороны других племен полуномадам приходилось платить постоянную дань номадам. Как писал один из наиболее компетентных полевых исследователей, «вплоть до конца первой мировой войны это еще относилось к большинству окраинных племен Сирийской и Месопотамской степи» (Oppenheim, 1939. С. 23). И дело не всегда сводилось к одной дани. Доминирующие в данном районе племена получали «дополнительные подарки», «щедрое угощение» и всякого рода «помощь» (Burckhardt, 1831. С. 157; Wallin, 1854. С. 122). Местами, как, например, в Северо-восточной Аравии, зависимые племена были обязаны своим суверенам военной службой (Dickon, 1951. С. 434, 444, 582). Понятно, что за таких зависимых данников между бедуинами шла борьба, в ходе которой сферы властвования отчасти менялись.

Так же обстояло дело у сомалийцев, у которых северные верблюдоводы подчинили себе южных полукочевников-саб, и во всей Северной Африке, где арабские верблюдоводческие племена в результате междоусобной борьбы установили гегемонию над определенными племенами арабских и берберских полукочевников, а туареги-ахаггары – над туарегами-амгидами. У последних ахагге-ры в любое время могли получить от амгидов в безвозмездное временное пользование пастбища и скот, продовольствие во время совместных кочевок, ежегодную дань, долю от добычи в грабительских набегах и т. д. (Benhazera, 1908. С. 139; Lhote, 1955. С. 194; Nicolaisen, 1963 С. 404).

Не меньшее, если не большое, распространение имела борьба за политическую гегемонию над оседлыми и полуоседлыми соседями. Претензии на нее, и часто не безуспешные, объяснялись

[177]

уже не раз упоминавшимся военным превосходством номадов и соответственно трудностью (хотя отнюдь не невозможностью) ответных карательных экспедиций. Не случайно оседлые цивилизации, граничившие с крупными кочевническими массивами, обычно предпочитали оборонительную тактику, свидетельства которой стали такие сооружения, как Великая Китайская стена или римский Пограничный вал в Северной Африка, Дербентская стена в Дагестане или линия валов и засек на границе со степью на Руси. Однако эти сооружения помогали далеко не всегда и не полностью. Северный Китай периодически в той или иной мере грабили все его кочевые соседи. То же можно сказать о русских, польских и литовских землях, оазисах Средней Азии, земледельческих областях Афганистана, Ирана, Арабского Востока и субсахарской Африки. Особенно долго продержалась подобная практика на Ближнем Востоке – в ряде стран до 1920-х годов, когда местные государства или европейская администрация, часто только с помощью авиации, установили эффективный контроль за такими аридными зонами, как Большой Нефуд или Сирийская пустыня (см., например: Montagne, 1932. С. 72; Oppenheim, 1952. С. 23).

Как всегда, слабейшая сторона или сторона, более заинтересованная в поддержании мира, чтобы избавиться от нападений и грабежей, соглашалась на уплату дани.

Дань с оседлых селений, оазисов и городов взималась самыми различными кочевническими политическими образованиями – от племен до империй. В Аравии даже одно из самых слабых бедуинских племен – фукара получало ежегодную дань с полуоседлого племени джухайна и с жителей городков Тайма и Аль-Ала, а более сильное племя хувайтат ибн джази – с полуоседлых племен шарарат, хамайда и джанабра, с селений Шубак, Наимат, Лиятна и Гур, с городков Маан, аль-Джауф и Тайма. Бедуинские племена боролись между собой за право взимания дани с полуоседлого и оседлого населения, устраивая настоящие сражения, деля между собой гегемонию и даже устанавливая нечто вроде кондоминиумов (Huber, 1891. С. 485; Oppenheim, 1900. С. 211, Sykes. 1907. С. 250, Musil, 1908. С. 52 ff.; Jausen, Savingnac, 1914. С. 8,48). В Сахаре главы туарегских племен и вождей взимали дань с таких городов, как Гат, Гадамес, Ин-Салах, заставляя дорого платить за безопасность земледелия, ремесленной деятельности и особенно торговли. При этом одни вожества, как Кель Аджер, установили протекторат над Гатом и Гадамесом, а другие, как Кель Ахагар, -над Ин-Салахом (Duveyrier, 1864. С. 266, 273; Бернар, 1949. С. 339). В Средней Азии казахские ханы время от времени облагали

[178]

данью сырдарьинские города (Левшин. 1832. 4. 2. С. 80 сл.; Добромы-слов, 1900. С. 61-62). В южнорусских степях половцы получали дань с Судака и Тмутаракани, которые поэтому иногда даже назывались «команскими» городами (Федоров-Давыдов, 1973. С. 77).

Тем более такие порядки устанавливались крупными древними и средневековыми кочевническими объединениями и государствами. На протяжении почти всей истории Скифского царства кочевые скифы держали в даннической зависимости земледельцев и горожан Северного Причерноморья, получая от них ремесленные изделия, съестные припасы и вспомогательные контингенты войск (Хазанов, 1975. С. 154 сл.). Еще более обширные и выразительные сведения имеются о дани, взимаемой хунну с Китая, Даваня, Хэсу и других земледельческих стран, откупавшихся от кочевых соседей главным образом земледельческой и ремесленной продукцией (Бичурин. 1950. Т. I. С. 216, 218; Т. II. С. 155, 161, 190 сл., 233; Таскин, 1968а. С. 42, 45 сл.; Таскин, 1973. С. 22, 64, 126). О положении, сложившемся в результате монгольского нашествия на русские земли, говорить не приходится – оно достаточно хорошо известно. «На Руси власть монголов свелась к сбору дани» (Федоров-Давыдов, 1973. С. 26).

Борьба за подчинение оседлых областей могли иметь и намного дальше идущие последствия, нежели получение дани. Под напором соседних племен кочевники вторгались в земледельческие области, не только захватывая отгонные пастбища, но и превращали в пастбища обрабатываемые земли. Так было при монгольском нашествии в Северном Китае и Маньчжурии (Рашид ад-Дин, 1052. С. 279; Владимирцов, 1934. С. 125), Семиречье (Бартольд, 1963. Т. II. С. 153). Ираке (Coon, 1976. С. 148), Кандагаре (Рейснер, 1954. С. 31), при арабском завоевании Северной Африки (Julien, 1956. С. 45) и т. д. Там, где сохранялись земледелие и земледельческое население, последнее нередко подвергалось феодальной эксплуатации (см., например: Barth, 1962. С. 346; Першиц, 1961. С. 137 о Передней Азии; Рейснер, 1954. С. 110, 146 об Афганистане). При этом арабские шейхи, монгольские нойоны, тюркские ханы зачастую основывали новые правящие династии и воцарялись как над кочевым, так и над оседлым населением (Rosenfeld, 1965; Lattimor, 1951; Fernea, 1970).

Однако было бы неверным считать, что в борьбе за политическую гегемонию кочевники всегда были активной, а оседлое население пассивной стороной. Уже в древности и в эпоху расцвета кочевничества – в средневековые земледельческие цивилизации нередко переходили в контрнаступление и ограничивали свою

[179]

кочевую периферию в ее грабительских аппетитах или даже подчиняли ее себе совсем. В I в. н. э. в правление китайского императора Гуан-у южные хунну изъявили покорность, а северные прислали просить о мире. Советники императора говорили ему: «Сейчас у варваров люди и скот умирают от болезней, засухи, и саранча оголила землю, болезни и трудности подорвали силу варваров, они стали слабее одного округа в Среднем государстве... Прикажите известным военачальникам выступить к укрепленной линии, объявите о щедрых наградах за переход на Вашу сторону, подучите Гаоцзюйли, ухуней и сяньбийцев напасть на сюнну с Востока, пошлите цянов и хусцев... напасть на них с запада, и если Вы поступите так, не пройдет и нескольких лет, как северные варвары будут уничтожены» (Таскин, 1973. С. 149).

Сходная ситуация всегда возникала тогда и там, где баланс сил складывался не в пользу кочевников или был переменным – на границах римских владений в Африке или Восточной Римской империи, сасанидского Ирана или Мавераннахра, России и т. д. Правители оседлых государств стремились подчинить себе кочевые племена, в одних случаях ослабляя их междоусобными войнами или используя одних против других (в частности, расселяя их на своих границах в качестве охранных отрядов), в других – взимая с них дань или включая их земли в свои владения с последующим обложением фиксированными податями. При этом существенное значение играла относительная сила и степень централизации того или иного государства. В древнем и средневековом Китае, в Средней и Малой Азии, в Иране, Афганистане и Индии, в древней Руси в отношении кочевых племен чаще всего применялась политика «разделяй и властвуй» с использованием этих племен в качестве военной силы, пограничных отрядов и т. п. (см.: Jagchid^ Symons, 1989. С. 56, 115; Бартольд, 1963. Т. I С. 413, 445; Плетнева, 1958. С. 218-219; Брегель, 1961. С. 179; Рейснер, 1954. С. 54-55), Поскольку вожди кочевых племен в этих случаях очень часто превращались в один из слоев господствующего класса (например, в Северной Африке, Иране, Афганистане – Julien, 1956в. С. 118; Петрушевский, 1949. С. 312 сл.; Рейснер, 1954. С. 63), или даже обычной бюрократии (например, в Маньчжурской империи -Ширендыб, 1975. С. 230; Козлов, 1947. С. 172-173), центральные власти провоцировали также конфликты между кочевым и оседлым населением. Различные стадии и вариации борьбы оседлых и кочевых правителей за политическую гегемонию хорошо видны в одном из последних обширных очагов сосуществования оседлости и номадизма – во внутренней Аравии.

[180]

Уже в первом Саудовском государстве, просуществовавшем с середины XVIII по первые десятилетия XIX в., неждские эмиры санкционировали традиционную власть бедуинских шейхов, но стали взимать установленную исламом подать-закят в том числе и с кочевых племен, обязали их воинской службой и запретили грабительские набеги. Однако племенная оппозиция и межплеменные столкновения сохранялись, а во втором Саудовском государстве (вторая половина XIX в.) даже усилились из-за подстрекательства соперничающих ветвей Саудилов. И только в возникшем уже в нашем веке третьем Саудовском государстве такие эффективные меры, как поселение части кочевников в земледельческих колониях, усиленная фундаменталистско-религиозная пропаганда и привлечение на свою сторону ряда сильных бедуинских шейхов, а затем также применение новейшей военной техники, позволили Саудидам превратить непокорных бедуинов в обычных подданных (Першиц, 1961. С. 182 сл.; Васильев, 1982. С. 119 сл., 190 сл., 289 сл.).

В обстановке борьбы за политическую гегемонию мирные отношения как между кочевыми племенами, так и между кочевым и оседлым населением обычно были только временным явлением. Они либо существовали до тех пор, пока сохранялось относительное равновесие сил, либо устанавливались как результат подчинения одной части населения другой на условиях, о которых мы говорили выше. Более или менее длительный мир мог возникнуть также в границах сильных государств, например, кочевых империй, но подлинно прочный – лишь в системе таких централизованных государств нового и новейшего времени, каким была, скажем, Российская империя. Впрочем, здесь уже не было и самой борьбы кочевников за политическую гегемонию. Это и понятно. Военная активность кочевых политий зависела от их силы, а последняя находилась в обратной зависимости от уровня государственной централизации. Такая связь хорошо изучена, например, у племен Ирана (Lambton, 1977; Garthwaite, 1983).

6. Причины кочевнических нашествий

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о причинах кочевнических нашествий, под которыми понимаются экспатриация и широкая экспансия кочевников. Вопрос этот встал давно и поначалу вылился главным образом в две экологические теории.

Согласно одной из них, восходящей уже к Ибн Халдуну, далеко идущие военные предприятия кочевников объяснялись недостаточностью пастбищ для возросшего поголовья стад (Ibn Kraldown,

[181]

1958. Pt. 1, С. 177 ss.; Pt. 2. С. 386 ss.). Представляющаяся самоочевидной, эта теория затем не раз фигурировала в литературе, причем ее чисто экологическое объяснение (избыток скота) затем было дополнено демографическим (избыток людей). В таком виде оно было воспроизведено Марксом (Соч. Т. 8. С. 568) в его известном высказывании о причинах великого переселения народов. «Давление избытка населения на производительные силы заставляло варваров с плоскогорий Азии вторгаться в государства Древнего мира... То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени... Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные опасностей великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и средневековой Европы». Понятно, что эту теорию не следует абсолютизировать. У одних кочевников сохранялся большой земельный простор (см., например: Григорьев, 1904. С. 59 о номадах Южной Сибири; Шевченко-Красногорский, 1910. С. 175, о туркменах), у других – меньший, из-за чего они действительно обращались к военной экспансии (например, аравийские бедуины аназа, в конце XVIII – начале XIX в. вытеснившие сперва в Сирийскую пустыню, а затем в Верхнюю Месопотамию другое бедуинское объединение – шаммаров – Boucheman, 1934. С. 22; Montagne, 1932, С. 167; Oppenheim, 1939. S. 68 ff.). К тому же действовали определенные механизмы поддержания равновесия между средой и ее обитателями: например, продажа кочевниками значительной части скота, когда возникала угроза перегрузки пастбищ. Но в целом изложенная точка зрения подтверждается тем фактом, что даже в очень большой временной перспективе при экстенсивном скотоводстве кочевников поголовье их стад в пределах определенной территории оставалось стабильным. Так, у хунну на территории современной Монголии на душу населения приходилось в среднем 19 голов скота, а у монголов в 1918 г. – около 18 голов (Таскин, 19-68а. С. 41 сл.). Изложенная теория сохраняет авторитетных приверженцев в науке (Barth, 1964. С. 113 ff.; Planhol, 1968. С. 15, Roth, 1986. С. 63 ff).

Если адепты этой экологической (или эколого-демографической) теории видят источник экспансии номадов в их процветании, то сторонники противоположной экологической теории – в их бедствиях. Согласно этой точке зрения, крупнейшие миграции, а вместе с ними и завоевательные войны номадов, подчас принимавшие характер цепной реакции, вызывались длительными засухами в степях и полупустынях из-за резких климатических изменений если не

[182]

планетарного, то субпланетарного масштаба. Начало ей положили на рубеже нашего века, по-видимому, независимо друг от друга немецкий историк__ (для Передней Азии) и швейцарский географ В. Брюкнер (для Евразии). У последнего, привлекая данные естественных наук, она выглядела более убедительной. Собрал и сопоставив метеорологические, гидрографические и другие сведения за ряд столетий, он пришел к выводу, что в послеледниковой Евразии обнаруживаются периодические колебания климата, особенно дающие себя знать в ее континентальных областях. Им были выделены два таких цикла – 35-летний и более высокого порядка – в 4,5 столетия, с которым он связал массовые передвижения азиатских кочевников (последняя работа: Bruckner, 1890). Близкие величины были получены русским ученым М. Боголеповым на основе сообщений русских и западноевропейских летописей о засухах, голодовках и вторжениях кочевых орд (Боголепов, 1907; Боголепов, 1908). Опираясь на эти выводы, географ П. А. Тутковский следующим образом сопоставил вековые минимумы осадков, а тем самым и засухи с варварскими, главным образом кочевническими нашествиями (Тутковский, 1915. С. 37): II в. до н. э. – гетты, III в. н. э. – гунны, VIII в. н. э. – венгры, XII в. н. э. – татаро-монголы. То же прослеживается на Ближнем Востоке: III в. н. э. – основание бедуинами у границ Византии и Ирана княжеств Гасанидов и Лахмидов, VII-VIII вв. – экспансионистская активность арабских племен в сопредельных странах Азии и Африки, XI в. – вторжение бедуинов в Северную Африку, и т. д. (Hitti, 1955. С. 81 et al).

Ситуация, при которой в неблагоприятных природных условиях в занятых кочевниками экологических нишах относительный мир сменялся военной активностью, может быть смоделирована на основе того, что известно о грабительских набегах кочевников в новое время. Так, у бедуинов Аравии и сопредельных арабских стран такие набеги часто вызывались именно экстремальными природными условиями, так как дожди выпадали неравномерно не только во времени, но и в пространстве. Поэтому племена, из-за засухи терявшие скот, вынуждены были грабить другие племена, оказавшиеся в более благоприятных условиях (см., например: Montagne, 1947. С. 80). У кочевых племен Южного Ирана набеги и грабежи обычно шире распространялись в тяжелые для кочевников летние месяцы, когда в связи с засухами выгорала трава на пастбищах и продукция скотоводства резко сокращалась (Иванов, 1961. С. 96). Напротив, набеги кочевых узбеков и казахов на земледельческие области Средней Азии совершались, как правило, в зимние месяцы, когда из-за гололедицы и снежных заносов не

хватало кормов для скота и номады испытывали хозяйственные трудности (Ахмедов, 1965. С. 82).

Теория экологических бедствий как фактора кочевнических нашествий (хотя и не обязательно в форме цикличности таких бедствий, которую нельзя считать доказанной) получила очень широкое распространение. Американский энвиронменталист Э. Хантингтон развил взгляд, по которому «большинство вторжений кочевников в Европу в ранний период христианской эры может быть поставлено в связь с возрастанием сухости» (Huntington, 1940. С. 507), То же мнение было высказано АТойнби (1935. V. 5. С. 15). Итальянский востоковед Д. Каэтани (Caetani, 1911. V. I. С. 396 seg.) создал схему последовательных выселений семитских народов из Аравии вследствие изменений в ней климатических условий.

В литературе, в том числе и отечественной, прошла длительная полемика о том, высыхает ли Срединная Азия и если высыхает, то как – непрерывно или циклично (библиография основных работ: Мурзаев, 1952. С. 184; Гумилев, 1970. С. 88 сл.; Златкин, 1971. С. 131; Khazanov, 1984. С. 87 it). В недавнее время активный сторонник этой теории Л. Я. Гумилев, развивая некоторые мысли Г. Е. Грумм-Гжимайло и В. Н. Абросова, заметно ее усовершенствовал. Он, видимо, правильно заключил, что развитию кочевого хозяйства и быта способствуют – каждое по своему – и усыхание, и увлажнение аридной зоны. А стало быть, нашествия номадов в одних случаях были результатом высокого потенциала их обществ (так, Монголия не могла бы стать гегемоном множества стран Евразии, если бы в XII в. располагалась в бесплодной пустыне), в других же – следствием усыхания, пришедшей в степь беды (результатом чего было, например, стихийное переселение калмыков в низовья Волга в XVII в. (Гумилев, 1966а; Гумилев, 1966а; Гумилев, 1966в; Гумилев, 1967).

Между тем внимание исследователей привлекали и другие возможные причины кочевнических нашествий. Так, арабские завоевания объясняли поисками военной добычи и преимуществами приспособленной для этого военной организации, религиозным энтузиазмом в сочетании со слабостью покоряемых государств, оскудением из-за упадка транзитной торговли и поэтому опять-таки поисками добычи и т. д. (см.: Dogmer, 1981. С. 3 ff.). Наконец, в 1957 г, немецкий арабист К. В. Бутцер впервые предложил комплексное решение вопроса: первоначальный стимул к нашествию дают изменения в экологии, но затем начинают действовать другие – социальные и политические – факторы, которые и становятся непосредственной причиной поисков кочевниками «обетованной земли»

[184]

(Butzer, 1957. С. 367 ff.). Именно с таких позиций А. М. Хазанов обстоятельно показал причины монгольских завоеваний. Экологическая ситуация играла свою роль, но обуславливала нашествие не прямо. Относительное перенасыщение страны скотом и людьми вызывало борьбу за пастбища и необходимость упорядочить кочевание. Это усиливало тенденцию к социальной стратификации и политической централизации, что в условиях кочевого общества требовало также и усиления внешнеэксплуататорской деятельности и в конечном итоге – завоевания (Khazanov, 1980). Дальше пошел Ф. Доннер, который в своем исследовании причин ранних арабских завоеваний свел их к одним социальным условиям: процессам политогенеза, требовавшим от правящей исламской верхушки распространения своей гегемонии за пределы Аравии и интеграции кочевого и оседлого- населения, а также к торговым интересам, потенциалу новой идеологии, интересам самих кочевников (Dornier, 1981. С. 251 ff., 268 ff.). Эколого-демографические факторы Доннер полностью отвергает, считая, что Аравия во времена возникновения ислама располагала хорошими ресурсами; между тем, как мы видели, начальный толчок мог быть дан не только кризисом, во и процветанием. Видимо, все же ближе к истине комплексный подход к вопросу, хотя в разных конкретно-исторических условиях могли преобладать разные как экологические, так и социальные причины нашествий. Для понимания причин успеха завоеваний важен также учет баланса противоборствующих сил. Недаром римские владения в Африке на протяжении всего своего существования успешно противостояли натиску кочевников, ослабленной Восточной Римской империи или Ирану это удавалось намного хуже, а раздробленной Руси в случае с татаро-монголами не удалось совсем.

IV

ВИДЫ ВОЙНЫ И СПОСОБЫ ПОДДЕРЖАНИЯ МИРА

1. Постановка проблемы

Рассмотренные в предыдущем разделе факторы войны и мира отчасти облегчают характеристику конкретных видов и

[185]

проявлений этой оппозиции в обществах кочевников. В то же время здесь не избежать некоторых повторений, так как виды военных действий или их мирное урегулирование в ряде случаев неотделимы от их причин. Но прежде всего надо коротко сказать о принятой нами классификации войн.

В этнологической литературе часто различают, во-первых, кровную, или родовую, месть и войну, во-вторых, вооруженный конфликт, военное столкновение, войну и т. п. и «настоящую войну», или «собственно войну» (см., например: Otterbein, 1973; Nettlship, 1975; Першиц, 1986).

В первом случае под родовой мстью обычно понимают вооруженное столкновение между родственными группами внутри территориального объединения, политической общности и т. п., под войной – вооруженное столкновение между такими объединениями или общностями. К кочевникам, у которых даже многие территориально-политические общности продолжают рассматриваться как родственные структуры, такое различие применимо далеко не всегда. В то же время не всякая родовая месть может рассматриваться как война. Это не война, если месть упорядочена таким образом, что на каждой стадии развертывания конфликта право мщения принадлежит лишь одному определенному человеку, а часто также и по отношению только к одному определенному человеку, т. е. если коллективный вооруженный конфликт исключен. Но это война, если в вооруженный конфликт так или иначе втянуты не два индивидуума, а две группы и если месть действительно приводит к вооруженным коллективным столкновениям. Таким образом, хотя вопрос остается спорным, мы склонны дифференцировать коллективный и индивидуальный образ действий в кровной, или родовой, мести и применительно к первому из них вслед за К-Ф. Кохом считать, что терминологическое различие мести и войны маскирует их сущностное сходство (Koch, 1974). Иначе говоря, не считая всякую родовую месть войной, мы остановимся здесь на такой родовой мести, которую рассматриваем как войну.

Во втором случае эпизодические и немногочисленные вооруженные столкновения противопоставляют организованным массовым «собственно войнам», которые к тому же часто связывают с деятельностью складывающихся или сложившихся политических образований. Эта точка зрения распространена в советской науке и не только в ней. Немного дальше мы увидим, что она не лишена оснований, хотя и до начала классово-политогенеза вооруженные столкновения часто были далеко не эпизодичны и сплошь, и рядом принимали массовый характер. Что касается именно

кочевнических войн, то нам известна только одна попытка их теоретической дифференциации: С. А. Плетнева различила «нашествия» на стадии постоянного кочевания, «набеги» на стадии полукочевничества и полуседлости и «войны» на стадии практически полной оседлости. Классификация мотивирована тем, что на первой стадии преимущественное значение имели пастбища и в поход шло все население, на второй в поход шли только воины за добычей, на третьей же вместе с политической организацией появились войны за политическое господство (Плетнева, 1982. С. 14, 39, 80). Рациональное зерно этой схемы в том, что нашествия действительно совершались всем населением, а походы – одними воинами (см.: Кун, 1947. С. 27 сл.). Но соотношение ее с формами («стадиями») кочевничества не соответствует фактам. Мы уже видели, что кочевникам требовались как пастбища, так и добыча, полукочевники по мере сил стремились к тому же, а за господство боролись не только уже осевшие номады.

На деле в кочевнических войнах, помимо войнообразной родовой мести, можно различить только грабительские набеги и, условно говоря, «настоящие войны», или для краткости, просто войны. Основных различий между набегами и войнами два. Первое: набег совершается ради добычи, война ведется из-за территории и (или) власти над ее обитателями (с предклассового времени и то, и другое – атрибуты политий, откуда связь войны с классово-литогенезом). Второе: набег совершается по возможности скрытно, война не обходится без того, чтобы нападающая сторона не померилась силой с врагом в открытом сражении, так как без этого трудно достигнуть поставленной цели. Конечно, эти различия не следует абсолютизировать. Грабеж в набегах временами мог приобретать такой размах, что его последствия не уступали последствиям войны, а непрерывные изнурительные набеги подчас давали не меньший эффект, чем решительное сражение. Но по большей части указанные различия все же дают необходимые ориентиры для проводимой здесь дифференциации.

Итак, применительно ко всем видам коллективных вооруженных конфликтов мы будем пользоваться обобщающим понятием-термином «война» и в то же время различать такие ее особые виды, как войнообразная родовая месть, грабительский набег и «настоящая война», или просто война.

2. Родовая месть как война

Обычаи, связанные с родовой местию, нередко различались даже у соседних племен одного народа, но в них имелась

[187]

существенная для нас закономерность. Чем шире был круг людей, вступивших в отношения кровничества, и чем реже были контакты между общностями, к которым принадлежали кровники, тем больше было сходство между родовой мезтью и войной.

Характерны в этом отношении бедуины Киренаики, исследование сегментарной организации которых показало, как различны порядки кровомщения на разных ее структурных уровнях. Начиная с уровня малого линиджа состояние родовой мести рассматривалось как обычное состояние, не требующее умиротворения. Это своего рода образ жизни, не имевший ни памятного начала, ни конца; если между малыми линиджами была кровь, то их члены убивали друг друга просто потому, что они принадлежат к своим линиджам. Другое дело, если возникала кровь между минимальными линиджами в пределах малого линиджа. В этом случае состояние враждебности должно было быть так или иначе устранено: виновный мог удалиться в добровольное или вынужденное изгнание, с ним могли расправиться, он и его близкие могли уплатить возмещение за кровь, но мир должен был быть восстановлен (Peters, 1967. С. 265 fl; ср.: Musil, 1928. С. 494).

По-видимому, можно говорить и о другой закономерности, состоящей в том, что в осуществлении родовой мести часто выделялись два периода – почти не регламентированных и регламентированных действий. У бедуинов Передней Азии первый период охватывал три дня и назывался «временем кипения крови». Это было время, когда разрешалось в состоянии аффекта уничтожить всю родню убийцы и все ее имущество; бывало, что в деле принимали участие шейхи, и тогда род шел на род и племя на племя. По обычному праву, ограничений почти не было – разве что не разрешалось убивать спящего, так как считалось, что душа его отсутствует; по шариату, кроме того, полагалось считаться со священными местами и четырьмя священными месяцами (Jausse, 1908. С. 220-221; Hardy, 1963. С. 17 ft).

Родовая мезть как война известна и у других народов. У туарегов, если во время грабительского набега допускались вопиюще противоправные действия, например, изнасилование женщины, то и реакция подчас принимала нерегламентированный характер, становясь делом стихийной мести не только ближайшей родни обиженных, но и гораздо более широкой группы (Rodd, 1926. С. 187). То же отмечено у кашкайцев (Douglas, 1952. С. 156). У всех племен Фарса, по некоторым сообщениям, даже в XX в. при не только преднамеренных, но и неумышленных убийствах все члены семьи, родовой группы, а то и племени убитого видели делочести

[188]

в том, чтобы убить виновного или кого-нибудь из его родственников; это приводило к «целой серии ответных убийств и постоянной вражде между семьями и целыми племенами» (Иванов, 1961. С. 111). У казахов «весь род считает себя обязанным мстить в случае тайного увоза девицы киргизом другого рода или при угоне значительного количества скота, хотя бы принадлежащего только одному лицу, но пользующемуся почетом между сородичами. Так же точно «оскорбления не только почетного члена, но всякого киргиза, учиненные толпою, вызывают вооруженную защиту и месть всего народа» (Гродеков, 1889. С. 142),

Такого рода сообщения позволяют согласиться с мнением В. Я. Владимирцова (С. 53), что «Сокровенное сказание» сохранило ряд свидетельств о неограниченной родовой мести у древних монголов. Например, родичи погубленного татарами Амбагая бились с ними 13 раз, но так и не сочли себя отомщенными; Чингис-хан, одолев татар, «в отмщение и воздаяние за дедов» истребил всех, кто ростом был выше тележной чеки; Чжамуха за смерть своего младшего брата пошел на Чингис-хана войной и т. д. (Козин, 1941. §§ 53, 58, 112, 154).

Сплошь и рядом принимала родовая месть неупорядоченный, стихийный характер в тех случаях, когда рядовой кочевник убивал или увечил кого-либо из членов могущественного правящего дома. Тогда бывало, что родня жертвы и все его племя буквально шли войной на близких обидчика, не только устраивая резню, но и уничтожая и грабя их имущество. У племен Фарса в этих случаях не ограничивались убийством виновного и разграблением его имущества, но и грабили имущество всей его родни и даже племени (Иванов, 1961. С. 111). В новой истории Северной Африки известны случаи, когда в результате таких инцидентов погибали или прекращали свое самостоятельное существование целые родовые подразделения (Briggs, 1958. С. 104).

В противоположном направлении действовали различные механизмы ограничения родовой мести и в конечном итоге примирения сторон.

Во всех кочевых обществах состав мстителей и ответчиков за кровь теоретически ограничивался относительно близкой родней, хотя, как мы видели, возможен был и выход за ее круг. В частности, у арабских бедуинов таким кругом были хамсати – родственники не далее чем пятой степени родства, т. е. патрилиния первой степени по терминологии советской, или минимальный патрилинидж по терминологии западной литературы. В некоторых племенах этот круг расширился до группы родственников шестой

[189]

степени родства, в некоторых сужался до группы родственников четвертой степени; бывало и так, что круг мстителей был несколько шире круга жертв. Кроме того, внутри групп мстителей и ответчиков имела своя иерархия первоочередных мстителей и жертв. Но с иерархией этой считались не всегда, и обычно убийца, если он был рядовым кочевником и к тому же принадлежал к заурядному племени, вместе со всеми своими хамсати бежал под покровительство какого-нибудь могущественного шейха, оставаясь там до тех пор, пока посредники вели переговоры о примирении (Burckhardt, 1831. С. 121, 251; Daghestani, 1932. С. 201; Hess, 1938. С. 90). Аналогичный порядок коллективной ответственности преимущественно членов младшей патронимии (родственников от третьей до пятой степени родства) существовал у племен южного Ирана, белуджей, брагуев и пуштунов (Трубецкой, 1966. С. 132 сл.; Пикулин, 1967. С. 113-114; Pehrson, Barth, 1966. С. 100; Давыдов, 1969. С. 165-166).

Ограничение кровной мести достигалось применением принципа талиона, возникшего в вавилонском праве, вошедшего в шариат, и со временем широко распространившегося в степях Афразии, установлением предельного срока мести (например, у казахов в XVIII в. – двух лет – Проще... Т. 1. С. 186), но, главное, повсеместным установлением материального возмещения за кровь -композиций. По шариату, при умышленном деянии действовал принцип талиона, при неумышленном – принцип материального возмещения, но на деле все зависело от консенсуса сторон.

Освящение композиций шариатом несомненно ускорило и усилило самостоятельное складывание этого обычно-правового института у широкого круга афразийских кочевников. Правда, установленный шариатом размер композиций (100 верблюдов за убийство) видоизменялся в зависимости от местных условий. Так, у бедуинов Северной Аравии в XIX в. обычно платили 50 верблюдов за убийство в своем и 7 верблюдов – в чужом племени и, кроме того, так называемую сулу, в которую в зависимости от обычаев племени входили лошадь, беговой верблюд, охотничья собака, ловчий сокол, рабы, оружие и нередко 1-2 девушки, чтобы они родили «замену» убитому (Першиц, 1961. С. 78). У туарегов в XIX в. пеня за убийство составляла 100 верблюдов (Nicolaisen, 1963. С. 102), у казахов в XVIII в. – 100 лошадей, 2 верблюда и 1 раба (Проще... 4. 1. С. 186). Пеня за увечье определялась в соответствии с его тяжестью: скажем, у тех же туарегов рука, нога, глаз оценивались в 25 верблюдов, ноготь – в 5 верблюдов. Как и при самой мести, при уплате композиций действовала групповая

[190]

солидарность: и платили, и получали выкуп не только заинтересованные семьи, но и их ближняя, а подчас и более дальняя родня (у белуджей – Пикулин, 1959. С. 113; казахов – Рычков, 1772. С. 25; и т. д.).

На улаживание конфликтов путем выплаты композиций обычно соглашались только люди равного социального статуса или нижестоящие по отношению к вышестоящим, но не наоборот. Поэтому, хотя, скажем, у казахов и была установлена семикратная пеня за ханскую кровь, когда один из батыров Средней орды убил хана Малой орды Абулхаира, он сам был убит сыном хана (Материалы..., 1948. С. 204). В других кочевых обществах, как, например, у бедуинов Аравии, кровь членов аристократических фамилий с древности и до Нового времени вообще не имела цены и могла быть возмещена только кровью (Lammens, 1928. С. 217, 220, 223; Burckhard, 1831. С. 253; Jamali, 1934. С. 28; и др.).

В процессуальном отношении примирение сторон могло достигаться двояко. Более ранняя форма – непосредственные переговоры между заинтересованными сторонами (процессуальная диада), более поздняя – переговоры через посредника, неофициального медиатора или официального судью либо главу родоплеменного подразделения (процессуальная триада). Однако даже в этом втором случае решение посредствующей инстанции, как правило, приводилось в исполнение самими потерпевшими. И только если преступление вело к серьезному нарушению общественного порядка и затрагивало интересы самой общественной верхушки, публичная власть могла применить собственные санкции в диапазоне от штрафов до телесных наказаний (Duveugier, 1864. С. 427-428; Bissuel, 1888. С. 27-28; Ekvall, 1964. С. 123).

Примирение всегда происходило по определенному ритуалу, Поскольку принятия возмещения за кровь часто стыдились (у бедуинов это называлось «есть кровь своего сына» – Burton, 1893. V. 2. С. 103; Reihani, 1930. С. 32; Hess, 1938. С. 90), церемонию обычно обставляли с почетом для потерпевшей и с унижением для виновной стороны. Так, в племенах северо-западной Аравии кровник или его представитель ждали прощения на коленях, с непокрытой головой и шнуром от головного платка на шее (Jaussen, 1908. С. 221).

3. Грабительские набеги

Наиболее распространенным видом военной активности кочевых скотоводов были грабительские набеги, с объектами и мотивами которых мы уже познакомились выше. Специфическими отличиями этого вида войны были, во-первых, захват движимого

имущества без претензий на недвижимое и, -во-вторых, стремление обойтись без кровопролития или малой кровью. Убийство в набеге могло повлечь за собой кровную месть и намного увеличивало вероятность ответного набега. Поэтому если не обходилось без схватки, то нападавшие часто старались лишь обезоружить или ранить противника (Irons, 1974. С. 644 об иранских туркменах; Sykes, 1907. С. 249 о бедуинах Аравии; Гаудио, 1985. С. 40 о туарегах Сахары).

Грабительские набеги различались между собой по масштабам – прежде всего числу их участников и организации предприятия, дистанции рейда, времени года, а также принятым в той или иной среде социокультурным традициям. Со всем этим в известной степени могла быть связана и тактика набегов.

Широко практиковались мелкие набеги, совершавшиеся силами нескольких десятков всадников. Чаще всего это были ближние набеги, происходившие во всякое время года, грабили, что могли, но чаще всего скот. Из-за малочисленности грабителей особенно большое значение придавалось скрытности приближения, внезапности набега, стремлению избежать столкновения.

В крупных набегах принимало участие несколько сотен или даже тысяч всадников. Излюбленное время набегов по большей части зависело от цели грабежа. Так, племена, кочевавшие у северных границ Китая – от хунну до монголов, предпринимали дальние нападения на своих оседлых соседей лишь осенью, когда лошади отъедались, погода была прохладной, земледельческая продукция созревала, а женщины и дети работали на полях, не будучи защищены стенами (Jagchid, Symons, 1989. С. 24). Напротив, аравийские и сирийские кочевники отправлялись в дальние походы за скотом преимущественно весной и летом, когда можно было захватить крупные стада верблюдов, собранные у водоемов. Зимой они совершали рейды лишь с целью угона овец, так как только в это время года можно было найти для них водопой на обратном пути (Oppenheim, 1952. С. 139). Туареги же Сахары с ее особенно высокой аридностью любые дальние набеги имели возможность совершать только зимой (Rodd, 1926. С. 128).

Дальние набеги часто предпочитали ближним, чтобы затруднить ответное нападение. Туареги грабили Судан и Тибести, проходя огромные расстояния с ничтожными запасами воды и фиников или, же заранее устраивая тайные склады на пути (Lhote, 1955. С. 370). Арабские кочевники, отмечал Й.-Л. Буркхардт, «иногда предпринимают экспедиции против врага, шатры которого находятся на расстоянии десяти или двадцати дней пути от их

[192]

собственных. Нередко аназа, стоящие лагерем в районе Хаурана, совершают набеги на район Мекки; или арабы зафир из района Багдада грабят аназа, стоящих в окрестностях Дамаска» (Burckhardt, 1831. С. 11; ср.: Musil, 1908. С. 369). Казахи предпочитали грабить скот не только в других родах, но и в других уездах (Гродеков, 1889. С. 144). В такие набеги в степях брали с собой заводных лошадей, иногда также верблюдов, груженных водой, пищей и фуражам; в пустынях отправлялись на верблюдах, часто подвое на одном животном. Сидящие сзади считались помощниками, и назначение их было самым различным. В одних случаях они только стерегли верблюдов, пока активные участники нападения отгоняли скот, в других – сразу же захватывали и угоняли чужое стадо, в то время как их товарищи задерживали погоню. У бедуинов зимой и весной, когда по дороге можно было найти водопои, сидящие сзади нередко вели в поводу лошадей, чтобы пересечь на них в случае сражения или спастись бегством при провале всего предприятия (Doughty. 1888. V. I С. 334, Hess, 1938. С. 99).

Хотя отличительной чертой всех грабительских набегов было стремление захватить добычу, избежав кровопролитного сражения, естественно, что участники крупных военных предприятий опасались открытых столкновений меньше, чем участники мелких рейдов. Туркменские аламанчики, иногда собиравшиеся целым войском в 2-3 тыс. человек, избегали укрепленных городов с сильными гарнизонами, но могли ворваться в небольшой город через открытые в базарный день ворота или напасть на охраняемый караван (Росляков, 1955. С. 46). Участники крупных казахских набегов также нападали на среднеазиатские города и русские пограничные пункты (Толыбеков, 1971. С. 284). В Южном Иране даже в середине XX в., в период ослабления центральной власти, грабительские отряды из среды кашкайцев и других местных племен не опасались жандармерии и даже регулярных войск (Иванов, 1961. С. 97-98).

Организатором мелкого набега мог быть любой опытный человек, более крупного – глава или признанный военачальник родоп-леменного подразделения, например, казахский батыр, туркменский сердар, афганский сархан, арабский акыд и т. д. Вокруг них собирались добровольцы из разных родов и даже племен, но бывало и так, что для участия в крупных предприятиях объединялись группы кочевников каждая со своим предводителем во главе. Мелкий набег мог возникнуть спонтанно и самочинно, решение о крупном набеге нередко принималось советом старейшин или другим авторитетным органом (например, у туркмен или казахов -

[193]

Гродеков, 1883. Т. I. С. 56; Паллас, 1773. Т. I. С. 579-580). Вероятно, такой порядок установился уже в глубокой древности. Лукиан Са-мосатский приводит такой ответ скифов одному из боспорцев, жаловавшемуся на скифских грабителей: «они не высылаются по общему решению, но каждый из них занимается грабежом на свой страх и риск ради прибыли; если кто-нибудь из них попадается, то ты сам властен наказать его» (Латышев, 1893. Вып. 3. С. 558).

Организаторы набегов преследовали несколько целей. Первой из них было обогащение. У бедуинов военачальники выбирали первыми и, в зависимости от принятых в племени обычаев, получали при разделе добычи в одних случаях несколько долей рядовых участников набега, в других – десятую часть, четверть или треть захваченного, иногда – всех лошадей или беговых верблюдов. Больше обычных были также доли помощников предводителя и казначея, который вел строгий учет награбленного (Burchard, 1831. С. 114, 240, 243-244; Doughty, 1888. V. I. С. 251, 334; Jaussen, 1908. С. 168). У туркмен «предводители аламанов получали двойную долю добычи по сравнению со всеми остальными участниками» (Брегель, 1961. С. 157). У племен Южного Ирана доля предводителей, по разным данным, составляла от десятой до пятой части добычи (Иванов, 1961. С. 87). У туарегов Сахары, по некоторым сообщениям, захваченную добычу распределяли вожди (Daumas, 1845. С. 331).

Однако не меньшую, если не большую, роль, чем прямое обогащение, играло социальное продвижение умелых и удачливых организаторов грабительских набегов, коль скоро такие набеги имели огромное значение в жизни кочевнических обществ. Как показал В. Я. Владимирцов (1934. С. 74-75), монгольские нойаны получали власть не в качестве старших в роде, а прежде всего как сильные и ловкие степные хищники, удалыцы, багатуры. По С. М. Аб-рамзону (1971. С. 166-167), киргизские военачальники-батыры, поначалу обладавшие подлинной властью только во время военных действий, постепенно оттеснили на задний план родовых старейшин. У туркмен «удачливые предводители аламанов высоко поднимались в хивинском государстве, становились крупными сановниками, племенными вождями» (Росляков, 1955. С. 49). У арабских кочевников многие шейхские и даже эмирские дома были основаны военачальниками-акыдами. Наиболее известен пример самого могущественного эмирского дома Сирийской пустыни в XIX – начале XX в. – Шааланов, родоначальником которых был прославленный акыд, сумевший занять место главного шейха сильнейшего из аназских племен – руала (Musil, 1928. С. 50).

[194]

Рядовых участников набегов также привлекали в них самые разные причины. Для обедневшего кочевника успешный набег был способом быстро поправить свои дела, к которому прибегали настолько охотно, что отдельные бедняки, не имевшие верхового животного или оружия, даже занимали их на издольных условиях. Например, у сахарских туарегов были люди, которые систематически снабжали неимущих участников набегов беговыми верблюдами или оружием, получая за это свою долю – абеллаг (Lhote, 1955. С. 869,371). Сходный порядок существовал у туркмен: одна из иранских хроник рассказывает о салорской верхушке, что «туркмены (племен) теке, сарык, имрэли и алиэли приходят к ним, одалживают у них коней и оружие... и половину (добычи) отдают на их долю» (Иранские источники... С. 227). То же зафиксировано у казахов (Вяткин, 1947. С. Г21).

Но и для рядовых участников набегов грабительские предприятия очень часто были делом не только материальной выгоды, но и социального престижа. Молодой человек, в особенности юноша, завоевывал себе этим признание и уважение окружающих, а зрелый воин поддерживал свой общественный статус. У северных сомалийцев военные набег на галла даже имели своего рода ритуальный характер, будучи обязательным элементом инициации при переходе в категорию воинов (Lewis, 1955. С. 105). У бедуинов Аравии, Сирийской пустыни и Иракского междуречья юноша, не зарекомендовавший себя должным образом в грабительских походах, рисковал не найти себе жены, а человеку, раз-другой уклонившемуся без достаточно веских причин от участия в таких походах, женщины могли в знак позора привязать к шатру черный флаг (Niebuhr, 1780. V. 2. С. 139; Burton, 1893. V. 2. С. 101, Musil, 1908. С. 373). У кашкайцев также многие юноши не могли жениться, не совершив какого-нибудь дерзкого грабежа (Demogny, 1913. С. 93). У туарегов Сахары лишь участники грабежей могли привлечь к себе благосклонное внимание женщин – и как «настоящие мужчины», и как люди, имевшие возможность одарить своих подруг захваченными в набеге украшениями (Lhote, 1955. С. 369). То же отмечено у туркмен (Гродеков, 1883. Т. I. С. 49). У казахов до вхождения их Орд в состав Российской империи, а подчас и позднее только постоянный участник грабительских набегов мог рассчитывать на подлинный почет (Толыбеков, 1971. С. 343).

И организация грабительских набегов, и участие в них имели еще один социальный аспект – снижение внутригрупповой напряженности. М. С. Иванов (1961. С. 96-97), сталкивавшийся с кашкайскими грабежами в 1940-х годах, писал о них: «Недовольство

[195]

рядовых кочевников и их материальные затруднения и нужды, особенно усиливавшиеся в неблагоприятные годы, племенная верхушка стремилась направить на путь грабежей и набегов... Таким путем ханы укрепляли свою власть и влияние среди рядовых кочевников, получали дополнительное средство их подчинения, а также использовали набеги и грабежи для своего обогащения». Некоторые исследователи даже видят основную сущность грабительских набегов кочевников в механизмах редистрибуции скота (Sweet, 1974. С. 274 ff.; Bonte, 1977. С. 46), или добычи вообще (Не-гря, 1981. С. 103). Это, несомненно, преувеличение, но военный грабеж и в самом деле играл свою роль в перераспределении жизненных ресурсов не только между разными группами номадов (экологически-обусловленная сторона дела), но и внутри этих групп (его социальная сторона). Не случайно у лучше всего изученных в этом отношении туарегов Сахары и бедуинов Аравии, наряду с обычными малыми и большими грабительскими набегами существовали также ежегодные так называемые церемониальные, или ритуальные, набеги непременно под предводительством официального главы племени (Rodd, 1926. С. 109; Sweet, 1971. С. 280).

Обычай, принятые в грабительских набегах, насколько можно судить по имеющимся данным, существенно различались в разных регионах кочевого скотоводства. Номады засушливого пояса Евразии в средствах не разбирались: не только захватывали скот, пленных и другую добычу, но и жгли поселения, уничтожали посевы, прибегали к обману и вероломству, не опасались убийств. Уже в хуннское время китайские сановники обращали внимание императора на то, что кочевники «не придерживаются правил приличия и не соблюдают данного слова» (Таскин, 1973. С. 149). В одном из китайских источников рассказывается, что хунны, совершив набег на ухуаней, угнали в плен много женщин и детей и передали их родственникам, чтобы те приходили с выкупом. У явившихся забрали выкуп, а самих их не отпустили обратно (Таскин, 1984. С. 297-298). Я. И. Гродеков, характеризуя туркменские алама-ны, особо подчеркивает доходящее до клятвопреступлений вероломство их участников (Гродеков, 1889. Т. I. С. 49), а ААРосляков приводит типичные примеры их жестокости, в том числе и по отношению к старикам и старухам (Росляков, 1955. С. 44-45). То же известно о крымско-татарских набегах на Россию, Литву и Польшу в XVI-XVII веках (Collins, 1975. С. 8 ff).

Менее однозначна картина грабительских набегов кочевых туарегов. Авторы второй половины XIX – начала XX в. отмечают, что во время нападений на кочевья и селения грабители не брали в

[196]

плен соотечественников-туарегов или арабов и даже отпускали их на свободу без выкупа; в соответствии с предписаниями шариата не портили пальм и посевов и не отравляли колодцев. В то же время они не обеспечивали неприкосновенности женщин, сдирали с них украшения и даже одежду. По мнению арабов, они не всегда надлежащим образом обеспечивали безопасность сдавшихся в плен и отдавшихся под их покровительство и, что еще важнее, -послов. Отмечается, что грабители-ахаггары более рыцарственны чем участвующие вместе с ними в набегах амгиды и высказывается предположение, что в прошлом, когда воинами были только ахаггары, порядки были благороднее и честнее (Rodd, 1926. С. 187 Я., 236; Lhote, 1955. С. 369 ss.).

Если сопоставить набеги сахарских туарегов с набегами аравийских бедуинов, то это предположение представляется не лишенным оснований. Бедуины делали четкое различие между набегами на равных – такие же «благородные» бедуинские племена и другими набегами. Применительно к первым существовал своего рода кодекс чести. Не разрешалось нападать после полуночи и перед рассветом, нахватывать верблюдов, принадлежащих гостям и остановившимся в кочевье торговцам или ремесленникам, забирать всех верблюдов, оставляя жертвы нападения без всяких средств к существованию, и т. д. Женщины и дети, а также сдавшиеся в плен и обратившиеся с соблюдением положенного ритуала к кому-нибудь из напавших с просьбой о покровительстве пользовались безусловной неприкосновенностью. По свидетельству одного из лучших знатоков бедуинского быта первой половины XX в. Х. Р. П. Диксона, известен только один случай нарушения бедуинами этого рыцарского кодекса: когда в 1920-х годах ваххабитские фанатики-ихваны совершали набеги на Ирак, Кувейт и Трансиорданию, они не останавливались перед истреблением женщин и детей (Dickson, 1951. С. 347 Я.). Другое дело – ограбление не равных по общественному статусу, «неблагородных» – полукочевников, полuosедлых, оседлых, проходящие караваны. В отношении них эти правила (или по крайней мере многие из них) не имели силы (Swett, 1971. С. 274, 280).

Чем объяснить такое различие характера набегов в двух крупнейших массивах кочевого скотоводства? Едва ли только причинами социального порядка: описанного кодекса придерживались не отдельные «рыцари», а целые верблюдоводческие (причем именно верблюдоводческие) племена. Скорее всего причину следует искать в экстремальной экологии пустынь и полупустынь, условиях существования в которых требовали особых приспособительных обычно-правовых механизмов. Какую-то роль могли играть и

[197]

отдельные гуманные нормы ислама (возникшего, кстати сказать, по соседству с пустыней). Но вряд ли эта роль была велика: арабские бедуины до второго десятилетия нашего века были не лучшими, если не худшими мусульманами, чем туркмены или казахи.

По имеющимся данным о туарегах и особенно о бедуинах, у которых грабительские набеги совершались вплоть до XX в. и описаны профессиональными этнографами, можно составить представление о некоторых конкретных деталях этого института. Участники обсуждали предстоящее мероприятие и произносили священную клятву, обязывавшую их помогать друг другу и по справедливости разделить добычу. По тем или иным знаменьям старались предугадать исход, приносили умиловительные жертвы. У бедуинов перед походом мылись, стирали рубахи, в ночь накануне отъезда воздерживались от полового общения, так как «нечистый» не должен был участвовать в набеге. Переход старались совершить как можно более скрытно; у туарегов встретившихся на пути заставляли следовать за собой или убивали. Если приходилось проезжать через чужие кочевья, их обитателям обещали долю добычи. При успехе набега вперед высылался вестник радости, чтобы женщины, готовясь достойно встретить мужчин, выщипали волосы на теле. Благополучное возвращение праздновалось всем лагерем. Приносили благодарственные жертвы предкам, делили добычу, пировали, женщины плясали и пели военные песни. С грабительскими набегами, как и со всяким важным видом деятельности, была связана обширная и детализированная терминология, например, нападать утром, днем или ночью, вблизи или издали и т. п. (Doughty, 1888. V. I. С. 452; Musil, 1908. С. 393; Jaussen, 190& С. 164, 317; Hess, 1938. С. 98-99; Rodd, 1926. С. 190; Lhote, 1955. С. 369).

У туарегов пострадавшие стремились догнать грабителей (чаще это удавалось сделать у водоемов) и либо отобрать свою собственность обратно, либо хотя бы выторговать ее часть. Бывало, что делегация от пострадавших шла в кочевье грабителей и выговаривала себе возвращение на льготных условиях части похищенного (Lhote, 1955. С. 371). Такой же порядок известен у племен Фарса, у которых застигнутые с поличным грабители в большинстве случаев возвращали добычу, но требовали отступного – небольшой суммы денег под традиционным предлогом возмещения стоимости обуви, изношенной во время грабежа (Иванов, 1961. С. 1П).

4. Войны

Грабительские набеги и войны не всегда достаточно дискретны. Крупный набег, при котором не обошлось без открытого сражения, мало чем отличался от такой войны. К тому же набеги нередко

[198]

влекли за собой ответные набеги и превращались в долговременный обмен военными акциями, что было одной из важнейших составных частей любой кочевнической войны.

Дифференциация осложняется еще и тем, что в одних кочевнических обществах набеги и войны между собой различались, а в других не различались, скажем, в терминологическом или обычно-правовом отношении. У казахов набег назывался урлык, война -яу булды; у арабских бедуинов соответственно газу, или газв, и харб, или харбийя; у туарегов эджен, или эген, и амджер, или ан-неменси. В то же время номады Тибета различали только «малую войну» и «большую войну».

На Ближнем Востоке в принципе придерживались того правила, что в отличие от набега, который может и далее должен быть внезапным, войну положено формально объявить. Так, у кочевников Аравии врагу посылали устное или письменное провозглашение состояния враждебности (нига), нередко сообщали, какие прославленные воины примут участие в битве, подчас дерен началом схватки гарцевали перед собравшимися, стреляли в воздух и т. п. (Dickson, 1951. С. 343-344). В степях Евразии правила обязательного объявления войны, видимо, придерживались нечасто, хотя оно было известно и здесь. Так, В. К. Мейендорф рассказывает о казахском хане, который, не получая от бухарских эмиров помощи в защите от хивинцев, приехал в Бухару и открыто провозгласил: «Отныне я становлюсь вашим непримиримым врагом», после чего увел из города верблюдов и пленников (Мейендорф, 1975. С. 42). Известны здесь и случаи, когда шедший войной посылал противнику угрожающее послание (например, письмо Чингис-хана правителю Мосула), но оно скорее всего имело целью просто запугать врага, чтобы он сдался без боя (Иванов, 1975. С. 36).

По некоторым данным, кочевники Ближнего Востока и, видимо, не только они различали набеги в мирное время и набеги во время войн. Иногда, как, например, у туркмен, они даже носили разные названия – аламан и чапаул, или чапаул. Набеги во время войн, как и сами войны, не могли совершаться без объявления состояния враждебности (Sweet, 1971. С. 278, 282; Lhote, 1955. С. 371). И такие обычаи, как возвращение грабителями добычи за некоторые «отступные», могли соблюдаться только в мирное время, в военное не время набег обычно влек за собой ответный набег. Имеются и другие сообщения, которые не проясняют, а скорее запутывают вопрос. В частности, по одним данным, у бедуинов убийство в набеге влекло за собой кровную месть, в войне же – нет, по другим

[199]

данным, и во время войны ее участники старались прикрыть лицо, чтобы в случае убийства остаться неузнанными (Dickson, 1951. С. 529).

О первом отличии войны от набега, т. е. о войне как о вооруженном конфликте из-за земли или власти, в среде самих кочевников можно судить по калмыцко-казахским конфликтам в позднем средневековье. В XV-XVII веках эти два народа, кочуя по соседству, как правило, ограничивались тем, что обменивались заурядными взаимными грабежами. Но в первой четверти XVIII в. калмыки значительно усилились и даже обзавелись пушками, которые научил их лить случайно оказавшийся среди них пленный шведский артиллерист. В 1723 г. они внезапно напали на казахов и нанесли им сокрушительное поражение, сохранившееся в казахских преданиях как «величайшее бедствие», «бегство с лишением имущества, скота, детей, родных». А. Левшин так живописует лишение казахами их прежних земель: «Наконец, бегущие остановились; но где же? – в местах бесплодных и не представляющих никаких удобств для кочевого народа... Отчаяние убеждало их в необходимости возвратить себе прежние жилища». Война возобновилась, однако семь лет спустя дало кончиться тем, что Старшей Орде пришлось признать политическую зависимость от калмыков, а Средней – откочевать на север и принять российское подданство (Левшин, 1832. С. 2, 70 сл.; ср.: Танышпаев, 1927. С. 59 сл.).

Сходным образом протекали войны между племенами или вожествами, принадлежащими к одному этносу, так как именно они были субъектами территориальной собственности и политической власти. О сахарских туарегах, северных сомалийцах, бедуинах Киренаики и Аравии известно, что в то время как внутри их отдельных политий могли иметь место только грабительские набеги, между политиями велись ожесточенные войны за землю, воду и власть (Nicolaisen, 1963. С. 217, 401; Lewis, 1961, С. 208; Никифоров, 1974. С. 229; Peters, 1967. С. 260; Guarmani, 1938. С. 99 ff; Montagne, 1932. С. 69; Montagne, 1936. С. 113).

Во взаимоотношениях между кочевниками и их оседлыми соседями война также не сводилась к захвату добычи. Так, Б. А. Ахмедов (1965. С. 147-148), детально рассмотрев ведшиеся на всем протяжении XV в. войны кочевых узбеков с Тимуридами, показал, что их главной целью было овладение плодородными и стратегически важными землями в Хорезме и на среднем течении Сырдарьи для эксплуатации их кочевнической верхушкой. С той же целью афганцы вели многовековые войны за правобережье Инда. «Повсюду, где появлялись афганские пришельцы-завоеватели, судьба коренного населения решалась одинаково. Оно лишалось

[200]

каких бы то ни было прав на землю и становилось в качестве подневольных и зависимых (хамсая) как бы придатком и принадлежностью земли, перешедшей в собственность афганских племен» (Рейснер, 1954. С. 100). То же сообщается о соседях афганцев – белуджах и брагуях Белуджистана (Пикулин, 1959. С. 23; Пикулин, 1967. С. 41). Таковы же были мотивы нескончаемых войн аравийских бедуинов за оазисы Неджда, Джебель-Шаммара или Сирийской пустыни (Першиц, 1961. С. 166, 168 сл., 182), а северных туарегов – за немногочисленные оазисы Сахары, равно как и торговые пути и соляные копи Амадрора (Duveyrier, 1864. С. 317 ss., 345 ss.; Benhazera, 1908. С. 88 ss.; Lhote, 1955. С. 215 ss.). Наиболее же яркий пример войны как акции, направленной на захват территории и (или) установление политического господства и относящейся в равной мере и к кочевникам и к оседлым, дают все крупномасштабные кочевнические завоевания – тюркские, монгольские, арабские.

Второе отличие войн от грабительских набегов, т. е. открытые сражения, для кочевников, пожалуй, еще существеннее, чем для оседлых. Обитая в лишенной укрепления степи, они могли считать себя в безопасности от врагов, лишь вырезав одних из них, поработив или терроризовав других, инкорпорировав в свой состав остальных. Уже у хунну наиболее отважные приносились в «жертву воинам» (Бичурин, 1950. Т. I. С. 76), то ли павшим на поле брани, то ли предкам хунну. «Когда Чингис-хан, – писал Рашид ад-дин, – победил тайджиутов, он большинство (их) перебил, а оставшиеся в живых стали его рабами (Рашид ад-дин, 1952. С. 182). Даже о сравнительно ограниченных по своим масштабам туарегских войнах сообщалось как об исключительно кровопролитных (Lhote, 1955. С. 371) и допускавших обращение в рабство побежденных туарегов, тогда как в набеге можно было захватывать только негров (Rodde 1926. С. 190).

Все же последствия кочевнических войн против других кочевников и против оседлых были не одинаковыми. Разгром кочевых соседей обычно не бывал тотальным. С одной стороны, побежденнымномадам было легче, чем оседлым, ускользнуть от противника, и окончательная победа над ними требовала немалого времени, с другой – победителям было выгоднее присоединить к себе хотя бы часть побежденных, чтобы увеличить и усилить свое войско. Это отмечал уже один из первых русских востоковедов В. В. Григорьев. «Биться с ограбленными и озлобленными беглецами – добычи мало, и успех сомнителен; лучше принять их в союзники и продолжать дальнейшее хищничество совместно: будет и на нашу, и на их долю. Ограбленные беглецы понимают этот расчет,

[201]

становятся под бунчуки бывших врагов своих и вместе с ними опрокидываются на ближайших соседей. С этими повторяется та же самая история... Таким именно образом возникли полчища кочевников, которые под бунчуками хуннов, жужаней, тюрков, киданей и т. д. подчиняли себе все кочевое население Средней Азии и соседние с ним оседлые государства» (Григорьев, 1875. С. 13). И действительно, в 600-тысячной армии Бату-хана самих монголов было только 4 тыс. (Иванин, 1878. С. 179). Подобного рода агломерация, а подчас и инкорпорация с последующей ассимиляцией облегчались тем, что по хозяйственной жизни, культурному уровню, особенностям социальной организации одни номады обычно не отличались или мало отличались от других.

Другое дело – покорение оседлого населения, в особенности городов. В этом случае истребление противника в битвах и ужасающий террор по отношению к побежденным достигали гигантских размеров. Примером могут служить монгольские завоевания. Хотя «Великая яса» предписывала «щадить страны и города, покоряющиеся добровольно» (Гурлянд, 1904. С. 65), соблюдалось это правило далеко не всегда. Видимо, норма «Ясы» была скорее тактическим приемом, так как на деле Чингис-хан и многие из его полководцев часто не делали особой разницы между покорившимися и непокорившимися оседлыми жителями – и те и другие были добычей (Петрушевский, 1952. С. 140). Вот известный пример. Когда Чингис-хан подошел к Балху, горожане, полагаясь на обещание, без боя открыли ворота. Но они были обмануты. Под тем предлогом, что их надо пересчитать, их выгнали за стены и поголовно перебили, а город разрушили и сожгли (Пикулин, 1970. С. 135). Правда, так бывало не всегда. Как показал И. П. Петрушевский применительно к завоеванию тем же Чингис-ханом Средней Азии, с оказавшимися сопротивлением городами обычно поступали двояко. Если после осады город сдавался сам, то всех воинов убивали, крепких юношей брали «в толпу», т. е. чтобы использовать их в качестве живого щита или для тяжелых осадных работ в дальнейших войнах, и только женщин и детей, а также искусных ремесленников обращали в рабство. Если же город брали штурмом или если приходилось подавлять вспыхнувшее в нем восстание, то производилась «всеобщая резня», а уцелевших после нее жителей выгоняли в поле, делили между воинами и добивали. Бывало, что вместе с городами вырезывались их сельские округа. По подсчетам И. Я. Петрушевского, в Средней Азии имелось не менее тридцати случаев «всеобщей резни», причем в одном из них, после

[202]

взятия Мерва, подсчет писцами убитых продолжался 13 дней (Петрушевский, 1960. С. 32 сл.; 1970. С. 115-116).

При вторжении Чингис-хана в Афганистан происходило массовое истребление мирных жителей и целенаправленно применялась особая жестокость, когда людей разрывали на части лошадьми, сажали на колья, закапывали живыми в землю или бросали в котлы с кипящей водой (Пикулин, 1970. С. 139). В Закавказье, по свидетельству Ибн ал-Асира, монголы «не оставляли никого, а убивали жен, мужей и младенцев, разрезали чрево беременных женщин и убивали зачатых детей» (цит. по: Гордлевский, 1941. С. 35). Эта исключительная жестокость по отношению к побежденным если не по степени, то по масштабам была превзойдена только Тамерланом, который после взятия Исфазара в Афганистане соорудил башню из 2 тыс. живых пленников, переслоенных битым кирпичом и глиной, а после овладения Сивасом в Малой Азии закопал живыми в землю 4 тыс. защитников города. А. Ю. Якубовский (1946. С. 70), приводя эти факты, видит в них свидетельства неоправданной жестокости. Согласиться с этим нельзя. Именно так создавалась поражающая воображение молва о том, что ждет врагов, сеялась паника, парализовалась воля к сопротивлению.

Война зачастую отличалась от грабительского набега также своей большей формализованностью. Выше уже упоминалось, что война могла устно или письменно объявляться. Во главе военных походов, как правило, стоял не какой-нибудь предприимчивый удалец, а признанный лидер, чаще всего глава племени, вожества или государства. Участие в войне было не более или менее добровольным, как в грабительском набеге, а обязательным для всех боеспособных мужчин. Такой порядок был известен уже хунну. По свидетельству Сыма Цяня, Модэ приказал рубить голову каждому, кто опоздает к месту военного сбора (Таскин. 1984. С. 296). У монголов, согласно «Великой Ясе», несвоевременная явка на сборный пункт влекла за собой суровое наказание (Греков, Якубовский, 1950. С. 342). У киргизов еще в середине прошлого века в случае войны «все боеспособные мужчины рода обязаны были братья за оружие, чтобы либо отбить нападение, либо совершить его самим» (Radloff, 1893. С. 527), а у кочевников Тибета такой порядок сохранялся еще совсем недавно (Ekvall, 196L С. 1255). По обычному праву вазиров Афганистана выбранные на время войны военачальники – эмиры посылали за уклонившимися от явки на сбор и участия в военных действиях своего рода карательные отряды, которые штрафовали провинившихся, а в случае сопротивления грабили их имущество, сжигали дома и даже могли предать

[203]

смерти. Сходные порядки существовали у других афганских племен с той лишь разницей, что право наказания у них по большей части принадлежало не выборным военачальникам, а наследственным ханам (Рейснер, 1954. С. 221-222, 230).

На военной организации мы уже в общих чертах останавливались выше, характеризуя военное дело у кочевников. Поэтому сейчас коснемся лишь того, что отличало организацию для войны от организации для набега. В набеге перед нами воины-добровольцы, и если во главе набега сам формальный лидер политики, то также его дружина или гвардия. На войне мы видим племенное, а позднее феодальное ополчение и при тех же обстоятельствах также дружину или гвардию. Известны и специфические формы, при которых правители опирались, наряду с этими видами войска, на избранные, преданные им племена (например, туркмен в государстве Сельджукидов или шахсенов в Каджарском Иране). В набеге обычное вознаграждение их участников – доля добычи, в войнах, начиная с раннеклассового времени, наблюдается постепенная эволюция к натуральному или денежному вознаграждению воинов и пожалованию ленами (икта, джагир и т. д.) их верхушки (Bosworht, 1975. С. 59-60).

Неодинаковым было и отношение к исходу набега и войны. Неудача в набеге была неудачей терпимой и по большей части поправимой. Военное поражение угрожало самому дальнейшему существованию. Поэтому в войнах обычно применялись дополнительные рычаги обеспечения победы. Примером может служить применение арабийскими и сирийскими бедуинами во время решительных сражений особых боевых инсигний. Это были пышно изукрашенные сооружения на верблюдах, нечто в роде паланкинов, у ряда племен считавшихся вместилищем духа предка племени и символом шейхской власти. Верблюд с паланкином вели впереди воинов. Обычно на нем восседала убранная невестой дочь шейха или красивейшая девушка племени, а рядом собирались другие девушки, воодушевлявшие бойцов криками и песнями, и женщины, избивавшие дезертиров. Вокруг ехали отряды фидаи-нов, для которых было делом чести умереть, но не допустить захвата врагом племенной святыни. Утрата ее считалась поражением, и к тому же племя навсегда теряло право пользоваться ею в бою. В последний раз девушка, воодушевлявшая воинов, участвовала в битве в 1915 г., когда Саудицы и Рашидицы сражались за гегемонию над Северной Аравией (Burckhardt 1831. С. 116-118, Oppenheim, 1900. Bd. 2. С. 100; Jaussen, 1908. С. 168, 174, 317; Musil, 1928, С. 571 ff.). Близкий порядок существовал еще в 1910-х годах,

[204]

во время антифранцузского восстания, у туарегов: в бою впереди шли женщины, вдохновлявшие воинов (Rodd, 1926. С. 169).

С развитием кочевнической государственности такого рода экзотические порядки уступали место более рациональным нормам поощрения храбрых и наказания трусов, а главное, поддержания железной дисциплины в войсках. Дисциплина была особенно необходима в крупномасштабных завоеваниях при образовании кочевых империй. Согласно китайским источникам, она была заведена уже шаньюем хунну Модэ в бытность его наследным принцем. Чтобы воспитать в своих всадниках беспрекословное повиновение, Модэ приказал им пускать стрелы вслед за своей стрелой и выстрелил в своего коня. Тем, кто не решился, были отрублены головы. Затем он выстрелил в свою любимую жену, и снова тем, кто не последовал за ним, были отрублены головы. Третий раз он выстрелил в коня своего отца, и не стало никого, кто не последовал бы за ним. И тогда он на охоте выстрелил в своего отца, и не было уклонившихся от безмолвного приказа (Бичурин, 1950. Т. I. С. 46-48). Рассказ этот не так уже неправдоподобен, если учесть, что для обуздания степных удалцев нужны были сильные средства. И такие средства действительно применялись, например, в ранне-государственном образовании жуаньжуаней. Тому, кто первым врывается в ряды противника, полагалась богатая добыча, а того, кто из трусости отступал, побивали камнями или в лучшем случае били палками (Таскин, 1984. С. 37).

Особенно прославились своей поистине железной дисциплиной воины Чингис-хана. Его «Великая Яса», хотя и известная в немногих отрывках, содержит ряд статей о поддержании боевой готовности и наказаниях за нерадивость или небрежность. Даже охотнику, упустившему зверя в облаве, могла грозить смертная казнь (Рязановский, 1923. 4. 1. С. 44 сл.; Гирлянд, 1904. С. 64). Считается, что позднее монгольское право было смягчено буддизмом и поэтому почти исключило санкции, обязанные со смертной казнью. По воинские преступления вели к разорению. Например, по монголо-калмыцкому, или ойратскому, уставу 1640 г. за бегство с поля боя главного князя с него полагался штраф в 100 панцирей, 100 верблюдов, 50 кибиток людей и 1000 коней, второстепенного князя – 50 панцирей, 50 верблюдов, 25 кибиток людей и 500 коней, малого князя – 10 панцирей, 5 верблюдов, 5 кибиток людей, 50 коней и т. д., с простолюдина же – 1 колчан и 1 коня; кроме того, его подвергали позорному наказанию, обряжая в женскую безрукавку (Голстунский, 1880. С. 11).

[205]

5. Механизмы умиротворения

По-видимому, можно говорить о традиционном комплексе средств предотвращения или прекращения войны, которыми кочевые общества пользовались с древности и до нового времени. Одни из них применялись только в кочевой среде, другие – во взаимоотношениях кочевников с оседлыми, причем большинство из них имело универсальный характер миротворческих методов, широко бытовавших во всех предклассовых и раннеклассовых обществах.

Специфически кочевническим средством предотвратить военные столкновения было признание или установление особых отношений, выступающих в форме генеалогического родства. Этот метод хорошо известен, в частности, у бедуинов Аравии и сопредельных стран, обычное право которых знало так называемый хакк бану аль-амм – «закон братства». «Закон братства» связывал между собой как близкородственные племена (например, всех аназа или всех шаммаров), так и племена, между собой породившиеся. «Иногда, – писал по этому поводу исследователь Северо-западной Аравии А. Мусил, – два или более племени объединяются вместе и называют себя сыновьями одного отца, хотя они знают, что первоначально были совершенно чужими по крови» (Musil, 1908. С. 26). Заключение договора проходило в торжественной обстановке: шейхи племен, окруженные другими старейшинами, приносили на сабле шейха-посредника клятву в том, что отныне их племена будут вести себя как родственники. «Братские племена» имели взаимное право на пользование пастбищами, возмещали стоимость украденного имущества так же, как и в своем племени, т. е. в четырехкратном размере, а цену крови – так же, как и цену крови соплеменника – пятьюдесятью верблюдами вместо семи, безвозмездно возвращали имущество, случайно захваченное во время грабительского набега и т. п. По другим данным, грабительские набеги в среде «братских племен» все же бывали, но войны велись крайне редко. В литературе фигурирует значительный ряд таких принявших «закон братства» племен: маджали и бану сахр, шаммарские племена и зафир, харб, мутайр и аджман, мутайр и атайба и некоторые другие, по преимуществу тесно соседившие между собой племена (Huber, 1891. С. 142; Jaussen, 1908. С. 142, 153 ss.; Musil, 1908, С. 366; Raswan, 1930. С. 494, 496; Montagne, 1932. С. 69; Dickson, 1951. С. 48, 434). Таким образом, «закон братства», хотя он и не давал полной гарантии прочного и длительного мира, немало способствовал замирению раздираемых межплеменной враждой кочевнических областей региона.

[206]

В тех же целях практиковалось установление родства по браку между ханскими, шейхскими и т. п. фамилиями. К этому средству прибегали и в тех кочевнических обществах, которые практиковали ортокузенные браки, в частности, у бедуинов и туарегов Сахары. Строжайшая эндогамия, предписанная обычным правом, здесь не распространялась на правящие фамилии, в которых как для поддержания социального престижа, так и специально для установления отношений мира и добрососедства были приняты экзогамные браки (Wellhausen, 1893. С. 457; Doughty, 1888. V. I. С. 252; Oppenheim, 1900. С. 63, Jaussen, Savignac, 1914. С. 24-25).

Можно думать, что не только породнение путем брака, но и коллективное побратимство в целях установления мира и добрососедства бытовало у более широкого круга кочевников. Рашид ад-дин, отмечая, что племена курлаут, кунгират, элджигин и баргут никогда не враждовали с Чингис-ханом, добавляет: «В его время все они следовали путями побратимства и свойства». Возможно, что о таком же коллективном побратимстве говорит он применительно к племенам мангут и баргут (Рашид ад-дин, 1952).

Отношения мира и добрососедства могли устанавливаться и путем заключения обычных политических союзов. Так, например, попытка образования союза всех монгольских племен отразилась в монголо-ойратском уставе 1640 г. запрещением войн и набегов в среде союзников; за грабеж был назначен штраф в размере половины принадлежащего виновным скота (Гурлянд, 1904. С. 110 сл.; Рязановский, 1923. С. 60).

В кочевнических государствах был распространен институт заложников, которых брала господствующая верхушка у подчиненных племен номадов. Расширяя свою гвардию, Чингис-хан ввел в нее сыновей всех нойанов, приказав им явиться на службу не только с товарищами, но и с одним младшим братом, а в противном случае «подвергать правезу и ссылать с глаз долой в места отдаленные» (Козин, 1941. §§ 224-225).

Значительно шире был комплекс средств, применявших для установления и поддержания мира между политиями кочевого и оседлого населения. Лучше всего он известен на северной границе Китая, где к тому же, несомненно, не без китайского влияния приобрел характер устойчивых стереотипов и изоощренных ритуалов. Обычно он назывался «договором о мире, основанном на родстве», но породнение, под которым в данном случае, как правило, понимался брак кочевого владельца с китайской царевной, сопровождался очень своеобразным дарообменом, по большей части упорядочением пограничной торговли, а нередко и другими обязательствами.

[207]

Первоначально в Китае, по-видимому, существовало мнение, что одного только династического брака с хорошим приданым достаточно, чтобы обеспечить мир. Советник первого из императоров династии Хань, склоняя его отдать дочь за хуннского шаньюя Мо-дэ, говорил: «когда у нее родится сын, непременно объявит его наследником, который станет вместо него шаньюем... Пока Маодунь жив, он, разумеется, будет Вашим зятем, а когда умрет, шаньюем станет сын Вашей дочери. А разве когда-нибудь было слышно, чтобы внук относился к деду как к равному? Так можно без войны постепенно превратить сюнну в своих слуг» (Таскин, 1989. С. 164). Но внуки китайских императоров не становились шаньюями, и к тому же советник императора, меря на китайский аршин, превратно судил о степени хуннского почтения к старшим родичам. Династийные браки ценились кочевниками постольку, поскольку соглашения о них включали гораздо более существенные с их точки зрения пункты: не только выдачу с невестой богатого приданого, но и всевозможные материальные блага в будущем.

Подношения эти были самыми различными: «месячными», «годовыми», «рыночными», «за заслуги», приуроченными к различным поводам, вручавшимися кочевническим послам и посылавшимися ко двору их правителей. Состояли они главным образом из зерна, вина, тканей и других ремесленных изделий, нередко также драгоценных металлов. Кочевники, со своей стороны, посылали в Китай лошадей и меха, хотя известны и чисто символические подношения, например, две стрелы, посланные китайскому императору правителем одной из тюркских политий. Вообще, ценность даваемого обеими сторонами зависела от соотношения сил. По существу, слабейшая сторона платила дань, сильнейшая – ограничивалась полусимволическими отдарками, но при этом каждая из сторон предпочитала считать, что она получает дань, а сама только Посылает «дары» от щедрот своих. Особенно большое значение придавали подобному этикету китайцы, даже разработавшие дифференцированные, но всегда достаточно почетные для них обозначения своих «даров» и чужой «дани» (Jagchid, Symons, 1989. С. 115, 121 ff). Кочевники, хотя именно они по большей части были той стихией, у которой приходилось покупать безопасность границ китайцам, часто гнались не за словом, а за делом. Как заметил уже В. В. Григорьев (1875, С. 17), «и мало того, что вместо «дани» соглашались кочевники принимать «дары», соглашались они даже сами давать «дань» оседлым, с тем только, чтобы за «дань» эту оплачивали им оседлые «подарками» вдвое, втрое, вдесятеро протащу их «дани».

[208]

Все же номады не всегда были такими покладистыми: с киданями китайцам пришлось сойтись на нейтральных взаимных «подношениях», а монголам и маньчжурам платить откровенную дань.

Династические браки и дарообмен обычно влекли за собой еще одно важное для кочевников и способствовавшее умиротворению обстоятельство – открытие пограничных рынков. На значении такой торговли для поддержания мира мы уже останавливались раньше. Добавим только, что во взаимоотношениях Китая с кочевым миром (главным образом при династиях Хань, Сун и Тан) все эти три средства рассматривались обеими сторонами как единый взаимосвязанный комплекс действий по предотвращению войн. Так, Сыма Цянь сообщал о правлении одного из императоров династии Хань: принцесса к хунну отправлена, «дары» посланы, пограничные рынки открыты; поэтому больших вторжений со стороны кочевников нет, а мелких мало. Точно так же почти тысячелетие спустя при одном из танских императоров добрососедские отношений с уйгурами были достигнуты посылкой их хану китайской принцессы, 50 тыс. свертков шелка как первоначального «дара» и приказом открыть пограничные рынки. Бывало, что правители кочевников прямо требовали от китайцев выполнения всех этих трех условий, заявляя, что «только тогда не будет набегов на окраины» (Jagchid, Symons, 1989. С. 28, 30, 139).

Существовали и другие, как бы дополнительные способы поддержания мира у Великой китайской стены. Когда кочевники в принципе признавали верховенство Китая, им жаловались почетные титулы (Таскин, 1984, С. 71, 304, 307, 325, 329). Бывало и так, что с них требовали заложников (там же. С. 72, 100, ПО). Для этого тоже существовала смягчающая суть дела форма: некоторые шаньюи и каганы посылали сыновей на службу к императорскому двору (Jagchid, Symons, 1989. С. 78-80, 118-119).

Такие же методы установления и поддержания мира в той или иной степени практиковались и в других регионах, в которых кочевники соседнили с оседлым земледельческим населением.

Универсальное распространение имели взаимные браки, заключаемые в ознаменование мира и добрососедства. К этой практике могли прибегать достаточно широко, так как и у самих кочевников и у многих их оседлых соседей существовало многоженство. При выборе брачных партнеров учитывались некоторые общие принципы, определявшиеся политической психологией эпохи. При династических браках невесту чаще предоставляла более слабая или более заинтересованная сторона, как это имело место на северной границе Китая, хотя китайцы в соответствии со своей

[209]

общей политической концепцией и посылку принцесс варварам рассматривали как «дар». Именно поэтому во время скифских «бесчинств» в Передней Азии ассирийский царь Асархаддон склонялся к тому, чтобы ради мира и дружбы со скифами отдать дочь за их царя Партатуа (Хазанов, 1975. С. 218), а тангутский правитель Лун-Шидургу, признав себя вассалом Чингис-хана, отдал ему дочь в жены (Рашид ад-дин. 1952. С. 144). Если же такую сторону представлял жених, то невеста ему давалась низшего статуса. Например, когда правитель Алмалыка Озар и предводитель карлуков Арсланхан признали власть Чингис-хана, они получили в жены девушек из его рода (Дюссон, 1937. С. 82). Но так бывало далеко не всегда. Скажем, сын героя «Слова о полку Игореве» Игоря Святославича или основатель Москвы Юрий Долгорукий были женаты на половчанках как равные на равных.

Широко применялось взятие заложников как в откровенной форме, так и в несколько завуалированном виде принятия на службу сыновей потенциального противника. С другой стороны, не был редкостью и подкуп представлявших опасность кочевнических правителей почетными титулами и званиями. Иранские шахи жаловали кашкайским ханам титул ильхани, а афганским сардарам титул шахзадэ, османские султаны присваивали сильнейшим из соседних бедуинских шейхов звание пашей, а правители Неджда – почетное наименование эмиров (Иванов, 1961. С. 92; Рейснер, 1954. С. 55; Першиц, 1961. С. 166, 191).

Все же как наиболее эффективная альтернатива войны везде и всегда выступала заинтересованность в дани и торговле. Только уплатой дани покупали себе относительно мирное существование греческие государства Северного Причерноморья у скифов; Восточная Римская империя у европейских гуннов, аваров, печенегов; Русь у тех же печенегов, золотоордынцев, ногайцев, крымских татар; присырдарьинские оазисы у казахов; многие североаравийские городки и селения у бедуинов и т. д. Здесь также был широкий диапазон от неприкрытой и подчас непосильной дани вроде золотоордынской до того, что, подобно «дарам» у китайцев, называлось «поминками», как на послемонгольской Руси, или хувой, -вознаграждением за «братство», как в арабском мире. Все же суть всегда состояла в том, что отметил Зломари в отношении данников ордынских ханов «если они обращались к нему с повинованием, подарками и приношениями, то он оставлял их в покое, в противном же случае делал на них грабительские набеги и стеснял их осадами» (Тизенгаузен, 1884. С. 231). Что касается торгового обмена, то его свобода подчас даже специально оговаривалась в

[210]

мирных договорах, например, в договоре 434 г. европейских гуннов с Восточной Римской империей (Бернштам, 1951. С. 151, 154; Хаза-нов, 1975. С. 256).

Если в войне не происходило полного разгрома противника, то часто имело место официальное заключение мира. Связанные с ним обычаи и обряды очень варьировали, но по сути сводились к прямым (с помощью послов) или опосредованным (через медиаторов) переговорам об условиях мира и к закреплению его определенными сакральными формулами. Роль посредников (в некоторых обществах, как например, у кочевых тибетцев очень большая – Ekvall, 1966. С. 30 ff.) объяснялась стремлением использовать авторитет влиятельного лица – вождя, правителя, священнослужителя. Возможно, впрочем, что какое-то значение здесь имело и отсутствие твердо установившейся практики безопасности послов.

V

ВОЕННАЯ И МИРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОЧЕВНИКОВ КАК ФАКТОРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

1. Вопрос о роли кочевников в истории

Не поднимаясь выше раннеклассового уровня развития, кочевники взаимодействовали с обществами всех исторических эпох -древности, средневековья, нового времени. Естествен вопрос: какую роль сыграли они в историческом процессе своей военной и мирной деятельностью? Вопрос этот далеко не нов, но на него все еще нет общепринятого ответа.

Существуют самые различные взгляды на историческую роль кочевников. Первый из них достаточно определенно сформулировал уже Гегель. «Они внезапно, как опустошительный поток, нападают на культурные страны, и вызываемый ими переворот не приводит ни к каким результатам, кроме разорения и опустошения; Такие движения народов происходили под предводительством Чингис-хана и Тамерлана: они все растаптывали, а затем опять исчезали, как сбегает опустошительный лесной поток, так как в нем нет подлинного жизненного начала» (Гегель, 1935. С. 85). В раннем русском востоковедении В. В. Григорьев, предприняв специальный обзор отношений между кочевыми народами и

[211]

оседлыми государствами, пришел к выводу, что в этих отношениях преобладали, если не кочевнические завоевания, то борьба, в которой «кочевники постоянно являются достигающими своей цели – дарового приобретения произведений оседлого труда» (Григорьев, 1975. С. 15). На другую сторону деятельности номадов обратил внимание Э. Реклю, писавший, что кочевники не только опустошали земледельческие области, но и губили сам культурный ландшафт (Реклю, 1906. С. 361-382). Впоследствии этот тезис был подтвержден расчетами специалистов, показавшими, что, например в Магрибе, экстенсивное скотоводство в течение только одного века повело к гибели почвенного и растительного покрова на площади в 4 млн. гектаров (Видясова, 1987. С. 100).

Взгляд на кочевников как на преимущественно хищников и разрушителей земледельческих цивилизаций и в дальнейшем остался распространенным в литературе (см., например: Семенов, 1940; Греков, Якубовский, 1950; Петрушевский, 1960; Майский, 1962; Тихвинский, 1970; Толыбеков, 1971; Pipes, 1955; Irons, 1974; и др.). В то же время очень рано возникает противоположная, подчас даже апологическая оценка завоеваний кочевников, в частности, монголов и создания ими могущественных империй. Эта оценка имела разные корни. В одних случаях это преклонение перед недюжинными личностями таких завоевателей, как Атилла или Чингис-хан (Howorth, 1876; Curtin, 1908; Grousset, 1939), в других – также апологетика «особых способностей» тюрко-монголов у пантюркистов (см.: Brown, 1920), в иных – стремление противопоставить Евразию «латинскому Западу у евразийцев 1920-х годов и их эпигонов (см.: Пашуто, 1962; Федоров-Давыдов, 1978. С. 8, 24). В последнее время делаются попытки возрождения идей евразийства. См., однако Д. СЛихачев (1994). Более серьезный след в истории вопроса оставил В. В. Бартольд, который, пересматривая одностороннюю трактовку монгольских завоеваний как только варварского нашествия, отметил значение империи Чингисидов для развития торговли и укрепления культурных связей между Востоком и Западом, т. е. в конечном счете для исторического прогресса (Бартольд, 1963. Т, L С. 461-462; 526 сл.). Этот взгляд был поддержан В. А. Горdevским (1941, 1947) и А. Н. Бернштамом (1951) и неоднократно подвергался критике в нашей литературе (см. в особенности; Петрушевский, 1960. С. 36-37).

В последнее время чаще всего встречается третья точка зрения, согласно которой, во-первых, кочевники и оседлые были в равной степени детьми своего воинственного времени и,

[212]

во-вторых, их взаимоотношения определялись не столько враждой, сколько партнерством в разделении труда и торговом обмене.

Казахский историк А. Х. Маргулан, возражая тем, кто видит в кочевниках степных хищников, отмечает, что их в свою очередь грабили правители земледельческих государств (Маргулан, 1950. С. 6-7). В. А. Ахмедов также подчеркивает, что правители оседлых областей не отставали в этом отношении от кочевнических правителей (Ахмедов, 1965. С. 82), а по мнению А. А. Рослякова, «в обстановке непрерывной пограничной войны невозможно было определить, кто «просто» напал, а кто совершая «ответный» набег» (Росляков, 1955. С. 42). Еще дальше идет Р. Б. Сулейменов, когда он протестуя против «дискриминационного» отношения к кочевникам, утверждает, что во взаимоотношениях номадов с оседлыми преобладали не войны, а добрососедские отношения, а если время от времени и возникали войны, то они вызывались экспансионистскими устремлениями как тех, так и других (Сулейменов, 1989. С. 98, 100). В западной литературе сходный взгляд высказан в связи с дискуссией о так называемой хиляльской катастрофе – последствиях вторжения в XI в. в Северную Африку соплеменности арабских бедуинов бану хиляль, речь о чем будет дальше. В ходе этой дискуссии часть ее участников, одержимая своего рода комплексом вины представителей метрополии, сделала попытку «реабилитировать» арабское население североафриканских колоний (см. в особенности: Rogset, 1967).

Однако такой «уравнительный» подход к вопросу едва ли соответствует фактам. Конечно, как это уже не раз отмечалось в литературе (см., например: Калиновская, 1989. С. 106), на определенной стадии исторического развития повышенная воинственность была в равной степени свойственна и оседлым, и кочевникам, да и позднее военные действия открывали и одни, и другие – обычно те, кто были или считали себя сильнее. Но кочевники задержались на этой стадии дольше оседлых и поэтому, равно как и в силу уже известных нам особенностей их экологии, хозяйства, общественно-политической организации, образа жизни и т. д., именно они обычно намного дольше были нападающей стороной.

Другие исследователи, придерживающиеся этого «уравнительного» взгляда, более обоснованно делают упор на уже известную нам связь войны или мира с торговым обменом. Но при этом одни из них достаточно осторожны (см., например: Рейснер, 1954. С. 53; Khazanov, 1984. С. 206-207; Jagchid, Symons, 1989. С. 36), у других же эта связь выглядит слишком жесткой. Так, Т. А. Жданко считает, что «роль в историческом процессе пресловутых

[213]

«разбойничьих» нападений кочевых орд на земледельческие оазисы сильно преувеличена» и что такие нападения «большой частью вызывались именно нарушением по каким-либо историческим причинам тесных торговых связей степных племен с оазисами и стремлением восстановить экономическое равновесие путем насильственного подчинения городов и сельских местностей и получения необходимых кочевникам продуктов земледелия и ремесла в виде добычи или дани» (Жданко, 1961. С. 54; ср.: Жданко, 1968. С. 279). На самом деле даже при наличии доброй воли оседлых к торговле и более того – к уплате дани кочевники, имея к тому возможности, могли предпочитать захват нужной им продукции силой. Один из ханьских императоров возмущался: мы украсили дочерей, чтобы отдать их в жены хуннскому шаньюю и щедро снабжаем его шелком, украшениями и другим добром, а между тем вторжения и грабежи хунну нескончаемы (Jagchid, Symons, 1989. С. 59). Такое предпочтение могло возникать по разным причинам: из-за неумения оседлых правителей организовать упорядоченную пограничную торговлю – без лихоимства чиновников и обмана кочевников, из-за своеволия степных удальцов, не всегда подчинявшихся своим ханам и шейхам и т. п. Надо учесть и то, что при мирных отношениях доходы получала преимущественно верхушка номадов, в то время как добыча от грабежей могла делиться более равномерно. У бедуинов Аравии акыды временами объявляли, что при дележе добычи от грабительских походов «каждый волос будет разделен нами на равные части» (Musil, 1908. С. 376). Один из сановников китайской династии Сун, уговаривая киданей Восточного Ляо заключить мир, говорил: «если Ляо установит с Сун мир, то Ляо будет легко получать ежегодные платежи и прибыли пойдут в ханскую казну. Если же Ляо развяжут войну с Сун, то все прибыли пойдут подданным, а ханской казне достанутся убытки» (Jagchid, Symons, 1989. С. 191). Больше того, не только торговля нередко не давала гарантий от военных действий, но и военные действия подчас не препятствовали торговле, так как обе стороны свободно пропускали купцов (Греков, Якубовский, 1950. С. 28-29).

Тем более предпочитались военные грабежи кочевническими империями, причем нередко также получению дани с побежденных или упорядоченной эксплуатации завоеванных земледельческих государств. Наиболее известный и хорошо изученный пример тому – державы Чингисхана и его приемников. Как показали уже В. В. Бартольд (1963. Т. Н. 4. 1. С. 263), а затем более полно С. П. Толстов (1948. С. 344), И. Л. Петрушевский (1952. С. 12 сл.), В. Ц. Мункуев (1965. С. 48) и др., в XIII в. и отчасти в

верхних слоях монгольских завоевателей имелись два политических направления. К первому, поддерживавшемуся значительной частью монгольской и тюркской военно-кочевой знати, принадлежали поклонники старины, выступавшие против оседлой жизни, земледелия, городов, за военный грабеж и в лучшем случае ничем не ограниченную эксплуатацию завоеванного населения. Второе направление имело в виду обуздание центробежных тенденций кочевых феодалов, для чего были необходимы опора ханской власти на местную феодальную верхушку, покровительство городской жизни, упорядочение эксплуатации покоренного населения и т. п. Сторонником первого из этих направлений был сам Чингисхан, и неудивительно, что еще очень долго после его смерти оно только постепенно уступало место второму направлению.

Таким образом, нельзя согласиться с тем, что кочевники грабили оседлых соседей лишь тогда, когда нарушалось экономическое равновесие между степью и оазисом. Намного ближе к истине традиционная точка зрения, следующим образом сформулированная А. Ю. Якубовским (Греков, Якубовский, 1950. С. 32): кочевники чаще обрушивались на земледельческие области губительными войнами, что вели с ними выгонные торговые сношения. Но, рассматривая роль кочевников в истории, надо учесть и другое: война и мир у них по-разному соотносились между собой в разные исторические эпохи, что не могло не сказываться на их влиянии на ход исторического процесса.

2. Древность и средние века: helium nomadicum.

Кочевое скотоводство возникло в древности как форма экологического приспособления племен с производящей экономикой к степям и полупустыням и получило наибольшее распространение в средневековье. Оно позволило освоить для хозяйственной деятельности новые огромные пространства, до этого в значительной степени необитаемые. Человечество получило больше мясной и молочной пищи, такого сырья, как шерсть и кожа, транспортных средств. Разделение труда между кочевым и оседлым населением способствовало росту производительности труда, увеличению прибавочного продукта, развитию обмена. Тем самым возникновение и распространение кочевого скотоводства имело немалое значение для развития общественного производства.

Создав более благоприятные условия для роста и накопления богатств, кочевое скотоводство сыграло какую-то роль и в процессах классополитогенеза. В свое время А. Смит высказал мысль,

[215]

что, поскольку у кочевников скот рано перешел в частную» собственность, у них должны были ускориться темпы социальной дифференциации и сложения политических институтов (Смит, 1935. Т. II. С. 235 сл.). Эта идея была трансформирована Б. Б. Пиотровским, согласно которому скотоводство действительно вело к ускоренному классовообразованию, но, не требуя организации общественного производства, уступало оседлому земледелию по темпам политогенеза (Пиотровский, 1973; и др.). Выше отмечалось, что, на наш взгляд, у кочевников весь комплекс процессов классово-политогенеза протекал замедленными темпами. Другое дело – вопрос о том, как влияли на этот процесс контакты кочевого и оседлого населения. До сих пор живы reminiscences известной «теории завоевания» в том ее варианте, согласно которому государство возникает в результате захвата кочевниками земледельческих областей (см., например: Cohen, 1968. С. 237). Здесь можно согласиться с А. М. Хаза-новым: далеко не все государства возникали таким образом, но таким образом возникали все кочевнические государства (Khazanov, 1984. С. 229). Правда, к этому надо добавить, что зато многие из них и разваливались вследствие контактов с новыми ордами кочевников (ср.: государственное образование северных хунну и сянь-бийцев, Восточное Ляо и чжурчжени, Великая Болгария и хазары, Хазарский каганат и печенеги и т. д.). Что касается классово-политогенеза в оседлой среде, то, не будучи следствием военной активности номадов, он мог в каких-то случаях ею стимулироваться, прежде всего из-за потребности в обороне.

Кочевники внесли определенный вклад в развитие материальной и духовной культуры человечества. Это прежде всего те культурные достижения, которые выработались или диффундировали в процессе освоения степей и полупустынь кочевыми скотоводами и, в частности, кочевниками-всадниками. Сюда относятся разборное передвижное жилище – шерстяной шатер на юге и войлочная юрта на севере, и сам материал для нее – войлок, кожаная и другая облегченная утварь, такой специфически всаднический элемент одежды, как штаны, такой молочный «консерв», как сушеный творог, уже известные нам предметы верховой, а также вьючной упряжи и т. п. Специалисты считают, что кочевой мир сказал свое слово в выработке новых художественных концепций, в частности, тех, для которых в силу физической и психологической мобильности номадов характерны особая импульсивность и динамичность.

Не менее важно другое, уже не раз отмечавшееся в литературе обстоятельство: кочевники с их широкой амплитудой передвижений и тем более в основанных ими кочевых империях много

[216]

сделали для обмена культурными достижениями и для развития транзитной торговли. Так, уже Г. Шурц писал, что сам кочевник «не создает культуры, но косвенным образом способствует ее прогрессу, уничтожая границы между различными сторонами и создавая мировые государства, бесконечный горизонт которых воскрешает идею о единстве человеческого рода даже там, где эта идея, казалось, совсем заглохла вследствие политической раздробленности и самодовольства» (Шурц, 1909. С. 119). Как мы знаем, В. В. Бартольд высказал сходные мысли применительно к империи Чингисхана и позднее они встретили не только критику, но и признание.

Однако позитивная роль древних и средневековых кочевников в экономическом и культурном развитии Старого Света – это только одна сторона дела. Другая сторона – это та цена, которую заплатил Старый Свет за освоение кочевниками его засушливого пояса и за их коммуникативную роль в его истории.

Экологическая ниша, освоение которой составило заслугу кочевых скотоводов, в самого начала поставила предел возможностям их исторического развития. Как и всякая экстенсивная экономика, кочевое скотоводство ограничено в своих возможностях и обречено на застой. В то время как многие оседло-земледельческие общества успешно прогрессировали, общества кочевников, сравнительно быстро исчерпав свои потенциалы, перешли к почти полной стагнации (см. в особенности: Толыбеков, 1971. С. 50 сл., 316 сл., 607; Марков, 1976. С. 285 сл.). В этом отношении особенно показательна история вопроса о так называемых ранних и поздних кочевниках, рубежом между которыми считается середина I тыс. н. э., т. е. условная граница между древностью и средневековьем. По мнению ряда исследователей, принявших такую дифференциацию, «ранние» кочевники постоянно двигались большими массами в кибитках на телегах и жили предклассовым строем, «поздние» же перешли к кочеванию более мелкими группами, овладели такими элементами материальной культуры, как вьючная упряжь, разборные жилища, легкая утварь и жесткое седло со стремянами, а главное, уже начали создавать раннеклассовые общества. Однако А.Ж. Хазанов (1975. С. 268 сл.) привел ряд соображений в пользу того, что культурные различия между «ранними» и «поздними» кочевниками были количественными, а не качественными, общее же развитие тех и других часто было не только застойным, но и обратимым.

Но те же экологические условия кочевого скотоводства, которые поставили предел историческому развитию кочевников, как уже не раз отмечалось, до определенного времени давали им военные

преимущества перед оседлыми и полuosедлыми соседями. Поэтому свои ограниченные производственные возможности они стремились восполнить грабительскими набегами и захватническими войнами, т. е. тем, что Дж. Гуди удачно назвал «производством добычи» (Goody, 1971).

Ареал расселения древних кочевников был сравнительно меньше, а история их известна хуже, чем история их средневековых преемников. Однако и то, что известно, позволяет говорить о значительной деструктивной роли, которую они сыграли своими грабежами и завоеваниями в истории древнего мира.

Уже древнейшие кочевые скотоводы – всадники Евразии киммерийцы на рубеже II и I тыс. до н. э., по-видимому, разоряли и грабили соседей-земледельцев. Относящиеся к этому времени неукрепленные поселения на границе меду теми и другими либо погибли в огне, либо сменились городищами (Тереножкин, 1961. С. 12 сл.).

Но первые выразительные свидетельства относятся к скифам. При этом если о их вторжении в Восточную Европу Плиний Старший только глухо сообщает, что они «истребили поголовно танаи-тов и инапеев» (Plin. NH. VI. 22), то для их пребывания в Передней Азии Геродот не жалеет эпитетов. «28 лет владычествовали скифы в Азии и своей наглостью и бесчинством привели все там в полное расстройство. Ведь, помимо того, что они собирали с каждого народа установленную дань, скифы еще разъезжали по стране и грабили все, что попадалось» (Нег. I. 106). А. М. Хазанов даже усматривает в Библии намек на стремление скифов увеличить пастбища за счет обрабатываемых переднеазиатских земель (Хазанов, 1975. С. 225). В Предкавказье и Северном Причерноморье, куда скифы вернулись из Передней Азии, пастбищ хватало, но скифские завоевания, грабежи и данническая эксплуатация местного населения нередко вели к его оскудению и даже к подрыву античной торговли в Восточной Европе (Там же. С. 228 сл.).

Сменившие скифов сарматы, в свою очередь, «опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» (Diod. II. 43). Другая часть страны подверглась систематическим грабительским набегам. В частности, населению Ольвии приходилось то отбиваться от сарматов, то откупаться от них данью, что тяжело отражалось на ее хозяйственной жизни и торговых связях. Не меньше страдали от кочевников в сарматское время другие форпосты античной цивилизации в Северном Причерноморье, в частности, Боспор, который они, по свидетельству одного из античных авторов, подвергли «всем ужасам грабежа и руин» (см.: Смирнов, 1964. С. 211;

[218]

ср.: Гайдукевич, 1955. С. 53 сл.). На западе сарматские племена разграбили Подунавье, вторглись в римскую провинцию Мезию и добились получения от римлян довольно регулярной дани, на юге – не раз опустошали Закавказье и прилегающие области Передней Азии (Хазанов, 1971. С. 81-82).

На Востоке в это время контактировали кочевой мир хунну и древнекитайская цивилизация. И хотя здесь нападающей стороной не всегда были кочевники, при всех обстоятельствах больше страдало население Китая, так как именно оно вынуждено было построить в IV-III веках до н. э. Великую Китайскую стену. Соединив между собой все первоначальные защитные сооружения, она составила свыше 7 тыс. км в длину при толщине у основания 6 м и высоте 10 м и стала крупнейшим сооружением на Земле – единственным, которое видно с Луны. Но, как мы уже знаем, Стена помогала только отчасти, и во II в. до н. э. император Гао-цзу должен был заключить с шаньюем Модэ «договор о мире, основанный на родстве», положивший начало серии даннических договоров. Впрочем, и дань помогала только отчасти, в результате чего Китай оставался ареной хуннских вторжений и грабежей. Вот какой представлялась летописцу нескончаемая война с кочевниками: «Отец сражался впереди, сын умирал назади, слабые женщины стояли на пограничных притинах, малолетние дети плакали на дорогах; престарелые матери и вдовы приносили тщетные жертвы и, обливаясь слезами, обращали взоры к теням (т. е. к богам) павших в песчаных степях» (Бичурин, 1950. Т. I. С. 123). Впоследствии южные хунну частично переселились в Китай и даже создали здесь свои государственные образования, но пока они не осели и не ассимилировались, они превратили в пастбища для скота немало плодородных земель (Таскин, 1989. С. 19).

Вместе с тюрками-хунну пограничные земли Китая грабили и опустошали монголы-дунху, в особенности племена сяньбийцев и ухуаней. Во II-III веках н. э. они в этом отношении начали отодвигать хунну на задний план. Эти племена, сообщает китайский летописец, «смогли захватить земли к югу от пустыни, стали совершать набеги на города и грабить их, убивать и захватывать в плен народ, в результате чего северные границы страдали, как и прежде» (Таскин, 1984. С. 82-83). «Не было ни одного года, когда бы эти земли не страдали от них», – пишет другой летописец о сяньбйцах (там же. С. 331). Что касается доминировавших в IV-V веках к Северу от Китая жужаней, то у них, по удачному выражению Л. Н. Гумилева, «все силы уходило на грабеж соседей» (Гумилев, 19676. С. 12).

[219]

Страшный след оставили за собой северные хунну, ставшие известными как западные гунны, которые положили в V в. начало Великому переселению народов. Само их имя сделалось в Европе синонимом варваров-разрушителей. Так, в Причерноморье они разграбили и сожгли большую часть городов и селений Боспора, продолжив опустошение античных колоний, начатое скифами и сарматами (Гайдукевич, 1955, С. 147). При своем дальнейшем продвижении на Запад вплоть до Франции и Северной Италии гунны, по словам Филосторгия, «разграбили всю Европу», а на юге, в Передней Азии, «произвели невероятное избиение людей» (Латышев, В. З. С. 742). Там, где они были в этом заинтересованы, они запрещали возделывать нужную им для пастбищ землю (Бернштам, 1951. С. 156). Тем самым они нанесли немалый ущерб античной цивилизации не только на ее окраинах.

Наконец, и на Ближнем Востоке уже древние кочевники систематически разоряли земли оседлых соседей. На рубеже нашей эры и особенно со II – III веков, в процессе так называемой бедуй-низации Аравии, номады подчинили себе всю центральную часть полуострова и стали отсюда вторгаться в земледельческие области. На юго-западе их набеги привели к запустению пограничных оазисов и перенесению центров йеменской цивилизации в горный Джебель, на юге расширился ареал кочевого скотоводства и началась регенерация племенной организации у местных земледельческих общин (Пиотровский» 1977. С. 88 сл.; Французов, 1960. С. 22-23). На севере они придвинулись к владениям Рима и Ирана и также стали разорять их обоим грабежами сперва самостоятельно, а позднее участвуя в их борьбе между собой. По Аммиану Мар-целлину и другим римским историографам, они кочевали от иранской провинции Ассирии до нильских катаракт и опустошали все, до чего могли добраться, держа в страхе целые провинции. Один из сирийских епископов в V в. жаловался, что на области Нисибии «напали «сборища южных родов», которые пришли в огромных количествах со своими стадами, уничтожили и опустошили селения долин и гор, осмелились ограбить и полонить из земли ромеев людей и скот» (Пигулевская, 1984. С. 65).

Еще опаснее для соседей стали номады в средние века, когда ареал их расселения расширился, а военно-политический потенциал возрос, аккумулировав опыт прежних кочевнических государств.

С середины VI по середину VII в. в евразийских степях господствовал Первый тюркский каганат, возникший в Восточной Сибири, но вскоре утвердившийся и на западе до Северного Кавказа и большей части Средней Азии включительно. С покоренного

земледельческого и городского населения тюркютские каганы вимали больше, чем иранские шахи. Кроме того, они получали дань от Китая или подвергали его грабительским набегам и дары от Ирана и Византии как вознаграждение за мир на границах или союзные отношения. О методах ведения тюркютами войн можно судить по убийству 300 тыс. лазов, предположительно, военнопленных, которых оказалось невозможным увести с собой, или по поголовной резне, учиненной после взятия вместе с хазарами Тбилиси (Гумилев, 19676. С. 55-56, 108, 153, 157, 199). Западнее их авары, разгромив кочевых союзников Восточной Римской империи, стали получать «дары» от нее самой, а затем сделали настоящей грозой для многих областей Восточной и даже Центральной Европы. Широко известно летописное сообщение о «примучивании» аварами дулебов, с которыми они обращались как со скотом: «аще поеха-ти бяше Обрину, не дадыше въпряди коня ни волу, но веляше въпряди Г [3] или Д [4] ли В [5] женъ в телегу и повести Обрина» (Полное собрание..., 1932. Т. 2. Стлб. 9).

Второй тюркский каганат, существовавший с третьей четверти VII до середины VIII в., был намного меньше и слабее. Одновременно с ним (но отчасти уже до него или позднее вплоть до монгольского времени) в евразийских степях соперничало между собой множество кочевнических объединений или ранних государств-каганатов – болгарское в Приазовье, а затем на Дунае, хазарское, уйгурское, хакасское (кыргызское), кимакское, киданьское в Восточной Сибири и Северном Китае, а затем каракиданьское в Семиречье, гузское, печенежское, половецкое и др. Все они по мере сил и возможностей грабили и разоряли своих оседлых соседей теми же методами, что древние кочевники или тюркюты.

Так, в Восточной Сибири уйгуры получали с Китая своего рода дань, принудив его к неэквивалентному обмену негодных лошадей на полноценный шелк, так что «Срединное государство совершенно истощилось для роскоши кочевых» (Бичурин, 1950. Т. I. С. 323-324). При возникновении конфликтов они вторгались в империю и, даже признав себя ее вассалами, предъявляли требования, которые «не имели пределов» (Там же. С. 329). В прикаспийских и причерноморских степях хазары неоднократно вторгались через Дагестан в Закавказье, захватывая здесь полоняников, скот и другую добычу. На севере и западе они значительно время держали в податной или даннической зависимости многие славянские и поволжские земли, включая сюда Волжскую Болгарию (Артамонов, 1962; Плетнева, 1986). Когда в хазарские степи между Волгой и Донцом вторглись теснимые гузами печенеги, они первым делом

[221]

разграбили и сожгли поселения полуоседлых жителей, вернув пастбища в их первоначальное состояние. Заодно были частью уничтожены, частью же изгнаны кочевники венгры, которые, в свою очередь, опустошили Паннонию, изгнав местное население и превратив его земли в пастбища (Плетнева, 1982. С. 24-25). Разоряли печенеги и русские земли: Константин Багрянородный (1934. С. 5) сообщал, что они «грабят Русь и причиняют ей много вреда и убытков».

В Семиречье каракидани, которые после разгрома Восточного Ляо и передвижения на запад основали здесь государство Западное Ляо, поначалу взимали с покоренных Туркестана, Маверан-нахра и Хорезма только упорядоченную контрибуцию, а затем дань, в чем В. Б. Бартольд видит результат их известной китаизации. Однако вскоре они, по Джувейни, стали сильно «притеснять» земледельческое население Средней Азии и, подавляя его сопротивление, разорили и опустошили ряд городов (Бартольд, 1963. Т. II. С. 4. 1. С. 43 сл.). В Белуджистане белуджи, по свидетельству их исследователя М. Г. Пикулина (1959 С. 23), захватывая земли своих оседлых соседей, разрушали более высокую культуру земледельческих народов и превращали их поля в пастбища, а их самих либо истребляли, либо ставили в зависимость. И т. д. и т. п.

Может быть, самым страшным по своим масштабам и последствиям было монгольское нашествие на страны Азии и Европы, начатое Чингисханом. Оно было открыто в 1205 г. походами на тан-гутское государство Си Ся и чжурчжэньское государство Дзинь на территории Северного Китая, прекратившие свое существование соответственно в 1227 и 1234 годах. Тогда же было подчинено корейское государство Коре, а до этого, в 1218 г. под власть монголов подпал восточный Туркестан. 3 года спустя были завоеваны Мавераннахр и Хорезм, после чего началось вторжение в Афганистан и Индию. В 1236 г. был захвачен Кавказ, в 1243 г. – государство Сельджукидов в Малой Азии, в 1258 г. пала столица халифата Аббасидов Багдад. Уже в 1223 г. монголы впервые появились в южнорусских степях, а с 1237 г. началось планомерное вторжение в Восточную Европу – Поволжье русские земли, Польшу, Венгрию, Чехию, Молдавию, Валахию, Трансильванию. На западе монгольское нашествие захлебнулось в 1242 г. у берегов Адриатики, на Востоке же оно продолжалось до конца века: была окончательно покорена Корея, весь Китай, в котором воцарилась монгольская династия Юань, предприняты походы в государства Юно-Восточной Азии и даже сделана попытка овладеть Суматрой и Явой.

В разных странах нашествие имело и разные, и сходные результаты. Некоторые государства, как Си Ся, были вообще стерты

[222]

с лица Земли вместе с населением, городами и селениями и почти всеми памятниками культуры. В других, как в каганатах Восточного Туркестана, в Азербайджане, Иране или Афганистане, была разрушена ирригационная сеть и орошаемые земли превращены в пастбища, передававшиеся в распоряжение монгольских и тюркских кочевников (например, Хазараджат в Афганистане или Кай-таг в Дагестане). Почти повсеместно разрушались и сжигались города: только в одном Северном Китае в 1213 г. их число достигло почти ста. Завоевание повсеместно сопровождалось чудовищным сбезлюдением: в том не Северном Китае население сократилось в девять раз, в Южном Китае – более чем вдвое, в Иране, по приблизительной оценке, – в несколько раз (Петрушевский, 1960. С. 39-40).

Рубрук, побывав в Семиречье, отметил исчезновение здесь большого количества городов, упадок земледелия, превращение культивируемых земель в пастбища для номадов (Путешествия..., 1957. С. 126). Плано Карпини, посетивший Русь вскоре после татаро-монгольского нашествия, сообщал, что Киев, раньше большой и многолюдный, «сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех... держат в самом тяжелом рабстве»; вообще же, завоеватели «сражениями опустошили всю Руссию» (Там же. С. 46-47). Точно так же почти повсеместно уцелевшие уводились в рабство, подвергались грабежу, а затем жесточайшей даннической или податной эксплуатации. Общими результатами были оживление кочевнического сектора экономики за счет сокращения оседло-земледельческого сектора, опустошение и вымирание целых районов, усиление зависимости и эксплуатации непосредственных производителей.

И. П. Петрушевский (1960. С. 31) считал, что завоевания Чингисхана во многом отличались от других опустошительных нашествий средневековых кочевников. Это были не стихийные разрушения и жестокости, а организованное массовое истребление мирного населения, уничтожение земледельческой цивилизации, проводимая сверху система продуманного террора. Целенаправленность татаро-монгольских массовых убийств и проводимого ими террора отмечал и Маркс (1989. С. 5). Вероятно здесь все же не было принципиального отличия монголов от большинства других номадов. Как мы видели, многие домонгольские кочевники сознательно проводили ту же политику. Просто сказывались масштабы возглавляемых монголами завоеваний и военно-административная упорядоченность чингисовой державы.

Нашествие другого великого завоевателя восточного Средневековья – Тамерлана не было чисто кочевническим. Хотя и

выросший в среде кочевой молодежи, с которой он ходил в набеги, Тамерлан был оседлым правителем, да и политика его была направлена прежде всего на объединение и феодальную эксплуатацию Средней Азии и Ирана. Но в его войсках кочевники составляли, по оценке А. Ю. Якубовского, не менее половины воинов, и не только войсковая организация, но и сам откровенно грабительский характер походов на Азербайджан, Переднюю Азию, Индию и Китай продолжали худшие традиции Чингис-хана (Якубовский, 1946. С. 68).

Не были чисто кочевническими и арабские завоевания VII-VIII веков. Во главе их стояли выходцы из оседлой среды, что же касается рядовых участников завоевательных походов, то сообщения о соотношении среди них оседлых жителей и кочевников противоречивы (см., например: Donner, 1981. С. 193). В настоящее время преобладает мнение, что ранние арабские завоевания не сопровождались широкой экспатриацией бедуинов Аравии и распространением ими кочевого образа жизни (Большаков, 1982. С. 156 сл.; Видясова, 1987. С. 57 сл.). В то же время исследователи сходятся в том, что в завоевания с самого начала были вовлечены бедуинские племена. По-видимому, эта вовлеченность нередко бывала очень широкой. Так, уже в первом из походов, предпринятом в 633 г. против сасанидских владений в Ираке, насчитывалось всего 2 тыс. оседлых хиджазцев, к которым по дороге примкнули еще 8 тыс. жаждавших добычи кочевников (Donner, 1981. С. 179; Большаков, 1989. С. 212). Несколько лет спустя, при завоевании Египта «Амр написал всем племенам, чтобы они пасли животных и доили их, где им понравится». Далее в том же источнике приводится обширный перечень селений и городов, где были устроены пастбища (Абд ар-Рахман ибн Абд ал-Хакам, 1935. С. 162). Еще через несколько лет при вторжении и Северную Африку были не только захвачены пастбища многих берберских племен, но и обращены в пастбища значительные массивы обрабатываемых земель (Julien, 1956в. С. 145). Как Чингис-хан завоевателям-монголам, а Огуз-хан тюркам, так и халиф Умар запретил арабам заниматься на чужбине земледелием, чтобы не отвлекаться от походов (Абд ар-Рахман ибн Абд ал-Хакам, 1985. С. 180-181).

К тому же надо учесть, что помимо арабских завоеваний первых веков хиджры (630-е годы – Сирия и Палестина, 640-е годы – Египет, Иран, Северная Африка, с начала VIII в. – Закавказье, Дагестан, Средняя Азия) были и последующие, бесспорно, имевшие характер кочевнических нашествий. Так, в XI в. из Аравии через Верхний Египет в Магриб устремилась бедуинская соплеменность бану хиляль, вторжение которой, уподобленное Ибн

Халдуном налету «тучи саранчи», получило в арабистике название «хиляльской катастрофы». И действительно, в результате этого вторжения и последующего нашествия соплеменности бану су-лейм, а также экспансии вовлеченных ими в свое движение берберских кочевых племен и перехода к кочевничеству части оседлых берберов на протяжении XI-XV веков происходила широкая бедуинизация Магриба. Повсеместно наблюдались ухудшение культурных ландшафтов, разрушение ирригационной системы, дезурбанизация, демографическая стагнация, переходящая в депопуляцию, архаизация общественных отношений – словом, общий социально-экономический регресс (Видясова, 1987. С. 99 сл.).

Таким образом, последствия по крайней мере части арабских завоеваний во многом были такими же, что и других аналогичных нашествий. Как и тюрко-монгольские вторжения, они расширили кочевой сектор экономики, что с несомненностью засвидетельствовано для Египта, Магриба, Ирана, Средней Азии, и уже одним этим сыграли роль «механизма торможения». В то же время арабское нашествие не сопровождалось таким массовым истреблением завоеванного населения и зверским террором, которые были характерны, скажем, для нашествий Чингис-хана или Тамерлана, Тем не менее нередко бывало, что при захвате оказавших сопротивление крепостей воины истреблялись, а остальные обращались в рабство, хотя более всего это касалось самого арабского населения, отказавшегося принять ислам (Большаков, 1989. С. 216, 221). С большой жесткостью подавлялись восстания, из-за чего некоторые арабские военачальники, как, например, Сайд ибн Амр ал-Хара-ши даже прославились своими зверствами. Походы часто сопровождалась разгромом городов и разорением их сельских округ, грабежами, обложении населения тяжелой контрибуцией или данью. Да и позднее, с упорядочением в завоеванных странах налоговой системы поземельная подать-харадж и подушный налог-джизья, которые должны были платить немусульмане, значительное время нелегким бременем ложились на покоренное население. Кроме того, какая-то часть этого населения отрывалась от производительного труда, включаясь в арабские войска в качестве пехоты и инженерных подразделений (НШ, 1975. С. 41). И все же в целом арабское нашествие не имело таких губительных последствий, как гуннское или тюрко-монгольские. По крайней мере население соседних стран Передней Азии, Египта и в своем большинстве Северной Африки по ряду причин быстро ассимилировалось с арабскими племенами и образовало новые арабские народности. Другое дело – Иран, Средняя Азия, Закавказье, восточная часть

[225]

Малой Азии. В их истории арабское вторжение оставило тяжкий след, хотя даже здесь оно в какой-то степени компенсировалось включением в мир арабо-мусульманской культуры.

3, Новое время: рах nomadica

Уже к концу средневековья в большинстве регионов Старого Света, граничивших с ареалами кочевого скотоводства, централизованные государства были достаточно сильны, чтобы не только успешно защищать себя от номадов, но и, в свою очередь, перейти в фронтальное наступление на кочевой мир. Тем более сделалось это возможным в новое время, когда отставшие в своем развитии области Афразии стали объектом экспансии феодально-абсолютистских или капиталистических держав. Немалую роль в изменении ситуации сыграло также то обстоятельство, что с перемещением после Великих географических открытий многих магистральных торговых путей, а затем и с постепенным развитием новых транспортных средств кочевое скотоводство стало терять прежнее экономическое значение.

Воцарение в Китае в XVII в. маньчжурской династии Цин положило конец остаткам бывшего монгольского могущества. Маньчжуры сперва подчинили восточных монголов, а во второй половине XVIII в. разгромили западно-монгольское (ойратское) Джун-гарское ханство, истребив большую часть его населения. Земли восточных монголов образовали Внутреннюю – собственно китайскую и Внешнюю Монголию, управление которой также постепенно передавалось китайским чиновникам, руководившимся имперскими законами. Хотя основным хозяйственным занятием населения по-прежнему оставалось кочевое скотоводство, в степях все больше стала распространяться земледельческая оседлость. Так, в Ордосе в 1880-х годах кочевой быт сделал «значительные уступки» оседанию (Потанин, 1950. С. 108), у кобдосских дэрбэтов в начале нашего века практиковалось поливное хлебопашество, которое «не изменило кочевой жизни», но «нормировало кочевание» (Владимирцов, 1911. С. 336). Значительно усилившийся с конца XVIII в. контроль цинского Китая над Тибетом также коснулся кочевнических районов в таких его областях, как Кам (Кычанов, Савицкий, 1975. С. III).

Приблизительно тогда же начала распространяться на кочевые народы прочная власть Российского государства. Раньше всего это коснулось ногайцев, уже в XVI в. давших Москве присягу «стерег-чи пределы России», но по-настоящему покоренных только в

XVIII-XXX веках после ряда карательных экспедиций, насильственных переселений и, наконец, заключительного массового му-хаджирства в Турцию (Калмыков, Керейтов, Сикалиев, 1988. С. 24 сл., 35 сл.). В середине XVII в. в состав России вошли калмыцкие земли, которые затем стали урезаться для русской колонизации, из-за чего часть номадов откочевала в Китай, а часть быстрее вовлеклась в процесс оседания (Народы..., 1964. С. 744).

В XVIII в. российское подданство приняли теснимые джунгарами казахи Младшего и Среднего жузов, а в середине следующего столетия – также и Старшего жуза. Хотя после этого казахское кочевое общество далеко не сразу стало «мирной средой», на протяжении всего XIX в. в нем усиливался административный контроль русских властей, и на большей части его территории ускорились темпы седентаризации (Зиманов, 1958. С. 23 сл.; Толыбеков, 1971. С. 263 сл., 405 сл.). В Средней Азии утвердить свою власть над кочевниками в новое время упорно стремились правители узбекских ханств – Хивы, Бухары и Коканда, но в большинстве случаев им не доставало сил для установления эффективного контроля. Положение изменилось, когда Российская империя, завершив присоединение Казахстана, в 1860-х годах приступила к завоеванию Средней Азии. Образовав на большей части ее территории Туркестанское генерал-губернаторство и установив протекторат над Бухарой и Хивой, русская администрация, может быть, впервые в истории края покончила с вольностью кочевых киргизов, казахов, каракалпаков и туркмен. В результате и здесь в большинстве областей начала сокращаться дальность перекочевков, стал набирать силу процесс перехода к полуоседлому, а затем и оседлому хозяйству (см., например: Абрамзон, 1971. С. 72 о киргизах; Марков, 1976. С. 212-213 о туркменах).

На Среднем Востоке кочевничество сдавало былые позиции разными путями, разными темпами и в разной мере. У патанов Афганистана и пуштунов Пакистана, по собственному почину оседавших на завоеванных ими или свободных землях по скатам Сулеймановых гор, с позднего средневековья и до новейшего времени количество номадов сократилось не менее чем втрое (Рейонер, 1954. С. 42 сл.). У пакистанских белуджей, до XVI в. практиковавших земледелие лишь в самых ограниченных масштабах, к началу XX в. кочевала лишь треть, а к середине века – только шестая часть населения (Никулин, 1959. С. 24, 148). Медленнее сокращалось в том же Пакистане количество кочевых брагуев из-за большей аридности их территории: в 1011 г. у них насчитывалось немногим больше четверти, а в 1931 г. только около половины

[227]

осевших на землю (Пикулин, 1967. С. 58). В Иране также, численность кочевников, в частности, племен Фарса к концу нового времени по сравнению со средневековьем сократилось в два-три раза, но в ряде районов они все же оставались основной массой населения. Из-за слабости каджарской династии и сохранявшейся феодальной раздробленности страны ханы кашкайдев, хамсе, луров и бах-гиаров либо были не только фактическими, но и официальными наследственными правителями областей, либо соперничали с назначенным Тегераном губернатором. Только с приходом к власти в 1925 г. Реза-шаха центральное правительство, стремясь покончить с независимостью кочевых племен, стало вооруженной рукой переводить их к оседлости и даже разоружать. Однако после отречения в 1941 г. Реза-шаха от престола началось частичное возвращение племен к кочеванию и временное восстановление их политического влияния (Garrod, 1946a. С. 40; Garrod, 1946b. С. 298 *it*; Douglas, 1952. С. 145; Пикулин, 1959. С. 140; Иванов, 1961. С. 26 сл.; 35, 46 сл. 90-91, 120 сл.; Трубецкой, 1963. С. 160-161, 165, 170).

Наконец, и на Ближнем Востоке закат номадизма в значительной степени определялся политической ситуацией и размерами кочевнических массивов в разных странах этого региона. У рыхлой Османской империи хватило сил, чтобы к концу XIX в. подчинить и в основном перевести к оседлости остатки тюркских кочевников – юрюков и туркмен собственно Турции (Еремеев, 1963. С. 66). Не она была не в состоянии установить сколько-нибудь эффективный контроль над обширными землями арабских и берберских номадов. К этому предпринимались лишь отдельные попытки, например, багдадскими пашами, несколько раз почти безуспешно пробовавшими посадить на землю наиболее непокорные бедуинские племена (Адамов, 1905, С. 6). Не имели возможности установить прочную власть над кочевниками также фактические правители-беи захваченных турками стран Северной Африки или сохранившие независимость султаны Марокко и эмиры Аравии. В Марокко, например, районы кочевого скотоводства, в отличие от районов оседлого земледелия, получили название билад ас-сиба (страна мятежа). Положение стало меняться только в середине XIX и главным образом в первой трети XX в. Колониальный захват Алжира и Туниса, а позднее Марокко и Ливии поначалу ограничивался их прибрежной полосой, но постепенно европейские войска, снабженные новейшей техникой, проникали в глубинные районы и истребляли или приводили к покорности целые племена. Подобным же образом и с теми же результатами действовали после 1-ой мировой войны мандатные власти в Сирии,

[228]

Трансиордании и Ираке. В одной лишь Аравии подчинение бедуинов и их частичной перевод к оседлости были (достигнуты не только огнем и мечем, но и с помощью религиозной пропаганды. Возобновившееся в самом начале XX в. феодальное объединение северных и центральных областей полуострова под власть Саудидов было облечено в форму тавхида (ваххабизма), в число требований которого в 1910-х годах вошли разрыв традиционных родоплеменных связей и поселение в земледельческо-скотоводческих колониях-хиджрах (подробнее см.: Першиц, 1961. С. 209 сл.; Васильев, 1982. С. 252 сл.). К 1930-х годам в Саудовской Аравии, этом едва ли не последнем оплоте массового номадизма, еще насчитывалось, по различным оценкам, от двух пятых до двух третей кочевого населения, но теперь все оно было разоружено и послушно центральному правительству (Першиц, 1961. С. 47, 220).

С ваххабитским движением 1920-х годов связана попытка последнего кочевнического завоевания, впрочем, ограниченная по масштабам и неудачная. Некоторые принявшие новое вероучение...

бедуинские шейхи и их соплеменники, страдая от последствий кризиса скотоводческого хозяйства и запрещения грабительских набегов, требовали продолжения собирания арабских земель за пределами Аравии и самовольно предприняли ряд военных рейдов в сопредельные арабские страны. Это одновременно было и бедуинским восстанием против власти Ибн Сауда, подавленное в 1930 г. королевскими войсками (Rihani, 1928. С. 192; Dickson, 1951. С. 347 ff; Dickson, 1956. С. 285 ff.).

Разумеется, процессы оседания номадов или их включения в оседло-кочевнические общности в качестве подчиненной стороны шли и в древности, и в средние века (см., например: Julin, 1956. С. 97; Бартольд, 1963. Т. I. С. 382; Петрушевский, 1940. С. 312; Рейснер, 1954. С. 55, 63). Но если иметь в виду общую тенденцию, то нельзя не согласиться с уже выдвинутым рядом исследователей положением: средневековье было временем продолжавшейся номадизации, новое время стало временем седентаризации основной массы номадов и политического поглощения тех из них, кто еще сохранил кочевой образ жизни (Planhol, 1968; Хазанов, 1975; Ви-дьясова, 1987; и др.).

4. Общие выводы

Итак, какую же роль сыграли кочевники своей военной и мирной деятельностью в историческом процессе?

[229]

Не вызывает сомнений позитивные последствия таких аспектов мирной активности номадов, как освоение степей и общественное разделение труда, развитие межконтинентальных торговых связей и посредничество в культурном обмене. Можно думать, что возникновение не только скотоводства, но и его широко распространенного в древности и в средние века кочевого типа явилось одной из причин исторического опережения Старым Светом Нового Света, а Северной Африкой Тропической Африки.

В то же время обратная сторона этой активности – грабительские набеги и завоевания номадов – вплоть до нового времени тормозила развитие тех оседло-земледельческих регионов, по соседству с которыми сложилось кочевое скотоводство. Может быть, сильнее всего в этом отношении пострадал Китай, где два тысячелетия защиты от кочевого мира выработали политику и идеологию изоляционизма, но немногим меньше – другие страны Азии и Северной Африки. В большой степени обескровливалась Восточная Европа и прежде всего русские земли, которые с самого начала контактировали с кочевниками и, по образному выражению Блока, Держали щит между двух враждебных рас – Монголов и Европы.

В частности, Русь два с половиной века несла на себе тяжесть татаро-монгольского ига. Известно, что Маркс (1989. С. 5), оценивая последствия татаро-монгольских завоеваний на Руси, писал об опустошениях, массовой резне, систематическом терроре, иге, которое не только подавляло, но и оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой. Еще экспрессивнее охарактеризовал он (Архив... Т. V. С. 221) результаты вторжения номадов в государство хорезмшахов: «Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети – все летит к черту» .

Да и сами кочевнические образования, обогащаясь за счет военной добычи, не имели стимулов для развития производительных сил, оставались застойными экстенсивно-скотоводческими обществами. Правда, когда кочевые племена завоевывали земледельческие области, они обычно переходили к политической жизни. Но при этом исторический прогресс номадов опять-таки происходил на костях оседлого населения, а образованные ими государства зачастую сметались новыми кочевническими ордами.

В особом положении оказалась Западная Европа. Она подверглась лишь недолговременному нашествию гуннов и, отчасти аваров. Хотя некоторые исследователи считают, что даже это замедлило ее развитие (см., например: Tompson, 1948. С. 204-207, 214-215), она все же осталась не истощенной номадами. Больше того,

[230]

Почти не ощутив на себе военно-грабительской активности кочевников, она, как и другие регионы Старого Света, пожала плоды их мирной хозяйственной и культурной деятельности. Наконец, именно стагнация и отставание многих ослабленных кочевниками цивилизаций Востока к концу средних веков открыли для нее возможности обогащения за счет колониальных и зависимых стран. Разумеется, военная или мирная деятельность кочевников не была единственным фактором темпов исторического процесса и опережающего развития Западной Европы. Но вопрос о значении этого фактора в ряду других – дело особого исследования.

[231]

ЛИТЕРАТУРА

- Абд ар-Разман ибн Абд ал-Хакам. 1985.* Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса, М.
- Абрамзон С.М. 1944.* Черты военной организации и техники у киргизов // Тр. Ин-та яз., лит. и ист, Кирг. фил, АН СССР Вып. 1. Фрунзе.
- Абрамзон СМ. 1951.* Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии // ТИЭ, Т. 14. М.
- Абрамзон СМ. 1970.* Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ // СЭ. № 6.
- Абрамзон СМ. 1971.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.
- Аверкиева Ю.Л. 1970.* Индейское кочевое общество XVIII-XIX вв. М.
- Агаджанов С. Г. 1969.* Очерки истории огузов и Туркмен Средней Азии XI-XIII вв. Ашхабад.
- Агаджанов С. Г. 1973.* Сельджукиды и Туркмения в XI-XII вв. Ашхабад.
- Адамов А. 1905.* Земледелие в Арабском Ираке // Сб. консульских донесений. СПб.
- Азимджанова С. А. . 1971.* Государство Бабура в Кабуле и Индии. М.
- Андрианов Б. В. 1985.* Неоседлое население мира: Историко-этнографическое исследование. М.
- Аннинский С.Л. 1940.* Известия венгерских миссионеров XIII-XVI вв. о татарах в Восточной Европе // Ист. архив, Вып. 3.
- Артамонов М. И. 1962.* История хазар. Л.
- Архив К. Маркса и Ф. Энгельса.*
- Ахмедов В.Л. 1965.* Государство кочевых узбеков. М.
- Бартольд В. В. 1963.* Сочинения. М.
- Беляев Е.Л. 1965.* Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М,
- Бернар О., 1949.* Северная и Западная Африка. М.
- Бернштейн А.М. 1951.* Очерк истории гуннов. Л.
- Бичурин Н.Л. (Иакинф). 1950.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1-2, М. -Л.
- Блаватский В. Д. 1954.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Бланхеннагель. 1858.* Путевые заметки о Хиве в 1793-1794 годах// ВИРГО. 4. 22.
- Боголепов М. 1907,* О колебаниях климата Европейской России в историческую эпоху // Землеведение. Кн. 3-4.
- Боголепов М. 1908.* К вопросу о влиянии колебаний климата на некоторые явления народной жизни // Землеведение. Кн. 1.
- Большаков О. Г. 1982.* Средневековый арабский город // Очерки истории арабской культуры V-XV вв. М.
- Большаков О. Г. 1989.* История Халифата. Т. 1. Ислам в Аравии, 570-633. М.
- Брегель Ю. Э. 1961.* Хорезмские туркмены. М.
- Вайнштейн СИ., Крюков М. В. 1984.* Седло и стремя // СЭ. № 6.

- Валиханов Ч. Ч. 1904.* Сочинения. СПб,
- Васильев А.М. 1982.* История Саудовской Аравии (1745-1973). М.
- Видясова М. Ф. 1987.* Социальные структуры доколониального Магриба. Генезис и типология. М.
- Владимирцов Б. Я. 1911.* Поездка к обдоским дэрбэтам летом 1908 г. // ИИРГО, 4,46.
- Владимирцов Б.Л. 1934.* Общественный строй монголов: Монгольский ко чевой феодализм. Л.
- Воробьев В. В. 1903,* Астраханские калмыки // РАЖ, № 1.
- Вяткин В. П. 1947.* Батыр Срым. М. -Л.
- Гаджиева С. Ж. 1979.* Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX – начало XX в. М.
- Гайдукевич В. Ф., 1955,* История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М. -Л.
- Гаудио А. 1985,* Цивилизации Сахары. Десять тысячелетий истории, культуры и торговли. М.
- Гегель И. 1935.* Философия истории // Соч. Т. 8. М. -Л.
- Гейер И.М. 1894.* Голод и колонизация в Сырдарьинской области// Сб мат. для статистики Сырдарьинской обл. Т. 2. Ташкент
- Гордлевский В.Л. 1941.* Государство Сельджукидов Малой Азии. М. -Л,
- Гордлевский В.Л. 1947.* Что такое «босый волк» (К толкованию) Слова о полку Игореве» // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. Т. 6. Вып. 4.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. 1950.* Золотая орда и ее падение М,-Л.
- Григорьев В. В. 1875.* Об отношении между кочевыми народами и оседлыми государствами // ЖМНП. 4. 178. № 3-4.
- Григорьев В. Ю., 1904.* Перемены в условиях экономической жизни населения Сибири // Зап. Красноярского подотдела Вост. Сиб, отдела Импер. Русск. геогр. общ-ва по статистике. Т. 1. Вып. 1.
- Голстунский К. Ф. 1880.* Ойратские законы 1640 г. СПб.
- Гродеков Н. И. 1883.* Война в Туркмении в 1880-1881 годах Т. 1-4. СПб,
- Тройское Н. И, 1889.* Киргизы и кара-киргизы Сырдарьинской области Т 1 Юридический быт. Ташкент.
- Гумилев Л.Л. 1960.* Хунну. М.
- Гумилев Л.Л. 1961.* Орды и племена у древних тюрок и уйгуров // Мат по этнографии. Вып. 1. Л.
- Гумилев Л. Н. 1966а.* Истоки ритма кочевой культуры Средней Азии // НАА. № 4,
- Гумилев Л. Н. 1966б.* Гетерохронность увлажнения Евразии в древности (Ландшафт и этнос). IV. // Вестн. Ленинград., ун-та, № 8. Сер. геологии и географии. Вып. 3.
- Гумилев Л. Н. 1966в.* Гетерогенность увлажнения Евразии в Средние века (Ландшафт и этнос). V. // Вестн. Ленинград, ун-та, № 18. Сер. геологии и географии, Вып. 3.
- Гумилев Л.Л. 1967а.* Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // ИСССР. № 1
- Гумилев Л.Л. 1967б.* Древние тюрки. М.

Гумилев Л. Н. 1970. Место исторической географии в востоковедных исследованиях // НАА. № 1.

Гурлянд Я.М. 1904. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столет. // Изв. общ-ва археол., ист. и этногр. при Имп. Казан, унте. Т. 20. Вып. 4-5.

Давлетишин 1899. Отчет о командировке в Хиджаз. СПб.

Давыдов А. Д. 1969. Афганская деревня (Сельская община и расслоение крестьянства). М.

Дигар Ж. -П. 1989. Отношение между кочевниками и оседлыми племенами на Среднем Востоке // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.

Добромыслов А.М. 1900, Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края, 1734. Т. 1. Оренбург.

Доссон К. 1937. История монголов. От Чингиз-хана до Тамерлана. Т. 1. Иркутск.

Дурдыев М. В. 1970. Пограничные и охранные отряды у туркмен Ахала в конце XIX – начале XX в, // Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук. № 3.

Еремеев Д. Е. 1963. Происхождение юрюков и туркмен Турции и основные этапы их истории // Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии. М. -Л.

Ермолов Л. Г. 1987. Сложносоставной монгольский лук // СМАЭ. 61. Л.

Жданко Т.Л. 1961. Проблема полуоседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана // СЭ. № 2.

Жданко Т. Л. 1968. Номадизм в Средней Азии и Казахстане: Некоторые исторические и этнографические проблемы // История, археология и этнография Средней Азии. М.

Завадский-Краснопольский АЛ. 1874. Русское царство. Приаральский край. СПб,

Зиманов С. З. 1958. Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата.

Златкин И.Я. 1971. Концепция истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность // Современная историография стран зарубежного Востока. М.

Иванин М.М. 1878. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар. СПб.

Иванов П. В. 1936. Очерки истории каракалпаков // Тр. Ин-та востоковедения. Т. 7. М. -Л.

Иванов М. С, 1961. Племена Фарса. Кашкайские, хамсе, кухгилуйе, мамасани. М.

Иванов Н.Л. 1985. Свободное и податное население Северной Африки в XIV в. // Арабские страны. История, М.

Извлечение из описания экспедиции в Киргизскую степь 1816, // ВЕ. 4,89.

Ильясов С.М. 1963. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX – начале XX в. Фрунзе.

Иранские источники по истории туркмен XIX в. 1938 // Мат. по ист. Т. 2, Ашхабад.

Калиновская К. П. 1989. Скотоводы Восточной Африки в XIX-XX вв. Хозяйство и социальная организация. М.

Калиновская К. П., Марков Г. Е. 1983, Скотоводы Азии и Африки. Проблемы исторической типологии и периодизации // Вест. Моск. гос. ун-та. Сер. 8. История. № 5.

Калмыков ИХ., Керейтов РХ, Сикалиев А. И, 1988. Ногайцы: Историко-этнографический очерк. Черкесск.

Капо-Рей Р. 1958. Французская Северная Африка. М.

Ковалевская В. Б. 1977. Конь и всадник. Пути и судьбы. М.

Козин С.Л. 1941. Сокровенное сказание. М. -Л,

Козлов П. К. 1947. МОНГОЛИЯ и Кам, М.

Константин Багрянородный. 1934. Об управлении государством // ИГАИМК. Вып. 91.

Крадин Н. И. 1990а. Экзополитарный способ эксплуатации в обществах кочевников // Проблемы историч. интерпретации археол. и этногр. источников Западной Сибири. Тез. докл. регион, конф. Томск.

Крадин Н. Н. 1990б. Социально-экономические отношения у кочевников (Современное состояние проблемы и их роль в изучении средневекового Дальнего Востока). Авт. дис... канд. ист. наук. Владивосток.

Крживицкий Л. 1896. Антропология. СПб.

Кум В. Н. 1947. Черты военной организации средневековых кочевых народов Ср. Азии // Уч. зап. Ташк. пед. ин-та. Сер. общ, наук. Вып. 1. Ташкент.

Куник А., Ровен В. 1878. Известия Ал-Бекри и других древних авторов о Руси и славянах. 4. 1. СПб.

Кычанов В. И., Савицкий Л. С. 1975. Люди и боги страны снегов: Очерк истории Тибета и его культуры. М.

Латышев В. В. 1893. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. СПб.

Лашук Л. П. 1967. Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников // СЭ. № 4.

Левшин А. 1832. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казацких, орд и степей. 4. 1-3. СПб.

Лессар П. М. 1884. Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах. СПб.

Липец Р. С. 1984. Образы батыра и коня в тюрко-монгольском эпосе. М.

Лихачев Д. С. 1994. Культура как целостная система // Новый мир. № 8.

Майский И.М. 1959. Монголия накануне революции М,

Майский И.М. 1982. Чингис-хан // ВИ, № 5.

Мак-Гахан. 1875. – Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М.

Маргулан А.С. 1950. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата.

Марков Г. Е. 1958. Скотоводческое хозяйство и общественная организация северобалханских туркмен в конце XIX – начале XX в. // Вестн, Моск. гос. ун-та. Ист. -филол. сер. № 4.

Марков Г. Е. 1971. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии // СЭ. № 1,

Марков Г. Е. 1976. Кочевники Азии Структура хозяйства и общественной организации. М.

Маркс К. 1989. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // ВИ № 6.

- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е.
- Мартынов А. С.* 1970. О некоторых особенностях торговли чаем и лошадьми в эпоху Мин // Китай и соседи. М.
- Материалы по казахскому обычному праву.* 1948, Сб. 1. Алма-ата.
- Мейендорф Е. К.* 1975. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.
- Мункуев Н.Ц.* 1965, К вопросу об экономическом положении Монголии и Китая в XIII-XIV вв. // Кр. сообщ. Ин-та народов Азии. Вып. 76.
- Мурзаев Э. М.* 1952. Монгольская Народная Республика. М.
- Народы Европейской части СССР.* 1964. Т. 2. М.
- Народы Средней Азии и Казахстана.* 1963. Т. 2, М.
- Небоельсин П.* 1852. Очерки быта калмыков // Библиотека для чтения. № 6.
- Негря Л. В.* 1981. Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V-VII вв. М.
- Никифоров А. В.* 1974. Проблемы кочевого населения Сомали // Уч. зап. советско-сомалийской экспедиции. М.
- Оразов А.* 1962. Некоторые вопросы скотоводческого хозяйства в северозападной Туркмении // Тр. Ин-та ист., археол. и этногр. АН ТССР. Т. 6, Ашхабад.
- Оразов А.* 1964. Хозяйство и основные черты общественной организации у скотоводов Западной Туркмении. М.
- Паллас П. С.* 1773. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Т. 1-2. СПб.
- Пацуто В. Т.* 1962. Истоки немецкой неофашистской концепции истории России // ВИ. № 10.
- Перишц А. И.* 1961. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX – первой трети XX в.: Историко-этнографические очерки // ТИЭ. Т. 69. М.
- Перишц А.М.* 1968. Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. // Разложение родового строя и формирование классового общества. М. ⁴
- Перишц А.М.* 1971. Оседлое и кочевое общество Северной Аравии в новое время. Авт. дис, докт, ист, наук. М.
- Перишц А.М.* 1973а, К вопросу о саунных отношениях // Основные проблемы африканистики. М.
- Перишц А.М.* 1973б. Данничество // IX Межд. конгресс этногр. и антропол. наук. Доклады советской делегации. М.
- Перишц А.М.* 1976, Некоторые особенности классового становления и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // Становление классов и государства. М,
- Перишц А.М.* 1986, Война // Социально-экономические отношения и социально-нормативная культура. М.
- Перишц А.М., Хазанов А.М.* 1979. Община у кочевых скотоводов // НАА № 2.
- Петрушевский И. П.* 1949. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX в, Л.
- Петрушевский И.Л.* 1952. Рашид ад-дин и его исторический труд // Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М. – Л.

Петрушевский И.Л. 1960. Земледелие и аграрные отношения в Ираке в XIII – XIV вв, М. -Л.

Петрушевский И.Л. 1963. Предисловие // Бартольд ВВ. Сочинения. Т. I. М.

Петрушевский И.Л. 1970. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219-1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.

Пигулевская Н. В. 1964. Арабы у границ Византии и Ирана в IV-VI вв. М – Л

Пиков Г. Г. 1983. Организация военного дела в государстве каракиданей // Изв. СО АН СССР. Сер. общ. наук. Вып. 1. Новосибирск

Пикулин М. Г. 1959. Белуджи. М.

Пикулин М. Г. 1967, Брагуи. М.

Пикулин М. Г. 1970, Чингисхан в Афганистане // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.

Пиотровский Б. Б. 1973. Формы хозяйства, способствующие образованию классов и становлению государства // Конференция «Возникновение раннеклассового общества». Тез. докладов. М.

Пиотровский М. Б. 1977. Предание о химйаритском царе Ассаде ал-Камиле. М.

Плетнева С.Л. 1958. Печенеги, тюрки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62.

Плетнева С.Л. 1982, Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.

Плетнева С.А. 1986. Хазары. М.

Позднеев А. 1894. Поездка по Монголии в 1892-1893 годах // ИИРГО. Т. 30 Вып. 2,

Полное собрание русских летописей. 1962. М.

Потанин Г. Н. 1883. Очерки Северо-западной Монголии. Вып. 4. СПб.

Потанин Г. Н. 1950. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. М.

Потанов Л. П. 1955. О сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // ВИ. № 6.

Пржевальский Н. 1875. Монголия и страна тангутов. Т,1. СПб.

Прошлое Казахстана в источниках и материалах. 1935. М.

Путешествия в восточные страны Плана Карпини и Рубрука. 1957. М.

Ратцель Ф. 1902. Народоведение. Т. 1-2. СПб.

Рашид аддин. 1952. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1-2. М. – Л.

Рейснер И. М. 1954, Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М.

Реклю З. 1906. Человек и Земля. Т. 1. СПб.

Рерих Ю.Л. 1907. Избранные труды. М.

Роборовский В. И. 1898. Предварительный отчет об экспедиции в Центральную Азию в 1893-1895 годах // ИИРГО. Т. 34. Вып. 1.

Росляков А.Л. 1955. Аламаны // СЭ. № 2.

Руденко С.И. 1961, К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // География, общ. СССР. Мат, по этнографии. 4. 1. Л.

Рышков Н. 1772, Дневные записки путешествия в киргиз-кайчацкой степи в 1771 г. СПб.

Рязаковский В.Л. 1923. Обычное право монгольских племен. 4. L
Обычное право монголов // Вестн. Азии. № 51, Харбин,

Савинов Д. Г. 1989. Взаимодействие кочевых обществ и оседлых цивилизаций в эпоху раннего средневековья // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.

Семенов А.Л. 1911. Средняя Азия. М.

Семенов А.Л. 1940. Уникальный памятник агиографической среднеазиатской литературы XVI в. // Изв. Узб. фил. АН СССР. № 12.

Семенов П. 1865. Каракалпаки // Географо-статистич. словарь Российской империи. Т. 2. СПб.

Семенов Ю.М. 1963. Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации // Разложение родового строя и формирование классового общества. М.

Семенюк Г. И. 1959. Рабство в Казахстане в XV-XIX вв. // Тр. Ин-та ист., археол. и этногр. АН Каз. ССР. Т. 6.

Семенюк Г. И. 1969. О некоторых особенностях перехода к феодализму кочевых племен и народов: На материалах Казахстана // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.

Симаков Г. П. 1978. Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов // СЭ. № 6.

Смирнов К. Ф. 1964. Савроматы. М.

Смит А., 1935. Исследование о природе и причинах богатства народов. 4. 1-2 М – Л.

Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина (1081-1118). 1859. 4. 1. СПб.

Сулейменов Р. В. 1989. Формационная природа кочевого общества: Проблема и метод // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.

Танъшихпаев М. Т. 1927. Ах-Табан-шубрынды (Великие бедствия и великие победы казахов) // В. ВЛэартольд у – туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент.

Таскин В.С. 1968а. Скотоводство у сюнну по китайским источникам // Вопросы истории и историографии Китая. М.

Таскин В. С. 19685. Материалы по истории сюнну: По китайским источникам. Вып. 1. М.

Таскин В. С. 1973, Материалы по истории сюнну: По китайским источникам Вып. 2. М.

Таскин В. С. 1984. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху,

Таскин В. С. 1989. Материалы по истории кочевых народов в Китае ПХ-V вв. М.

Тереножкин А. И, 1961. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев

Тизенгаузен В. 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, Т. 1. СПб,

Тизенгаузен В. 1941, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М. – Л

Тихвинский С.Л. 1970. Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.

Толстое С.П. 1934. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // ИГАИМК. Вып. 103.

Толстое С.П. 1948, Древний Хорезм. М,

Толыбеков С.Е. 1955. О патриархально-феодалных отношениях у кочевых народов // ВИ. № 1.

Толыбеков С.Е. 1959. Общественно-экономический строй казахов в XVII-XIX веках. Алма-Ата.

Толыбеков С.Е. 1971. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Алма-Ата.

Трубецкой В. В. 1963. Бахтиары: Расселение, хозяйство, общественные отношения // Этнические отношения и состав населения в странах Передней Азии. М. – Л.

Трубецкой В. В. 1960. Бахтиары: Оседло-кочевые племена Ирана. М.

Тутковский П.А. 1915. Географические причины нашествий варваров // Киевские универс. изв. № 7.

Федоров-Давыдов Г.Л. 1966. Кочевники Восточной Европы под властью зо-лотоордынских ханов: Археологические памятники. М.

Федоров-Давыдов Г.Л. 1973. Общественный строй Золотой орды. М.

Французов С.Л. 1990. Социально-политическая история Хадраута в раннее средневековье. Авт... канд. ист. наук. Л.

Хазанов А. М. 1971. Очерки военного дела сарматов. М.

Хазанов А. М. 1975. Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.

Хазанов А.М. 1976. Роль рабства в процессах классовообразования у кочевников евразийских степей // Становление классов и государства. М.

Харузин А. Н. 1889. Киргизы Букеевской орды. Т. I, М.

Шевченко-Красногорский. 1910. Туркмены // Азиатская Россия. М.

Ширендыб В. 1975. Некоторые вопросы истории земельных отношений в Монголии // История и культура востока Азии. Т. 3. Новосибирск

Шнирельман В.Л. 1980. Происхождение скотоводства: Культурно-историческая проблема. М.

Штайн Л. 1981. В черных шатрах бедуинов. М.

Шурц Г. 1909. Средняя Азия и Сибирь // История человечества. Т. 2. СПб.

Якубовский А. Ю. 1946. Тимур // ВИ. № 8-9.

Ahmed A. G. M. 1973. Tribal and Sedentary Elites // The Desert and the Sown. Berkeley.

Asad T. 1970. The Kababish Arabs: Power, Authority and Consent in a Nomadic Tribe, New York.

Allsen T. 1987. Mongol Imperialism. The Policies of the Grand Qan Mongke in China, Russia and the Islamic Lands, 1251-1259. Berkley – London.

Bacon E. 1954. Types of Pastoral Nomadism in Central and Southwestern Asia // SJA. V. 10. № 1.

Barth F. 1962, Nomadism in the Mountain and Plateau Areas in South West Asia. Paris.

Barth F. 1964. Nomads of South Persia: The Basser Tribe of the Khamseh Confederacy. Oslo.

Benhazera M. 1908, Six mois chez les Touareq d'Ahaggar. Alger.

Bernard A., Lacroix N. 1906. Evolution du nomadisme en Algerie. Alger.

Bissuel H. 1888. Les Touareg de l'Ouest. Alger.

Bonte P. 1977 La guerre dans les sociétés de pasteurs nomades // Etudes sur les sociétés de pasteurs nomades. Paris.

Bosworth C. E. 1975. Recruitment, Muster and Review in Medieval Islamic Armies // War, Technology and Society in the Middle East. London.

Boucheman A. de. 1934. Notes sur la rivalité des deux tribus montagnardes de Syrie: les Mawali et les Hadidiyn // REL V. 8. Cah. 1.

Braunlich E, 1933. Beiträge zur Gesellschaftsordnung der arabischen Beduinenstämme // Islamica. Bd. 6. № 1.

Briggs L. G. 1958. The Living Races of the Sahara Desert. . Cambridge,

Briggs L. G. 1960. Tribes of the Sahara. Cambridge.

Brown E. C. 1920. A History of Persian Literature under Tatar Domination. Cambridge.

Bruckner E, 1890. Klimaschwankungen seit 1700 nebst Bemerkungen über die Klimaschwankungen der Diluvialzeit // Geogr, Abhandl. Bd. 4. № 2.

Bulliet R. W. 1975. The Camel and the Wheel. Cambridge.

Burckhart J.J.L. 1831. Bemerkungen über die Beduinen und Wahaby. Weimar.

Burton R. F. 1893. Personal Narrative of a Pilgrimage to al-Madinah and Meccah. V. 1-2. London.

Butzer K. W. 1957. Der Umweltfaktor in der grossen arabischen Expansion // Saeculum. Bd. 8.

Caetani L. 1911. Studi di storia orientale. Milano.

Capot-Rey R. 1953. Le Sahara français. Paris.

Casinelli C.J.V., Ekvall R. B. 1969. A Tibetan Principality The Political System Of Sa Skya. New York.

Chambers J. 1979. The Devils Horsemen: The Mongol Invasion of Europe. London.

Claessen H.J.M., Skalnik P. 1978. The Early State: Theories and Hypotheses // ES.

Cohen K. 1978. State Origins: A Reappraisal // ES.

Cohen Y.A, 1968. Pastoralism // Man in Adaption The Cultural Present, Chicago

Cote D. P. 1975. Nomads of the Nomads. The A Hurrah Beduins of the Empty Quarter. Arlington Heights.

Collins L.J.D. 1975. The Military Organization and Tactics of the Crimean Tatar, 16th-17th Centuries // War, Technology and Society in the Middle East. London.

Coon C. 1976. Caravan: The Story of the Middle East. Huntington et oi,

Curtin 1908. The Mongols. London.

Daghestan K.K. 1932. Etudes sociologiques sur la famille musulmane «nfcemporame en Syrie. Paris.

- Dahl G., Hjort A. 1976.* Having Herds: Pastoral Herd Growth and Household Economy. Stockholm.
- Daumas E. 1845.* Le Sahara Algerien. Paris.
- Demorgny. 1913.* Les tribus du Fars // Revue du monde musulman. V. 22. Paris.
- Dickson H. R. P. 1951.* The Arab of the Desert: A Glimpse into Badawin Life in Kuwait and Saudi Arabia. London.
- Dickson H. R. P., 1956.* Kuwait and Her Neighbours. London.
- Digard J. -P. 1973.* Contraintes techniques deTelevage sur lorganisation des societes de pasteurs nomades: documents perspectives de travail // Etudes sur les societes de pasteurs nomades. 1. Paris.
- Digar J. -P. 1983.* Problemes de terminologie et de typologie des déplacements des nomades // Seminaire sur structures dhabitat: circulation et echange, déplacement et sejour. Paris.
- Donner F. M. 1981.* The Early Islamic Conquests. Princeton.
- Doughty Ch. M. 1888.* Travels in Arabia Deserta. V. 1-2. Cambridge.
- Douglas W. 1952.* Strange Land and Friendly People. London.
- Downs J. F., Ekvall R. B. 1965.* Animals and Social Types in the Exploitation of the Tibetan Plateau // Man, Culture and Animals. Denver.
- Duveyrier H. 1864.* Zes Touareg du Nord. Paris.
- Ekvall R. B. 1961.* The Nomadic Pattern of Living among the Tibetans as Preparation of War // AA. V. 63. № 6.
- Ekvall R. B. 1964.* Peace and War among the Tibetan Nomads // AA V. 66. № 5.
- Ekval R. 1968.* Fields on the Hoof: Nexus of Tibetan Nomadic Pastoralism. New York.
- El-Aref A. 1938.* Die Beduinen von Beerseba. Luzern.
- Evans-Pritchard E. E. 1949.* The Senusi of Cyrenaica. Oxford.
- Ferdinand K. 1969.* Nomadism in Afganistan // Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Ethnographische Studien. Budapest.
- Fernea RA. 1970.* Shaykh and Effendi: Changing Patterns of Authority among the El Shabana of Southern Iran. Cambridge.
- Fletcher J. 1986.* The Mongols: Ecological and Sosial Perspectives // Harvard Journal of Asiatic Studies. V. 46.
- Foureau F. 1905.* Documents scientifiques de la mission saharienne. Fasc 3. Paris.
- Garrod O. 1946a.* The Nomadic Tribes of Persia Today // JRCAS. V. 33. Pt. 1.,
- Garrod O. 1946b.* The Qashqai Tribe of Fars // JRCAS. V. 33. Pt. 3-4.
- Garthwaite G. R. 1983.* Tribe, Confederation and the State: An Historical Overview of the Bakhtiari and Iran // The Conflict of Tribe and State in Iran and Afganistan. London.
- Goldshmidt W. 1968.* Theoty and Strategy in the Stady of Cultural Adaptability // Man in Adaption. The Cultural Present. Chicago.
- Goody J. 1971.* Technology, Tradition and the State in Africa. London.
- Grant Ch. Ph. 1937.* The Syrian Desert. London.
- Grousset R. 1939.* Lempire des steppes, Attila, Gengis-Khan, Tamerlan. Paris.
- Guarmani C. 1938.* Northern Najd. London.

Hardy MJ. L. 1963. Blood Feuds and Payment of Blood Money in the Middle East. Leiden.

Hess JJ, 1938. Von den Beduinen inneren Arabiens: Erzählungen, Lieder, Sitten und Gebräuche. Zurich et al.

Hill D. R. 1975. The Role of the Camel and the Horse in the Early Arab Conquest // War, Technology and Society in the Middle East. London.

Hitti Ph. K. 1956. History of the Arabs. London.

Howorth H,H. 1896. History of the Mongols. Pt. 1. London.

Huber Ch. 1891. Journal dun voyage en Arabie (1883-1884). Paris.

Huttman A. V. 1951. The Administrative and Social Structure of Afgan Life// JRCAS. V. 38. Pt. 1.

Huntington E. 1924. Civilization and Climate. New Haven et al.

Huntington E. 1940. Principles of Human Geography, New York.

Ibn Khaldoun. 1958. Prolegomenes. Paris.

Irons W. 1974. Nomadism as Political Adoption: The Case of Yomut Turkmen // AE. V. 1. №4.

Irons W. 1979. Political Stratification among Pastoral Nomads // Pastoral Production and Society. Cambridge.

Jacob G. 1897. Alterabisches Beduinenleben. Berlin.

Jagchid S., Symons VJ. 1989. Peace, War and Trade along the Great Wall: Nomadic-Chinese Interaction through two Millennia. Bloomington.

Jamali M. F. 1934. The New Iraq: Its Problem of Bedouin Education. New York.

Jaussen A. 1908. Coutumes des Arabes an pays de Moab. Paris.

Jaussen, Sovignac. 1914. Coutumes des Fuqara. Mission archeologique en Arabie. Paris

Jettmar K. 1966. Die Entstehung der Reitnomaden // Saeculum. Bd. 17.

Johnson D. L. 1969. The Nature of Nomadism: A Comparative Study of Pastoral Migration in Southwestern Asia and Northern Africa. Chicago.

Julien Ch,-A. 1956a. Histoire de l'Afrique du Nord. Tunisie-Algerie-Maroc. Des origines a la conquete arabe (647 Ap. J. -C). Paris.

Julien Ch. -A. 1956b. Histoire de l'Afrique du Nord. Tunisie-Algerie-Maroc. De la conquete arabe a 1830. Paris.

Khazanov AM. 1980. The Origin of the Genghiz Khans State: An Anthropological Approach // Etnografia Polska. 24. Z. 1.

Khazanov AM, 1984. Nomads and the Outside World. Cambridge etc.

Koch K. -F. 1974 The Anthropology of Warfare. Addison-Wesley.

Krader L. 1963 Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. The Hague,

Krader L, 1978. The Origin of the State among the Nomads of Asia // ES.

Lambton A. K. S. 1977. The Tribal Resurgence the Decline of the Bureaucracy in Eighteenth Century Persia // Studies in Eighteenth Century Islamic History. Carbondale.

Lammens H. 1928. Arabie occidentale avant l'Hegire. Beyrouth.

Lattimore O. 1951 Inner Asian Frontiers of China. New York.

Lanrrence T. E. 1935. Seven Pillars of Wisdom. London.

Lewis I. M, 1955. Peoples of the Horn of Africa: Somali, Afar and Soho. London. *Lewis I. M 1961* A Pastoral Democracy: A Study of Pastoralism and Politics among the Northern Somali of the Horn of Africa. London.

- Lhote H. 1951. La chasse chez les Touaregs. Paris.*
- Lhote H, 1953. Le cheval et le chameau dans les peintures et Gravures repestres du Sahara // Bull, de l'Institut Français de l'Afrique Noire. V. 15.*
- Lhote H. 1955. Les Touaregs du Hoggar (Ahaggar), Paris.*
- Mishkin B. 1940, Rank and Warfare among the Plains Indians. New York.*
- Montague R. 1932. Notes sur la vie sociale et politique de l'Arabie du Nord: les Dammar du Negd. // REL Cah. 1.*
- Montague R. 1936. Contes poétiques bedouins. Cairo.*
- Montague R. 1947. La civilisation du désert Nomades d'Orient et d'Afrique. Paris.*
- Morgan D. 1986. The Mongols. New York.*
- Musil A. 1908. Arabia Petraea. Bd. 3. Ethnologischer Reisebericht. Wien.*
- Musil A. 1928. The Manners and Customs of the Rwala Beduin. New York.*
- Myres J. L. 1941. Nomadism // JRAL V. 71. № 1.*
- Nettleship M.J. 1975, Definitions // War, its Causes and Correlates The Hague et al.*
- Nicolaisen J. 1958. Slavery among the Tuareg in the Sahara: A Preliminary of its Structure // Kuml.*
- Nicolaisen J. 1963. Ecology and Culture of the Pastoral Tuareg: With Particular Reference to the Tuareg of Ahaggar and Air. K. København.*
- Niebuhr C. 1780. Voyage en Arabie et en d'autres pays d'Orient V. 1-2. En Suisse.*
- Oppenheim M. von. 1900, Von Mittelmeer zum Persischen Golf. Bd. 2. Berlin.*
- Oppenheim M. von. 1939. Die Beduinen. Bd. 1. Leipzig.*
- Oppenheim M. von. 1940. Die Beduinen. Bd. 2. Leipzig.*
- Oppenheim M. von. 1952. Die Beduinen. Bd. 3. Wiesbaden.*
- Otterbein K. F. 1973. The Anthropology of War // Handbook of Social and Cultural Anthropology. Chicago.*
- Pastner S. 1971. Ideological Aspects of Nomad-Sedentary Contact: A Case from Southern Baluchistan // Anthropological Quarterly. № 44.*
- Patai R. 1951. Nomadism: Middle Eastern and Central Asian // SJA. V. 7. № 4.*
- Pehrson R. Barth F. 1966. The Social Organization of the Mam Baluch. New York,*
- Peters E. L. 1967. Some Structural Aspects of the Feud among the Camel Herding Beduin in Cyrenaica // Africa. V. 37. London.*
- Philby H. St. -J. B. 1922. The Heart of Arabia: V. 1-2. London.*
- Pipes R. 1955. Muslims of Soviet Central Asia: Trends and Prospects // The Middle East Journal, V, 9. № 2-3. Washington.*
- Planhol X. de. 1968. Les fondements géographiques de l'histoire de [l'Islam. Paris.*
- Poncet J. 1967, Le mythe de la catastrophe hilalienne // Annales. V 22*
- Radloff W. 1893. Aus Sibirien. 1. Leipzig.*
- Raswan C 1930. Tribal Areas and Migration Lines of the North Arabian Bedouins // GR. V. 20.*
- Reihani A, 1928. Ibn Saoud of Arabia. His People and His Land. London.*
- Reihani A. 1930. Around the Coasts of Arabia. London.*

Richardson J. 1848. Travels in the Great Desert of Sahara in the Years of 1845 and 1846. V. 1-2. London,

Richthofen F. von. 1908. Vorlesungen über allgemeine Siedlungs- und Verkehrsgeographie. Berlin.

[243]

- Rodd FJ. R. 1926.* People of the Veil. London.
- Rosenfeld H. 1965.* The Social Composition of the Military in the Process of State Formation in the Arabian Desert // JRAL V. 95. Pt. 1-2.
- Roth E.JI. 1986.* The Demographic Study of Pastoral Peoples // Nomadic Peoples. № 20.
- Rousseau J. B.X. 1909.* Voyage de Bagdad a Alep (1808). Paris.
- Rudenco S. I. 1969.* Studien über das Nomadentum // Viehwirtschaft und Hirtenkultur: Ethnographische Studien. Budapest.
- Rutter E. 1930.* The Habitability of the Arabian Desert // GR. V. 76.
- Salzman F. C. 1978.* The Protostate in Iranian Baluchistan // Origins of the – State. Philadelphia,
- Service E. R. 1975.* Origin of the State and Civilization: The Process of Cultural Evolution. New York.
- Silberman L. 1959.* Somali Nomads // International Social Science Journal. V. 11. № 4.
- Spooner B. 1975.* Nomadism in Baluchistan // Pastoralists and Nomads in South Asia. Wiesbaden.
- Stein L, 1967.* Die Sammar-gerba: Beduinen im Übergang von Nomadismus zur Sesshaftigkeit. Berlin.
- Stewart C. C. 1973.* Islam and Social Order in Mauritania: A case Study from the Nineteenth Century. Oxford,
- Sweet L. E, 1965.* Camel Pastoralism in North Arabia and the Minimal Camping Unit// Man, Culture and Animals. Denver.
- Sweet L. E. 1971.* Camel Raiding of North Arabian Beduin: A Mechanism of Ecological Adaptation // Peoples and Cultures of the Middle East. V., 1. Garden City et al.
- Sykes M. 1907.* Journeys in Mesopotamia // GJ. V. 30. № 3.
- Tamisier M. 1840.* Voyage en Arabia. V. 1-2. Paris.
- Tompson E.JI. 1948,* A History of Attila the Huns. Oxford.
- Toyribee A. 1935.* A Study of History. V. 3. London.
- Ullens de Schooten. M. T. 1956.* Lords of the Mountains: Southern Persia and the Kashkai Tribe, London.
- Volney C. -F. 1796.* Voyage en Syrie et en Egypte pendant les années 1783, 1784 et 1785. V. 1-2. Paris.
- Wullin O. 1854.* Narrative of a Journey from Cairo to Medin and Mecca by Suez, Araba, Tawila, al-Jauf, Jube Hail and Nejd in 1845 // JRGS. V. 24.
- Webster S. 1973.* Native Pastoralism in the South Andes // Ethnology. V. 12. № 2.
- Wellhausen J. 1893,* Die Ehe bei den Arabern // Nachrichten d. Königl. Gesellsch d. Wissenschaft zu Göttingen, Bd. 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВЕ	Вестник Европы
ВИ	Вопросы истории
ВИРГО	Вестник Императорского Русского географического общества
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ИГ	Известия Государственной академии истории материальной культуры
АИМК	
ИИРГО	Известия Императорского Русского географического общества
ИСССР	История СССР
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
НАА	Народы Азии и Африки
РАЖ	Русский антропологический журнал
СМАЭ	Сборник Музея антропологии и этнографии
СЭ	Советская этнография
ТИЭ	Труды Института этнографии. Новая серия,
АА	American Anthropologist
АЕ	American Ethnologist
ES	Earii Slate Ed by HMWClæssen and PSkalnik The Hague et al, 197a
GJ	Geographical Journal
GR	Geographical Review
JR AI	Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland
JRCAS	Journal of the Royal Central Asian Society
JRGS	Journal of the Royal Geographical Society
REI	Revue dEtudes Islamiques
SJA	Southwestern Journal of Anthropology

[245]

Turkiston Kutubxonasi
Turkistan Library
Туркестанская Библиотека

<http://www.turklib.ru>
<http://www.turklib.uz>
<http://www.turklib.com>